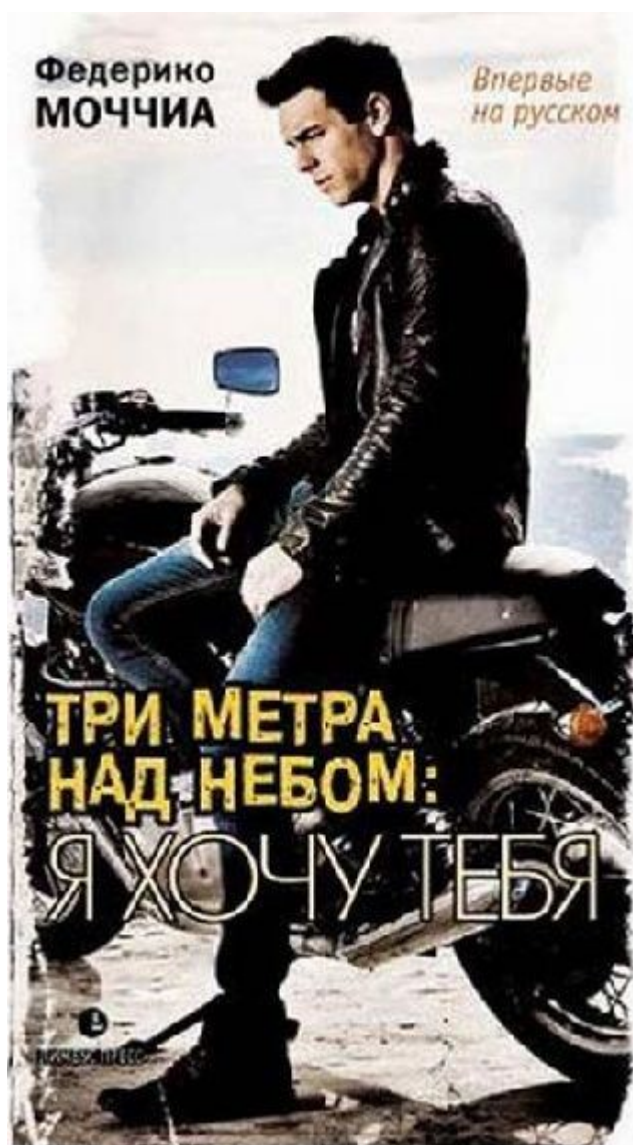

Федерико Моччиа
Три метра над небом. Я хочу тебя

Сканирование - U-la, топощка

*«Три метра над небом. Я хочу тебя»:
Лимбус Пресс; Санкт-Петербург; 2012; ISBN 978-5-8370-0632-6
Перевод: Наталья Колесова*

Аннотация

Благодарим компанию «Каравелла-DDC» за предоставленные материалы.

Эта книга – продолжение нашумевшего романа Федерико Моччия «Три метра над небом», получившего мировую известность благодаря удачной экранизации (в прокате фильм назывался «Три метра над уровнем неба»).

Герой романа, легенда Рима – повеса и драчун Стэйп, – возвращается из Америки домой. Два года вдали от родины он пытался забыть любимую, залечить рану измены. И что же? На протяжении всей книги герой решает для себя вопрос: ржавеет ли старая любовь? Ответ небанальный: ржавеет. Да, случается в жизни, что мы теряем любовь. Это больно. Но судьба подчас распоряжается так, что цена потери оказывается невелика в сравнении с тем, что мы взамен обретаем. Герой обретает в два раза больше любви!

Федерико Моччиа ТРИ МЕТРА НАД НЕБОМ Я ХОЧУ ТЕБЯ

1

Посвящается Джин.

Эту историю мне рассказала твоя улыбка.

Бабушке Элизе и тете Мариш, которые так хорошо и с такой любовью готовили.

И которые в тот самый день пришли ко мне...

– Я хочу умереть. – Вот что я думал, когда два года назад, бросив все, сел в самолет. Я хотел разом со всем покончить. Да, так лучше всего: простая авиакатастрофа, чтобы не было виновных, чтобы мне не было стыдно, чтобы никто не пытался докопаться до истинной причины... Я помню, самолет трясло в течение всего полета. Снаружи бушевала буря, и пассажиры сидели напряженные и перепуганные. И только я один улыбался. Когда тебе плохо и все вокруг видится в черном цвете, когда у тебя нет будущего и тебе нечего терять, когда каждый миг давит на тебя... Всем своим весом. Невыносимо. И дыхание твоё прерывисто. И ты хочешь во что бы то ни стало избавиться от этой тяжести. Любым способом. Пусть самым простым, самым трусливым, лишь бы снова не откладывая на завтра эту мысль: её нет. Её больше нет. И тогда тебе тоже больше не хочется быть. Хочется исчезнуть. Пуфф! Без всяких проблем, никому не доставляя хлопот. Так, чтобы никто не спросил взволнованно: «А ты разве не знал? Да, именно он... Знаешь, что с ним случилось!». И этот тип будет рассказывать, как ты погиб, добавляя все новые и новые подробности. Он придумает что-нибудь невероятное, как будто он знал тебя всю жизнь, как будто он один по-настоящему понимал твои проблемы. Как странно... Ты и сам-то не успел их понять. И ты ничего уже не сможешь сделать: эту историю будут передавать из уст в уста. Тоска зеленая. Память о тебе попадет в руки какого-нибудь засранца, а ты никак не сможешь этому помешать.

Ну так вот, в тот день у меня было неодолимое желание встретиться с кем-нибудь из этих клевых волшебников, которые на твоих глазах накрывают плащом голубя, и вдруг – пуфф! – его уже нет. Нет его, и все тут. И ты, довольный, уходишь с этого представления. Там еще, возможно, были балерины, как обычно, немного толще, чем следовало, ты сидел в таком старинном кресле, довольно жестком, в зале, кое-как оборудованном в каком-то подвале. Да, там еще, возможно, пахло плесенью и сыростью. Одно точно: куда делся тот голубь – никто так и не узнает. Да нет, все не так. Мы не можем просто взять и исчезнуть. Прошло время. Два года. Теперь я прихлебываю пиво, вспоминаю, как я хотел стать таким вот голубем, улыбаюсь и мне немного стыдно.

– Хотите еще?

Стюард улыбается мне, придерживая свою тележку с напитками.

– Нет, спасибо.

Я смотрю в иллюминатор. Мимо проплывают окрашенные в розовый цвет облака: рыхлые, мягкие, конца им нет. Где-то за облаками, вдали, восходит солнце. Оно еще не совсем проснулось. Не могу поверить. Я возвращаюсь, сидя в кресле под номером 27. Это мое место в самолете: правый ряд сразу за крыльями, центральный проход.

Итак, я возвращаюсь. Красивая стюардесса, проходя мимо, тоже мне улыбается. Слишком близко. Как у «Нирваны»: «If she comes down now, oh, she looks so good...» Легкий запах духов, униформа сидит безупречно, довольно прозрачная блузка, сквозь которую виднеется кружевной бюстгальтер. Она ходит взад-вперед по самолету, улыбаясь, и нет у нее никаких проблем и переживаний. «If she comes down now...»

– Ева – прекрасное имя.

– Спасибо.

– Вы искушаете меня, как та, библейская Ева...

Некоторое время она пристально смотрит на меня. Я ее успокаиваю.

– Но это не запретный плод. Можете дать мне еще пива?

– Но это уже третье...

– Конечно, если так пойдет... Я пью, чтобы забыть вас.

Она улыбается. Кажется, я ее развеселил.

– А вы всегда считаете, кто сколько выпил, или это я вас так впечатлил?

– Это как вам больше нравится. Знаете, пиво попросили вы один.

Перед тем как уйти, она снова улыбается. Потом удаляется слегка танцующей походкой. Я выглядываю в проход. Идеальные ноги, темные эластичные утягивающие колготки, строгие туфли, как у них положено. Светлые, слегка мелированные волосы сплетены в косички и собраны в хвост, падающий на спину. Она останавливается. Я вижу, как она разговаривает с господином, сидящим впереди, в том же ряду, что и я. Она выслушивает его просьбы, молча кивая. Потом, засмеявшись, успокаивает его. Прежде чем уйти, оборачивается. Смотрит на меня: зеленые глаза, слегка обведенные карандашом, на верхних веках темные тени. Во взгляде – интерес. Я раскрываю объятия. На этот раз улыбаюсь я. Господин еще что-то говорит. Она профессиональным тоном отвечает и удаляется.

– Очень симпатичная стюардесса.

Моя соседка сбивает меня с мысли. Она смотрит на меня внимательно и улыбается, хитро глядя из-за толстых стекол очков. Ей лет пятьдесят, выглядит для своих лет неплохо, только сережки у нее слишком громоздкие. Впрочем, и синих теней на веках тоже многовато.

– Да, она просто кнелька.

– Что?

– Кнелька. У нас в Риме так называют таких, как она. На самом деле, у нас говорится похлеще, но сейчас не тот случай.

– Кнелька... – Она качает головой: – Никогда не слышала.

– Ну как же, кнелька... Иногда еще говорят: смачная кнелька. Симпатичное выражение, взятое из кулинарии. Вы же слышали об итальянских кнелях?

– Ну конечно. Не только слышала, но и ела их сто раз.

Она смеется от удовольствия.

– И они вам нравятся?

– До умопомрачения.

– Ну вот видите. Когда вы говорите про девушку, что она кнелька, это значит, что она вкусная, как те шутики, что вы ели.

– Да, но это смешно – представлять ее кнелей. Знаете, это как-то... как бы сказать... несуразно!

– Да нет же! Вы просто должны представить себе такие кнели, с горячим соусом, с начинкой, тающей во рту, они так прилипают к небу, что потом их надо отцеплять языком.

– Ну, в общем, я поняла. Вы большой любитель кнелей.

– Ну, в общем, да.

– И часто вы их едите?

– В Риме – очень часто. В Нью-Йорке я никогда не ел итальянскую пищу, сам не знаю почему, из принципа может быть.

– Странно, а говорят, там полно превосходных итальянских ресторанов. Вот, смотрите, она идет назад, эта кнелька.

С довольным смехом дама показывает на возвращающуюся стюардессу. Та улыбается, в руке у нее бокал пива. Она настолько хороша собой, что кажется – сошла с рекламного буклета.

– А вы ей скажите, что она – кнелька: увидите, как ей будет приятно.

– Нет, вы просто смеетесь надо мной.

– Да нет же. Уверяю вас: это комплимент.

– Значит, ей так можно сказать?

– Конечно, скажите.

Стюардесса подходит, протягивает мне подносик, в центре которого – бокал на бумажном кружке.

– Вот ваше пиво. Больше не просите, мы скоро идем на снижение.

– Я и не собирался больше просить. Кажется, я начинаю вас забывать. Хотя это не так уж и просто.

- Правда?.. Ну спасибо.
Я пробую пиво.
- Отличное пиво, спасибо – то, что надо: холодное, как я люблю. Да еще поданное вами – совсем как пиво с рекламы.
- Простите за любопытство: а что вы забудете во мне в первую очередь?
- Может быть, то, как вы были одеты...
- Вам не нравится наша униформа?
- Нравится. Просто я буду представлять ее по-другому...
- Она смотрит на меня в недоумении, но я не даю ей возможности ответить.
- Вы надолго в Рим?
- На несколько дней... Сентябрь в Риме-это супер. Я хочу походить по магазинам. Может быть, найду что-нибудь, в чем меня не забудут.
- О, я уверен. Вы найдете себе прекрасную одежду, потому что Вы... как это сказать... как это говорится?
- Я поворачиваюсь к даме, сидящей рядом со мной.
- Помогите же мне.
- Дама, кажется, немного робеет, но выпаливает:
- Вы... кнелка!
- Стюардесса смотрит на нее в замешательстве, переводит взгляд на меня. Брови ее ползут вверх, и вдруг она начинает хохотать. Уже неплохо. Дело пошло. Я тоже смеюсь.
- Отлично сказано, именно это я и имел в виду!
- Стюардесса по имени Ева, качая головой, удаляется по проходу.
- Просим вас пристегнуть ремни.
- Ее хвост, затянутый на затылке, покачивается так же обворожительно, как и все остальное... Прямо как крылышки бабочки. Бабочки, которую хочется поймать. Была такая песня, от которой я сходил с ума в Штатах, такая английская песня, популярная пару лет назад...
- «I'm gonna keep catching that butterfly...» Это «The Verve». Пытаюсь вспомнить, как там дальше. Забыл. Чей-то голос выводит меня из задумчивости. Дама возится в своем кресле.
- Уф, вечно не могу найти ремень в этих самолетах.
- Я помогаю соседке, которая навалилась на меня всем телом.
- Вот он, синьора, он тут, внизу.
- Спасибо. Никогда не могла понять, зачем он нужен. Ведь он не пристегивает нас крепко-накрепко.
- Да уж, это точно.
- В общем, если нас дернет, это не совсем так, как в машине.
- Нет, совсем не так, как в машине, нет... Вы боитесь?
- До смерти.
- Она смотрит на меня и, кажется, раскаивается, что сказала именно эти слова.
- Ну, синьора, от судьбы не уйдешь.
- Что вы имеете в виду?
- То, что сказал.
- А что вы сказали?
- Вы прекрасно поняли.
- Да, но я надеялась, что не так поняла. Я до ужаса боюсь самолетов.
- По вам не похоже.
- Она очень нервничает, пытается улыбнуться пересохшими губами. Я отхлебываю пиво, и мне хочется повеселиться.
- А вы знаете, что авиакатастрофы в основном случаются или при взлете, или...
- Или когда?
- Или при посадке. То есть это скоро.
- Что вы такое говорите?
- Правду, синьора. Нужно всегда говорить правду.
- Делаю еще глоток пива и краем глаза вижу, что она смотрит на меня в упор.
- Прошу вас, скажите же что-нибудь.
- И что вы хотите, чтобы я вам сказал, синьора?

– Отвлеките меня, чтобы я не думала о том, что могло бы...

Она сильно сжимает мне руку.

– Мне больно.

– Простите.

Слегка разжимает руку, но не убирает ее. Я начинаю что-то рассказывать: истории из моей жизни, не связанные между собой, – все, что приходит на ум.

– Так вы хотели узнать, почему я уехал?

Дама кивает. Она слова не может вымолвить.

– Ну, знаете, это длинная история...

Она кивает еще решительнее, ей хочется слушать, все равно что, лишь бы немного отвлечься. Мне кажется, я разговариваю с другом, со своим другом...

– Ну так вот, его звали Полло. Странное имя, не правда ли?

Дама не уверена, нужно ей согласиться, чтобы я продолжал, или нет.

– Ну так вот. Этого друга я потерял два года назад. Он был все время со своей девушкой, Паллиной. Она очень умная, с живыми, всегда веселыми глазами. Ужасно умная, за словом в карман не полезет, язва такая.

Соседка слушает молча, в глазах – любопытство, почти восхищение от моих слов. Как странно... Иногда с незнакомыми людьми проще, можно легко рассказать им о себе все, как есть. Может быть, потому, что тебе неинтересно, что они о тебе подумают?

– А я был с Баби, лучшей подругой Паллины.

Баби... И я ей рассказываю все: как я с ней познакомился, как начал смеяться, как влюбился, как скучал по ней... Красоту любви можно увидеть, только потеряв ее. Может быть, так получается, когда начинаешь анализировать. Я часто задавался таким вопросом. Но в этих делах разве можно до конца оставаться искренним? Надо будет спросить об этом кого-нибудь, кто через это прошел. Когда я говорю, я думаю. То и дело останавливаюсь. Дама чрезвычайно заинтересована: мой рассказ полностью поглотил ее внимание, она уже успокоилась и даже отпустила мою руку. Забыла о катастрофе, которая ее пугала. Теперь, как ей кажется, она вникает в мою.

– А с этой Баби вы потом когда-нибудь еще разговаривали?

– Нет. Изредка я разговаривал с братом, реже – с отцом. Но не часто: звонки из Нью-Йорка стоят кучу денег.

– Вы чувствовали себя одиноким?

Отвечаю ей что-то неопределенное. Трудно сказать: я чувствовал себя менее одиноким, чем в Риме. Потом, естественно, упоминаю о маме. Я рассказываю о ней, и мне приятно видеть, что эта история оскорбляет жизненные принципы дамы. Моя мать предала отца, я застукал ее с мужиком, жившим напротив. Она не хочет в это верить. После этой новости она полностью оправилась. Самолет? Она даже забыла, что летит на самолете. Она задает мне кучу вопросов... Я иногда даже не успеваю отвечать. Почему людям так нравится копаться в чужих делах, вникать в пикантные подробности, в разные неприличные детали, в не всегда понятные поступки, получать удовольствие от чужих грехов? Может быть, потому, что, если ты только слушаешь, грязь на тебя не попадает. Кажется, дама наслаждается моими рассказами и переживает. Трудно понять, искренне ли. Но мне это и не важно. Я спокойно все ей выкладываю: как я расправился с любовником матери, как я молчал дома и ничего не рассказал ни отцу, ни брату. Потом о суде. Как моя мать сидела напротив меня и молчала. Так и не хватило ей мужества признаться в том, что она сделала. Она не созналась в своем предательстве, а ведь это оправдало бы мой поступок. И я сидел там спокойно, и мне было почти весело, когда судья обвинил меня в столь естественном поступке: избиении подонка, осквернившего лоно женщины, которая произвела меня на свет.

Дама усталилась на меня, раскрыв рот.

– Синьора, знаете ли, это можно выразить массой других способов... Но одно дело – когда это шутка, как если бы, например, Бениньи напрыгивал сзади на Карру¹. А здесь речь о моей матери.

¹ Роберто Бениньи — итальянский режиссер и комик, Раффаэлла Карра — певица. Речь идет об одном шоу, в котором участвовали Бениньи и Карра: Бениньи делает недвусмысленные движения.

Разницу синьора понимает. Неожиданно она снова становится серьезной. Наступает молчание. Тогда я пытаюсь снизить драматичность.

– Как сказал бы Полло, от «Beautiful»² меня понос пробирает!

Вместо того, чтобы возмутиться, дама смеется: отныне мы единомышленники.

– А дальше что? – спрашивает она в нетерпении, чтобы услышать продолжение сериала.

И тогда я спокойно, без эмоций, продолжаю свой рассказ. Я объясняю ей, почему я хотел уехать в Америку: я хотел спрятаться там на курсах графики.

– И поскольку даже в большом городе можно случайно встретиться, лучше совсем от туда убраться. Начать новую жизнь, встретить новых людей, и главное – никаких воспоминаний. Первый год был мучительным: как трудно было говорить по-английски, хорошо, если случайно встречался итальянец, который мог помочь. Все очень интересно, жизнь, наполненная красками, музыкой, звуками, движением, праздниками, событиями. Все вокруг шумит, не затихая. Ни в одном разговоре не звучало ее имя, ничто о ней не напоминало даже намеком. Баби. Это были бессмысленные дни, когда сердце отдыхало, и душа и мозги тоже. Баби. И невозможно вернуться к прошлому, оказаться под ее окнами, встретить случайно на улице. Баби. В Нью-Йорке – ни малейшей опасности... В Нью-Йорке не звучит песня Баттисти: «И если вдруг я вспомню о тебе, просто подумаю, что тебя нет, и незачем страдать, потому что знаю, я знаю точно: ты не вернешься»³. И не нужны лицемерные уловки, чтобы не оказаться в местах, где она тоже бывает. Баби.

Дама улыбается.

– Я тоже знаю эту песню. – И она напевает что-то невразумительное.

– Да-да, именно эта.

Я пытаюсь прервать этот концерт самодеятельности. Меня спасает самолет. Тр-р-р. Сухой, металлический звук. Резкий рывок – и самолет слегка встряхивает.

– О Боже, что это? – синьора наваливается на мою правую, единственную свободную руку.

– Это шасси, не волнуйтесь.

– Да как же не волноваться! Это от них столько шума? Такое впечатление, что они отвалились.

Невдалеке стюардесса и другие члены экипажа садятся на свободные места и на какие-то странные боковые сидения рядом с выходом. Я ищу глазами Еву, нахожу ее, но она больше не смотрит в мою сторону. Синьора пытается отвлечься самостоятельно. Ей это удается. Она отпускает мою руку в обмен на последний вопрос.

– Почему у вас все закончилось?

– Потому что Баби нашла другого.

– Да как же так? Она же была ваша девушка? После всего, что вы мне рассказали?

Похоже она получает удовольствие, вставляя мне в рану палец. Приземление отошло на задний план. Дама забрасывает меня вопросами до последнего момента и даже в запальчивости переходит на «ты». И заходит еще дальше.

– С тех пор, как вы расстались, ты занимался любовью с какой-нибудь другой женщиной? – И новая пикирующая бомбардировка: – Вы бы смогли начать сначала?

Я переживаю этот шквальный огонь.

– А простить ты мог бы? Ты об этом говорил с кем-нибудь?

То ли от пива, то ли от ее настойчивых вопросов у меня закружилась голова. А может, она заразилась от любви, которую мне никак не забыть. Я уже ничего не понимаю. Слышу только барабанную дробь мотора и характерный звук турбины перед заходом на посадку. А-а! У меня идея, я знаю, как спастись от этого допроса...

– Смотрите, огни посадочной полосы. Мы, похоже, не успеем приземлиться, – говорю

2 «The Bold and the Beautiful» — американская «мыльная опера», впервые вышедшая в эфир на канале CBS в 1987 году и снимающаяся до сих пор. В Италии идет уже два десятка лет под названием «Beautiful», в российском прокате — «Дерзкие и красивые».

3 Песня Лучо Баттисти «Я буду жить без тебя».

я со смехом, снова чувствуя себя хозяином положения.

– О Боже, правда, вот они...

Она в ужасе прилипает к иллюминатору: смотрит на самолет и крылья, они почти касаются земли и неуверенно дрожат. Легким движением старой пантеры она хватается на лету мою правую руку. Снова смотрит в иллюминатор. В следующий миг она вжимается затылком в подголовник и изо всех сил упирается ступнями в пол, будто хочет сама затормозить ногами. В мою руку вонзаются ее ногти.

Мягкий рывок, самолет касается земли. Турбины сразу же начинают вращаться в противоположном направлении, громадная стальная масса дрожит всеми своими креслами, кресло моей соседки – не исключение. Та держится до конца. Крепко зажмурившись, она вцепилась в мою руку и дрожит.

Командир корабля объявляет, что мы приземлились в римском аэропорту Фьюмичино.

– Температура за бортом...

В задних рядах сделали скромную попытку поплодировать, но сразу затихли: этот обычай постепенно уходит в прошлое.

– Ну вот, все прошло нормально.

Синьора облегченно вздыхает:

– Слава Богу!

– Может быть, еще увидимся.

– Да, мне было очень приятно поговорить с тобой. А все, что ты мне рассказывал, – это правда?

– Это такая же правда, как и то, что вы чуть не оставили меня без руки.

Я показываю ей правую руку и следы от ногтей.

– Ой, простите меня.

– Да ничего.

– Покажите-ка.

– Да нет, серьезно, ничего страшного.

В салоне один за другим начинают звонить мобильники. Пассажиры улыбаются и принимают умиротворенный вид, как это обычно бывает после посадки. Многие открывают верхние полки и вынимают пакеты с подарками из Америки, более или менее бесполезными вещами; потом выстраиваются в проходе, надеясь выйти побыстрее. После стольких часов неподвижности, когда, сидя в своих креслах, ничего не остается, как подводить итоги прожитых лет, можно снова вернуться к суетливой жизни, когда некогда думать, когда принимаются неправильные решения, – вернуться к последнему рывку перед финишем.

– До свидания.

– Спасибо, удачного дня.

Более или менее симпатичные стюардессы выстроились у выхода из самолета. Ева с профессиональной улыбкой прощается с пассажирами.

– Спасибо за пиво.

– Это моя работа, – она улыбается мне более естественной улыбкой. А может, мне так кажется.

– Если у тебя будут проблемы... – Я протягиваю ей карточку.

Она смотрит на нее в нерешительности: там мой римский телефон.

– Эта карточка – мой экзамен на курсах по графике.

– Хорошо сдал?

– Все остались очень довольны. Им показалась гениальной моя идея поделить ее на две части: белую и голубую.

– Очень мило.

Она кладет карточку себе в карман. Я не решился сказать ей, что я из Лация, и начал спускаться по трапу.

Мягкий сентябрьский ветерок. Солнце восходит, всего лишь половина девятого. Идеальное время для прибытия. Приятно снова стучать ногами по земле после восьмичасового перелета. Садимся в автобус. Оглядываю своих попутчиков.

Несколько китайцев, толстый американец, молодой парень, который непрерывно слушает свой Samsung YP-T7x в 512 МБ, я много таких видел в Нью-Йорке. Две подруги воз-

вращаются из отпуска: они не разговаривают друг с другом, наверное, устали от долгого совместного путешествия. Влюбленная парочка. Они смеются, все время переговариваются о чем-то, шутят. Я завидую им или, лучше сказать, мне нравится смотреть на них.

Ко мне подходит моя соседка, пухленькая дамочка, которая теперь знает все о моей жизни. Смотрит на меня с улыбкой, будто говорит: «Ну вот, все прошло хорошо, не так ли?». Я киваю. Немного раскаиваюсь, что столько ей рассказал. Потом успокаиваюсь: ведь я ее больше никогда не увижу.

Проверка паспортов. Несколько овчарок на поводке нервно прохаживаются взад-вперед в поисках кокаина или травки. Собаки с добрыми глазами недовольно осматривают нас всех по очереди, они готовы на многое, лишь бы их оставили на этой работе. Полицейский рассеянно листает мой паспорт. Потом передумывает, возвращается на пропущенную страницу, снова внимательно ее просматривает. Сердце мое начинает стучать быстрее. Все в порядке. Я ему не интересен. Меня это развеселило, я забираю паспорт и кладу его в карман. Забираю свой багаж. Я свободен, выхожу, я снова в Риме.

Я был в Нью-Йорке два года, а такое впечатление, что я уехал вчера. Быстро иду к выходу. Натыкаюсь на людей, катящих чемоданы; какой-то тип, запыхавшись, бежит на посадку, наверное, опаздывает на рейс. По ту сторону ограждения чьи-то родители ждут детей, а те еще не прилетели. Красивые девушки с остатками летнего загара ждут своих любимых или тех, кто ими когда-то был. Скрестив руки на груди, прогуливаясь или стоя на месте, с взволнованным или спокойным взглядом – так или иначе они ждут.

– Такси, вам нужно такси? – «левый» таксист бежит прямо на меня, притворяясь честным. – Я с вас недорого возьму.

Я не отвечаю. Он понимает, что со мной дело не выгорит, и отстает. Осматриваюсь. Красивая, элегантная женщина в светлом костюме и с легкими золотыми украшениями на шее спокойно наблюдает за моим передвижением. Красивая. Улыбаюсь ей. Она кивает, и в этом незначительном кивке скрыто все: изменить?.. Я бы не прочь, но не могу, вот бы стать свободной! Потом отводит взгляд: она передумала.

Я продолжаю оглядываться по сторонам. Все как обычно. Какой дурак. Конечно же. Чего ты ожидал? Ты ищешь кого-то? И вот для этого ты вернулся? Значит, ты так ничего и не понял, ты еще ничего не понял. Мне смешно, какой же я кретин.

* * *

– Он должен бы уже прилететь...

Спрятавшись за колонной, она не произносит ни слова, но сердце стучит, она мысленно говорит сама с собой. Может быть, чтобы заглушить стук сердца, набирается мужества. Делает глубокий вдох и медленно выглядывает из-за колонны.

«Вот он. Я знала, я так и знала!»

Она чуть не выпрыгивает из укрытия.

«Я просто не верю... Стэп. Я знала, я знала, была уверена, что он сегодня возвращается. Поверить не могу. Мамочка, как же он похудел. Но все же улыбается. Да, кажется, он в форме. Может быть, даже счастлив? Может быть, ему там даже было классно. Да что же это я такая дура? Я что, ревную? Да какое я имею право? Никакого... ну и что? Мама дорогая, что же я делаю? Серьезно, я больна, просто больна. То есть я счастлива. Он вернулся. Поверить не могу. О Боже, он смотрит на меня!»

Она снова прячется за колонну. Вздыхает. Сильно зажмуривает глаза. Головой прислоняется к холодному белому мрамору, руки прижаты к колонне. Замерла. Глубокий вздох. Уфффф. Выдох... Фьюююююю. Вдох... Она открывает глаза. Мимо проходит турист, смотрит на нее в недоумении. Она ему улыбается, как бы давая понять, что с ней все в порядке. Но это неправда. Это очевидно.

«Вот черт, он меня видел, я чувствую это. О Боже, Стэп меня заметил, я знаю.»

Она снова выглядывает из-за колонны. Стэп проходит мимо, как ни в чем не бывало.

«Да нет же, ну и дура. Да если бы даже и заметил...»

* * *

Ну, вот и я. Я вернулся. Это Рим. Точнее, Фьюмичино. Иду к выходу. Прохожу через стеклянные двери и выхожу на улицу. Вереница такси. Но именно в эту минуту у меня появляется странное чувство. Мне кажется, что кто-то наблюдает за мной. Резко останавливаюсь. Да нет, все в порядке. Хуже нет, когда ждешь чего-то особенного... А ничего не происходит.

2

Восход окрасил в оранжевый цвет редкие облака, разбросанные по небу. Побледневшая луна прячется за опущенные листвой ветки. Вдали слышны нервные звуки трассы. Из какого-то окна доносится музыка, медленная и приятная. Теперь фортепьяно звучит заметно лучше. Все тот же парень, только повзрослевший, снова готовится к экзаменам по специальности. Внизу при свете луны белеют линии теннисного корта, а бассейн со спущенной водой грустно ожидает следующего лета. И так – каждый год. Как обычно, зануда-служащий слил воду слишком рано. На втором этаже многоквартирного дома среди ухоженных растений и поднятых деревянных жалюзи слышен смех девушки.

– Даниела, ты повесишь когда-нибудь трубку? У вас же есть мобильники, отец кладет вам деньги чуть ли не каждый день! Что вы виснете на домашнем?

– Ты же знаешь, мам, здесь не берет! Связь только в гостиной, а там вы вечно сидите и слушаете!

– Мы вообще-то живем в этом доме!

– Ладно, мама. Я с Джули говорю. Сейчас доскажу кое-что и повешу.

– Да вы же весь день в школе вместе были. Что там такое случилось с тех пор? А? Что тебе такое срочное надо ей рассказать?

Даниела рукой закрывает трубку.

– Слушай, даже если это всего лишь глупость, я бы сама хотела решать, говорить мне ее кому-то или нет, ясно?

Даниела поворачивается спиной к Раффаэлле, думая, что так будет понятнее, что правда на ее стороне. Мать пожимает плечами и отходит. Даниела краешком глаза видит, что осталась одна.

– Джули, слышала? Мне надо вешать трубку.

– Ну так на чем мы остановились?

– Что там и встретимся.

– Да я не про это!

– Слушай, я все решила, – Даниела в волнении оглядывается. – Сейчас, когда все торчат дома, не самый подходящий момент говорить об этом!

– Но Дани, это слишком важно! Нельзя же решать это так... на ходу!

– Слушай, давай поговорим прямо на вечеринке!

– Ну ладно, как хочешь. Тогда встречаемся через сорок пять минут. Успеешь?

– Нет, давай хоть через час пятнадцать!

– О'кей, пока.

Дани вешает трубку. Какой же Джули бывает невыносимой. Она что, не понимает, что ей нужно на полчаса больше? Я должна классно выглядеть, просто супер. В жизни не так уж часто выпадает такой вечер, и к нему надо подготовиться. Она смеется про себя: даже наоборот, такого больше не случается никогда. Обычно «это» происходит, когда ты меньше всего ждешь. Она идет в свою комнату и впервые не знает, какое белье надеть. Она чувствует себя необычно – до странности неуверенной в себе. Потом успокаивается. Это естественно – так себя чувствовать: никто не знает, как все будет, когда тебе предстоит впервые заняться любовью. Она глубоко вздыхает. Правда.

Единственное, в чем она уверена: это случится сегодня вечером, и с ним. Именно в эту минуту она сталкивается в коридоре с Раффаэлкой.

– Даниела, можно узнать, о чем ты сейчас думаешь?

– Да ни о чем, мама... о всякой ерунде.

– Если это ерунда, думай о чем-нибудь поважнее!

В какой-то миг Даниелу распирает желание рассказать ей обо всем. О своем важном и, главное, бесповоротном решении. Но она сдерживает порыв. Она понимает, что тут ей и придет конец.

– Конечно, мама, ты права.

Не стоит с ней спорить. Они улыбаются друг другу. Затем Раффаэлла смотрит на часы в столовой.

– Ну, что ты скажешь? Просила ведь отца приехать до нашего отъезда к Пентести, а они живут в Ольджата. Ни разу в жизни не сделает мне приятно...

3

– Стефано!

Прямо передо мной, посередине улицы, стоит мой брат.

Я улыбаюсь.

– Привет, Па. Мне очень приятно снова его видеть. Я просто в восторге, но мне удастся этого не показать.

– Ну как ты? Представить себе не можешь, сколько я думал о тебе.

Он крепко меня обнимает. Изо всех сил сжимает в объятиях. Мне это приятно. На минуту вспоминаю последнее Рождество, что мы провели вместе. Перед моим отъездом. И ту пасту, которую он приготовил и которая, как он думал, мне не понравилась...

– Ну, как ты, развлекся в далекой Америке?

Он берет у меня сумку. Естественно, ту, что полегче.

– Да, там было классно, в далекой Америке. Кстати, а почему в далекой?

– Ну, так принято говорить.

Мой брат знает, как принято говорить. Конечно, времена изменились. Он смотрит на меня счастливым взглядом и улыбается. Он искренне рад. Он по-настоящему любит меня. Хотя мы с ним совершенно разные. Он напоминает мне Джонни Стеккино.

– Слушай, что ты смеешься?

– Да так просто.

Я смотрю на него внимательнее. Подтянутый такой, в новой свежей рубашке, легкие темно-коричневые брюки с отворотом внизу, пиджак в клеточку и наконец...

– Эй, Паоло, а где твой галстук?

– Да я летом его не ношу. А что, так плохо? – Не дожидаясь ответа, он делает жест рукой: – Вот мы и пришли. Смотри, что я себе купил... Он показывает на предмет своей гордости: – «Ауди 4», последняя модель. Нравится?

Как при виде такого восторга сказать, что нет?

– Красота, классная штука.

Он нажимает на кнопку брелока, который держит в руке. Раздаются два всхлипа, дважды мигают фары, и все гаснет. Паоло открывает багажник.

– Давай сюда сумки.

Кидаю туда две американские сумки вдобавок к той маленькой, которую он уже аккуратно положил на дно.

– Только не гони... – И тут мне в голову приходит идея. – Дай мне попробовать?

Он смотрит на меня. Выражение его лица меняется. Сердце замирает. Но братская любовь одержала верх.

– Конечно, держи.

Он натянуто улыбается и бросает мне ключи с пультом. Сумасшедший. Не дай Бог иметь такого брата, как я. А уж если он просит проехаться на такой новенькой «Ауди 4». Я усаживаюсь за руль. В салоне – запах новой машины, она само совершенство, разве что немного узковата. Загорается панель, я завожу мотор.

– Она легко идет.

– Знаешь, она еще на обкатке...

Он смотрит на меня с беспокойством и пристегивается. А мне, возможно, из-за того, что наконец-то я вернулся в Рим, хочется кричать от радости; а может быть, мне просто хо-

чется сбросить с плеч эти два года молчания; и я со всей злости, накопившейся вдали от родины, давлю на газ. Машина срывается с места.

«Ауди 4» виляет задницей, вздымается на дыбы, ревет, шины шуршат по горячему асфальту. Паоло вцепился обеими руками в ручку над окошком.

– Ну вот, я так и знал, так и знал! Ну почему с тобой вечно одна и та же история?

– О чем ты? Я ведь только что сел за руль.

– Я имею в виду, что с тобой никогда нельзя быть спокойным!

– Хорошо. – Я уменьшаю скорость, сворачиваю с дороги и еще немного играю с рулем, почти касаясь крылом дорожного ограждения. – Ну, успокоился?

Паоло усаживается поудобнее на сиденье и снимает пиджак.

– С тобой никогда нельзя быть спокойным.

– Да ладно тебе, ты ведь знаешь, я прикалывался. Не волнуйся, я изменился.

– Еще изменился? И насколько же?

– Этого я пока не знаю, вот – вернулся в Рим проверить.

Мы молчим.

– Курить здесь можно?

– Я бы не хотел.

Вставляю сигарету в рот и нажимаю на прикуриватель.

– Что ты делаешь, я же сказал...

– Тебя подвело твое «Я бы не хотел».

– Вот видишь... ты изменился. К худшему.

Смотрю на него с улыбкой. Я его люблю. Он-то, кажется, всерьез изменился: выглядит более зрелым, настоящий мужчина. Прикуриваю «Мальборо медиум» и протягиваю сигарету ему.

– Нет, спасибо, – он чуть приоткрывает окошечко. Снова улыбается. – А знаешь, я тут встречаюсь с одной.

Мой брат старше меня на семь лет. Невероятно, но иногда он выглядит мальчишкой, когда рассказывает о приятных вещах. Я решаю ободрить его.

– Ну и как она, симпатичная?

– Симпатичная? Да она красотка! Высокая, блондинка, ты ее, наверное, знаешь: ее зовут Фабиола, занимается интерьерными. Она любит ходить только в изысканные места, у нее столько вкуса...

– Ага, понятно, ну конечно.

– Ну, ладно, ладно. Не остри тупым концом. Так она обычно говорит.

– Немного двусмысленно, тебе не кажется? Ей надо бы поосторожнее с такой фразочкой. В общем, теперь мне понятно, почему вы вместе.

– Ну да, у нас один настрой.

Один настрой. Ну что тут скажешь. Настрой может быть только у музыкальных инструментов. Или еще хуже – в психиатрии. А любовь – это когда дух захватывает, когда ни о чем не думаешь, когда ты скучаешь, если ее долго не видишь, когда, даже если никакого настроения нет, все равно классно, когда сходишь с ума... Когда при одной лишь мысли, что она может идти рядом с другим, ты готов одним махом переплыть океан.

– Это важно, что у вас совпадает настрой. Ну и... – Я думаю, что бы еще такое сказать. – Фабиола – красивое имя.

Очень банальная концовка. Но ничего лучше я не придумал. В глубине души мне фиолетово, но если бы я сказал, что имя это дерьмовое, Паоло бы огорчился. Для него очень важно мнение окружающих, Это самая большая фигня, какая только может быть. Окружающие – это кто? А наши родители – это что, тоже окружающие?

Он почти угадывает мои мысли:

– Знаешь, а у отца тоже есть кое-кто.

– Как я могу знать, если мне об этом никто не говорил?

– Моника – красивая тетка. Ей пятьдесят лет, но выглядит моложе. Она у него весь дом перетряхнула: выбросила кучу старья, обновила его полностью.

– И отца тоже?

Паоло хохочет как ненормальный:

– Ну это уж слишком!

Моего брата может привести в восторг любая фигня. Неужели он и раньше был таким? Когда возвращаешься после долгого отсутствия, все кажется немного другим.

– Они живут вместе, ты должен с ней познакомиться.

Должен. Что значит – должен? Я резко выворачиваю руль, пытаюсь объехать типа, который маячит передо мной. Да двигай же попой! Я мигаю ему фарами, все без толку. Газую, притормаживаю. Резко пытаюсь объехать его справа.

Паоло упирается ногами в пол и хватается за подлокотник между нами. Я возвращаюсь в левый ряд и успокаиваю его.

– Все нормально. В Америке такое не выкинешь: там каждый миллиметр под контролем.

– Поэтому ты и вернулся сюда, чтобы оттянуться на моей машине, да?

– Как мама?

– Хорошо.

– Что значит «хорошо»?

– А что значит – «как мама»?

– Как же ты все усложняешь. Она успокоилась? У нее есть кто-нибудь? Ты ей звонишь? Она общается с отцом?

Мне никак не задать последний вопрос: она спрашивала обо мне?

– Она часто меня о тебе спрашивала, – он ответил только на этот вопрос. – Она хотела знать, звонил ли ты из Нью-Йорка, как у тебя дела на курсах и так далее.

– И что ты сказал?

– То небольшое, что знал. Что на курсах все нормально, что, как ни странно, ты пока ни с кем не подрался, и еще немного насочинял.

– Что, например?

– Что у тебя там девушка, правда, итальянка. Если бы я сказал, что американка, она бы сразу поняла, что это лажа, – вы бы не смогли и парой слов перекинуться.

– Ха-ха, предупреждай, когда надо смеяться, это очередная острота?

– Еще я сказал, что ты там развлекаешься по вечерам, но никаких наркотиков. Зато множество друзей. В общем, что ты не собираешься возвращаться и тебе там по кайфу. Ну как тебе?

– Более или менее.

– То есть?

– У меня там были две американочки, и мы прекрасно ладили.

Он не успевает рассмеяться: я уменьшаю скорость и съезжаю с обездной направо. Еще раз притормаживаю на повороте, колеса скрипят, за моей спиной гудит какая-то старая тачка, я продолжаю съезжать как ни в чем не бывало и выруливаю на развязку. Паоло усаживается поудобнее. Достает с заднего сиденья пиджак. Пытается что-то сказать.

– Ты не показал поворот.

– Угу.

Едем молча. Паоло долго смотрит в окно, потом поворачивается ко мне, пытаюсь привлечь мое внимание.

– Ну что еще?

– Как тогда закончился суд?

– Меня оправдали.

– То есть?

Он удивленно смотрит на меня.

Поворачиваюсь и заглядываю ему в глаза. Он молчит. Смотрит на меня спокойным взглядом. Не думаю, что он притворяется. Или он прекрасный актер. Паоло – хороший брат, но среди его гипотетических достоинств нет ни одного поразительного. Я смотрю на дорогу.

– Ничего особенного: меня оправдали и все.

– Как это? Объясни толком.

– Ты что, не знаешь, как это делается? Как и с амнистией на налоги или строительство, когда она проводится специально перед выборами. Тут та же история о преступниках, вроде меня, забывают, зато президент запоминается.

Паоло улыбается.

– Знаешь, я давно задаю себе вопрос, почему ты уделал того типа, что жил напротив нас.

– Трудно, наверное: вопрос задаешь, а ответа все нет?

– Ну, меня отвлекали кое-какие другие дела.

– В Америке ты бы и дня не продержался. Там нет времени задавать себе вопросы.

– Но я-то жил в Риме, и между аперитивом и капуччино задумывался об этом. И даже пришел к одному заключению.

– Вот это да! И к какому же?

– Что наш сосед каким-то образом надоедал маме: может быть, приставал или шутил как-то непристойно. Ты об этом узнал и бах-бах! Отправил его в больницу...

Я молчу. Паоло смотрит на меня в упор. Мне хочется уклониться от его взгляда.

– Но кое-чего я не понимаю, никак не могу въехать... Извини, но мама же была на суде и ничего не сказала, ну, как все было: что там такого этот тип ей говорил, в общем, почему ты так себя повел. Если б она рассказала что-нибудь, судья, может быть, что-то понял.

Паоло. Что он знает, Паоло. Бросаю на него взгляд, потом снова смотрю перед собой. На дороге, под колесами «Ауди 4» мелькают белые штрихи разделительной полосы. Один за другим, изредка чуть стертые. Слышен шум автострады. Вжих. «Ауди 4» приподнимается и опускается при подъемах. Чувствуется каждый стык на дороге, но это не надоедает. Нужно ли сказать ему правду? Открыть одному человеку глаза на другого? Паоло любит маму такой, какая она есть. Он любит ее такой, какой ее видит. Или хочет видеть.

– Паоло, а почему ты об этом спрашиваешь?

– Да так, хочу знать...

– Что-то не сходится?

– В общем, да.

– А ведь это кошмар для тебя как коммерсанта.

Джованни Амброзини – так звали нашего соседа, я узнал это только на суде. Хотя нет, его фамилию я узнал раньше. Когда я позвонил в его дверь, фамилия была написана над звонком. Он открыл, он был в трусах. Как только он меня увидел, сразу прикрыл дверь. Я пришел просто поговорить. Попросить его сделать потише музыку. И вдруг сердце екнуло. Вот короткий миг, пока дверь была открыта, я увидел в щели ее лицо. И наши взгляды, встретившись, навсегда разошлись. Я никогда этого не забуду. Она была обнаженной, такой я не видел ее никогда. Она была красивой, такой я ее всегда любил... Моя мама. В постели чужого человека. Я помню сигарету у нее во рту. И ее взгляд. Как будто она хотела сжечь все дотла, и будто она хотела сказать: вот, мой мальчик, смотри, это жизнь, это и есть настоящая жизнь...

У меня до сих пор вскипает кровь при этом воспоминании. Так вот – Джованни Амброзини. Я схватил его за волосы и вытащил на лестницу. Он упал. Я разбил ему о ступени обе челюсти, ударив по затылку. Он цеплялся за лестничные перила, а я бил его башмаком в ухо, в лицо, по ребрам, давил каблуком пальцы, пока те не превратились в кашу. Пальцы, которые к ней прикасались.

Ну все, все, хватит, прошу тебя. Иначе не выдержишь. И ты всю жизнь будешь это помнить. Всю жизнь. Я смотрю на Паоло. Делаю глубокий вдох. Спокойно. Еще глубже. Спокойно. Наври что-нибудь.

– К сожалению, Паоло, не всегда все концы сходятся. Тот чудило меня достал, вот и все. Представь себе, мама тут ни причем.

Похоже, он рад. Ему приятно слышать эту версию. Он уставился в лобовое стекло.

– Ой, я забыл тебе кое-что сказать.

Я смотрю на него с беспокойством.

– Что еще?

– Я переехал. Живу по-прежнему в Фарнезине, но теперь у меня квартира с аттиком.

– Наконец-то позитивная новость.

– Хорошая?

– Просто супер. Тебе надо ее увидеть. Сегодня ночуешь у меня, идет? Номер телефона тот же. У меня друг в «Телекоме», он помог перевести номер на новый адрес.

Он улыбается, наслаждаясь этим своим мелким могуществом. Черт, как же я об этом не подумал! Слава Богу, что у него тот же телефон, он же у меня на визитке. Той, что я дал стюардессе. Еве, кнелъке.

Улыбаюсь про себя.

Корсо Франча, Винья Стеллутти, дальше – площадь Дельфийских Игр. Еду мимо улицы Колаянни, дальше – площадь Джачини. У светофора неожиданно тормозит мопед. Девушка. О Боже. Это она. Длинные светло-пепельные волосы выбиваются из-под шлема. Она теперь еще носит и кепку с козырьком. На ней – голубая курточка, точь-в-точь под цвет ее глаз, голубой i-rod. Да, похоже, она... Притормаживаю. Она раскачивает головой в такт музыке и улыбается. Останавливаюсь. Она трогается. Пропускаю ее. Она весело объезжает нашу машину. Благодарит меня кивком... сердце мое бешено стучит. Нет, не она. Но меня охватывают воспоминания. Как если бы ты стоял в море ранним холодным утром и кто-то тебя окликнул. Ты оглядываешься, здороваешься. Но когда оборачиваешься обратно и хочешь идти дальше, на тебя вдруг набегает волна. И вот я снова, против своей воли, оказываюсь в том месте, где я стоял два года назад, как потерпевший кораблекрушение. Ее предки уехали за город. Она мне позвонила и пригласила к себе. Поднимаюсь по лестнице. Дверь не заперта. Она оставила ее приоткрытой. Медленно вхожу.

– Баби, ты здесь? Баби...

Тишина. Закрываю дверь. Иду на цыпочках по коридору. Дохожу до спален. Из родительской едва слышна музыка. Странно, ведь она сказала, что предки уехали в Чирчео. Дверь полуоткрыта, за ней – слабый свет.

Подхожу ближе. Открываю дверь. И прямо у окна вижу ее, Баби. На ней – одежда матери: длинная кашемировая юбка с рисунком, прозрачная шелковая блузка песочного цвета расстегнута. Под ней виден бюстгальтер кремового цвета. Волосы заплетены во множество косичек. Баби кажется немного старше. Ей хочется выглядеть старше.

Она мне улыбается. В руке у нее – бокал, наполненный шампанским. Второй она наливают мне. Бутылку ставит в ведро, наполненное льдом, стоящее на тумбочке. Вокруг горят свечи, и нас постепенно окутывает запах дикой розы. Она ставит ногу на кресло. Юбка распахивается, теперь виден ее высокий ботинок и нога, обтянутая тонким, медового цвета чулком в сеточку, на резинке. Баби выжидающе смотрит на меня, держа в руках два бокала, взгляд ее неожиданно меняется. Как будто она в один миг стала взрослой.

– Возьми меня, как будто бы я – это та... Та, которая тебя не хочет, та, которая каждый день изводит меня, стараясь нас разлучить.

Она протягивает мне бокал. Я выпиваю шампанское одним махом. Холодное, вкусное, великолепное. И целую ее со всей силой своего желания. Наши языки пахнут шампанским, они еле двигаются, усыпленные, опьяневшие... И вдруг они оживляются. Я провожу рукой по ее волосам и тут же запутываюсь в заплетенных косичках. И так держу ее голову в руках, она моя, вся моя... ее поцелуи становятся настойчивее. Она полностью овладела моими губами, такое ощущение, что она хочет проникнуть внутрь меня, проглотить меня, добраться до самого сердца. Но что ты делаешь? Остановись, оно уже и так твое.

Баби отрывается от меня и смотрит мне в глаза. Она и вправду похожа на свою мать. И мне страшно от ее напористости, я впервые вижу ее в таком состоянии. Она берет мою руку, приподнимает сбоку юбку и проводит ею... ведет ее выше и выше... по ноге. Откидывает голову назад. Глаза закрыты. На губах играет улыбка. Я ясно слышу ее громкий вздох. Она ведет мою руку все выше и выше. Медленно, медленно подводит ее к трусикам.

Вот они. Она медленно сдвигает их, и я пальцами попадаю прямо в нее. Баби вздыхает еще громче. Она расстегивает мне брюки и полная нетерпения, быстро их стягивает, я никогда ее прежде такой не видел. И нежно находит его. И замирает. Смотрит мне прямо в глаза. И улыбается. Лижет мне губы. Кусает меня. Она голодна. Она хочет меня. Она опирается о стенку, толкает меня, упираясь лбом в мой лоб, улыбается, выпускает вздохи, начинает ласкать меня рукой по всему телу, и ее голодные глаза теряются в моих... Потом снимает трусики, дарит мне последний легкий поцелуй и нежно гладит меня под подбородком. Здрав юбку, встает на кровати на четвереньки. Переворачивается на спину и поднимает ко мне лицо.

– Стэп, прошу тебя, возьми меня силой, как если бы я была моей матерью, сделай мне

больно... Прошу тебя, клянусь, я так хочу.

Это невероятно. Но я так и делаю. Я повинуюсь, и она начинает кричать, как никогда прежде, а я почти теряю сознание от удовольствия, от желания, от абсурдности всей этой ситуации, от любви, о которой я и мечтать не мог. Я все еще закипаю от удовольствия, вспоминая это, я закипаю...

– Эй, Стэп!

– Да?

Внезапно я очнулся. Рядом Паоло.

– Что с тобой? Ты встал посреди дороги.

– А?

– Вот теперь ты меня действительно удивляешь. Мы такие вежливые стали? Ни разу не видел, чтобы ты так делал: уступил дорогу девчонке, которая, к тому же, не права. Невероятно. Или Америка так на тебя подействовала, или ты и вправду поменялся. Или...

– Или?

– Или эта девчонка кого-то тебе напомнила. – Паоло поворачивается ко мне и смотрит в упор.

– Эй, не забывай, что мы братья.

– Вот именно. Именно это меня и беспокоит... Это я сострил, если ты не понял.

Паоло смеется. Я трогаю машину с места, стараюсь совладать с собой. Мне это удастся. Делаю глубокий вдох. Еще глубже. Как же больно осознавать, что эта волна будет накатывать на меня до конца жизни.

4

«BMW Z4» – классная машина. Не знаю, что бы я отдал за такую. Клаудио Джервази едет мимо Порта Пинчиана и останавливается перед витриной салона «BMW». Смотрит на нее как ребенок: восторженно, жадно, упрекая судьбу, которая лишила его надежды иметь такую вещь. Если бы Раффаэлла только знала, о чем он мечтает, проблемы ему были бы обеспечены. Если бы она узнала и все остальное – конец, ему крышка. Лучше об этом не думать. Она никогда не узнает. На этой мысли он останавливается, так как уже запарковался напротив входа в салон. Значит, можно бы и войти. Нет ничего плохого в том, что у тебя есть желания. Или это тоже считается грехом перед обществом? Клаудио – мастер аналогии. Так я хоть немного себя займу... Я только спрошу, сколько бы мне дали за мою машину в случае обмена. Может, мой старенький «Мерседес» прилично потянет. Конечно, пробег у него огого. Но зато он в отличном состоянии, я слежу за ним... Он обходит вокруг машины. Только одна царапинка, – это из-за Баби и Даниелы, вернее, из-за их манеры ставить «Веспу». Ну, посмотрим, что они мне скажут...

Клаудио входит в магазин. Ему навстречу спешит молодой продавец, одет он безукоризненно: красивый голубой галстук, под цвет костюма – прекрасно сидящего пиджака и узких брюк, из-под которых виднеются темные мокасины, довольно простецкие, но начищенные до блеска. Совсем как машина. Вблизи она кажется еще красивее. Небесно-голубого цвета, а салон чуть темнее, и все детали от руля до рычага коробки передачи обтянуты черной мягкой кожей. Глаз не отвести.

– Добрый вечер, я могу вам помочь?

– Да, я хотел бы узнать, сколько стоит эта «BMW». Это ведь «Z4»?

– Конечно, синьор. Максимальная комплектация, полный... четыре подушки безопасности, система курсовой стабилизации, разумеется, резина в комплекте... сейчас посмотрим... Синьор, вам повезло, сегодня у нас проходит акция. Для вас сорок две тысячи евро. Плюс-минус – договоримся.

Разумеется, будет плюс. Но то, что у них скидки, уже неплохо. Продавец улыбается, заметив, что он немного разочарован.

– Посмотрите, это же машина Джеймса Бонда.

Клаудио глазам своим не верит.

– Именно эта?

– Ну, нет, конечно! – продавец пытается определить по его глазам, не шутка ли это. – И знаете, почему? Потому что та, из фильма, была «Z3», «BMW» предыдущей серии, и ее уже наверняка отправили на слом или выставили на каком-нибудь аукционе! А эта – круче, такая была в «Двенадцати друзьях Оушена» или в «Одиннадцати», не помню уже. Короче, на ней ездили Джордж Клуни, Мэтт Дэймон, Энди Гарсиа, Брэд Пит, а теперь... поедете вы!

Клаудио слабо улыбается.

– Может быть...

Продавец понимает, что перед ним – классический тип «долгоиграющего» покупателя. Но он не знает настоящей правды. Перед мысленным взором Клаудио – беспощадная тень, ужасная голограмма, лазерная проекция, он цепенеет при одной мысли о жене. Парень надеется разогреть потенциального клиента с помощью дополнительной информации. Он кружит вокруг машины, выдавая цифры: скорость, расход топлива, всевозможные рабочие характеристики и, конечно, упоминает гибкие схемы продаж.

– Кстати... – Клаудио цепляется за последнюю фразу, и какая-то надежда звучит в его голосе. – Вы ведь принимаете машины в зачет?

– Конечно, а как же иначе? Хотя в данный момент вторичный рынок не слишком востребован.

Клаудио и не сомневался.

– А вы могли бы взглянуть? Она у меня здесь, на улице.

– Разумеется, пойдете посмотрим.

Клаудио, в сопровождении продавца, выходит из магазина.

– Вот она.

Он с гордостью показывает свой темно-серый блестящий «Мерседес». Теперь молодой человек серьезен, внимателен и дотошен. Он осматривает машину, иногда касается ее, проверяя, не было ли восстановительных работ, не видных невооруженным взглядом. Клаудио старается его успокоить.

– Я проходил все ТО в срок, недавно вот резину поменял...

Продавец обходит машину и смотрит на другой бок, тот, что поцарапан «Веспой». Клаудио пытается отвлечь его внимание.

– А на прошлой неделе я сделал полный осмотр.

Но такого профессионала не проведешь.

– Ясно... а вот здесь вы не слабо стукнулись!

– Да это дочка. Тысячу раз им говорил: ставьте «Веспу» у стены, все без толку!

Продавец пожимает плечами, как бы говоря: «Ну, это не мои проблемы».

– Короче, ее можно выставить. Потом еще проверим двигатель, механик посмотрит. Ну, и если не будет каких-то проблем, думаю, вы можете рассчитывать на четыре – четыре с половиной тысячи евро.

– Да? – У Клаудио нет слов. Он надеялся на сумму в два раза больше. – Но ведь она девяносто девятого года.

– Правда? А я-то думал – двухтысячного. В общем, я вам назвал реальную цену, правильно?

Правильно? Ну да, все правильно. Так я тебе и поверил, что это правильно. По-твоему, я вам должен отдать плюс-минус тридцать семь с половиной тысяч евро. Клаудио решает больше не думать об этом.

– Да, ну хорошо.

– Ну, тогда до свидания. Если что, мы всегда на месте.

Молодой продавец энергично пожимает ему руку в уверенности, что более или менее его убедил. Потом протягивает ему листок с информацией по «BMW». Идя к машине, Клаудио рассеянно посмотрел на бумажку. Убедившись, что продавец зашел в магазин и не видит его, он разорвал листок и выбросил в ближайший мусорный ящик. Не хватало только, чтобы Раффаэлле попалась эта улика. Он садится в свой «Мерседес». Кладет руки на руль. Милый ты мой, ты же знаешь: я тебя никогда не предаю! Затем вынимает мобильник, смотрит по сторонам и пишет смс. Посылает и, естественно, тут же стирает сообщение. И наконец, прикуривает «Мальборо»: – это последнее проявление настоящей свободы.

5

– Ну вот, Стэп, видишь, дом 237. Подожди, я открою ворота. Припаркуйся. Мое место номер шесть. – Паоло ужасно горд. Вынимаем сумки. – Лифт – прямо из гаража.

Это также предмет его гордости. Поднимаемся на шестой этаж. Дверь он открывает, как будто это сейф – сигнализация, два замка, железная дверь, на которой красуется его имя: Паоло Манчини – написано в рамке с золотым ободком. Выглядит ужасно, но я молчу.

– Видел? Я вставил свою визитку в рамку. Там есть и телефон. Неплохо придумано, правда? Что ты улыбаешься? Не нравится?

– Да нет, с чего ты взял? Думаешь, я тебе все время вру? Мне нравится. Вправду нравится, говорю же.

Паоло умиротворенно улыбается и пропускает меня в квартиру.

– Ну заходи, вот смотри...

Внутри неплохо: новый паркет, светлые тона, белые стены.

– Мебели пока маловато. Мне пришлось все тут переделывать. Смотри, я поставил диммеры, и теперь можно регулировать свет, как захочешь, видишь? – Он крутит один: увеличивает и уменьшает свет. – Клево, да?

– Супер.

Я так и стою в дверях с сумками в руках. Паоло сияет от радости, что так здорово все придумал.

– Давай покажу, где ты будешь спать, – он открывает дверь в конце коридора. – Вуаля!

Паоло стоит у открытой двери с широкой улыбкой.

– Э... – Должно быть, там какой-то сюрприз. Вхожу.

– Я забрал все твои вещи и привез сюда. Несколько свитеров, маек, худи. И еще смотри... – он показывает на картину, висящую на стене. – Осталась одна картина Андреа Пациенца⁴. Только ее ты не сжег.

Я вспоминаю то Рождество двухгодичной давности. Наверное, он это замечает и ему становится неловко.

– Ну, ладно, я пошел к себе в комнату, а ты устраивайся.

Я кладу сумку на кровать. Открываю «молнию» и медленно вынимаю вещи. Свитера, спортивные куртки. Куртка «Abercrombie». Обесцвеченные джинсы марки «Junya». Светлая худи «Vintage 55». Аккуратно сложенные рубашки «Brooks Brothers». Складываю все в белый шкаф. Там много полок. Раскладываю на них вещи, которые достаю из другой сумки, на дне которой лежит бумажный сверток. Беру его и выхожу из комнаты. Паоло, в своей комнате, лежит, свесив ноги с кровати.

– Держи, – бросаю сверток ему на живот. Он сгибается пополам, как от удара, и сверток падает на кровать.

– Спасибо, с чего бы это? – он во всем ищет причину.

– Писк американской моды.

Паоло разворачивает бумагу и достает подарок. Он немного смущен.

– Спортивная куртка от «Fige». Там все такие носят.

Ему нравится.

– Примерю!

Он надевает ее прямо на пиджак и смотрится в зеркало. Я едва сдерживаюсь, чтобы не рассмеяться.

– Прочная, блин! – это выражение не из его лексикона. Она ему и впрямь понравилась. – Ты точно угадал с размером.

– Носи на здоровье. По цене она потянет на половину твоего дома.

– Что, такая дорогая?

– Да нет, твоя квартира побогаче, да и размер побольше.

– Да, я знаю, Стэп, но...

– Паоло, я же пошутил.

4 Андреа Пациенца (1956–1988) — итальянский график, прославившийся своими комиксами.

Паоло облегченно вздыхает.

– Нет, серьезно, ты ведь за нее черт знает сколько отдал.

– Ты и представить себе не можешь, сколько я за нее заплатил.

Вот опять из него лезет коммерсант. Я иду в свою комнату. Начинаю раздеваться. Надо бы принять душ. Паоло входит в комнату, на нем по-прежнему надета куртка с болтающимся на воротнике ярлычком, в руках он держит пакет.

– У меня для тебя тоже есть сюрприз, – хочет мне его бросить, но передумывает и просто дает в руки. Кантовать нельзя. Вещь хрупкая.

С любопытством разворачиваю пакет.

– Это тебе на день рождения. – Ему удалось заинтриговать меня. – Это правда тебе на день рождения, который ты провел в Америке. Мы тогда тебя только по телефону смогли поздравить.

– Да, я слышал на автоответчике.

Я продолжаю разворачивать подарок, стараясь не думать о том дне. Но не могу отделиться от воспоминаний. 21 июля... Я нарочно тогда ушел из дома, чтобы не сидеть у телефона в ожидании звонка. Потом, вернувшись домой, увидел мигающий огонек автоответчика. Одно сообщение, два, три, четыре. Четыре сообщения, четыре звонка. Четыре возможности, четыре надежды.

Сначала первое. «Алло, Стефано, это папа... С днем рождения! Ты думал, я не помню?» Отец. Ему обязательно надо поюморить. Нажимаю кнопку и слушаю дальше. «С днем рождения тебя, с днем рождения тебя! Стэп...» Брат. Это мой брат: пропел поздравление в трубку. Вот блин! Остается два сообщения. Следующее, предпоследнее. «Привет, Стефано...» Нет. Это мама. Молча слушаю. Голос ее звучит мягко, может быть, немного устало, он полон любви. Зажмуриваюсь. Сжимаю кулаки. Сдерживаю слезы. Сегодня мой день рождения, мама. Мне хочется веселиться, смеяться, быть счастливым, мама... Да, я тоже по тебе скучаю. Я по стольким вещам скучаю... Но сегодня у меня нет никакого желания думать об этом... не хочу. «Еще раз поздравляю, Стефано, и умоляю, звони мне, когда захочешь. Целую».

Итак, осталось еще одно сообщение. Беззвучно мигает зеленый огонек. Я сижу и смотрю на него. Он медленно загорается и гаснет. Этот зеленый огонек мог бы быть самым дорогим подарком в моей жизни. Он мог бы подарить мне ее голос. А вдруг она тоже скучает по мне? На минутку вернуться назад, в прошлое, может, начать сначала... Я мечтаю еще минуту. Потом нажимаю на кнопку. «Привет, пропащий! Ну, как ты там? Как же приятно слышать твой голос, хотя бы по автоответчику! Ты даже не представляешь, как я по тебе скучаю! Рим опустел без тебя. Ты ведь узнаешь меня? Это Паллина. Конечно, мой голос стал чуточку взрослее. Так вот, мне надо рассказать тебе кучу новостей. С чего бы начать? Надо подумать... Я долго могу разговаривать, предки уехали за город, я звоню из дома, потом придет счет, но это как раз классно: они меня тут разозлили. Вот я их и накажу, ха!» Она смешит меня, я рад ее звонку. Слушаю ее, улыбаясь. Но не буду врать, улыбка вымученная. Я ждал не этого звонка. Без того голоса, которого я так жду, день рождения не день рождения. Мне кажется, я даже еще не родился.

Прошло два года, и вот я вернулся.

– Ну, что скажешь, нравится?

Я уже полностью развернул обертку и теперь держу в руках коробочку.

– Это последняя модель: классная «Nokia».

– Мобильник?

– Супер, да? Берет везде. Прикинь, я достал его через одного друга, в магазинах таких нет еще. Это «семидесятая», в ней есть все, что надо, и она такая маленькая. Умещается в кармане пиджака.

Он кладет его себе в карман, чтобы я убедился, что это правда.

– У тебя и в самом деле продвинутые друзья.

– О-па, видал? Вот так он открывается, а можно убрать звук и поставить вибрацию. Держи.

Он даже не заметил мою шутку. Смотрит на меня выжидающе.

– Спасибо, – это все, что я в состоянии вымолвить. – Мне как раз нужен телефон.

– У тебя и номер уже есть: 335–80–80–80, легко запомнить, да? Это все мой друг из «Телекома».

Он лопается от гордости. За себя и за своих друзей. Теперь у меня есть номер телефона. Я сосчитан. Идентифицирован. Доступен. Наверное.

– Отлично! Но теперь мне бы хотелось принять душ.

Кидаю телефон на кровать.

Паоло выходит, покачивая головой:

– Смотри, будешь так его бросать, он долго не протянет.

Ничего тут не поделаешь, это мой брат. Такой зануда! Не верится, что оба мы родились из одного семени: нашего отца. Хочется так думать, во всяком случае. Включаю радио на тумбочке и настраиваю его. Раздеваясь, посмеиваюсь про себя. Мама родила Паоло от другого. Ну, это уж чересчур. Но тогда все хотя бы было понятно. Да нет, конечно. Тогда были другие времена. Тогда была любовь. Мне нравится эта мелодия. Подпеваю радио.

* * *

Я стою у дома Паоло. Мне было видно, как в квартире зажегся свет. Я знаю, что это новый дом его брата. Вот он, вижу. Стэп проходит мимо окна.

Значит, это его комната. Да он что, раздевается что ли? И что-то напевает себе под нос. Надеваю наушники. Включаю радио на своем сотовом. Переключаю каналы, пока не нахожу то, что, кажется, напевает Стэп. Что за канал? «Ram power» 102.7. «Живи и помни»⁵. Ну и вкусы у Стэпа... Смотрю на часы. Уже поздно, надо идти домой. Родители меня ждут.

* * *

– Паоло, а полотенце у тебя есть?

– Я же положил в ванной. Все разложено по цветам: голубое – для лица, синее – для тела, и голубой халат – за дверью.

Да уж, по сравнению с ним Фурио – плохо организованный несмысленный.

– Эй, Стэп, покажись-ка!

Выхожу в коридор.

– Боже, какой красавчик! Ты что, похудел?

– Да, в Америке в спортзалах занимаются по-другому. Куда больше бокса. На первых же встречах я понял, какие же мы все тормозные здесь в Риме.

– А ты реальный...

– С каких это пор ты так выражаешься?

– Я записался в спортзал.

– Ушам своим не верю. Давно пора! Ты же всегда мне зудел: да ты время тратишь в спортзале, да какая разница, какая у тебя фигура и так далее... А теперь что?

– Это Фабиола меня уговорила.

– Ну вот, видишь! Фабиола мне уже нравится.

– Она говорит, что я много сижу, и что мужчина к тридцати трем годам должен быть в полной форме.

– К тридцати трем годам?

– Она так говорит.

– Так ты мог два года еще жить совершенно спокойно.

– Я не хотел подчиняться правилам.

– Фабиола молодец, – я направляюсь в ванную – И куда ты записался?

– В «Roman Sport Center».

Пауза. Я снова появляюсь в дверях.

– Это тоже решила Фабиола?

– Нет, – он гордо улыбается, довольней своим выбором. – Я... ну... в общем, по правде

⁵ Таков слоган этой музыкальной радиостанции.

говоря, она уже давно туда ходит.

– А, вот в чем дело...

Возвращаюсь в ванную и закрываю за собой дверь. Невероятно. Нет ничего хуже, чем ходить в спортзал со своей собственной девушкой. Вот ты лежишь под штангой и посматриваешь, кто там к ней подошел, что ей говорят, какой-нибудь лох начнет показывать ей, как надо правильно делать движение... и что там она делает, и как она отвечает... Ужас. Я часто таких вижу. После каждого снаряда – поцелуй. А в конце тренировки – один и тот же вопрос: «Что будем делать вечером?»

Потому что, если вы пара, у вас уже все расписано. Это же ясно, а иначе какая же вы пара? Во дают... А вот если ты «одиночка», тогда «Roman Sport» – это то, что надо. Мускулы сами собой работают за двоих, они должны показать себя в лучшем виде. Тренажеры и штанги только делают вид, что работают; на самом деле они молча наблюдают, как у них на глазах заводятся вполне предсказуемые знакомства. Да-да, потому что, сойдя с очередного тренажера, ребята и девушки оценивающе смотрят друг на друга, обмениваются улыбками и начинают говорить ни о чем. Чем занимаешься, где был вчера, куда сегодня можно сходить, какие планы на вечер, что завтра делаешь, сколько денег у тебя есть; короче, стоит ли завести с тобой роман.

Включаю душ и встаю под холодную струю. Упираюсь руками в стенку и давлю на нее изо всех сил. Мышцы на плечах напрягаются, вода стала теплее. Откидываю голову назад, рот полуоткрыт... И тут вода меняет направление. Бурный поток несется в глаза, извиваясь и скатываясь с носа и попадая в рот, – на зубы и язык. Я выплевываю ее, делаю вдох. Мой брат. Мой брат ходит в «Roman Sport Center». Мой брат со своей новой «Ауди 4». Мой брат со своей женщиной. Мой брат ходит вместе с ней в спортзал, и, обмениваясь шуточками, они решают, чем займутся вечером. Теперь все ясно. Он – как отец, вылитый его портрет. Чем старше он становится, тем точнее становится копия. Я же, как и прежде, маячу бледной тенью в углу. Хотел бы я знать, кто это стибрил проявитель, когда пришла моя очередь проявляться. Выхожу из душа. Накидываю халат, вытираю волосы полотенцем: тем самым, синим. Сильно вытираю волосы: они совсем короткие и быстро высыхают. Оставляю полотенце на голове и иду в комнату. Паоло замечает меня.

– Поразительно, как ты похож на маму. Позвони ей, она будет счастлива.

– Ладно, попозже, – сегодня у меня нет настроения дарить счастье кому бы то ни было.

6

Из коридора доносится бряцание ключей, открывающих замок в двери. Раффаэлла оборачивается.

– А! Вот и Клаудио!

Дверь медленно открывается. Но нет, на пороге появляется Баби. Во всей своей новой красе. Раффаэлла бежит ей навстречу.

– Что ты сделала?

– В смысле?

– Во-первых, ты поздно пришла, а во-вторых – постриглась!

– О Боже, мама, ты меня напугала! Я Бог знает что подумала! Да, я сегодня утром подстригла волосы. Идет мне? Артур, который меня стриг, сказал, что так я выгляжу гораздо старше.

– Да... но мы все так любили твои длинные волосы!

– Мама, ну их ведь всего лишь немного укоротили, – улыбается Баби, – так я и знала, что ты это скажешь. Смотри... – она открывает сумочку «Furla» и вынимает оттуда три фотографии. – Вот, я специально сделала пробы. Ну и как? Разве так не лучше?

Раффаэлла смотрит на фотографии. Потом улыбается, довольная дочкой, ее новой прической и всем остальным, что есть на этих фото. Но ей не хочется выглядеть побежденной. Она хочет, чтобы с ней считались. Особенно в таких важных делах.

– Да, так тебе хорошо. Но первый вариант мне кажется лучше... вот этот, с длинными волосами.

– Ну ладно тебе, не усложняй! Скоро они снова вырастут. Я даже пришла сегодня пораньше, ведь мы идем к Манджили, не так ли?

– Нет, я перенесла это на следующую неделю.

– Ну мама, что ж ты меня не предупредила! А я-то спешила, потому что мы должны были ехать к нему... Трудно было позвонить, что ли?

– Я никогда не звоню по пустякам.

– Знаю, но я столько вещей отменила из-за этого!

Баби вздыхает и кладет руки на пояс. Когда она теряет терпение, она становится похожей на маленькую девочку. Не хватало только еще ножкой топнуть.

– Баби, да ладно тебе, к Манджили мы поедем на следующей неделе.

– Но не позже! Я хочу быть уверена в этом Манджили, мы его никогда не пробовали. И его никто не знает.

– Да он даже для Ватикана организовывает ужины.

– Я знаю, но они там, в Ватикане, вообще никуда не выходят, им все равно, что есть! Откуда им знать – вкусно или нет их кормят в монастырях!

– Баби, ну что ты говоришь! Вот увидишь: все будет хорошо, – Раффаэлла пытается ее успокоить. – Это же просто ужин...

– Да, но это же мой ужин и для меня он важен! И мне недостаточно того, что это не последний ужин перед концом света, я хочу, чтобы он был необыкновенным!

Говоря это, Баби уходит в свою комнату, громко захлопнув за собой дверь. Раффаэлла пожимает плечами. Конечно, в такой ситуации нервы взвинчены. Именно в этот момент дверь открывается и входит Клаудио.

– Я пришел, солнышко!

– Наконец-то. Где ты пропадал?

Клаудио поспешно целует ее в губы.

– Извини, мне надо было проверить документы в офисе.

Не сознаваться же в том, что ты все это время слушал рассказ про разные опции, расход топлива и фантастические скидки при покупке «Z4». И не только это. Еще ты узнал смехотворную продажную цену своего «мерса».

– Переодень рубашку и надень другой галстук. побыстрее. Я все тебе положила на кровати.

– Прости, а мы разве не едем посмотреть кейтеринг⁶ моего друга Манджили? Зачем переодеваться?

– Клаудио, да о чем ты думаешь? Я же тебе специально звонила сегодня на работу. Я совсем забыла, что сегодня вечером мы должны были ехать к Пентези. А Манджили я перенесла на следующую неделю! Давай, быстрее, мы уже опаздываем!

– Ах да, точно.

Клаудио спешит в комнату и старается нагнать потерянное время. Он быстро раздевается, снимает пиджак. Именно в этот момент мобильник издает настойчивый писк. Клаудио вынимает его из пиджака. Это ответ на его смс. Он читает его и едва успевает стереть, прежде чем входит Раффаэлла.

– Давай побыстрее, что ты там возишься с телефоном? Кто это звонил?

– Да, извини, это Филиппо. Он иногда присылает мне эсэмэски.

– Филиппо? И с каких это пор вы пишете друг другу послания?

– Да так быстрее.

Клаудио снимает рубашку и через голову надевает чистую, расстегнув только воротничок, – для скорости и еще чтобы не смотреть Раффаэлле в глаза.

– Ничего особенного, он мне сообщил, что в понедельник мы не играем в бридж: что-то там случилось.

– Так даже лучше. Тогда можно на понедельник назначить кейтеринг Манджили. Ну давай же, побыстрее, я жду тебя в гостиной.

Клаудио надел, наконец, рубашку и падает навзничь на кровать. Никогда еще дело не

⁶ Catering (англ.) — ресторанное, банкетное обслуживание, приготовление и доставка блюд и напитков на банкеты, праздники и т. д.

приобретало такой скверный оборот. Ну вот, теперь еще и бридж придется пропустить.

Это первое, что пришло ему на ум, что ж, от чего-то все равно пришлось бы отказаться. Он накидывает на шею галстук, поднимает воротничок рубашки и завязывает узел. А если у Пентези будут и супруги Аккадо? Черт, об этом-то я не подумал. А если олух Филиппо не просечет на лету? Он уже как будто слышит его голос: «Клаудио, что ты говоришь, я не посылал тебе никакого сообщения». В эту минуту Клаудио понимает, что совсем не хочет идти на эту вечеринку. Он затягивает на шее элегантный голубой галстук, подарок Раффаэлы. Смотрится в зеркало. И на какую-то долю секунды этот галстук кажется ему веревкой висельника.

7

Паоло смотрит телевизор и одновременно говорит по телефону: он растянулся на кровати, ноги его свешиваются на пол, а большим пальцем руки он перебирает кнопки пульта дистанционного управления в поисках чего-нибудь более интересного, чем собеседник, с которым он разговаривает.

– Ну, пока, мне надо идти.

– Куда ты?

Я впервые смотрю на него без улыбки.

– Прогуляюсь.

Он уже раскаивается, что задал этот вопрос, и пытается исправиться.

– Вторая связка ключей на кухне в шкафу, слева от двери, в глиняном кувшине.

Он всегда все уточняет. Потом он начинает объяснять тому, с кем разговаривает, что он сказал, кому и зачем. Я брат, вернувшийся из Америки. Я слышу его крик издалека:

– Нашел?

Я кладу ключи в карман и прохожу мимо него.

– Нашел.

Он улыбается мне. Уже собирается продолжить разговор по телефону, но вдруг прикрывает трубку левой рукой и говорит:

– Хочешь, я дам тебе машину?

Он говорит это озабоченным голосом, и видно, уже пожалел, что предложил: боится, что я соглашусь. Тяну с ответом несколько секунд. И наслаждаюсь. В конце концов, я его об этом не просил.

– Да нет, не надо.

– Ну о'кей, – он с облегчением вздыхает. Пронесло. Потом пытается хоть как-то поучаствовать в устройстве моей жизни: – Видел, Стэп? Я пригнал твой мотоцикл в гараж.

– Да, видел, спасибо.

Но жизнь мою не так-то просто устроить. Сажусь в лифт и спускаюсь в гараж. В глубине вижу торчащее из-под серого брезента, колесо. Я его узнаю. Мотоцикл далеко не новый, но еще живой, покрыт пылью, а на спидометре – огромная цифра. Движением тореадора сбрасываю брезент. Вот он, родимый. Синяя блестящая «Honda Custom VF 750». Глажу бензобак. Рука моя выписывает на пыли тонкий след синего цвета. Потом я поднимаю седло, присоединяю провода к аккумулятору и закрываю его. Сажусь. Вынимаю из куртки ключи и вставляю в замок зажигания. Рядом с мотором. Сверкает легкий брелок – он, приплясывая, то и дело касается холодного мотора. Тускло мигает красным и зеленым огонек зажигания. Аккумулятор разряжен. Пытаюсь ради шутки завести, но не могу. Правой рукой нажимаю красную кнопку: никакой надежды. Делать нечего. Надо толкать. Вывожу мотоцикл из гаража, он сильно наклонен к моему правому боку. Мышцы напряжены. Иду быстрее. Шум шагов сливается с шуршанием щебня, раз, два, три, все быстрее и быстрее. Выхожу со двора и толкаю мотоцикл по асфальту. Еще быстрее. Еще несколько шагов. Вторая скорость включена.левой рукой отжимаю сцепление. Все, пора. Отпускаю сцепление. Мотоцикл резко тормозит. Но я толкаю его дальше. Он что-то бормочет. Отжимаю и снова отпускаю сцепление. Мотоцикл кашляет. Ну, еще разок, сильнее. Я вспотел. Последний толчок – думаю, последний. И в самом деле, мотоцикл вдруг заводится. Рвется вперед. Придерживаю сцепление ле-

вой рукой, а правой давлю на газ. Мотор оживает и рычит в ночи, на темной улице. Еще газу. Из глушителя вырывается старая гарь: двигатель прокашливается от прошлого, от долгого бездействия. Жму на газ. Сажусь в седло и включаю фары. Отпускаю сцепление и несусь навстречу ночному ветру. Пот высох от быстрой езды. Еду к Фарнезине. Проезжаю по виадуксу. Не тормозя, ухожу на поворот. Чуть сбрасываю газ, чтобы вписаться в поворот, и снова поддаю. Мотоцикл заносит. Прибавляю газ, и он, как послушный конь, несет меня к мосту Милвио. Мимо проносится церковь, Паллотта, в которой было съедено сотни пицц, слева – Джанфорнайо и тут же – цветочный магазин. Блин, сколько же цветов было послано из этого магазина, там были самые лучшие скидки... столько цветов, самых разных, но все для нее, для нее одной. Не думать об этом, не хочу об этом вспоминать. Вон Пистола, торговец арбузами, читает что-то на своем мобильнике. Два раза сигналию, он смотрит на меня. Машу ему рукой, но он меня не узнает. Плевать, потом как-нибудь заеду к нему и напому о себе. Жму на газ и уношусь дальше по темной улице. Е-мое, какой все-таки Рим красивый. Я по тебе скучал. Жму на газ еще сильнее и лечу по набережной Тибра. Виляю между машинами. Влево, вправо... Наконец, сбрасываю скорость и качусь вдоль обочины. Справа высятся сосны Форума. Несколько потаскушек греются около догорающих костерков. Толстые ноги плотно обтянуты узкими голенищами сапог. Одна из них – видать образованная или притворяется – читает газету. Громко смеется над идиотизмом какой-то статьи. Вполне возможно, это печальные новости, а она просто не поняла этого. Другая сидит на складном стульчике и ручкой быстро заполняет клеточки кроссворда. Либо пишет, что в голову взбрдет, либо и вправду знает ответ.

Газую и сразу же торможу. Пятая, четвертая, третья, резкий поворот направо. Останавливаюсь возле кинотеатра. Выставляю подставку и слезаю с мотоцикла. Девчонки, сбившись в группки, смеются и курят сигареты, недоступные взорам обманутых родителей. Блондинка с короткими волосами и густым макияжем, глядя на меня, толкает локтем подружку. Та, кареглазая, темноволосая, со стрижкой каре, сидит, скрестив ноги, на сером скутере «SH 50». Она уставилась на меня, не в силах вымолвить ни слова. Я касаюсь своих коротких волос на затылке. Загоревший, худой, я улыбаюсь и прекрасно себя чувствую. Я спокоен. Мне хочется холодного пива и посмотреть какой-нибудь фильм. Если честно, мне хочется еще кое-чего, но я понимаю, что это невозможно.

– Стэп, глазам своим не верю!

Брюнетка прыгивает со скутера и с диким криком бежит мне навстречу. Я смотрю на нее, пытаюсь сфокусировать взгляд. И вдруг узнаю ее: Паллина... Не может быть... Паллина. Паллина, девушка моего друга, моего лучшего друга. Полло, моего товарища по первым пьянкам, по первым любовным похождениям, по тысяче хренотеней, ржачки, побоищ, драк в пыли, в грязи, под дождем, по ночам, зимой, летом, в лучшее время нашей жизни. Выкуренные пополам сигареты, сотни литров пива – это все Полло, участник тысяч мотогонок и той последней...

– Паллина.

Она бросается мне на шею, крепко обнимает. Точно так же меня обнимал мой друг, но его больше нет. Стараюсь не думать об этом. Сжимаю ее в объятиях, еще сильнее, вдыхаю запах ее волос, переводя дыхание, силуюсь вернуться в сегодняшний день, в реальную жизнь.

– Паллина.

Она отклоняется чуть в сторону и смотрит на меня сияющими глазами. Мне хочется смеяться.

– Блин, да ты стала настоящей красоткой!

– Ну наконец-то ты это заметил!

Она смеется от радости, смеется и плачет одновременно: она всегда была такой сумасшедшей, а вот красавицей стала только сейчас.

Она вытирает нос рукой и улыбается.

– Тебя просто не узнать!

Крутится передо мной, улыбка не сходит с ее лица, глаза светятся любовью. Устраивает мне своеобразный показ мод.

– Ну, как я выгляжу? Похудела? А короткие волосы как тебе? Что скажешь? Знаешь, как называется эта стрижка?

– Понятия не имею.
– Блин! Да ты что, это же последний писк! Ты же был в Америке и не знаешь! – она смеется как сумасшедшая. – Я стильная! Я взяла ее из «Cosmopolitan» и «Vogue». Представь Анджелину Джоли и Камерон Диаз, так вот, я их смешала и сделала лучше!

Трудный момент прошел. Она говорит:

– Как я по тебе скучала, Стэп.

И снова обнимает.

– И я по тебе.

– Да ты тоже стал что надо. Покажись-ка. Похудел. А они на месте?

Она кладет мне руку на футболку и проводит по мускулам.

– Здесь они, здесь... И даже еще круче стали!

Щекочет меня.

– Слушай, перестань!

Смеется.

– Булавы, как ты говоришь. Иди, я тебя познакомлю. Это моя подруга Джада.

– Привет.

– А это Джорджо и Симона.

Мы киваем друг другу. Я слишком долго смотрю на лицо Джады: она краснеет, и это заметно даже через ее чрезмерный макияж. Паллина все видит.

– Неплохо. Не успел приехать, а уже кровожадные планы в голове.

Джада отворачивается и волосы падают ей на лицо. Она прячется, улыбается из-под волны рассыпавшихся волос, зеленые глаза, как у олененка Бэмби. Паллина качает головой.

– Ну вот... начинается... давай-ка лучше мы о своем поговорим. Пойдем, выпьем пива. Ты ведь еще здесь не был с тех пор, как вернулся? Поговорим о прошлом, – я не успеваю попрощаться, Паллина увлекает меня за руку. – Давай, мне надо рассказать тебе кучу вещей. Ты мог бы написать мне пару строк, позвонить или открытку прислать. Телефон мой хотя бы помнишь?

Говорю его на память. Потом выпаливаю:

– Там я повсюду искал Полло.

Блин, не надо было этого говорить. К счастью, мы уже подошли ко входу. Паллина меня спасает: она или не слышала, или делает вид. Она здоровается с тщедушным охранником.

– Привет, Андреа! Ну что, дашь нам войти?

– Конечно, Паллина, ты с другом?

– Да. А знаешь, кто это?

Андреа не отвечает.

– Это же Стэп, помнишь, я рассказывала тебе о нем?

– Еще бы не помнить, – парень улыбается. – Черт, неужели то, что о тебе рассказывают, – правда?

– Сократи на шестьдесят процентов и будет почти правда.

Паллина качает головой, тянет меня за рукав и мы входим.

– Он скромничает. – Паллина хлопает охранника по плечу: – Спасибо, Андреа.

Я иду за ней, улыбаясь.

– Да... времена, действительно, изменились...

– В смысле?

– Что за охранников теперь нанимают?

Паллина оборачивается на Андреа, который следит за нами взглядом, будто сомневаясь, что это и есть тот самый Стэп, о котором он столько слышал.

– Ну, слушай, Стэп, он реальный.

Реальный. Что это значит? Когда-то, прежде чем встать на дверях, тебе показывали кузькину мать, чтобы понять, годишься ты или нет.

– Знаешь, однажды мне велели занести деньги в «Green Time» одному господину... Едва я вошел, как на меня наскочили трое. – Я начинаю рассказывать. Полло там тоже был. На этот раз мне удастся не упоминать о нем, не хочу его волновать, где бы он ни был. Надеюсь, он слушает меня и веселится, вспоминая это время. – В общем, хрена им удалось от-

нять у меня деньги. Я одним движением вытащил ремень и хрясь! Надавал всем троим по роже. Одному попал пряжкой в скулу и разбил ее, другим меньше досталось. Но плюх я и им надавал. Со следующего дня я четыре месяца стоял на дверях в «Green Time». По сотке за вечер. Вот это была жизнь, есть о чем вспомнить.

– У Полло был шрам на левой щеке. Он мне говорил, что это от ремня.

Ничего от нее не утаить.

– Может, это отец его порол?

Она смотрит на меня с улыбкой.

– Вот врун. Ты не изменился.

Мы садимся за пластиковый стол, на белые стулья и молчим. Я оглядываюсь. Сзади виднеется нечто надувное, кое-как приспособленное под бассейн. Оттуда доносится гвалт: там можно увидеть самых разных людей. Один, стоя на бортике, орет как недорезанный. Он обхватывает руками колени и падает «бомбочкой». Брызги летят во все стороны. Толстая дамочка в синем купальнике прикрывает волосы руками, и получается, будто она святая в венце... Какой-то мальчишка показывает на нее пальцем своим дружкам, и она кричит на него, грозя кулаком. Потом она, ворча что-то себе под нос, плавает в этом бассейне с теплой и пенистой водой. Ее муж, толстый, с густой растительностью на груди, сидит на противоположном бортике и смеется, глядя на жену. Он покачивает головой и курит сигарету. Наверняка еще и мочится. Потом закашливается. Сигарета падает в воду и гаснет, он ее слегка притопил: именно там, где ныряет какой-то малыш, неловко пытаюсь плыть вольным стилем.

– Ну, как ты живешь?

– Отлично, а ты?

– Хорошо, хорошо.

Мы молчим некоторое время, вспоминая то, что ушло безвозвратно. К счастью, из музыкального аппарата доносится песня «The lion sleeps tonight». Как знать. Кто из нас сейчас лев. И, главное, действительно ли он спит. Подходит официант.

– Подожди, дай-ка я угадаю. «Согопа» с долькой лимона.

– Нет, теперь я пью «Bud».

– Да ты что? Мне тоже оно безумно нравится. Два «Bud», пожалуйста.

Кто знает, она это всерьез сказала?

– Знаешь, я часто о тебе думала, когда ты был там... в Нью-Йорке, кажется?

– Да.

Смешная она, ничуть не изменилась: то болтает без остановки, то говорит что попало. Она так часто обо мне думала, что даже точно не знала, где я находился. Да ты что, Стэп? Это же Паллина, оставь ее в покое. Это девушка твоего друга Полло. Ее тоже не надо строго судить, не надо анализировать без конца все, что она говорит. Давай, спокойнее. Мысленно сам себе даю пощечину.

– Да, в Нью-Йорке. И я здорово там поразвлекся.

– Представляю. Ты правильно сделал, что уехал тогда. Здесь такой напряг был.

Нам приносят «Bud». Поднимаем бокалы. Мы знаем, за что сейчас выпьем.

– За него...

Я говорю это вполголоса. Она кивает. Глаза ее застилаются любовью, воспоминаниями, прошлым. Но сейчас мы здесь. И наши бокалы со звоном ударяются друг о друга. Потом я жадно припадаю к запотевшему стеклу: пиво холодное, такое вкусное! Мне не хочется отвратиться, но, выпив половину, перевожу дыхание. Ставлю «Bud» на стол.

– Хорошее.

Лезу в карман куртки. Но Паллина опережает меня. Она достает пачку «Мальборо лайт» из светло-зеленой рубашки с погончиками и карманами на молнии. Вынимает из пачки одну сигарету и протягивает пачку мне. Выщипываю сигарету и с грустью думаю, что прошли те времена, когда возжеленная сигарета передавалась по кругу. Меня охватывает грусть: неужели время желаний ушло? Закрываю пачку и отдаю Паллине. Сигарета во рту. Она протягивает зажигалку и действительно дает мне прикурить. У нее холодные руки, она улыбается.

– Знаешь, а ведь у меня с тех пор больше не было мужчины.

Я затягиваюсь и выпускаю плотное облако дыма.

– Мужчины? А парень был? – я пытаюсь глупо пошутить.

– Да нет, в общем, этого не было.

То ли из-за «Bud», то ли из-за сигареты или этого бардака вокруг, мы смеемся. И все становится как прежде, легко и просто.

Мы рассказываем друг другу обо всем: о прошлом, о том, что происходит в нашей жизни сейчас, о друзьях. Всякая такая хрень. Обычная хренотень. Но нам хорошо вместе. Она говорит о римских новостях.

– Ну эта! Как ее, ты же помнишь? Ты не представляешь, какой она стала!

– Пампушкой?

– Да она просто жирная корова!

Мы смеемся.

– А вот Фруллино снова вляпался.

– Да ты что?

– Да, он поцапался с Паперо, потому что спутался с его подружкой, а тот его вывел на чистую воду.

– Поверить не могу, все безбожниками стали.

– Клянусь тебе.

Мы снова смеемся.

– Братья Бостини открыли пиццерию.

– Где?

– У «Фламинио»⁷.

– Ну и как она?

– Нормально, туда много наших ходит, ну и вообще полно народу. Там клево и недорого. А Джованни Сманелла все никак аттестат не может получить.

– Да ты что? О чем он думает?

– Представляешь, этой зимой он ко мне клеился.

– Да ладно! Вот козел!

Невольно наваливается прошлое. Паллина озабоченно смотрит на меня.

– Да нет, это было даже мило. В конце концов мы подружились, он просто ходил со мной всюду. И часто рассказывал мне о Полло.

– Да ладно! – я задумываюсь.

– Блин, Стэп! – Паллина отхлебывает пиво. – Да ты несколько не изменился!

Напрягаюсь, но тут же забиваю. Да какая разница. Она ничего плохого не сделала. Жизнь продолжается.

– Изменился, – улыбаюсь я.

– Ну ладно, тогда можно касаться и других тем? Она улыбается и строит мне невероятно хитрую рожицу.

– А-а-а... – тут я понимаю, что изменился в лице. – Вот и болезненная точка. Ты же сам хотел об этом.

Она делает последний глоток и становится настоящей женщиной.

– Ну, ты больше с ней не говорил? Сколько времени ты с ней не общался? Ты пытался позвонить ей оттуда?

Настоящий танк, ее не остановить.

– Да, блин, успокойся ты. Я что, в полиции на допросе? – я стараюсь не показать, как меня задела эта тема. Не знаю, получилось ли. – Нет, не говорил.

– Ни разу?

– Ни разу.

– Поклянись.

– Клянусь.

– Не верю.

– Какого дьявола. Ты думаешь, я тебе вру? Ну, тогда считай, что я с ней говорил.

– Ну ладно, ладно, верю. А я ее встретила однажды.

⁷ Станция метро «Фламинио», около площади дель Пополо.

И делает паузу. Длинную. Слишком длинную. Молчит. Нарочно.

Смотрит на меня и улыбается. Она хочет, чтобы я что-нибудь сказал. Выжидает. Но почему? Вот блин. Засранка. Я не выдерживаю.

– Ну, давай, Паллина, колись. Рассказывай.

– Все такая же симпатичная, но...

– Но?

– Другая. Не знаю, как сказать. В общем, она изменилась.

– В этом я и не сомневался. Все мы изменились.

– Да, согласна... Но она... она как-то так изменилась... не знаю, как-то по-другому.

– Да ты уже говорила! Что это значит – по-другому?

– Не знаю. Она стала другой и все тут. Не могу объяснить. Если не понимаешь, тебе нужно ее увидеть и тогда...

– Спасибо за совет.

И тут я, сам не знаю как, задаю вопрос, который вертится у меня на языке. Я не хотел его задавать, он сам выскочил, как будто спрашивал кто-то другой.

– А она... она была одна?

– Да. И знаешь, чем она шла заниматься? Шопингом.

Меня разбирает смех. Я помню ее, представляю ее и вдруг явственно вижу ее. Баби. «Так. Подожди меня здесь. Никуда не уходи, Стэп, не исчезни, как ты это обычно делаешь. Нет, правда, не уходи: мне нужен твой совет...» Я остаюсь перед витриной. Она входит в магазин, смотрит, выбирает и зовет меня. «Смотри, я беру это. Тебе нравится?» Но я не успеваю ответить. Она передумала, берет другую модель. Примеряет, ей идет. Она снова полна решимости купить это платье. Проходится передо мной, смотрит на меня. «Ну?.. Эй, как тебе?» – «Мне кажется, тебе очень идет». Смотрится в зеркало. Но ей что-то не нравится, что-то, видимое только ей. «Простите, но мне надо еще немного подумать». Мы выходим из магазина, и она обнимает меня. «Нет, нет, я решила его не брать. Слишком дорого». Она счастлива, потому что в любом случае приняла правильное решение. В конце концов, это платье я ей подарил несколько дней спустя. А она смеялась. Это стало игрой. Еще одной. Баби, ну почему ты не хотела больше играть? Я не успел найти ответ на этот вопрос.

– А ты не знаешь, она все еще с этим?

– Нет, не знаю. Как бы я мог узнать? Я же сказал тебе, что больше с ней не разговаривал. У меня что, по-твоему, есть тайные осведомители?

– Я думаю, у нее никого нет, – она специально это говорит, и улыбается, думая, что мне приятно это слышать.

Нет, я не знаю, что она при этом думает, и не хочу про это думать:

– Короче, Баби меня не интересуется.

Паллина недоверчиво выслушивает мой ответ:

– Что?

– Она меня не интересуется. Seriously. Кто-то однажды сказал, что, если ты справишься с чем-то в Нью-Йорке, ты справишься с этим в любом другом месте. Думаю, я справился.

– Понятно. Это был не кто-то. Это было *Что-то изменилось*. Ну ладно, я тебе верю. – Она улыбается и брови ее ползут кверху.

Я делаю еще глоток пива.

– Слушай, она меня действительно не интересуется.

– Да что ты мне это повторяешь, прости Господи.

Звонит чей-то телефон. Звонок какой-то необычный. Полифония, но на низких тонах, – звук искаженный, отвратительный. Парень за соседним столом, вынимает сотовый из кармана и подносит к уху. Но это звонит не его телефон. Он слегка краснеет, и вновь продолжает прерванный, было, разговор с девушкой, сидящей напротив. Девушка делает вид, что ничего не произошло. Телефон продолжает звонить. Звонок настойчивый, он становится все громче. Толстяк за другим столом вынимает из кармана рубашки крошечный телефон и смотрит на него. Он плохо видит и поэтому подносит телефон к уху. Нет, это не его телефон. Он едва не бросает его на стол: «Черт бы побрал все эти мобильники».

– Я оставила телефон дома, – говорит Паллина, – значит, это не мой. Иногда, когда не хочу ни с кем разговаривать, я его отключаю. Но сегодня я его просто забыла.

Телефон продолжает звонить.

– Слушай, почему-то мне кажется, что это твой.

Я делал очередной глоток пива, и оно едва не выливается мне на рубашку. Блин, точно, как я об этом не подумал. Вынимаю телефон из кармана. Это он. Теперь он звучит еще громче. Наверняка это Паоло выбрал такой звонок. На меня смотрят. И Паллина тоже. Я пытаюсь оправдаться:

– Мне его сегодня вечером подарил Паоло.

Паллина кивает.

– Алло, – да, это мой звонил.

– Ну, наконец-то. Я думала, ты на дискотеке. Ты не слышал звонок? – Красивый женский голос. Потом раздаётся смех. – Ты, наверное, спрашиваешь себя, кто бы это мог раздобыть твой телефон. Твой брат мне все рассказал. Я надеюсь, что я первая тебе по нему звоню. Это Ева.

Я замираю. Ева? Ну да... Ева, стюардесса. Ева, которая приносила мне пиво. Ева, порхающая, как бабочка, по самолету. Кнелька Ева. Вот когда могут пригодиться братья. И сотовые телефоны.

– Ну так... ты слышишь меня?

– Конечно.

– Ты понял, кто я, или ты уже напрочь меня забыл?

– Да как я мог забыть... – Я хотел сказать – кнельку Еву, но сейчас был неподходящий момент. – Ева. А я-то думал, что этот телефон не подключен. Мне еще никто по нему не звонил.

– И скольким девушкам ты уже дал свой телефон?

Она уже слегка ревнует... Я смеюсь:

– Ни одной.

– А ты где?

– Да я тут с одной подругой.

На другом конце замолчали.

– Тут это где?

– Здесь, мы гуляем.

Странная вещь этот телефон: ты одновременно повсюду и нигде.

– И кто эта твоя подруга?

– Одна подруга.

– И что твоя подруга думает, когда ты так долго говоришь по телефону?

Паллина оборачивается и здоровается с только что вошедшими друзьями.

– Ничего не думает. Я же сказал: это просто подруга, – я слышу ее облегченный вздох.

– Слушай, если хочешь, давай встретимся где-нибудь. Можно погулять.

– Есть одна проблема.

– Твоя подруга?

– Нет, мой мотоцикл. Я на мотоцикле.

– Да уж, это и впрямь проблема.

– Боишься?

– Нет, а что, надо бы?

– Нет, – мне нравится эта девушка.

– Проблема в том, что мне нельзя. Мне запрещено по страховке авиакомпании.

Я не знаю, правду ли она говорит. Но это неважно.

– Да уж, если ты совершишь полет с мотоцикла, тебе не заплатят.

– Не хочешь приехать ко мне? Я в отеле «Villa Borghese».

Паллина смотрит на меня и делает знак рукой, как бы говорит: «Боже, сколько же можно болтать?»

– А потом поедem куда-нибудь на такси? Или на это у тебя тоже страховки нет?

Ева смеется:

– Там посмотрим.

Я закрываю телефон.

– Ну наконец-то! Дискуссия с женщиной?

– Ты стала любопытной?
Я поднимаюсь и беру счет.

– Ты что, уходишь?

– Да, но сначала заплачу.

Паллина немного разочарована.

– Мы еще увидимся в ближайшие дни или ты сразу уедешь?

– Нет, я остаюсь.

– Дай мне свой телефон, я тебя найду.

– Я не знаю номер на память.

Паллина смотрит на меня и строит смешную рожицу. Она кривит лицо с одной стороны и смотрит сквозь прищур. Она стала симпатичнее, повзрослела. И я очень ее люблю. Но ничего тут не поделаешь. Она мне не верит.

– Ну, давай, я сам тебе позвоню. Или позвони мне домой, я живу у брата. Номер все тот же.

Она успокаивается. Встает и целует меня:

– Чао, Стэп. С приездом.

И идет к своим друзьям.

8

Мотоцикл заводится с полоборота. Аккумулятор зарядился нормально. Первая передача, вторая, третья. Через минуту я уже под акведуком Корсо Франча. Тут кое-что приходит мне на ум, и я поворачиваю обратно. Такой девушке, как Ева, это должно понравиться. Но, главное, мне это нужно самому. Пять минут спустя. Корсо Франча, пьядца Эуклиде, аллея Париоли. Дешевые рестораны и машины, припаркованные в два ряда. Элегантные господа, делающие вид, что они оставили машину на стоянке; похоже, это поляки с трудом изъясняющиеся по-итальянски. Дама, едва научившаяся водить автомобиль, пытается сделать некий маневр, чтобы припарковать машину. Ей кажется, что у нее получилось. На самом деле, она полностью перегородила проезд. Ребята и девчонки, вышедшие из бара подышать свежим воздухом, стоят прямо на дороге. Я быстро объезжаю машины, несусь к площади Унгерия. Сворачиваю направо, потом налево, доезжаю до зоопарка. Отель «Вилла Боргезе». Паркую мотоцикл и, с пакетом в руках, иду к дверям.

– Добрый вечер... – Блин! Из головы вылетело. Я же не знаю ее фамилию. – Добрый вечер, – снова говорю я в надежде, что в голову придет какая-нибудь блестящая мысль.

Портье, мужчина лет шестидесяти, добродушный толстяк, приходит мне на помощь:

– Синьорина ждет Вас. Номер двести два, второй этаж.

Мне хочется спросить его, откуда ему известно, что я иду именно к ней. А если я просто хотел узнать, есть ли свободный номер, или еще что-нибудь? Например, просто задать вопрос. Но понимаю, что лучше ничего не говорить.

– Спасибо.

Он смотрит мне вслед. Слегка улыбается, вздыхает, покачивает головой. То ли завидует Еве, то ли вздыхает о прошедшей жизни, полной радостей и приключений. Я поднимаюсь по лестнице. Номер 202. Останавливаюсь перед дверью и стучу.

– Это шампанское? – подходя к двери, спрашивает она насмешливым голосом.

– Нет, пиво.

Открывает дверь.

– Привет, заходи.

Она два раза целует меня в щеки. Двигается она неторопливо, немного по-другому, чем в самолете, – гораздо мягче. Совсем по-другому. Волосы у нее распущены.

– Кроме шуток, хочешь что-нибудь выпить? Я могу заказать снизу.

– Да. Я уже сказал: пива.

– Ну пиво-то есть в холодильнике.

Она указывает на маленький холодильник в противоположном углу номера. Я подхожу к нему и достаю пиво. Оборачиваюсь: она уже сидит на диване. Раскинутые руки лежат на

подлокотниках и подушке. Ноги на полу, колени плотно сжаты.

– Я вся на взводе. Ходила по магазинам, как ты мне посоветовал.

– Ну и как?

– Классно. Купила ночную рубашку и чудесный комплект необычного синего цвета, «пастельно-синего», как я его назвала. Тебе нравится?

– Очень.

Она улыбается, наклоняется вперед, усаживаясь ровно.

– Хочешь посмотреть, как они на мне сидят?

Она живая, внимательная, веселая. И все время улыбается. Смотрит на меня пристально. Немного лукаво. Наверное, хочет произвести впечатление, показать, какая она изысканная и все такое. Если это вызов, я принимаю его.

– Конечно, хочу.

Она берет пакет. Смотрит на меня, щурится и, развеселившись, уходит. И я знаю, что она хочет услышать.

– Куда ты?

– В ванную. А ты что подумал? – и она закрывает за собой дверь, улыбаясь последней улыбкой из своего арсенала: – Но я скоро вернусь, жди.

Я только допил пиво, как она выходит из ванной. Это она. Ева.

– Ну как я?

На ней прозрачная ночная рубашка, которая обтекает тело как морская волна, такая тонкая, что мне слышится шум моря. Рубашка синевато-коричневого цвета. Пастельно-синего, как она сказала. Волосы причесаны. Даже улыбка, кажется, стала другой.

– Красивая. Очень. Если это ночная рубашка... то хотелось бы и комплект посмотреть.

Ева смеется. Затем выражение ее лица меняется и она подходит ко мне профессиональной походкой. Она снова становится стюардессой.

– Вы звонили? Что желаете?

Мне на ум не приходит ничего остроумного, кроме разве что: «Как бы сказала та синьора: „тебя, кнелька“». Но мне кажется, это не то. И я ничего не говорю.

Но она ждет ответа. Подходит вплотную. И мне снова вспоминается песня «Нирваны»: «If she ever comes down now...»

– Ну так что же вы желаете?

– Раствориться в твоём пастельном.

Это ей нравится. Ева смеется. Оценила мою шутку. Она решает, что немедленно даст мне в нем раствориться. Целует меня. Потрясающе, спокойно, мягко, долго. Немного играет с моей нижней губой, покусывает ее, слегка захватывает губами. Потом неожиданно отпускает меня. Стараюсь этим воспользоваться.

– Я тебе кое-что привез.

Впрочем, спешить некуда. Посадка не предусмотрена. Во всяком случае, сейчас. Я встаю и беру пакет. Она с удивлением смотрит на меня. Ее соски видны сквозь легкие складки ночной рубашки. Но я не хочу терять время. Открываю пакет у нее на глазах.

– Вот это да! Две дольки арбуза!

– Я взял их у одного друга возле моста Милвио. Я не видел его сто лет, и он мне их подарил.

Даю ей одну дольку.

– У него самые лучшие арбузы в Риме.

После твоих, хочется мне добавить. Но эта шутка была бы еще хуже, чем первая. Она грызет арбуз и тут же пальцем снимает капли сока, который ползет у нее по губам, и слизывает его, чтобы не потерять ни капли. Я смеюсь. Да. Спешить некуда. Я надкусываю свой арбуз. Он свежий, сладкий, вкусный, пористый, не мучнистый. Ева все еще ест. С удовольствием. Мы поедаем свои куски с улыбкой, глядя друг на друга. Это становится почти состязанием. У нас в руках остаются розоватые полумесяцы. Мы продолжаем жевать. Сок ползет по подбородку. Она откладывает свою корку на стол и, не вытирая рот, снова меня целует.

– Теперь ты мой арбузик, – она кусает меня за подбородок и облизывает вокруг рта, слегка задерживаясь на моей щетине. Она настроена решительно, ее разбирает желание, ей весело. Она стала настоящей женщиной. – Знаешь, я хотела тебя в самолете и сейчас хочу.

Я не знаю, что ответить. Мне немного странно слышать ее слова. Молча смотрю на нее, она улыбается.

– Впервые в жизни я с пассажиром.

Спокойно вынимаю из кармана телефон. Я подумал о том, что он может не попадать звонить, и выключаю звук. Судя по тому, как идут дела, теперь понятно, что это самый лучший подарок, который Паоло мог бы мне преподнести.

– А ты – единственная стюардесса, по которой я скучал.

Она делает вид, что хочет дать мне пощечину. Я на лету хватаю ее руку и нежно целую. Она протестует, делает вид, что сердится, фыркает.

– И еще ты самый сочный арбуз в моей жизни.

Она радостно улыбается и освобождается из моих рук. Сидит на диване со скрещенными ногами. Решительная, бесстыдная, дерзкая. Она просовывает руку мне в брюки. Медленно, нежно. Она знает, куда. И я знаю. Она смотрит мне в глаза с вызовом, без стыда. Я смотрю на нее, не помогая ей, и улыбаюсь. Тогда она притягивает меня к себе, полная желанием и страсти, и крепко обнимает за плечи. И я отдаюсь ее порыву. Я растворяюсь в этом пастельно-синем, я опьянел от сладкого, в том числе и арбуза.

9

А где-то вдалеке, на улице Аурелиа, не доезжая Фрегене, стоит Капель-ди-Гвидо. Это старый заброшенный замок, наскоро декорированный заново. Пятьдесят оформителей два дня подряд расписывали его стены. Пять огромных консолей, подвешенных на потолок, оборудованы самыми разнообразными лампами, способными в один миг осветить помещение дневным светом. Двести ламп по 100 киловатт призваны освещать гулкие гостиные замка, на стенах которого старинные фрески, выцветшие за столетия; фрески есть даже в подвалах. Пять тысяч свечей, расставленных повсюду: в залах и в саду. И в довершение – два грузовика, наполненных матрасами, еще затянутыми целлофаном. Все правильно, ведь никогда не знаешь, как пойдет... И все эти «как пойдет» должен предусмотреть он, Алехандро Барберини. Это его вечер. На его двадцатилетие отец подарил ему черную карту «Dinners»⁸. Можно ли лучше отпраздновать это событие? 200 000 евро, немного усилий и – вуаля! Все готово. И, конечно же, Джанни Менджони никак не мог упустить такой случай. Именно он взял в свои руки организацию вечеринки. Он заказал больше тысячи бутылок алкоголя и триста шампанского, сорок пять пластиковых ведерок со льдом и двадцать официантов. Да и стоит ли скромничать? Себе он, за одну лишь организацию, попросил выписать чек в 30 000 евро. И обналичить. «С этими аристократами никогда не знаешь, сегодня они богаты, завтра – нет», – сказал он бедному Эрнесто, который на самом деле и занимался всеми организационными вопросами. Для Эрнесто же, получившего 1800 евро, это была каторжная работа, длившаяся больше месяца. Но для него эти 1800 – манна небесная. Он хочет сразить наповал красавицу Мадду. Они уже месяц встречаются, а она не дает до себя дотронуться. Но уж сегодня вечером все пойдет как по маслу. Он купил ей курточку, которая так ей нравится. 1000 евро улетели на куртку из розовой кожи, но если ей это в радость, ничего больше ему и не надо. Он спрятал пакет в машину, и после этой вечеринки, уже на рассвете... впрочем, как будет, так и будет... По крайней мере, улыбку на ее лице он точно увидит. Ту улыбку, которая покорила его, до того покорила, что он решил взять Мадду в помощницы – в том числе и на этот вечер. И «всего лишь» за 500 евро. Короче, если все пойдет хорошо, в конце этого вечера Эрнесто положит себе в карман только 300 евро, но взамен получит нечто, не имеющее цены. Ради иных счастливых моментов можно пожертвовать и кошельком.

– Дани, ну куда ты делась? Я уже час тебя жду на улице.

– Знаю, но нам пришлось оставить машину на подземной стоянке. Он вечно боится, что его машину поцарапают.

– С кем это ты приехала?

– Как это с кем? Я же тебе говорила, с Кикко Бранделли!

⁸ Инвестиционный банк.

- Не может быть!
- Если я говорю, так оно и есть.
- Так он все еще... слушай, он тебя клеит, чтобы отомстить твоей сестре!
- Нет, вы только послушайте! Какая же ты язва. Со мной он просто мил и ничего более. И потом, как знать. Почему, извини меня, Джованни Франческини, ну тот, что обхаживал эту, из третьего «А» как ее?
- Кристина Джанетти.
- Ну да. Он ведь тоже перекинулся на ее младшую сестру, как только с ней познакомился?
- Спасибо! Старшая – всем известная монашка, а младшая, говорят, такие номера откалывает, что рядом с ней, Ева Хенгер⁹ отдыхает!
- Короче, мне Бранделли ужасно нравится, и потом я тебе уже говорила: через четыре дня у меня день рождения и я уже все решила.
- Ты опять начинаешь? Слушай, ты решила это сделать именно в восемнадцать лет? Вбила себе в голову. А тебе не все равно, если первый раз это произойдет через два года?
- Через два года? Ты с ума сошла! А когда же я нагоню? Ну уж нет – я уже решилась, а ты мне все ломаешь? И вообще, а ты-то сама, прости меня когда начала?
- В шестнадцать.
- Вот видишь, а меня лечишь!
- Это было другое, мы с Луиджи до этого были вместе два года.
- Слушай, не занудствуй. Мне Кикко ужасно нравится и сегодня вечером я решила сделать это. Отвянь, подруга, сделай милость хоть раз в жизни.
- Вот именно потому, что я твоя подруга.
- Дани оборачивается и видит, что он приближается.
- Ну все, все, хватит. Он уже идет. Давай, заходим и больше об этом ни слова.
- Привет, Джули, – Кикко Бранделли здоровается и целует Джули в щеку. – Хорошо выглядишь, сто лет тебя не видел. Ты просто расцвела... Ну, как вам? Я молодец, что достал билеты на эту вечеринку? Вы довольны, куколки? Ну, пойдёмте.
- Кикко Бранделли берет под руку Даниелу и направляется ко входу. Даниела оглядывается и Джули передразнивает Бранделли: «Куколки». Потом делает вид, что ее тошнит, будто говорит: «Мамочки, какой же он страшный». Даниела незаметно изображает пинок. Джули со смехом идет за ними. Кикко прижимает Даниелу к себе.
- Ну, что вы опять? Все, ведите себя хорошо, вечно у вас игры. Заходим.
- Он подходит к четверем охранникам, это огромные негры с бритыми головами, одетые во все черное. Один из них проверяет билеты. Кивает – все в порядке. Опускает позолоченный канат, давая дорогу гостям. За ними следуют другие только что приехавшие ребята.

10

То ли немного позже, то ли гораздо позже. Когда засыпаешь, а потом просыпаешься, никогда не понять, сколько прошло времени. Я просыпаюсь. Она лежит рядом. Распушенные волосы на подушке, ровное дыхание. Я начинаю тихо одеваться. Ева просыпается, когда я натягиваю рубашку. Она проводит рукой рядом с собой. Понимает, что меня там нет. Поворачивается. Улыбается, обнаружив, что я рядом.

- Ты уходишь?
- Да, мне надо домой.
- Арбуз мне очень понравился.
- Мне тоже.
- А знаешь, что мне особенно понравилось?
- Я вспоминаю все, что мы проделали, и мне кажется, что все было одинаково хорошо. Зачем же разочаровываться?
- Нет, а что?

⁹ Знаменитая венгерская порноактриса.

– Что ты не спросил меня, понравилось ли мне.

Я ничего не говорю.

– Знаешь, это то, что все обычно спрашивают, и я себя так глупо чувствую... никогда не знаю, что сказать.

Все. Кто это все, чуть было не спросил я. Но, в конце концов, это неважно. Когда это не более, чем просто секс, объяснения не нужны. Вот когда это больше, чем секс, – тогда тебе нужны подробности.

– Я тебя не спросил об этом, потому что знаю, что тебе было хорошо.

– Нахал!

Она произносит это слишком нежно. Меня это беспокоит. Она придвигается и сжимает меня ногами, целуя при этом в спину.

– Ну ладно, тебе как, понравилось?

– Очень.

– Ну вот, видишь.

Она добавляет:

– Очень-очень.

– Знаю, – поспешно поцеловав ее в губы, направляюсь к двери.

– Я хотела тебе сказать, что пробуду здесь еще несколько дней.

Эта женщина уже начинает меня утомлять.

– Будешь заниматься шопингом?

– Да... – она улыбается, потягиваясь от удовольствия. – И шопингом тоже...

Я не даю ей возможности продолжить фразу.

– Позвони мне как-нибудь, у тебя есть мой телефон.

И быстро выхожу. По лестнице спускаюсь уже немного медленнее. Снова один. Надеваю куртку и достаю сигарету. Оцениваю обстановку. Половина четвертого. За стойкой уже другой портье. Помоложе. Он дремлет, откинувшись на спинку стула. Выхожу на улицу и завожу мотоцикл. Чувствую на себе запах арбуза, ну и всего остального. Жаль, что мне не удалось поблагодарить вчерашнего портье. Ну, например, оставить ему чаевые, пошутить с ним, выкурить сигаретку. Может быть, я даже рассказал бы ему что-нибудь, какую-то историю, которыми делятся между собой мужчины. Может, и у него в прошлом были такие истории, которыми он делился со своим другом. Нет ничего приятнее, чем рассказывать пикантные детали другу. Особенно, когда не затронуто твое сердце. Это не то, что было с ней. О ней я никогда никому не рассказывал, даже Полло.

Снова эти мысли. Что делать, ничего тут не исправишь. Когда ты просто занимаешься сексом, невольно вспоминается та, настоящая любовь. Она настигает тебя без предупреждения. Является запросто и всегда неожиданно: невоспитанная и прекрасная, и нет ей равных. На миг я снова растворяюсь в этом свете, в голубизне ее глаз. Баби. Я вспоминаю тот день.

– Ну давай, иди, чего ты ждешь?

Сабаудия. Побережье. Мотоцикл стоит под сосной, у дюн.

– Ну так как, Стэп? Я не поняла, тебе брать мороженое или нет?

Я наклоняюсь, чтобы защелкнуть цепь на мотоцикле.

– Ну что ты, как глупенькая. Я же сказал. Нет, Баби, не надо, спасибо.

– Да я же знаю, что ты хочешь.

Баби, моя нежная упряmica.

– Но тогда прости, что же ты спрашиваешь? Подумай сама, неужели бы я сам не купил, если бы хотел, оно стоит копейки?

– Вот видишь, какой ты. Сразу о деньгах. Какой же ты меркантильный.

– Да нет же, я так сказал, потому что лед ничего не стоит. Так что, Баби, даже если возьмешь, в крайнем случае можно его и выбросить.

Баби возвращается с двумя морожеными в руках.

– В общем, я взяла два. Держи, мне – апельсиновое, тебе – мятное.

– Мятное ненавижу.

– Слушай, сначала ты говорил, что вообще не хочешь, а теперь капризничаешь из-за вкуса. Посмотрите-ка на него. Увидишь, оно тебе понравится.

– Как я увижу, если я его не люблю!

– Ты сейчас так говоришь, потому что ты уперся. Бери, я тебя хорошо знаю.

Сначала она открывает мое и принимается его облизывать. Попробовав, она протягивает мороженое мне.

– М-м-м... Твое такое вкусное.

– Ну, так и возьми его.

– Нет, я сейчас хочу апельсиновое.

И лижет свое, с улыбкой глядя на меня. Вдруг вытягивается как струна – мороженое быстро тает, и она заталкивает его целиком в рот. Смеется. Потом ей снова хочется полизать мое.

– Слушай, дай мне немного твоего.

Она нарочно так говорит, и смеется, и трется о меня. Мы прислонились к мотоциклу, я расставляю ноги, она встает между ними, и мы целуемся. Мороженое тает, оно течет по пальцам. И каждый раз мы подставляем язык и слизываем то апельсин, то мяту. С пальцев, с запястья. Мягкая. Сладкая. Она похожа на маленькую девочку. На ней длинное голубое парео с темным рисунком. Оно завязано на талии. Голубые босоножки, купальник тоже голубой и на шее – длинное ожерелье с белыми круглыми ракушками, одни – побольше, другие – поменьше. Они пританцовывают на ее теплых грудках. Она целует меня в шею.

– Ай!

Она положила мне холодный кусочек мороженого на живот.

– Маленький мой, ай... – передразнивает она меня. – Что такое? Я тебе сделала неприятно? Тебе холодно?

Я напрягаюсь, и ей становится еще смешнее. Мороженое скользит по мышцам живота, капля за каплей. Ну, я ей отомщу.

– Ай.

– Вот тебе еще немного мяты на бока.

И мы продолжаем мазать друг друга апельсином и мятой по спине, по шее, по ногам и потом – между ее грудей. Кусочек мороженого откалывается и устремляется под лифчик.

– Ой-ой-ой, какой же ты дурачок, это же мороженое!

– Конечно, мороженое. Ледышка!

И мы смеемся. И погружаемся в холодный поцелуй под раскаленным солнцем. И апельсин с мятой перемешиваются у нас во рту, а мы гибнем от восторга.

– Слушай, Баби, пойдём-ка.

– Куда это?

– Пойдем...

Я оглядываюсь налево, потом направо, быстро бегу через дорогу, увлекая ее за собой, она бежит, спотыкаясь, выдергивая босоножки из горячего асфальта. Мы убегаем от моря, от дороги и лезем наверх, в дюны. И бежим дальше. Потом останавливаемся недалеко от кемпинга для иностранных туристов. Там мы падаем на раскаленный песок, среди выжженной травы, под солнцем-эротоманом. Я подстелил ее парео, и она опускается на меня, без купальника Она моя. Жара: пот стекает с нас, ручейками льется из-под светло-пепельных волос, вниз на ее уже загорелый животик, и еще ниже, в ее более темные завитки, и потом еще ниже – в мои... И потом – это сладостное удовольствие ее и мое. Баби медленно двигается на мне – вверх-вниз. Потом откидывает голову, улыбаясь солнцу. Радостная от того, что любима. И такая красивая в этом ореоле света. Мята. Апельсин. Мята. Апельсин. Мята... Апельсиинииин...

Хватит. Сгиньте. Оставьте меня. Воспоминания. Прошлое. Но меня оставляет и разум. Рано или поздно то, что ты старательно отбрасываешь, все равно настигает тебя. Самые глупые вещи, которые остаются в твоём прошлом, когда ты был влюблен, вспоминаются тебе как самые прекрасные. Потому что по своей простоте они не сравнимы ни с чем. И мне хочется кричать. В этой тишине, которая рождает боль, одну лишь боль. Ну хватит. Перестань. Разложи снова все по полочкам. Вот так. Теперь закрой. На два оборота. На самом дне души, там, за углом. В том саду. Там несколько цветков, немного тени и еще – боль. Умоляю, оставь все там, в потайном месте, так тебе не будет больно, и никто это не увидит. И ты не сможешь увидеть.

Ну вот. Вот ты все и запрятал. Теперь уже немного лучше. Я отъезжаю от гостиницы.

Еду медленно. Виа Пинчана, виа Паизьелло, впереди – площадь Эвклида. На проезжей части – никого. Перед посольством припаркована полицейская машина. Один полицейский спит. Другой что-то читает. Добавляю газу. Проезжаю светофор, еду по виа Антонелли. Лицо ласкает свежий ветер. На миг закрываю глаза, и мне кажется, что я лечу. Делаю глубокий вдох. Как хорошо. Стюардесса обслужила меня безупречно. Ева. Растворившаяся в «пастельно-голубом». Красивая. С идеальным телом. И еще: мне нравится, когда женщина не стесняется своих желаний. Сладкая. Сладкая, как арбуз. Даже еще слаще. Въезжаю на корсо Франча. Наступила глубокая ночь. Проезжаю акведук. Теперь чувствую, насколько похолодало. Несколько чаек кружат над Тибром. Усаживаются на мост. И застенчиво здороваются. Потом пикируют вниз, к воде. Слышны их негромкие крики: то ли призыв, то ли просьба. Сдавленные крики, как будто они боятся разбудить кого-то. Сбавляю газ и сворачиваю к Винья Стеллутти. И вдруг меня охватывает смех. Ева... как странно. Я даже не знаю ее фамилию.

11

А в Капель-ди-Гвидо всюду идет праздник. В залах оглушительно играет музыка. Красные, фиолетовые, синие лучи света. Девушки танцуют гоу-гоу на тюках сена, они совершенно голые. Культурист закован в цепи, на его блестящем от масла теле лишь греко-романская набедренная повязка, он делает вид, что рычит, и пытается освободиться от цепей, которыми прикован к стене. Дани и Джули кричат от восторга.

Голая девица верхом на своем ухажере пересекает зал. На диване, уединившись, парни и девушки пьют, смеются, целуются в полутьме, изредка освещаемые всполохами зеленого цвета, мигающего в такт музыке. Официанты в безукоризненных белых пиджаках ходят с подносами, предлагая разные алкогольные напитки высшего качества, начиная от рома «John Ballu» до джина «Sequoia». Кикко берет на лету два бокала и выпивает до дна. И танцует, не сходя с места, высоко поднимая руки.

– Классное местечко! Это преисподняя для богачей, а значит, только для нас... супер!

С этими словами он подхватывает Даниелу и крутит ее в темпе музыки, они смеются, он ее обнимает и нежно целует в губы. Потом отпускает, но она продолжает кружиться, не всегда попадая в такт.

– Подождите меня здесь, куколки, я возьму еще что-нибудь выпить!

Джули бросает взгляд ему вслед, потом оборачивается и молча смотрит на Даниелу.

– Дани, ты правда решилась?

– Уже ничего не поделаешь.

– Ах, вот как!

– Да нет же, он мне ужасно нравится, и нужно, чтобы все шло своим чередом, а ты только усложняешь.

– Я?

– А кто же еще? Я должна забыться. Но если я выпью, потом меня мутит.

– Дани, посмотри, это не Андреа Паломби?

– Да, он. Сто лет его не видела!

– Как он изменился! А что с ним случилось? Он с кем-то встречается?

– Нет, с тех пор, как мы расстались, у него депресняк.

– Вот видишь! И в первый раз тебе надо было сделать это с ним, он, по крайней мере, серьезно тебя любил. Сколько вы были вместе?

– Шесть месяцев.

– И что, за шесть месяцев не подвернулся удобный случай?

– Может, и подвернулся, но раз я так и хожу, значит, считай, что нет! Вот... И потом, такие вещи трудно рассчитать!

– А сегодня разве ты не рассчитываешь?

– Хватит, ты меня достала. Так я никогда это не сделаю. Мне нужен экстази! Вот, именно это мне и надо.

– Точно. Я брала его на вечере Джады, да, он точно тебе поможет.

– И как он на тебя подействовал?

– Ничего особенного. Я прекрасно себя чувствовала. Со мной был Джованни, и мы занимались любовью. Классно с ним было.

– Да уж, ты была в экстазе.

– Да при чем тут это. Нам с Джованни всегда классно! Мне всегда было с ним хорошо с этой точки зрения, у нас полное сексуальное совпадение, понимаешь?

– Да уж, у него сексуальное совпадение со всем, что движется!

– Ну вот, теперь ты сама – язва. Тогда ты могла бы пойти с Джованни, и проблем бы не было.

– Хватит, давай не будем ссориться. Где мне его найти?

– Кого?

– Джованни?! Да нет... Экстази. Ты совсем отупела.

– Вон смотри, она торгует наркотиками.

– Кто?

– Барыга. Ты просто витаешь в небесах. Барыги – это те, у кого есть товар. Видишь ту, с косичками? Да не туда ты смотришь! Вон, рядом с пультом. Так вот, у нее есть все, что надо. Я видела ее на входе. Поняла, какая? Видишь?

– Угу, но она стоит рядом с Маддой.

– С кем?

– С Маддой Федеричи, которая подралась с моей сестрой два года назад.

– Ну а тебе-то что? Ты здесь при чем, прости меня? Просто они вместе работают. По-здоровайся с ней и увидишь, проблем не будет.

– Думаешь?

– Иди давай.

Даниела набирается храбрости и идет в другой конец зала. Мадда замечает ее издалека. И сразу узнает. Она их никогда не забудет. Ни ту, ни другую. Она оборачивается к барыге.

– Софи, что у тебя осталось?

– Экстази и колеса.

– Видишь ту, что идет в нашу сторону?

Барыга смотрит на Даниелу.

– Ну и?

– Если она у тебя попросит что-нибудь, дай ей именно колеса.

– И сколько с нее взять?

– Твое дело.

Даниела подходит к ним. Останавливается. Барыга вскидывает подбородок, как бы говоря: «Тебе что-то надо?». Даниела сначала здоровается с Маддой.

– Привет, как дела?

Мадда не отвечает. Даниела задает свой вопрос:

– Извини, я хотела узнать, есть ли у тебя экстази.

– А я хотела бы знать, есть ли у тебя деньги, – отвечает барыга.

– Сколько это может стоить?

– Пятьдесят евро.

– Хорошо, держи.

Даниела вынимает деньги из кармана брюк и дает ей. Деньги в один миг исчезают в кармане барыги. Потом она достает из браслета белую таблетку. Даниела берет ее и собирается уходить.

– Эй, стой, – Мадда перегораживает ей дорогу. – С этим нельзя ходить. Здесь глотай. Держи. – И она протягивает Даниеле недопитую бутылку пива.

Даниела смотрит на нее в волнении.

– А если с пивом, плохо не станет?

– Если уж ты сюда пришла, будет только хорошо!

Даниела сует в рот таблетку и делает большой глоток пива. Переводит дыхание. Улыбается.

– Готово.

Мадда удерживает ее.

– Покажи. Подними язык.

Даниела повинуется. Мадда внимательно смотрит: да, в самом деле таблетка проглочена.

– О'кей, чао, иди развлекайся.

Даниела идет обратно, и в это же время Кикко Бранделли подходит к Джули с двумя бутылками шампанского. Мадда и Софи продолжают следить за ней взглядом.

– Вот увидишь, у нее крыша съедет. Если ты никогда ничего не принимала, колеса так пробивают, что не помнишь даже, что делала.

– Ну и прекрасно. Так она передаст от меня привет своей сестрице.

– С тобой лучше не ссориться, да?

– Да. Я всегда отомщу. Вопрос времени.

– Ну ладно, Мадда, я пошла.

– А с последним экстази что будешь делать?

– Домой заберу. Дамиано сегодня рано вернется. По крайней мере, немного покувыркаемся.

– Флаг вам в руки. Можно последнюю просьбу? Ты знаешь, какая машина у Эрнесто?

– Да, такая синяя битая.

– Слушай, тебе надо сделать...

Музыка грохочет в ушах. Дурь делает свое дело. Дани безудержно танцует перед Джули.

– Как ты?

– Как в сказке.

– И как она на тебя действует?

– А я знаю? Понятия не имею. Знаю только, что хочу трахаться. Хочу трахаться!

Даниела кричит и прыгает как сумасшедшая, иногда ее вопли перекрывает музыка, иногда – нет. И именно в этот момент она оказывается перед Андреа Паломби.

– Я хочу трахаться! – во все горло вопит Даниела.

Андреа улыбается ей.

– Наконец-то! – отзывается он эхом. – Я – тоже.

– Да, но с тобой не хочу!

И Даниела несется дальше, громко крича и прыгая от радости, поднимая вокруг себя шум, увертываясь от хватающих ее рук, выпивая протянутые ей бокалы, танцуя со всеми подряд, и, наконец, видит его лицо, его улыбку, попадает в его объятия и отдается его поцелуям... Да... Я тебя искала. Ты мне нравишься. Какой ты красивый. Она видит его светлые волосы, потом – темные, потом – не видит вообще. Потом вдруг видит, что они в какой-то комнате и он раздевается. Потом понимает, что и сама раздевается. С матраса снимается целлофан, как обертка с мороженого, с мороженого, которое хочется лизать. И она облизывает его. Потом она лежит на спине на холодном матрасе. Чьи-то руки берут ее снизу, раздвигают ей ноги. И она чувствует, как они ее ласкают. Ой, как больно... Больно... Но и должно быть больно? Да, так надо, думает она. Вокруг – все то же странное море, и волны качают ее: вверх – вниз, вверх – вниз. И это тело на ней – тоже колышется. Она улыбается. И смеется. Ее волнует один лишь вопрос: завтра утром кто-нибудь напишет что-нибудь для нее на стене? Разве это не так обычно происходит? Любовное послание, только для нее... И она снова улыбается. Засыпая. Она еще не знает, что никакой надписи не будет, никакой. И даже имени его она не узнает.

Немного позже. На заре.

– Нет, этого не может быть! – Эрнесто вне себя бежит к своей синей машине. – Мне выбили стекло!

– Слушай, – говорит Мадда, садясь в машину, – да она вся разбита!

– Да ты не поняла, у меня украли чудный подарок, который я купил для тебя! Ты не представляешь, сколько я отдал за него! Это та куртка, розовая, которая так тебе нравилась!

– Так ты отстегнул тысячу евро за подарок для меня?! И чего же ты хотел взамен? А? Ай, хитрец! Отвези-ка меня домой, я устала, спать хочу!

– Клянусь, Мадда, я тебе ее купил!

– Ну ладно, ладно. Слушай, я хочу домой, мне завтра рано уезжать.

– Куда?

– Во Флоренцию, я еду туда на неделю. Может, созвонимся, когда вернусь.

– И зачем ты туда едешь?

– Ну, по работе, развлечешься, да мало ли еще что. А почему ты меня допрашиваешь? Слушай, не надо меня утомлять... ты вечно меня душишь, оставь меня в покое!

И Мадда выскакивает на ходу, останавливает первую попавшуюся машину. И это машина Менджони. Тем лучше, она уедет с ним.

Эрнесто едет следом, крича:

– Куда ты? Подожди!

Мадда улыбается про себя. Чего ждать-то? Розовая курточка уже у нее дома. И не надо ее дожидаться. Какой чудный вечер! Сказочный! Здорово я вклепила младшей Джервази! Просто класс! Мадда еще не знает, какому кошмару она положила начало.

12

Сквозь полудрему слышу, как Паоло хозяйничает на кухне. Мой брат. Он старается не шуметь, орудуя посуду; я представляю себе, как он ставит тарелки на стол и закрывает ящики. Мой брат – как женщина. Он так же внимателен, как моя мама. Мама. Я не видел ее два года; интересно, какие у нее сейчас волосы? В тот последний год она часто меняла их цвет. Она следовала моде, прислушивалась к советам подруг, смотрела фотографии в журналах. Никогда не понимал, почему женщины так зациклены на волосах. Я вспоминаю фильм с Лино Вентурой и Франсуазой Фабриан «Женщина и каналъ» 1970 года. Он попадает в тюрьму. Она едет к нему. Затемнение. Слышны только их голоса.

– Что такое? Почему ты так смотришь на меня?

– У тебя новая прическа.

– Я тебе не нравлюсь?

– Не в этом дело. Когда женщина меняет прическу, это значит, что скоро она поменяет и мужчину.

Я улыбаюсь. Моя мать много раз видела этот фильм. Возможно, она восприняла эти слова всерьез. Одно точно: каждый раз, когда я ее вижу, у нее новая прическа. Паоло подходит к двери, тихонько, стараясь не скрипеть, открывает ее:

– Стефано, будешь завтракать?

Поворачиваюсь к нему:

– Что-нибудь вкусное приготовил?

Он слегка смущен:

– Думаю, да.

– Ну ладно, тогда иду.

Он никогда не понимает, когда я шучу. Не то что мама. Влезаю в худи и остаюсь в трусах.

– Ужас, как ты похудел.

– Не начинай... Ты уже это говорил.

– Мне тоже надо было бы съездить на годик в Америку, – он захватывает двумя пальцами складку на животе. – Смотри.

– Власть и богатство откладывают жирок.

– Ну, тогда я должен был быть худышкой. – Он пытается свести все к шутке. В этом он тоже не похож на маму, потому что ему это не удается. – О чем думаешь?

– Что ты классно накрываешь на стол.

Довольный, он усаживается за стол.

– Да, я люблю это...

Он передает мне чашку с кофе. Я беру и добавляю туда немного холодного молока, даже не попробовав; вонзаю зубы в большой шоколадный бисквит.

– Вкусно.

– Это с горьким шоколадом. Я взял их для тебя. Я их не люблю. Мама всегда тебе их брала, когда мы все жили вместе.

Я молча пью кофе с молоком. Паоло смотрит на меня. Кажется, он хотел что-то доба-

вить. Но передумал и начал готовить себе капуччино.

– Вчера вечером тебе звонила эта девушка, Ева Симони, она дозвонилась тебе на сотовый?

Ева. Оказывается, она Симони. Мой брат знает даже ее фамилию.

– Да, дозвонилась.

– Ты виделся с ней?

– К чему все эти вопросы?

– Просто интересно, у нее красивый голос.

– И все остальное не хуже, – я выпиваю кофе. – Пока, Па, увидимся.

– Везет тебе.

– В смысле?

Паоло поднимается из-за стола и убирает посуду.

– Ну, что ты можешь так жить: делать все, что хочешь, развлекаться. Сначала ты уехал, теперь в таком подвешенном состоянии, ничего определенного.

– Да, мне везет.

Я ухожу. Я мог бы много чего ему сказать. Я мог бы вежливо объяснить ему, что то, что он сказал, – это невыносимая, ужасная, позорная тупость. Что свободы ищет лишь тот, кто чувствует себя в плену. Но я устал. Сейчас не хочу ничего говорить, просто не могу. Я захожу в комнату, смотрю на часы на тумбочке, и тут только до меня доходит.

– Блин, ты меня разбудил, а еще только девять часов?

– Да, мне скоро на работу.

– Но мне-то куда не надо!

– Я знаю, но поскольку тебе надо ехать к папе... – он растерянно смотрит на меня. – Я разве тебе не говорил?

– Ничего ты мне не говорил.

Он все еще неуверенно, с сомнением смотрит на меня: говорил или не говорил? Он или вправду уверен, что говорил, или мой брат великий актер.

– В общем, он ждет тебя к десяти. Хорошо, что я разбудил тебя, правда?

– Неправда. Спасибо, Паоло.

– Да не за что.

Ни малейшего чувства юмора. Он продолжает убирать чашки и кофейник в мойку: все аккуратно составляет в правую раковину, строго в правую. Потом возвращается к разговору.

– А что ты не спросишь, почему папа хочет увидаться именно в десять? Тебе не интересно?

– Ну, если он хочет меня видеть, думаю, он сам мне скажет.

– Ну да, все правильно.

Видно, что он немного обиделся.

– О'кей. Скажи мне, почему он хочет меня видеть?

Паоло заканчивает мыть посуду и поворачивается ко мне, вытирая руки полотенцем. У него радостное лицо.

– Вообще-то я не должен тебе говорить, это сюрприз, – он замечает, что я завожусь. – Но я все же скажу, мне так хочется! Думаю, он нашел тебе работу! Ты счастлив?

– Ужасно.

Во всяком случае, чувствую себя лучше. Мне удастся сохранить самообладание даже при таком известии.

– Ну, и что скажешь?

– Что, если мы не прекратим болтать, я опоздаю.

Иду собираться.

– Ты счастлив? – очень сложный вопрос.

«Чтобы быть счастливым, – говорит Карен Бликсен¹⁰, – нужна смелость». Ты счастлив?.. Только мой брат мог задать такой вопрос.

¹⁰ Датская писательница (1885–1962). Автор религиозных притч о творческом и счастливом уделе человека, чем бы он ни занимался в обыденной жизни.

13

Без одной минуты десять. Над кнопкой звонка – моя фамилия. Но это дом моего отца. Фамилия написана ручкой, небрежно, без всякой фантазии, без чувств. В Америке так бы не написали. Но это неважно. Мы в Риме, на маленькой площади у корсо Триесте, недалеко от магазина, где продается контрафактная одежда. Она громоздится на витрине с ценниками в 29,90 евро. Как будто эти олухи не понимают, что за тридцать евро можно купить только отстой. Коммерсантские душонки, хитрые, на лице – вечная улыбочка. Звоню в домофон.

– Кто там?

– Привет, папа, это я.

– Ты пунктуален. Америка тебя изменила, – он смеется.

Мне хочется развернуться и уйти, но я этого не делаю.

– На каком ты этаже?

– На третьем.

На третьем. Вхожу в подъезд и закрываю за собой дверь. Странно, мне никогда не нравился третий этаж. Он находится на полпути между аттиком и садом, там мрачно и неудобно. Одолеваю два пролета. Здесь стоило бы поставить лифт. Половину прошел. Никакой пользы для того, кто хочет заниматься спортом, и крайне неудобно для тех, кто не хочет. Папа стоит у раскрытой двери и ждет меня.

– Привет.

Он взволнован и крепко меня обнимает. Долго держит в объятиях. Слишком долго. У меня поднимается комок в горлу, но я держусь. Думать об этом не хочу. Он слегка хлопает меня по плечу:

– Ну, как дела?

– Прекрасно. А ты, как ты?

– Хорошо. Как тебе нравится этот дом? Я переехал сюда уже полгода назад и мне здесь нравится. Я все оборудовал здесь сам.

Я хотел было сказать: «Это заметно», но удержался. Мне-то что за дело?

– Тут удобно – квартира небольшая, около восьмидесяти метров, но мне в самый раз, я ведь почти всегда один.

Смотрит на меня. Он надеется, что это «почти всегда» даст тему для разговора. Не дало. Если это говорилось для меня... Значит, вот здесь он уединился. Он улыбается и продолжает:

– Я нашел эту квартиру, купил, и знаешь что? Я всегда думал, что третий этаж мне не нравится, а на самом деле он лучше всего. Он более... изолирован.

Надеюсь, он не спросит меня, что я думаю на этот счет. Он, должно быть, слышал это сотни раз. Я ненавижу это слово.

– Здесь удобнее, спокойнее.

Тот, кто использует слишком много прилагательных, обычно хочет оправдать свой неправильный выбор.

Мне вспоминается одна фраза Саши Гитри¹¹: «Есть люди, которые говорят, говорят, говорят. Пока не найдут, что сказать».

– Да, я согласен.

Слова мои относятся к цитате, но отец этого не узнал: она пронеслась у меня в уме. Ему я ее не скажу.

Он улыбается.

– Ну?

Я смотрю на него в унынии. Ну? Что значит вопрос «ну?». Я помню, когда я учился в лицее, у нас был такой Чиро Монити: он сидел за первой партой и все время повторял: «Ну? Ну?»

А Иннаморато, он сидел за ним, отвечал ему: «Баранки гну!». И смеялся. Самое ужасное, что тот тоже смеялся. И это повторялось каждый день. Не знаю, встречаются ли они

¹¹ Французский писатель, актер и режиссер (1885–1957).

сейчас. Боюсь, они до сих пор так шутят... Ну? Ну, я люблю своего отца. Блин, как неудобно сидеть в этом кресле. Но я терплю.

– Ты не представляешь, как здорово было в Нью-Йорке. Просто отлично.

– Там хоть был кто-нибудь?

Я смотрю на него, не понимая.

– Я имею в виду – итальянцы.

Слава Богу, а то я испугался.

– Да, много, но они не похожи на тех, к которым мы привыкли здесь.

– В каком смысле – не похожи?

– Ну, не знаю. Они умнее, внимательнее. Говорят меньше ерунды. Ездят много, приветливы, рассказывают о себе...

– Что значит – рассказывают?

Если бы мы хотя бы сидели за столом. За столом я мог бы простить любого. Даже своих родителей. Кто это сказал? Когда я учился в лицее, меня эта фраза насмешила. Может, Оскар Уайльд? Кажется, я этого не перенесу. Попробую все же.

– Они не скрывают чувств. Смотрят жизни прямо в лицо. И потом... Они признают свои трудности. Не случайно у них у всех есть психоаналитики.

Отец смотрит на меня озабоченно.

– Ты что, тоже ходил к ним?

Мой отец всегда задает вопросы не по делу.

Я его успокаиваю:

– Нет, папа, я не ходил.

Я хотел было добавить: «Но может, мне бы и следовало к ним сходить. Как знать, может, американский психоаналитик смог бы понять мои итальянские проблемы». А может быть, и нет. Я хотел сказать это, но не сказал. Я не знаю, сколько мы еще просидим. Не стоит усложнять.

– Я не американец. А мы, итальянцы, слишком горды, чтобы признаваться, что в ком-то нуждаемся.

Он обеспокоенно молчит. Мне это не нравится. Тогда я пытаюсь помочь ему, чтобы он не подумал, что в чем-то виноват.

– И потом, извини, зачем выбрасывать деньги на ветер? Ходить к психоаналитику и сидеть, не понимая, что он там лопочет по-английски... Вот это, действительно, значило бы сдвинуться по фазе! – Он смеется. – Я предпочел потратить деньги на языковые курсы – я их выбросил, но, по крайней мере, не обольщался, что почувствую себя лучше!

Отец снова смеется. Но такое впечатление, что кажется, как-то через силу. Даже не знаю, каких слов он от меня ждал.

– Знаешь, иногда мы и самим себе не можем признаться в своих проблемах.

Он становится серьезным.

– Это верно.

– Я читал, что именно по этой причине в церкви все реже исповедуются.

– Ну да... – он не очень этому верит. – Где это ты такое прочитал?

Так я и знал.

– Не помню уже.

– Тогда вернемся к нашим делам.

А куда мы уходили? «Вернемся к нашим делам...» Как странно звучит. Меня мутит. Сидеть неудобно. Отец. Я начинаю нервничать.

– А Паоло ничего тебе не сказал?

– О чем? – солгать отцу. Это ведь порицалось на исповеди. Но я не хожу в церковь. Больше не хожу. – Нет, ничего не говорил.

– Ну ладно... – лицо его озаряется улыбкой. – Я нашел тебе работу.

Стараюсь разыграть удивление:

– Спасибо. – И улыбаюсь. Мне бы актером стать. – Можно узнать, о чем речь?

– Конечно. Глупый вопрос. Я подумал, поскольку ты был в Нью-Йорке и окончил курс компьютерной графики и фотографии... правильно?

Неплохо. Он тоже не в курсе, чем занимался его сын в Нью-Йорке. А ведь ежемесячно

оплачивал обучение.

– Правильно.

– Так вот. Идеально было бы найти что-нибудь, соответствующее тому, что ты изучал. И я нашел! Тебя берут на телевидение – будешь отвечать за компьютерную графику и дизайн!

Он говорит это так, будто переводит на итальянский речь во время церемонии вручения «Оскара»: And the winner is... Победителем становится... я?

– Ну, естественно, – пока ассистентом. То есть будешь следить за всем, что связано с графическим компьютерным дизайном и разными изображениями, думаю, так.

Значит, я не победитель. Я во второй классификации. «Спасибо, папа, мне кажется, это то, что надо».

– Или что-то в этом роде, точно не могу объяснить.

Как обычно, приблизительно. Неточно. Недалеко от истины или что-то в этом роде. Отец. Интересно, понял ли он, что же случилось с мамой? Думаю, нет. Иногда я спрашиваю себя, а что во мне от него? И представляю, как я был зачат: смотрю на него и представляю его на маме. Смешно. Если бы он знал, о чем я думаю. Звонит домофон.

– Наверное, это ко мне.

Отец быстро встает, на лице – легкая озабоченность. И правда, к кому бы это могли прийти? Я здесь больше никого не вижу, прямо как Алиса. Отец возвращается, но не садится. Остается стоять, нервно потирая руки.

– Слушай, не знаю, как сказать, но есть один человек, с которым я хотел бы тебя познакомиться. Немного неудобно говорить это собственному сыну, но представь, что мы с тобой друзья. В общем, это женщина.

Он смеется, чтобы разрядить атмосферу. Я тоже не собираюсь ее отягчать.

– Конечно, папа, какие могут быть проблемы... мы и есть друзья.

Я замолкаю. Он стоит и смотрит на меня. Я не знаю, что сказать. Отец отводит взгляд. В дверь звонят, и он идет открывать.

– Вот. Это Моника.

Красивая. Не очень высокая, много косметики. Сильно надушена, одета не стильно, волосы слишком взбиты, губы слишком ярко очерчены карандашом. Она улыбается, зубы тоже не очень. Да и вообще, не такая она и красивая. Я встаю, как учила меня мама, и мыжимаем друг другу руки.

– Очень приятно.

– Я так много слышала о тебе, ты ведь недавно вернулся?

– Вчера.

– И как там было?

– Хорошо, очень хорошо.

Она спокойно усаживается, скрестив ноги. Ноги длинные, очень красивые, туфли заметно поношенные, даже слишком. Я читал, что по обуви можно точно определить, насколько человек элегантен. Я много читаю, но никогда не помню, где что прочел. Ах да, это было в «Class», о самолете. Интервью с одним вышибалой. Он говорил, что по обуви всегда определяет, можно ли пускать человека в их заведение. Ее бы не пустили.

– А ты долго был в Нью-Йорке?

– Два года.

– Долго, – она, улыбаясь, смотрит на отца.

– Но они быстро пролетели, не страшно.

Надеюсь, она больше не будет задавать вопросы. Похоже, она поняла мою мысль и замолкает. И она замолкает. Вынимает из сумочки пачку сигарет. Синяя «Diana». Здесь бы вышибала тоже задумался. Зажигает сигарету цветной зажигалкой и после первой затяжки осматривается. Она делает это просто, чтобы всем было понятно, что ей, на самом деле, ничего не надо.

– Держи, Моника, – отец хватается пепельницу с тумбочки и устремляется к ней.

– Спасибо, – она пытается стряхнуть пепел в пепельницу. Но еще рановато.

На сигарете отпечатались ее красная помада. Ненавижу отпечатки помады на сигарете.

– Ладно, я пошел, до свидания.

– Пока, Стефано, было очень приятно познакомиться, – она слишком приторно улыбается. И провожает меня взглядом.

– Подожди, я тебя провожу.

Мы с отцом идем к двери.

– Мы познакомились несколько месяцев назад. Знаешь, я ведь четыре года был без женщины. – Он смеется.

Каждый раз, когда ему в чем-то трудно признаться, он смеется. А что тут смешного? И еще: он слишком строго себя судит. Кажется, так он пытается себя убедить в правильности своего выбора. Впрочем, мне нет до этого никакого дела. Мне не терпится отвалить.

– А она симпатичная...

Он что-то мне о ней рассказывает. Но я не слушаю. А он говорит, говорит, говорит. Я думаю о другом. Я вспоминаю, как однажды когда я был маленьким, мама шутила с ним в столовой. Потом она стала убегать от него, а он – догонять, по коридору, к спальне, а я бежал за папой и кричал: «Давай догоним ее, возьмем ее в плен!». Потом они сражались у двери. Мама смеялась и хотела закрыться в спальне, а отец пытался войти. И тогда мама оставила дверь и побежала к ванной. Но он догнал ее и бросил на кровать. И отец смеялся, потому что она начала его щекотать. Я тоже смеялся. Потом пришел Паоло. И мама с папой велели нам уйти из комнаты. Они сказали, что им надо поговорить, но при этом хохотали. Тогда мы с Паоло пошли играть в свою комнату. Через какое-то время они пришли к нам. Но разговаривали как-то медленно, тихо, они словно размякли тогда. Я помню их в странном освещении, как будто они сияли. Их волосы, глаза, улыбки – все светилось. И они тогда сели играть с нами – а мама обнимала меня, смеялась и без конца причесывала мне волосы. Она с силой зачесывала их назад, чтобы открыть лицо. Она мне мешала играть, но я ничего не говорил. Потому что ей это нравилось. И еще потому, что она была моей мамой.

– Папа, извини, но мне надо бежать... – я перебиваю его на полуслове.

– Ну, ты все понял? Запомнил время? В два часа у «Ванни». Тебя будет ждать господин Романи по поводу программы.

Вот он о чем говорил...

– Да, конечно, я понял. Господин Романи, в два часа у «Ванни». – Я перевожу дыхание. – Извини, ладно?

Потом быстро спускаюсь по лестнице, ни разу не обернувшись. Еще миг, и я сижу на мотоцикле. Поскорее уехать отсюда. Мне хочется уехать как можно дальше. Я переключаю передачи и, сам не знаю почему, мне это доставляет больше удовольствия, чем обычно.

14

Баби, куда же ты делась? В одной хорошей песне говорится, что и в большом городе можно встретиться случайно. Я целыми днями ношусь по городу. Сам того не осознавая, ищу ее. Эта песня сыграла со мной злую шутку. Баби и след простыл. Против воли я оказался под ее окнами. Теперь тут нет ни клумбы, ни привратника. Только опущенная решетка. Рядом, там, где раньше был гараж, – новый магазин одежды. Даже Ладзарески больше нет. Зато есть новый ресторан, «Джачини». Элегантный, белоснежный: он как будто призывает всех, кто его видит, стать лучше. Но я остаюсь как есть: в куртке Levi's, порванной в нескольких местах, верхом на мотоцикле с тихо урчащим глушителем.

– Эй, а ты случайно не Стэп?

Оборачиваюсь и выкатываю глаза от удивления.

Бог мой, кто это такая? Я сижу на мотоцикле перед газетным киоском, а ко мне подходит этакая смешная сидушка, со светло-каштановыми волосами и лицом балованного ребенка – руки в боки, и вид такой, будто бы я чего-то не понимаю.

– Ну, так что: это ты или нет?

– А ты-то кто такая?

– Меня зовут Мартина, я здесь живу в Стеллари. Ты можешь ответить на вопрос?

– А почему ты спрашиваешь?

– Ты можешь ответить... или ты боишься?

Меня разбирает смех. Крута. Ей от силы лет одиннадцать.

– Да, я Стэп.

– Правда – Стэп? Неужели? Правда? Поверить не могу... Быть не может.

Я смотрю на нее с любопытством. Это я никак не могу поверить.

– А что такое?

– Да ты, наверно, не помнишь меня, это было года два назад, я сидела у подъезда этого дома с двумя подружками и ела пиццу с помидорами, а ты пробегал наверх и сказал: «М-м-м, какая аппетитная пицца», а я ничего тебе не ответила, хотя много чего подумала, и хотела даже дать тебе ее попробовать!

– А может, я хотел есть...

– Нет, это здесь не причем.

– Ну, тогда я вообще ничего не понимаю.

– Да я просто хотела тебе сказать, что для меня, нет, для нас, – то, что ты сделал – круто. Мы говорим об этом с подружками, честно, – об этой надписи на эстакаде над корсо Франча... Супер. Три метра над небом. Мама дорогая, мы постоянно про нее вспоминаем. Но как ты до такого додумался? То есть, это действительно ты сделал?

Я не знаю, что ответить, но это неважно. Тем более, что она мне и не дает ничего сказать.

– Это самая крутая надпись какую я видела в жизни. Когда мама провожала меня в школу, я на нее всегда смотрела. А потом, ты знаешь, кто-то сделал такую же! То есть, содрал с тебя! И в других местах в Риме уже есть такие надписи, честно. С ума сойти, их уже несколько! Одна моя подруга сказала летом, что видела такую же у себя в городе на море.

– Честно говоря, я не хотел устанавливать моду.

Представляю, что бы подумали мои друзья, если бы увидели меня сейчас – как я разговариваю с этой сидушкой... И, тем не менее, мне приятно.

– Вот... хоть это и глупо, но мы все мечтаем о парне, который сделает такую надпись для нас... Но такого фиг найдешь! – Она смотрит на меня с улыбкой. По ее мнению, она отвесила мне комплимент.

– Вон, смотри...

Она украдкой указывает на мальчишку, сидящего у входа в дом. Он сидит на цепи, соединяющей тумбы ограждения. Раскачивается, отталкиваясь от земли кроссовками. У него длинные волосы, собранные в подобие косички с цветной ленточкой на конце, и он довольно пухленький.

– Его зовут Тома, мне он очень нравится, и ему это известно.

Парень замечает ее и улыбается ей издали. Вскидывает вверх подбородок, как бы здороваясь с ней. Видно, что ему интересно, о чем это Мартина разговаривает со взрослым парнем.

– Да, по-моему, ему это известно. Он специально дурачится с моими подружками и злит меня. Если только узнаю, кто ему это сказал... Но пока не уверена, что это серьезно... Во всяком случае, ему и в голову бы не пришло написать такое.

Я смотрю на Мартину и думаю: сколько же ей еще предстоит пережить. Думаю о красоте ее первой любви, о том, что ее ждет, о том, что все мы думаем, что любовь никогда не кончается.

– Самое большее, на что он способен – это делать тупые надписи для своей спортивной команды. И еще, знаешь что? Это я тебе обязательно должна рассказать. Однажды мои родители, которые живут вместе уже сто лет, или около того... так вот, однажды они ругались дома, как бешеные, а я сидела у себя в комнате и все прекрасно слышала, и мама вдруг сказала отцу: «Ты меня никогда не любил, ты просто все рассчитал: увидел, что я порядочная девушка, и тебе будет со мной хорошо... но это – не любовь, слышишь? Любовь это не расчеты, как у кассы в магазине. Любовь – это когда крышу сносит, когда делаешь невообразимые вещи, например, как та надпись на мосту. Я и ты... Три метра над небом. Вот что такое любовь». Так она ему сказала, понял? Классно, да? Что ты думаешь, Стэп? Мама ведь права?

– Эта надпись была для одной девочки.

– Да знаю я, для Баби. Она здесь живет, в Стеллари, в доме четыре, я ее знаю и часто вижу. Я знаю, что это была твоя девушка, я все знаю.

Она начинает меня утомлять. Что она может знать? Что она знает? Мне нет до этого дела.

– Ладно, спасибо, Мартина, мне надо ехать.

– Вот мы с девчонками и говорим, что ей здорово повезло. Такая надпись. Если бы мне мой парень написал такое, я бы ни в жизнь с ним не рассталась. Можно тебя спросить?

Я не успеваю ответить.

– Ну почему же вы расстались?

Отвечаю не сразу. Завожу мотор. Это единственное, что я могу сделать.

– Не знаю. Если бы знал, обязательно бы тебе ответил.

Кажется, она всерьез разочарована. Но снова улыбается.

– Ладно, если когда-нибудь будешь проезжать мимо, может, съедим по пицце с помидорами, а?

Смотрю на нее с улыбкой. Мы с Мартиной, одиннадцатилетней девчонкой, едим вместе пиццу. Друзья мои офигели бы. Но я ей ничего не говорю. Пусть, хотя бы в этом возрасте у нее будут мечты.

– Обязательно, Мартина, если буду проезжать мимо...

15

Паоло нет дома. Может, он не вернется к ужину. В квартире – идеальный порядок. Офигительный. Собираю сумку. Носки, шорты, худи, трусы, футболочки. Футболочки. Полло всегда смеялся. Надо мной за то, что я люблю уменьшительные суффиксы. «Поедем на прогулочку. Кофейку не желаете? Мне бы две ручечки...» Наверное, это от мамы. Однажды я сказал об этом Полло. Он рассмеялся. «Если ты женщина, – сказал он, – ты всегда останешься женщиной». И мама моя засмеялась, когда я ей это рассказал. Закрываю сумку на молнию. Я скучаю по тебе, Полло. Я скучаю по своему лучшему другу. И не могу сделать так, чтобы он вернулся. Не могу повстречаться с ним. Беру сумку и выхожу. Пропади все пропадом, не хочу об этом думать. Смотрю в зеркало, пока спускаюсь в лифте. Да. Думать ни о чем не хочу. Напеваю одну американскую песенку. Слова не помню. Я только ее и слушал в Нью-Йорке. Это старая песня Брюса. Блин, когда поешь, становится лучше. Я хочу, чтобы мне было хорошо. Выхожу из лифта с сумкой на плече. Напеваю: «Needs a local hero, somebody with the right style...». Да, что-то в этом роде. Какая разница? Полло больше нет. Нашего местного героя. «Lookin' for a local hero, someone with the right smile...» Мне бы так хотелось поговорить с ним, но это невозможно. А вот моя мать живет где-то неподалеку, но мне совсем не хочется с ней разговаривать. Пробую снова... «Lookin' for a local hero». Вот блин, не выучил ни одного слова из этой песни.

«Flex Appeal» – мой спортивный зал, наш спортивный зал. Наш с друзьями. Слезаю с мотоцикла. Немного волнуюсь. Что тут может измениться? Может, новые тренажеры появились? И кого я тут встречу? Останавливаюсь на миг на площадке перед входом. Застекленная дверь потускнела, словно утомилась и вспотела.

В большом зале девчонки танцуют под какую-то американскую песню. Среди них затесалось двое парней, они отчаянно пытаются попасть в ритм *bodywork Jim*. Именно так, согласно пришипленному на двери листку, называется то, чем они занимаются. На них тапочки, боди, спортивные костюмы и топы почти всех известных фирм. Похоже на показ мод. *Arabesque, Caprizio, Gamba, Freddy, Magnum, Paul, Sansha, So Danca, Venice Beach, Dimensione Danza*. Как будто, если на тебе модный лэйбл, ты будешь лучше танцевать. И как это двум мужикам не стыдно беспомощно прыгать среди этих телок. В облегающих цветных боди, с безупречным макияжем, или в черных майках, стретчах и спортивных костюмах. И среди них – два мужика в трико. Один – волосатый, второй – не очень. На них – широкие майки, скрывающие животы. Они прыгают вразнобой, задыхаясь и пытаюсь попасть в ритм. Но не попадают. Такое ощущение, что с самого рождения от них скрывали, что на свете существует ритм. Короче, им нелегко. Я иду дальше. За стойкой сидит парень: длинные, с крашеными прядями, волосы, загорелое лицо. Он самозабвенно разговаривает по мобильнику, по всему виду, с женщиной. Заметив меня, он продолжает разговор, потом поднимает вз-

гляд и извиняется в трубку перед некой «Федой».

– Слушаю вас.

– Я хотел бы купить абонемент. На месяц.

– Вы у нас были когда-нибудь?

Оглядываюсь вокруг, потом снова смотрю на него.

– А Марко Туллио нет?

– Нет. Завтра утром можете его увидеть.

– Хорошо, тогда я лучше завтра запишусь, я его друг.

– Как угодно...

Ему по барабану, деньги-то не его.

Иду в раздевалку. Два парня переодеваются перед тренировкой. Они шутят и смеются. Болтают о какой-то девчонке.

– Прикинь, мы ужинали в пиццерии Монтекарло. Знаешь? Так вот, у нее то и дело звонил телефон. Это мужик, он военный. А она несла ему какую-то хренотень.

– Да ладно!

– Правду говорю.

Я переодеваюсь и слушаю, но уже знаю, чем все закончится.

– А она все время повторяла: «Да нет же, нет, я ужинаю с Дорой. Ну, помнишь, парикмахершей»...

– Да ладно, а он?

– А что он может сделать? Он ей верил. Потом мы пошли к ней домой, и пока она мне делала минет, телефон снова зазвонил.

– И что ты?

– Я? Я ответил, а что же еще!

– И что ты ему сказал?

– Мне жаль, но в данный момент она не может ответить: она разговаривает с Дорой.

– Да ладно! Супер! – и они смеются.

– С тех пор я называю свой член Дорой. А вот и он... – он вынимает его и показывает другу. – Чао, Дора, поздоровайся с Марио!

Они хохочут как ненормальные; парень с «Дорой», держа ее в руках, прыгает босиком по мокрому полу. В конце концов, он поскользывается и падает. Его приятель захлебывается в хохоте, а я иду к тренажерам.

– Держи ключи, я их сюда кладу, – бросаю ключи от шкафчика с одеждой в коробочку на письменном столе.

Парень за стойкой, продолжая болтать по телефону, кивает. Потом, решив сказать мне что-то, прикрывает трубку рукой.

– Эй, шеф, сегодня можешь позаниматься так, но завтра оформи абонемент.

Он смотрит на меня, довольный собой – он тут основной, круче тучи – и с дебильной улыбочкой продолжает телефонный разговор. Повернулся ко мне спиной. Хвастается. Смеется. До меня доносятся его последние слова: «Слышала, Феда? Пришел тут и думает, что он у себя дома».

Он не успевает закончить. Я беру его за волосы. Пригорошней. Поднимаю со стула. Он стоит в положении «мирно», голова слегка повернута ко мне. Волосы, зажатые в моей руке, причиняют ему дикую боль, я знаю. Я помню это ощущение. Но сейчас это его волосы, не мои.

– Положи трубку, скотина.

Он говорит через силу:

– Я перезвоню, извини, – и нажимает отбой.

– Так вот. Во-первых, этот дом мой. И потом... – Я сжимаю его волосы еще сильнее.

– Ай-ай, мне больно.

– Я хочу, чтобы ты зарубил себе на носу: никогда больше не называй меня шефом. Понял?

Он пытается кивнуть, но получается лишь невнятное движение. Для убедительности я тяну еще сильнее.

– Не слышу... Ты понял?

– А-а-ай.... Да.

– Не слышу.

– Да! – он почти орет от боли. На глазах – слезы.

Мне даже немного его жаль. Слегка толкаю его и отпускаю. Он плюхается на стул. Массирует себе голову.

– Как тебя зовут?

– Алессио.

– Ну, давай, улыбнись, – я даю ему две легкие пощечины, – можешь снова звонить ей, если хочешь, скажи, что ты тут разобрался, выгнал меня из спортзала, говори, что хочешь, но... не забудь. Никогда не называй меня шефом.

И тут слышу голос за спиной:

– Потому что тебе следовало бы знать его. Это Стэп.

Удивленно оборачиваюсь, хотя и готов, если надо, к обороне. Не ожидал услышать свое имя. Я не видел тут никого из своих друзей, никого, кто бы мог знать мое имя. А вот, поди ж ты, кто-то знает. Он худой, совсем бестелесный. Высокий, с длинными руками, прическа самая обыкновенная, густые брови, сросшиеся у переносицы, длинный нос, широкий рот с тонкими губами. Может быть, рот кажется таким широким, потому что он улыбается. Похож на француза. Уверенный в себе, спокойный, руки в карманах, веселый взгляд. На нем длинные спортивные брюки и разодранное полинявшее худи. Сверху накинута светлая куртка Levi's. Не знаю, что о нем и думать.

– Не помнишь меня?

– Нет, не помню.

– А ты посмотри получше, может, я просто вырос.

Я смотрю на него внимательнее. У него на лбу прикрытый волосами шрам – ничего серьезного. Он замечает, куда я смотрю.

– Это я попал в аварию, ты приходил ко мне в больницу.

Блин, как же я мог его забыть!

– Гуидо Балестри! Сто лет... мы же в школе учились.

– Да, и еще два года в лицее. Потом я ушел.

– Ты экзамены не сдал? Я что-то не помню.

– Нет, я к отцу устроился.

Ах, да, точно. Как же! Балестри. Его папаша большая шишка, не помню где; он из тех, кто вращается среди всяких там кредитов, акций, и тому подобного. Он все время ездил за границу.

– Ну, как ты?

– Нормально, а ты?

– Да тоже нормально. Рад тебя снова встретить. Я много о тебе слышал, Стэп. Здесь, в Винья Клара, ты уже легенда.

– Ну, не сказал бы.

Перевожу взгляд на Алессио. Он наводит порядок на столе и делает вид, что ничего не слышит. То и дело прикасается к волосам. Гуидо смеется.

– Он не в счет. Ты легенда для тех, кто знает о наших приключениях. Тут до сих пор вспоминают те фантастические драки... Я помню, как ты навешал Тоскано в лесу за Виллой Фламиния.

– Да мы мальчишки были...

Гуидо немного разочарован.

– Я слышал, ты был в Нью-Йорке.

– Да, меня тут не было два года.

– Давай встретимся вечером. Мы тут небольшой компанией собираемся в одно местечко. Не хочешь с нами?

– А кто там будет?

– Да все с Виллы Фламиния. Наверняка ты многих помнишь: Пардини, Блансо, Манетта, Цурли, Бардато. Кто с подругами, кто – без. Давай, соглашайся, блин, все будут рады тебя видеть. Мы едем в «Acqua delle donne».

– Никогда там не был.

– Это очень красивое место, если у тебя есть подруга, бери и ее. Место офигенное. Сначала мы поедим, потом... классно погуляем... И десерт ты заработаешь... но у нее дома.

Ему удалось рассмешить меня.

– Когда вы едете?

– Около девяти.

– Я поеду поужинать, а гулянки меня не интересуют.

– То есть ты без подруги.

У него немного странный смех. Я помню, раньше он был пошустрее. У него передний зуб был сломан, и он не допускал излишнюю фамильярность. Теперь я его припоминаю. Мы звали его Корка. Нескладный, неспортивный – бег для него был настоящей катастрофой. Помню, когда у нас проводили урок физкультуры на стадионе в Вилла Фламиния, он финишировал в последних рядах. «Поросята» – так их называл Черроне, наш учитель физкультуры. Он и сам был хорош. Когда мы делали упражнения, он усаживался со спортивной газетой и проделывал две дырки в середине, чтобы следить за нами. Как будто мы этого не знали. Но особенно он прикапывался к трем поросятам. Они всегда приходили к финишу втроем: Балестри, Биелло и Иннаморато, бледные как покойники с высунутыми языками. «Молочные поросята! – кричал учитель. – Вас надо бы насадить на вертел и подрумянить». И хохотал как помешанный. Но я не напоминаю об этом Балестри. Лучше не надо. Он ведь позвал меня на ужин. Да еще и узнал меня первым.

– О'кей, тогда в девять в «Acqua delle donne», с подругой или без.

– Хорошо.

Он прощается и убегает. Что он делал в спортзале? Лишнего веса у него нет, он худой как мои самые выцветшие воспоминания. Впрочем, это его дела. А он все же клевый.

* * *

Ну вот. Я так и знала! Я так и знала, что Стэп придет сюда, в спортзал. Я была в этом уверена. И точно знала, что придет именно в этот спортзал! Какая же я умная! А он такой консервативный. Даже слишком. Хочется надеяться, что он хоть в чем-нибудь изменился! Ну ладно, теперь я ухожу. Он меня не видел. Я же услышала то, что должна была услышать.

* * *

Подхожу к первым тренажерам, быстро разминаюсь, повторяю все с начала, энергично, чтобы разогреть мышцы. Нагрузки небольшие, самый необходимый минимум. Вижу, как топорливо убегает какая-то девчонка в оранжевой шапочке, шапочка сползает у нее с головы. Сколько же странных людей на этом свете. Рядом две другие девчонки болтают и смеются над чем-то. Рассказывают друг другу о вчерашнем вечере и строят планы на сегодняшний. Одна слегка крашена, у нее короткие мелированные волосы, которые она беспрестанно поправляет. У нее чудная фигура, и она выставляет ее напоказ. Вторая – пухляшка невысокого роста, волосы падают на плечи, они кажутся темнее, чем на самом деле, потому что грязные. Руки держит на бедрах, ее серый тренировочный костюм кое-где в пятнах, и из него слегка выпячивается живот.

– Давайте, работайте! В спортивный зал ходят работать....

Я улыбаюсь, проходя мимо них.

Низенькая, вместо ответа, строит какую-то рожицу. Вторая поспокойнее.

– Мы восстанавливаемся.

– После чего?

– После упражнений со штангами.

– А, я-то думал, после чего поприятнее.

– Это будет позже.

– Кто бы сомневался.

Теперь они обе смеются. На самом деле, насчет второй у меня есть кое-какие сомнения. Женщины всегда умеют сделать так, что последнее слово будет за ними. И что подделаешь, нам приходится консолидироваться, по крайней мере, в некоторых случаях. Я смотрю на нее

внимательнее. Она говорит что-то подруге, указывая на меня взглядом. Та смотрит на меня. Я вижу ее отражение в зеркале, она улыбается. Девушка и вправду красивая: короткие волосы, маленькая грудь четко вырисовывается под боди. Видны соски. Она это знает, но не прикрывается. Я улыбаюсь и переключаюсь на свой брюшной пресс. Делаю первый подход до ста. Когда заканчиваю, девушек уже нет. Наверное, пошли в душ. Не факт, что я их узнаю, если случайно встречу. Меня всегда удивляло, до какой степени женщина меняется, выйдя из раздевалки. Она совершенно не похожа на ту, которую ты видел чуть раньше на тренажере со свободными весами. Все без исключения становятся красивее. В худшем случае, ты представляешь ее в элегантной одежде, а она выходит в сапогах с золотыми пряжками или что-нибудь в этом роде. Но так или иначе, они меняются. Здесь еще не последнюю роль играет макияж. Второй подход до ста. Я, не останавливаясь, делаю упражнения: руки за голову, локти прямые, напряженные, открытые; смотрю в потолок. Раз-два. Еще быстрее. Все, больше не могу, в мышцах появляется боль, я думаю об отце, о его новой женщине. Продолжаю, не останавливаясь, восемьдесят восемь, восемьдесят девять, девяносто. Думаю о матери. Девяносто один, девяносто два. Сколько же времени я ее не видел. Девяносто четыре, девяносто пять. Я должен позвонить ей, надо бы позвонить. Девяносто восемь, девяносто девять, сто. Все.

– Глазам своим не верю, Стэп!

Я оборачиваюсь, слова вымолвить не могу – такая боль в мышцах живота. На секунду вспоминаю фильм Троици¹², где он, увидев женщину, которая ему очень нравится, делает круг вокруг дома и, когда выскакивает на нее, так тяжело дышит, что слова вымолвить не может.

Троици – это круто.

– Что ты тут делаешь? А-а, ты вернулся... Мне говорили, ты в Нью-Йорке!

Кто тут еще? Ничего не поделаешь. Здесь невозможно остаться незамеченным.

Перевожу дыхание. Ну уж его-то я сразу узнаю.

– Привет, Яхтсмен, как дела?

– Ты помнишь мое прозвище? Знаешь, меня уже давно так никто не называет.

– Значит, ты изменился?

– Да я и не понимал никогда, почему все называли меня Яхтсменом. Я говорил, что люблю лодки, но никогда толком на них не катался.

– Ты что, и вправду не знаешь, что значит твое прозвище?

– Нет, не знаю.

Я рассматриваю его. Те же крупные зубы, футболка с дырками, ярко-синего цвета шорты рваные и сползшие носки, идеально сочетающиеся со старыми кроссовками «Adidas stansmith». Яхтсмен.

– Ну, скажи.

Я вру:

– Тебя звали Яхтсмен, потому что ты очень любил море.

– Поэтому? Теперь понял. Это правда. Я его люблю.

Он удовлетворен, он гордится своим прозвищем. Кажется, он даже смотрится в зеркало, настолько его плющит. На самом деле, у него никогда не было денег, и он ходил с нами, чтобы поесть пиццу на халяву. Поэтому все и говорили: «Вон он, несется на всех парусах». Бедный Яхтсмен. Однажды он получил тумачов от одной потаскухи в боулинге, недалеко от Аниене: он там, вроде как выполнил какую-то работенку и хотел, чтобы ему сделали скидку. У него было при себе девять евро, а навеселился он на все двадцать...

– Слушай, я так рад, что ты вернулся, – он восторженно смотрит на меня, похоже, и вправду рад. – Ты уже видел кого-нибудь?

– Нет, я вчера только приехал. Никого еще здесь, в зале не видел.

– Сейчас уже кто где занимается. А многие пришли работать. Другие за границу уехали. Ой, смотри, кто идет.

За окном проходит парень с короткой стрижкой и темно-синей сумкой на плече.

12 Массимо Троици (1953–1994) — итальянский актер, сценарист и режиссер.

- Что-то не узнаю.
Присматриваюсь. Нет, не узнаю. Яхтсмен изо всех сил старается мне помочь.
- Да это же Негр. Помнишь его?
– А-а, понятно. Что-то припоминаю.
Парень входит и здоровается с Яхтсменом:
– Привет, Андре. Тренируешься?
Яхтсмен гордо указывает на меня.
– Ты что, не видишь, с кем я? Это Стэп.
Негр смотрит на меня внимательно. Улыбается. У него симпатичное лицо, немного сплюснутые скулы. Он делает шаг навстречу.
– Что, и вправду Стэп?.. Быть не может. Сто лет не виделись.
Теперь я его узнаю. Сейчас у него короткие волосы. Раньше они были длинные, сальные, он частенько стоял в синей куртке у бара «Эвклиде» возле Винья Стеллутти.
– Я и не знал, что у тебя такое прозвище. Негр. Кажется, тебя зовут Антонио.
– Да, после той истории с Тайсоном, все решили, что я на него похож.
У него короткая шея, пористая кожа, и слегка приплюснутый нос. И волосы подстрижены, как у Тайсона. Круглые глаза, и верхняя губа чуть больше, чем надо.
– Не очень-то ты похож.
– Не внешне! – Он хрипло смеется и закашливается. – Это из-за драки! Короче, я был на конкурсе мисс Террачина и там стал клеить одну участницу. Понял? Поэтому мне и припомнили Тайсона. Эта телка пригласила меня к себе в комнату, я полез к ней, а она думала, что я буду ей анекдоты рассказывать. Заорала и указала мне на дверь. Но я-то ей быстро объяснил, что она с головой не дружит. Вот с тех пор меня и прозвали Негром.
Они с Яхтсменом дружно смеются.
– Про эту историю писали все местные газеты. Легендарный Понтийский Тайсон. Так что я был прав, той девице радоваться надо было.
Яхтсмен добавляет азартно:
– Ты круче Тайсона! – И они снова заливаются смехом.
– Кстати, ты ведь был в Америке – в Нью-Йорке, если не ошибаюсь.
Ну вот, снова.
– Да. Я жил там два года, учился. Вчера вернулся. А сейчас хочу потренироваться.
Я пытаюсь закончить разговор.
– Слушай, а как ты насчет помахаться немного? Я слышал, ты был неплохим боксером. – Негр улыбается: он доволен своим предложением. Он уверен в себе.
– Ты, конечно, давно не тренировался и если не хочешь – черт с ним, забей. Просто все тут повторяют: «это легенда», «это легенда», и вот я, наконец, тебя вижу...
Негр самодовольно посмеивается – не слишком ли он уверен в себе? Похоже, он тренируется каждый день часа по полтора.
– Давай, если хочешь.
– Тогда я иду переодеваться.
В его глазах появляется особый блеск: взгляд оживляется и становится злее. А Яхтсмен по-прежнему ведет себя по-идиотски:
– Круто, значит, можно делать ставку, вот мне свезло, Негр. А можно, я за твой счет угощусь «Гатораде»¹³, а то я сегодня без копейки?
Негр кивает и направляется в раздевалку. Яхтсмен на всех парусах несется в бар, подтверждая свое прозвище. Я остаюсь в одиночестве. Алессио из-за стойки пристально смотрит на меня. Он сосет «Чупа-Чупс», и во взгляде его появилось что-то новое. Он опускает глаза и утыкает их в «Papioli Pocket», лежащий перед ним на столе. Перелистывает две страницы, снова смотрит на меня и улыбается.
– Извини, Стэп, я тебя не знал. Не знал, кто ты.
– И кто же я, черт возьми?
Он некоторое время растерянно смотрит вверх, как бы пытаясь найти на потолке ответ.

13 Энергетический напиток компании «Пепси».

Так и не обнаружив его, решительно выпаливает:

- Ну, ты известная личность.
- Известная личность... – размышляю над услышанным.
- Да, это интересный аргумент. Молодец. Я никогда об этом не думал.

Он радостно улыбается, ему и в голову не может прийти, что, в действительности, он просто кретин.

- Слушай...
- Что, Стэп?
- Есть здесь что-нибудь для бокса?
- А как же.

Он выходит из-за стойки и быстро идет к скамейке у входа. Поднимает сидения.

- Здесь вещи Марко Туллио. Он никому не разрешает ими пользоваться.
- Спасибо.

Взгляд его полон восторга. Я сажусь на скамейку и натягиваю боксерские перчатки. На него не смотрю, но чувствую, что он глаз с меня не сводит.

- Хочешь, затяну?
- Давай!

Подбегает ко мне. Аккуратно берет шнурки, крепко затягивает их с внутренней стороны перчаток. Теперь он не улыбается, он – сама серьезность. Слегка кусает губу, а длинные волосы то и дело падают ему на глаза. Другой рукой он отбрасывает их назад, не переставая трудиться. Медленно, старательно, он крепко завязывает мне перчатки.

- Готово! – он снова улыбается.
- Встаю. Стучу перчатками одну об другую.
- Нормально?

- Он хочет убедиться, что хорошо сделал свою работу.
- Классно.

Из женской раздевалки выходят девушки, с которыми я только что разговаривал. На высокой – черные брюки, доходящие до щиколоток, легкий макияж, на губах – помада, придающая им спокойный и доброжелательный вид. Сумка через плечо, белая рубашка с маленькими перламутровыми пуговками, – все это хорошо сочетается с ее элегантной походкой. На той, что пониже, – юбка в сине-коричневую клетку, коротковатая для ее ног, и черные мокасины, не вяжущиеся с ее небесно-голубой кофточкой. С помощью косметики она попыталась сотворить чудо со своим лицом, но чуда не случилось: похоже, святые, отвечающие за такие чудеса, сегодня отдыхают. Девушки остановились у стойки. Алессио идет к ним, чтобы сделать пометки в их абонеентах.

- Высокая подходит ко мне.
- Привет, меня зовут Аличе.
- Стефано.

Протягиваю ей руку в перчатке. Она со смехом пожимает ее.

- А это моя подруга Антонелла.
- Привет.
- А ты что, боксом занимаешься?
- Да, пытаюсь.
- Ты не возражаешь, если мы останемся посмотреть бой?
- Почему я должен возражать? Если вы будете за меня болеть, конечно, оставайтесь. Они смеются.

- Хорошо, ставим на тебя. А вдруг победишь?

В этот момент из раздевалки появляется Негр.

На нем длинные голубые спортивные трусы как у настоящего боксера. Он уже надел перчатки. На руках у него несколько шрамов и куча татуировок. Неплохая экипировка.

Аличе удивленно:

- Ты что, с Негром будешь драться?
- Так значит, он тоже известная личность.
- Да, а что?
- Знаешь, мы, похоже, ошиблись, поставив на тебя.

Девушки и в самом деле смотрят на меня с тревогой. Я пытаюсь успокоить их:

– Да ладно, девчонки! Самое страшное – если эта канитель затянется.

Негр меня перебивает.

– Ну что, пошли?

Он спешит.

– А как же. Иди вперед.

Он проходит в зал аэробики. На синих матах две девочки делают упражнения на брюшной пресс. Увидев нас, они недовольно вздыхают:

– Только не говорите, что нам нужно уйти.

Я пытаюсь свести все к шутке:

– Если только вы тоже не собираетесь помахать кулаками.

Негр лишен чувства юмора:

– Давайте, валите отсюда.

Через минуту их уже нет.

– Три раунда без перерыва, согласен? – он произносит это довольно жестко.

– Согласен. Получится неплохая тренировка.

– Получится классный бой, – он неприятно улыбается.

– О'кей, как хочешь, – поворачиваюсь к Аличе, которая стоит у окна. – Будешь давать команду?

Она кивает с улыбкой.

– Буду. А как это делается?

– Очень просто. Каждые полторы минуты будешь кричать «Стоп».

– Понятно.

Она смотрит на часы, готовясь дать старт. Тем временем я разминаюсь, подпрыгивая на месте, и разогреваю руки. В голове проносится мысль: эта низенькая, Антонелла, могла бы каждые полторы минуты входить с табличкой номера раунда, а потом пробегать по всему залу, как в американском кино. Но здесь не Америка. И не кино. Здесь спортзал. Негр тоже начинает подпрыгивать и наносить удары в воздух, глядя при этом на меня в упор. Аличе отрывает глаза от часов. Наши взгляды встречаются. Она волнуется. Как будто чувствует за собой вину. Но тут же решает, что ждать нечего. И громко кричит:

– Бокс!

Негр сразу же выдвигается мне навстречу. Про себя я улыбаюсь. Единственное, чем я продолжаю эти два года заниматься в Америке, – это ходить в спортзал. А если точнее – я занимался боксом. С той лишь разницей, что там были реальные негры, сильные и с хорошей реакцией. И биться с ними было стремно. Очень стремно. Но я держал удар. И не так уж плохо. Но что я делаю? Я думаю не о том... Нашел время. Негр внезапно наносит мне два мощных удара в лицо.

Я уклоняюсь вправо и влево. И нагибаюсь, когда он делает попытку ударить меня в скулу. Потом делаю вдох и прыжками отхожу назад. Уклоняюсь еще от двух ударов и начинаю по дуге обходить соперника. Негр делает обманное движение и бьет меня в низ живота. Я вздрагиваю и сгибаюсь пополам. Бляха, мне не хватает воздуха. Из меня вырывается какой-то хрип, и зал начинает вращаться. Да, он мне хорошо вмазал. Едва успеваю разогнуться, как на меня справа обрушивается его перчатка. Уклоняюсь чисто инстинктивно. Но он задевает меня и разбивает нижнюю губу. Блин. Блин. Сукин сын. Я смотрю на него. Он улыбается:

– Ну, как дела, легендарный Стэп?

Этот козел настроен серьезно, Я возвращаюсь в стойку:

– Теперь лучше, спасибо.

Понемногу прихожу в себя. Предметы снова обретают свои контуры. У окна собрался народ. Я узнаю Аличе, ее подругу Антонеллу, Алессио, Яхтсмена и еще кого-то. Перевожу взгляд и концентрируюсь на сопернике. Теперь моя очередь. Негр попрыгивает и наступает, прикрываясь правой и атакуя левой. Я пропускаю его, уклонившись вправо, и резко бью левой рукой ему в бровь. Подскакиваю и со всей силой бью правой в лицо. Слышу, как трещит нос под перчаткой. Он не успевает отпрыгнуть назад, как я два раза бью его в левый глаз – первый удар он блокирует, но потом теряет бдительность, и второй удар настигает его, как

болид.

Негр пятится и трясет головой. Глаза он открывает как нельзя вовремя: как раз, чтобы увидеть мой хук. Правую бровь я ему разбил. Кровь стекает на щеку, как будто он плачет красными слезами. Негр пытается прикрыться перчатками. И получает апперкот в живот. Складывается пополам и опускает перчатки на землю. Ошибочка. Вот видишь... Ошибочка. Я однажды видел такое в Америке и инстинктивно повторил.

– Эй, Негр, а ты-то как себя чувствуешь?

Я не жду от него ответа. Я его уже знаю. Заряжаю правую и посылаю заряд. Снизу вверх, в низ подбородка. От этого удара Негра отбрасывает назад. Он классно улетает. И приземляется на пирамиду из розовых и фиолетовых степперов, пирамида рушится. Его отбрасывает к зеркалу, и он медленно скользит по нему лицом, оставляя розовый след. Опускается на бежевый линолеум, по которому тут же растекается кровь.

Я поворачиваюсь к Аличе:

– Ну, сколько там осталось?

Аличе смотрит на часы. Осталось несколько секунд.

– Стоп. Теперь все.

– Видишь, я же говорил? Это будет недолго.

Я выхожу из зала аэробики. Яхтсмен бежит посмотреть – как там Негр.

– Не волнуйся, всё в порядке. Он дышит.

Яхтсмен успокаивается.

– Не хрена себе, Стэп, ты же кишки ему выпустил.

– Он ведь сам хотел серьезный бой... Вот и получил.

Я иду к зеркалу. Смотрю на губу. Она разбита и распухла. Зато с бровью порядок. Ко мне подходит Аличе.

– Если бы это был настоящий бой, и я поставила бы все свои деньги, я бы все потеряла.

– Да ладно тебе, мы бы с тобой договорились, и я бы свалился в первом же раунде.

Подходит Алессио:

– А я бы, наоборот, все деньги себе забрал. Сам не знаю почему, но я сразу понял, что победишь ты.

– Как это – сам не знаешь почему.

Он снова попал в неловкое положение: хочет что-то сказать, а что – не знает. Я прихожу ему на помощь.

– Давай, сними мне перчатки.

– Держи, я тебе принес льда для губы.

Аличе тоже несет мне бумажную салфетку с кубиками льда.

– Спасибо. Скажи своей подруге, чтобы она набрала холодной воды и протерла лицо Негру. Ему будет легче.

– Она уже это делает.

Аличе смотрит на меня со странной улыбкой. Я заглядываю в зал. Антонелла помогает Яхтсмену делать примочки Негру. С помощью косметики, или если случится чудо, девушка получит свое. Яхтсмена или Негра. Даже не знаю, кто из них хуже. Один, скорее всего, ей не заплатит, второй изнасилует. Но меня это не касается. Я сажусь на скамейку. Прикладываю салфетку к губе. Аличе смотрит на меня. Она хочет что-то сказать. Но как и Алессио, не знает, что именно. Я не иду ей на выручку. Никакого желания. Сейчас, по крайней мере.

– Извини, я пойду в душ.

И ухожу со сцены. Оставляю их одних. На минуту представляю, как Аличе и Алессио ужинают вместе: оба пытаются завязать разговор. Феде не пришла бы от этого в восторг. Но это тоже меня не касается. Через миг, забыв обо всем на свете, я захожу в душ.

Тот, кто не видел бар «Ванни», не сможет меня понять. Впрочем, как и тот, кто видел. Останавливаю мотоцикл перед ним. Тут что-то вроде арабского квартала, где много цветных. Женщина с крупными губами и столь же внушительным бюстом разговаривает с лысеющим

типом, у которого остатки волос зачесаны так, чтобы замаскировать лысину. На женщине – короткая юбка, открывающая чудные ножки. Конечно, она смеется, слушая рассказ лысого, и при этом отвечает кому-то по телефону, похоже, врет. Лысый притворяется, что ему по барабану, он сует руку в карман пиджака в мелкую белую полосочку. Вынимает сигарету и закуривает. Выпускает кольцо дыма и делает вид, что ему хорошо, а его взгляд так и скользит в вырез платья женщины. Она ему улыбается. Как знать, может, он и раздует в ней огонь. Вокруг царит хаос. Все орут, кто-то просит мороженое похолоднее, парни, сидя на мопедах, обсуждают планы на вечер. Мимо проезжают «Мазерати» в поисках места для парковки. Какая-то «Мерседес» пристраивается во второй ряд. Все здороваются друг с другом, тут все друг друга знают. А вон Джепи, он сидит на мопеде «SH 50»: коротко стриженные волосы, на запястье – татуировка браслета в стиле маори и остатки второй татуировки, сделанной давным-давно на костяшке правой руки. Там еще можно прочитать слово «Боль». Может, он думает, что с такой надписью удары, которые он наносит, будут эффективнее. Я отстраненно улыбаюсь. Он смотрит по сторонам с безразличным видом. На нем – рваная худя, непонятно какого размера. Пробегает рассеянным взглядом на мне: не узнает. Так даже лучше. Мне надо встретиться с одной шишкой, а Джепи не имеет к этому никакого отношения. Шишка... По крайней мере, так мне видится этот тип, описанный отцом. Он говорил о жутко образованном мужчине, высоком, элегантно, худом, всегда одетом как с иголки, с длинными волосами, темноглазом, в галстук «Regimental» с чуть ослабленным узлом. Отец особенно подчеркивал эту деталь: «Немного ослабленный галстук имеет очень большое значение, Стэп, но это пока мало кто понимает».

Думаю, никто его об этом никогда и не спрашивал. Я оглядываюсь по сторонам. Не вижу никого, кто мог бы быть «шишкой». Если присмотреться, то и особо худых здесь тоже не видно. Разве что Джепи. Да, честно говоря, Джепи довольно худой. Ему, правда, не хватает всего остального. Он так и сидит на своем мопеде «SH 50». Мимо проходит цыганка лет пятидесяти. Джепи рассеянно смотрит перед собой, и цыганка хватается его со спины за руку.

– Один евро за твоё будущее. Я приношу счастье.

– Чего тебе? Ты что, рехнулась?

– Поверь мне, дай я тебе по руке погадаю, милый. – Цыганка начинает водить пальцем по руке Джепи, как бы читая. – Ну вот, вижу удачу...

Джепи испуганно отдергивает руку.

– Да иди ты! Не хочу я знать своё будущее!

Но цыганка настойчива и снова хватается его руку.

– Покажи мне хорошенько, всего один евро, я же сказала.

– Да ты не поняла, что ли? Не трахай мне мозги!

Цыганка не отстает. Она начинает рассказывать его будущее. Не просто так, за деньги! Это становится похоже на какую-то смешную игру. И тут Джепи вырывает руку и плюет ей в лицо. И смеется. Цыганка берет край юбки, обнажая коричневые лодыжки, и вытирает лицо. На щеке появляется светлая полоска, с ее черных губ несутся проклятия:

– Пропади ты пропадом! Я тебе еще покажу!

– Что? Что ты сказала? Повтори! Ну, говори, сейчас получишь у меня!..

Джепи спрыгивает с мопеда, чтобы дать ей тумака, но цыганка убегает. На минуту все увлекаются этой сценой, но тут же возвращаются к своей болтовне. Забавно – можно будет рассказать кому-нибудь за ужином или просто к слову упомянуть. Одно точно: Джепи – не тот, кого я жду. Наконец, я вижу его. Вон он. Его вид категорически не вяжется с окружающей обстановкой. Сидит себе за столиком и потягивает из стакана что-то светлое. В стакане плавают оливки. У него длинные волосы, как и было сказано. На нем льняной темно-синий костюм, белая, безупречно чистая рубашка. Легкий галстук в черно-синюю полоску доходит до ремня, ноги скрещены. Из-под брюк видны «Top-Sider»¹⁴, не слишком новые, но и не слишком старые: вполне сочетающиеся с ремнем на брюках.

Если бы у меня и оставалась тень сомнения, то расстегнутая верхняя пуговица рубашки решительно бы его отмела. Это он.

¹⁴ Компания, производящая легкую обувь.

- Здравствуйте.
- Он встает. Кажется, он рад меня видеть.
- О, добрый день. Вы Стефано?
- Пожимаем друг другу руки.
- Ваш отец так много говорил о вас.
- А что ему остается?
- Он смеется.
- Извините. – Ему звонят по телефону: – Привет. Конечно, не волнуйся. Я уже все сказал. Я все сделал. Все нормально. Вот увидишь, они всё подпишут.
- Как всякая шишка, он любит слово «всё».
- Извини, у меня встреча. Да, пока. Да, конечно. Конечно, мне подходит, я же сказал.
- Он захлопывает телефон.
- Вот зануда. – Улыбается. – Извините. Итак, вы говорили что...
- Я начинаю рассказывать о курсах, которые я закончил в Нью-Йорке.
- Значит, трехмерная графика.
- Да.
- Прекрасно. – Он удовлетворенно кивает. Кажется, он разбирается в этом деле. Снова звонит телефон. – Извините, сегодня и вправду сумасшедший день.
- Я качаю головой, делая вид, что понимаю. Думаю, у него каждый день такой. Вспоминаю, что и у меня тоже есть телефон. Глупо, но я слегка краснею. Вытаскиваю его из куртки и выключаю. Он замечает это. А может, и нет.
- Он заканчивает разговор.
- Отлично, я тоже его выключу, так мы сможем с вами спокойно поговорить.
- Значит, заметил.
- Итак, ты будешь ассистентом дизайнера Марк-Антонио Маццокка, – стремительно переходит он на «ты», – он у нас занимается графикой. Большой умница. Ты сейчас с ним познакомишься, он скоро подойдет, это с ним я только что говорил.
- Надеюсь, это не тот, с которым он говорил в первый раз: того он назвал занудой.
- Представляешь, он из аристократов, у него огромные поля с виноградниками на севере. В Вероне. Вернее, у его отца. Он занялся живописью. Потом приехал сюда, в Рим, и пошел по фирмам: делал им пригласительные билеты на разные праздники, ну и всякую другую мелкую работу. И потихоньку стал специализироваться на компьютерной графике. А потом я его взял к себе.
- Я слушаю его. Хочется сказать: это как в том фильме «И пришел паук» – «Человека можно узнать по его занятиям». Но решаю ничего не говорить. Надо сначала познакомиться с ним, с этим Маццокка. Он делает глоток аперитива. Здоровается с кем-то. Вытирает губы бумажной салфеткой. Улыбается. Он упивается своей властью, своими решениями, тем, что взял на работу аристократа, который занимается графическим дизайном у него на телевидении.
- В общем, надеюсь, ты подружишься с ним. Конечно, он немного зануда....
- Значит, это он из первого разговора.
- Но что касается работы, он очень четкий, и еще...
- Он не успевает закончить.
- Стэп, это ты, что ли?
- Я поднимаю глаза. Нет, только не это. Передо мной – Джепи со своей тупой физиономией: на лице улыбка, а руки высоко подняты и распахнуты для объятий. Он похож на пророка, правда, слегка тронутого, с волосами, торчащими из непонятного размера худи и короткой стрижкой.
- Глазам своим не верю, неужели – ты? – он яростно хлопает в ладоши. – И впрямь – ты. Куда ты, блин, пропал?
- Привет, Джепи, как дела?
- Да нормально. Чертовски рад тебя видеть. А что это ты так вырядился? Во блин! Стэп вернулся в наши ряды!
- Он крутит башкой, ищет, кому бы еще прокричать новость, но кроме меня оценить это шоу некому. Разве что господину Романи... Впрочем, вряд ли он на него рассчитывал.

– Джепи, извини, но мы разговариваем.

Я смотрю на господина Романи, сам не зная почему, ожидаю от него поддержки. Он мне улыбается, как бы говоря: не волнуйся, такие вещи иногда случаются, ты и представить себе не можешь, сколько таких же идиотов крутится вокруг меня. Так, во всяком случае, мне кажется.

– Э, слушай, Стэп, я четко помню, как ты отделал тогда Манчино. Мы были тогда в мотоженице, у Джованни, помнишь? Он сидел там как основной, а потом ты приехал. Ты и с мотоцикла слезть не успел, он тут же свалил. Ты как огурчик был, мама дорогая! А он-то думал, ты сдох... – Джепи хохочет во все горло. – Хрясь! Ты его пнул в живот, он и опомниться не успел. Потом по роже его – хрясь, хрясь, хрясь! – Джепи вскакивает и начинает пинать ногой воздух. – Хрясь, хрясь, хрясь. Я помню все как вчера – вот это бойня была, ты его классно отделал тогда, а потом еще на заправке, на корсо Франча, у Беппе. Те два борова приехали на «Рено 4», и еще сказали, что они дружки Манчино и встали перед тобой...

– Джепи, извини, я разговариваю с человеком.

– Ничего-ничего, не волнуйтесь.

Романи отхлебывает аперитив; кажется, рассказ очень его занимает.

– Пусть рассказывает.

Джепи вопросительно смотрит на меня, и тут же, не получив даже и намека на разрешение, преспокойно продолжает:

– Но у нас зато была цепь. Неплохо, правда? Кажется, они после того перестали дружить с Манчино! Ха-ха-ха! – он снова хохочет как полоумный, еще громче прежнего. – Вот было классно! Прошли те времена, все теперь не так. Теперь все тихие, сбились как овцы в стадо, ни имен, ни правил, ни понятий... Вот, к примеру, если начнешь гулять с чьей-нибудь подругой, так тот и ухом не поведет. Никаких понятий.

Это последнее умозаключение, граничащее с ностальгической горечью о прошлом, окончательно вывело меня из себя.

– Слушай, может, увидимся как-нибудь вечером?

– Конечно. Вот мой номер.

Он вытаскивает из заднего кармана джинсов карточку. Я смотрю на нее с отвращением. На карточке – номер телефона, а на обратной стороне – фото Джепи: прекрасно выполненная черно-белая фотография, представляющая его с обнаженным торсом в позе культуриста или что-то в этом роде.

– Клево, скажи? Это я в двухтысячном сделал, – и добавляет серьезно. – Мне это для работы надо.

И отступает, сделав напоследок характерный жест: подносит ко рту оттопыренный большой палец и мизинец.

– Позвони мне, Стэп, съедим по пицце. Я буду ждать!

Я киваю, натягивая улыбку. И Джепи удаляется подпрыгивающей походкой.

– По-моему он симпатичный.

Романи смотрит на меня нерешительно. Похоже, не очень-то он уверен в своем утверждении.

– Ну, по-своему... Я давно его не видел. Когда-то он был забавный.

– Когда-то? Такое впечатление, что с тех пор сто лет прошло. А на самом деле – несколько лет?

Его вопрос повисает в воздухе. На самом деле, прошло действительно сто лет. Романи допивает свой аперитив.

– Вот он идет. Это Марк-Антонио.

Странная смесь Джека Николсона и Джона Малковича. Он идет к нам, улыбается, во рту – сигарета. Короткие волосы, залысины и длинные бакенбарды на щеках. Очаровательная улыбка, хитрый взгляд. Одним щелчком он отбрасывает сигарету, и, сделав пируэт вокруг самого себя, ловко садится на свободный стул за нашим столиком.

– Ну, как дела? Я немного занудничал по телефону, да? – Он не дает Романи ответить. – Да, это мое главное дарование. Доводить человека, медленно, но верно. Это как китайская попытка: капля за каплей – и самый крепкий металл разъедает. Тут вопрос времени, главное – не спешить, а я и не спешу.

Он вынимает голубую пачку «Честерфилд лайт» и кладет ее под черную зажигалку «Bic». Марк-Антонио Мацдокка, обедневший аристократ, живущий на чистую зарплату.

Я ему вторю:

– Стефано Манчини, надеюсь, твой ассистент.

– Ассистент. Какое неблагородное слово выдумали.

Романи перебивает его:

– Может быть, для тебя и неблагородное, но он будет твоим ассистентом. Ладно, я вас оставляю. Объясни ему все хорошенько. Потому что с понедельника он приступает к работе. Мы выходим в эфир через три недели. И все должно быть как надо.

– Все будет как надо, шеф! Я принес логотип, и если вы хотите посмотреть... – Он протягивает ему маленькую папку, которая каким-то чудом появилась из внутреннего кармана его легкого пиджака.

Романи раскрывает ее. Марк-Антонио смотрит на него, уверенный в качестве своей работы. Романи доволен, но все же делает замечание:

– М-м-м, логотип светловат, и еще... Убери все эти загогулины и все эти стрелки. Не надо наворотов.

Романи уходит с папкой под мышкой.

– Он хочет, чтобы последнее слово всегда было за ним. А мы ему подыгрываем.

Он закуривает вторую сигарету. И расслабляется, усаживаясь поудобнее на стуле; достает из кармана другую папку. Открывает ее.

– Вот, смотри.

Там тот же самый рисунок логотипа, но более темный и без стрелок: именно такой, как хотел Романи.

– Видал? Уже готов. – Потом потягивается, поглядывая по сторонам. – Правда тут чудно, ты не находишь, ассистент? Смотри, какие цвета, какие женщины... вон, смотри!

Он показывает на блондинку с короткими волосами и мускулистым телом. Крепкие ноги, едва прикрытые узкой юбкой, нос великоват по сравнению с губами, глядя на которые рождаются предположения, насколько они приятны в деле.

– Я с ней близко знаком. Она тоже из нашего круга, знаешь...

– В смысле?

– Ну, из нашего круга... по работе – женщины с картинок, – он, смеясь, выпускает колечко дыма. – Ты видел ее губы? Она выпила меня до дна!

Этим он подтверждает предположение, насколько они приятны в деле.

– То есть? Ты хочешь сказать, что они все такие?

– Не все. Есть красивее, есть просто красавицы. Ты их увидишь, увидишь. Они настоящие. Под разноцветными одеждами скрываются фантастические женщины – балерины, артистки, статистки. Они смеются, загораются от ерунды, как бомбочки с коротким фитилем. А за этими телами, затянутыми в узкие платья, за этими задницами, едва прикрытыми короткими юбками, спрятаны их истории. Грустные, веселые, невероятные. Там есть девушки, еще студентки, есть молодые мамы с детьми, или уже разведенные, есть никогда нигде не учившиеся; одни собираются замуж, другие разводятся, третьи никогда замуж не выйдут. Всех их объединяет одна мечта: появиться когда-нибудь в волшебном ящике. Появиться...

– Да, видать, они тебе очень нравятся, если ты так о них рассказываешь. Ты настоящий поэт.

– Я Марк-Антонио, родом с севера, туда за Милан – из богатейшего Венето. И ни копейки за душой. Все, что у меня осталось – благородная кровь и желание всех их любить, – и этим я очень даже богат. Ты их должен увидеть... И ты их увидишь, правда?

– Думаю, да.

– Нет, это точно. Ты мой ассистент или как? Вот увидишь, ты повеселишься от души! – он хлопает меня по плечу и встает. – Ну ладно, до свидания.

Берет сигареты и зажигалку и кладет их в карман. Подмигивает с улыбкой. Идет к девушке с короткими светлыми волосами и обходит ее со всех сторон. Я стою и смотрю на него. Он еще раз осматривает девушку со всех сторон, останавливается перед ней, держа руки в карманах пиджака. Начинает разговор: он спокоен, уверен в себе, на лице – улыбка. Она слушает его с интересом, смеется. Качает головой. Он ей указывает взглядом на вход,

она думает минуту и соглашается. И идет к дверям бара «Ванни». Марк-Антонио смотрит на меня, улыбается и подмигивает. И догоняет ее. Кладет ей руку на спину, чтобы «помочь» войти в бар. Она не возражает, и они скрываются из вида.

17

На полную играет музыка, «What if there was no light, nothing wrong, nothing right, what if there was no time...». Голос Криса Мартина из «Goldplay» заполняет комнату. Хочется, чтобы громкая музыка заглушила другой звук. Настойчивый голос в груди, призывный и мучительный, не оставляющий ее ни на минуту вот уже несколько часов.

– Даниела, ты глухая, что ли? Потихше не сделаешь? Или ты хочешь, чтобы и Фьоре у себя в проходной выучила эту песню?

На минуту образ Фьоре, которая, подрезая цветы, вечно напевает на смеси английского с римским, отвлекает ее и она улыбается. Это длится мгновение. Потому что потом мучительный голос, тот голос, снова стучит ей в виски и терзает ее. Да, мама, лучше бы мне оглохнуть, тогда, может быть, я не слышала бы этот голос, твердящий мне правду, ту правду, которую я так не хочу слышать. Точно. Надо сделать музыку еще громче. Лучше петь вместе с Крисом те слова, что звучат сейчас как нельзя более кстати... Даниела начинает переводить про себя песню. Что, если бы не было света, ничего плохого, ничего хорошего, что, если бы время остановилось... Вот именно. Если бы время остановилось. Если бы оно остановилось навсегда. Ну хватит. Надо что-то делать, надо разобраться раз и навсегда.

– Алло, Джули? Я тебе не помешала? Что делаешь?

– Привет! Все нормально, слушай, я как раз о тебе думала!

– Ты думала обо мне? А что, мыслей повеселее не было?

– Да нет, знаешь почему?

– Почему?

– Я загрузила с телефона на компьютер фотки, которые делала на вечеринке. Они такие классные! Отлично получились, хотя света там совсем не было. И ты там есть, когда ты танцуешь и с ума сходишь!

– Да ты что?! Я и не видела, что ты фотографируешь.

– Слушай, ты там просто обалдевшая! Я тебя сфоткала с Бранделли и с теми двумя кретинами, которые скакали вокруг тебя. Потом есть еще фотки, где ты кричишь, неизвестно что и непонятно кому... потом тебя больше нет, потому что ты куда-то исчезла! Тебя потом никто не видел! Куда ты делась? Теперь рассказывай, что там было, чего я не успела заснять?

– Да уж! Праздничек был что надо! Я классно развлеклась! И я наконец-то сделала это! Прикинь? Кикко был на высоте, зря ты так плохо о нем говоришь... А во сколько я оттуда с ним ушла?

Джули не обращает внимания на этот вопрос. Голос Даниелы немного дрожит, когда она его задает, а ведь ей хотелось бы, чтобы он звучал уверенно и естественно.

– Слушай, а правда, когда я ушла? Ты-то в норме была, ты же обратила внимание? Через сколько я вернулась к тебе, и мы оттуда ушли?

– Блин, да ты и вправду ничего не помнишь! Экстази странно на тебя подействовал! Ну, я не знаю, потому что, если честно, Бранделли я видела: он сидел на диванчике и болтал с девицами, но тебя там не было. Может, вы вместе куда-то свалили? Ко мне ты вернулась только часа через два. Вот я и подумала, что вы неплохо повеселились! Ну, рассказывай! Как он? Тебе понравилось?

– Это было совсем не так, как я думала, да и как во всех подробностях представить то, чего в твоей жизни никогда не было? Пока ты не окажешься... слушай, я расскажу тебе все в следующий раз, когда мы увидимся. Не могу же я по телефону! Ты же знаешь, здесь все слышно. Если мама зайдет, мне конец. Даже если у меня музыка на всю громкость, она все равно все слышит, у нее слух как у собаки. Давай, я скоро к тебе приду. Сейчас мне надо бежать.

– Ну вот, вечно ты на самом интересном останавливаешься. Я тебя жду, опытная женщина! Только пришли мне сначала sms, тогда я точно буду дома. Как можно пропустить

рассказ о первом разе малышки Джервази?

Может быть, Джули, я и в самом деле остановилась на самом интересном. Зато теперь, вместо этого голоса совести, я буду слышать только «Goldplay».

– Хорошо, пока.

Но не тут-то было. Совесть никуда не делась. Голос у нее тоненький, как покрывало, скрывающее правду. И тяжелый, как молот, разрубающий тишину.

«You don't have to be alone, you don't have to be on your own...» Слова так и льются. А «Message»... «Ты не должна оставаться одна, ты не должна оставаться с собой наедине...» Точно. Крис, почему ты не можешь прийти сюда, прислать мне message, который я так жду, новость, которую я не знаю? Громкость на той же высоте. Раффаэлла сдалась. А Фьоре, похоже, изучает английский язык. Слова, вылетающие из динамиков, по-прежнему поразительны по значению. Это и неудивительно: сердце всегда выбирает самую подходящую музыку. И песни никогда не попадают случайно.

– Алло, Кикко? Можешь говорить?

– Привет, малышка, как дела? Классно было вчера, правда? Ну и вечер! Как ты сегодня вечером? Заехать за тобой? Выпьем кофе?

– Посмотрим. Да, действительно классный вечер, я здорово оттянулась, даже не думала! А ты был просто чудо! Такой нежный....

– Да я вижу, ты перебрала! Так говоришь, я был чудо, нежный? Да я же ничего не делал! Я бы и мог, может, если б ты не исчезла куда-то! Я потерял тебя сразу же, а потом так и не нашел. Куда ты делась? Был медленный танец, я хотел тебя пригласить. Где ты была? Потом я собирался проводить тебя домой, но вы с Джули ушли. Почему?

У нее сосет под ложечкой, и сердце бешено колотится. Но не из-за того, что она пропустила медленный танец, и не из-за того, что Кикко не проводил ее до дома. Она ищет ответ. А в голове одни вопросы.

– Извини, я хотела тебя предупредить. Джули позвонила своему брату, и он нас проводил, потому что мы тебя потеряли, и ты не отвечал по мобильнику. Может, у тебя батарея разрядилась? Извини, что я ушла... я порхала по всему залу, танцевала, смеялась и потеряла счет времени! Ну ладно, давай, созвонимся и решим, выпьем кофе или нет.

– Хорошо, малышка, до скорого!

Малышка. Если бы... Вот бы снова вернуться во времена, когда мы играли здесь в комнате с Баби. Когда меня ничто не волновало. Когда ответы приходили сами собой, потому что вопросы были проще. Не такие, как этот. Этот – трудный. И нелепый. Настолько, что даже Джули и Кикко не разрешили ее сомнений. А ведь они были там. Да. Там. Но не со мной, не в той комнате. Теперь только время может мне помочь. Нужно просто подождать несколько дней.... Только и всего... это не очень трудно...

Даниела открывает шкаф и смотрится в зеркало. Она пытается найти на лице какой-нибудь знак, хоть какое-нибудь изменение – то, что помогло бы ей понять, что дало бы хоть какую-то зацепку. Ничего. Один только прыщик под челкой. И когда это он появился? Может, ночью? Этого слишком мало для того, чтобы приоткрыть страшную правду, которая, может быть, выплывет на поверхность. Наверное, это от шоколадки, которую я съела вчера. И откуда-то снизу – какое-то незнакомое ощущение. Последняя песня на диске. «How do you see the world?» Еще один вопрос. На него тоже нелегко ответить.

18

– Как прошла встреча?

Я не успеваю войти, как на меня набрасывается Паоло.

– Думаю, хорошо.

– Что значит – думаю, хорошо?

– Это значит, я думаю, что она прошла хорошо, что, возможно, я произвел хорошее впечатление.

– То есть?

– На следующей неделе начну работать.

– Отлично! Поздравляю! Надо отметить это дело. Я готовлю тебе сказочный ужин. Я стал классным поваром: пока тебя не было, я ходил на курсы к Костантини....

– Я сегодня не могу.

– Как это?

– Встречаюсь с друзьями.

– А может, с Евой?

Он смотрит на меня с сомнением, как будто у меня есть причины его обманывать. Мне становится смешно.

– Я же сказал – с друзьями. Ты стал совсем как мама.

– Кстати, она заходила, хотела тебя увидеть.

Я уже в комнате, и у меня нет никакого желания разговаривать. Во всяком случае, на эту тему. Но Паоло, естественно, нет до этого дела, и он кричит из кухни:

– Ты слышишь? Я с тобой говорю.

– Понятно, с кем же еще? Мы ведь здесь вдвоем.

Ну и тип. Паоло появляется в дверях.

– Посмотри, – у него в руках – прозрачный пакет. Он смотрит на меня с укором. – Ты что, не узнаешь? Колечки. Ты помнишь? Это то печенье, что пекла обычно мама, – с медом и орехами. Неужели забыл? Она всегда выкладывала их на радиатор, чтобы они стали мягкими, а мы набрасывались на них, когда нам разрешали посмотреть кино в понедельник вечером.

Паоло вынимает из пакета печененку:

– Никогда не поверю, что ты забыл.

Я прохожу мимо, задев его плечом.

– Да, я помню, но сейчас не хочу. Я иду на ужин.

Паоло недоволен. Он так и стоит с печеньем в руке: смотрит, как я надеваю куртку и беру ключи.

– Ладно, я съем парочку завтра утром за завтраком, договорились?

– Хорошо, как хочешь.

Паоло смотрит, как я выхожу, и переводит взгляд на печенье, откусывает кусочек:

– Ой, черствое...

– Положи его ненадолго в духовку.

Вхожу в лифт и застегиваю куртку. Ну и тоска. Провожу рукой по коротко стриженным волосам и приглаживаю их, насколько это возможно. Колечки – самое вкусное печенье в мире: не очень сладкие и вначале их трудно жевать, зато потом... Они чуть тверже резины, у них чудесный вкус, и там то и дело попадают орехи.

Мама. Я снова вижу ее на кухне. «Положить в кастрюлю мед, хорошенько перемешать, и, мешая, все время снимать пробу...» Она подносила ко рту ложку на длинной ручке, поднимала чуть прикрытые глаза к потолку, чтобы лучше сконцентрироваться на вкусе. «Надо бы добавить сахара. Как думаешь?» И приглашала меня принять участие в игре: давала мне попробовать с деревянной ложки. Я кивал. Я всегда соглашался с ней. С мамой. С моей мамой. А она напевала: «Тридцать три коровы, тридцать три коровы, тридцать три коровы...». Она снимала красную крышку с сахарницы и, потряхивая, насыпала из нее в кастрюлю сахар. Столько, сколько нужно. Потом водружала крышку на место, ставила сахарницу на полку, вытирала руки о передник в цветочек, усаживалась рядом со мной, и мы вместе смотрели на тесто. «Если ты быстро сделаешь уроки, я дам тебе на одно колечко больше, чем Паоло... Только это между нами». И мы смеялись, она целовала меня в макушку, а я обнимал ее за плечи, сильно-сильно...

Вот блин! Как трудно забыть счастливые минуты своей жизни!

Еду по улице. В лицо дует теплый сентябрьский ветерок. Машин на дороге мало. Проезжаю Винья Стеллутти и выкатываю на корсо Франча. Останавливаюсь у светофора, потом сворачиваю на виа Фламиния. Жму на газ. На следующем светофоре – зеленый, еду еще быстрее, чтобы успеть проскочить, пока там не загорится красный. Становится холоднее, я чувствую легкую дрожь. По краям дороги, покрытым травой, среди высоких холмов кое-где виднеются древние арки, а из-за высоких деревьев то и дело показывается луна. Мотоцикл теряет скорость. Топливо почти на нуле. Странно. Я ведь полный бак залил. Наверно, карбю-

ратор барахлит? И жрет бензина больше, чем обычно. Добавляю газа, и, не уменьшая его, провожу рукой по левому боку бака, пытаюсь нащупать рычажок. Опускаю его. Да, надо заправиться. Проезжаю мимо торгового центра Эуклиде, сворачиваю направо и вижу огни автозаправки. Останавливаюсь у колонки. Глушу мотор и вставляю ключи в крышку бака. Вытягиваю ноги и упираюсь в землю. Вынимаю из джинсов портмоне. Все так же, стоя, с мотоциклом между ног, вынимаю две банкноты по десять евро и вставляю их в аппарат. Одну он заглатывает, вторую выплевывает обратно. Я снова вставляю ее в щель, и пока она ползет, пинаю колонку. Через несколько секунд аппарат уведомляет меня, что он принял и вторую банкноту. Чуть пячусь вместе с мотоциклом и пытаюсь снять заправочный пистолет. Блин. Никак. Никак не снять. На колонке с бензином «супер» висит замок. Она заблокирована. Замок не такой, которым обычно закрывают колонки, а больше. Заблокирована даже кнопка для получения сдачи. Вот это да! Это трюк какого-то засранца, который решил пожить за чужой счет. Этот гад упер у меня двадцать евро... Блин. Блин. Блин. У меня совсем нет времени. Мне надо ехать на встречу. Ну и хрень. Я закрываю бак, снова вставляю ключи в замок зажигания и яростно давлю на газ. Но отъезжаю недалеко. Колонка стоит одиноко в ночи. Несколько машин проносятся мимо: люди едут куда-то на выходные или просто выезжают поужинать подальше от Прима Порта. Через автозаправочную площадку проходит кот. Вдруг он останавливается и прислушивается, будто услышал какой-то странный шум. Застывает, повернув голову назад: шея вытянута, глаза полузакрыты. Как будто он ищет что-то. Но ничего не находит. Кот успокаивается и идет дальше, только ему известно, куда. Быстро летят облака, подгоняемые ветром. Они то и дело закрывают луну. Из-за будки на заправке выкатывается машина. Темно-синяя «Микра» с включенными габаритными огнями. Она медленно едет к колонке с бензином. Останавливается, мотор глохнет, и из машины выходит какой-то тип невысокого роста – на голове черная шапочка, вроде как женская, на плечах темная куртка «Levi's». Тип оглядывается по сторонам. Вокруг никого. Он вынимает из кармана ключи и открывает замок. Взять заправочный пистолет он не успевает, потому что я набрасываюсь на него сзади.

– Какого хрена ты заправляешься на мои деньги!

Я сворачиваю ему шею, но он пытается вырваться и с него слетает шапка. На синий капот падает волна длинных темных волос. Моя правая рука готова нанести удар в лицо, но в этот момент луна освещает поле битвы и...

– Черт... да ты баба!

Она пытается выскользнуть. Я все еще держу ее левой рукой, а правую опускаю вниз: «Баба, гребаная баба».

Я отпускаю руку. Она выпрямляется и поправляет куртку.

– Да, баба, дальше что? Что ты ржешь, хотел побить меня? Я тебя не боюсь.

Да уж, храбрый воробей. Хорошенько ее рассматриваю. Ноги широко расставлены, джинсы с низкой талией, кроссовки «Sneakers Hi-tech». Черная футболка и темные джинсы. Стильно. Она наклоняется и поднимает шапочку. Засовывает ее в карман:

– Дальше что?

– Дальше что? Да ты сперла мои деньги!

– И что?

– Да ничего. – Я влезая в «Микру» и вынимаю из замка зажигания ключи. – Так, по крайней мере, мы избежим погони.

Я кладу ключи в карман и иду к мотоциклу. Беру его за руль и веду к заправке. Дохожу до ограды заправки, завожу мотор и через минуту стою перед девушкой. Выключаю и открываю бак.

– Давай сюда шланг.

– И не подумаю.

Качаю головой, беру его сам и наливаю бензин. Вдруг мне приходит в голову одна идея. Я заправляюсь только на десять евро и закрываю бак. Подхожу к ее «Микре» со шлангом в руке, открываю крышку и заливаю на остальные десять евро ей в бак. Девушка удивленно смотрит на меня. Она красивая, но выражение лица довольно жесткое. Может быть, просто потому, что не удался ее трюк? Волосы падают на лоб, большущие темные глаза и чудная улыбка, насколько я смог заметить. Смотрит на меня, вытаращив глаза.

- Что это ты делаешь?
- Наливаю тебе бензин.
- Зачем?
- За тем, что сейчас мы поедем ужинать.
Я увожу мотоцикл и паркую его за будкой.
- Мы так не договаривались. Я-с тобой ужинать? У меня другие планы... Я иду на вечеринку, я договорилась с друзьями.
- Я уперся, хотя меня смех разбирает:
- Слушай сюда, договоримся так: ты хотела провести вечер с моими двадцатью евро, но тебе крупно свезло и ты проведешь его со мной.
- Но послушай...
- Или, если этого недостаточно для твоей завышенной самооценки... давай так: ты проводишь вечер со мной или я сообщаю о твоём промысле в полицию. Так лучше?
- Девчонка насмешливо ухмыляется:
- Ну да, я сажусь в машину, причем, прошу заметить, мою собственную, с незнакомым мужчиной.
- Я уже не незнакомый. Я тот, кто чуть было не стал жертвой твоей махинации.
- Она снова фыркает.
- Тогда получается, что я сажусь в собственную машину с чуть было не состоявшейся жертвой своей махинации, так? Но ведь ты можешь завезти меня Бог знает куда и воспользоваться мной? Попробуй убедить меня в обратном.
- Я молчу. Я бы порвал тех, кого они так опасаются. Этих ублюдков, из-за которых страдают нормальные парни, этих говнюков, неспособных завоевать девчонку, этих ничтожеств, недостойных занимать место под солнцем.
- Ну хорошо. – Мне смешно это слышать, но я понимаю, что она права. – Тогда послушай меня внимательно. Видишь этот мобильник? – Вытаскиваю телефон из кармана. – Знаешь, одного звонка достаточно, чтобы воспользоваться кем-то покруче тебя, понятно? Поэтому молчи и садись в машину.
- Вот зачем на самом деле нужны телефоны!
- Она бросает на меня ненавидящий взгляд и подходит совсем близко. Поднимает руку с открытой ладонью. Я перехватываю кисть. Мне показалось, она хочет дать мне пощечину. Но я ошибся.
- Пока я не собираюсь давать тебе пощечину. Дай мне ключи, я сама поведу.
- Я улыбаюсь и сажусь за руль.
- Это даже не обсуждается.
- А кто сказал, что тебе можно доверять?
- Нет, это кто сказал, что можно доверять тебе? Ты же чуть было меня не надула!
- Я тянусь к пассажирской двери и открываю ее с улыбкой.
- Так я прав или как? Давай, садись.
- Она еще немного колеблется, потом снова фыркает и садится в машину, руки сцеплены, взгляд устремлен вперед. Некоторое время мы едем молча.
- Эй, у тебя хорошая машина.
- В наши условия входит обязательство разговаривать?
- Мы только что проехали Сакса Рубра¹⁵.
- Нет, но сейчас знаешь, что можно сделать? Я тебя высажу здесь, а потом привезу тебе твою машину, естественно, никак тобой не воспользовавшись, как ты говоришь... То есть воспользуюсь твоей машиной... но своим бензином. И ты сразу станешь милой, веселой, будешь улыбаться, – у тебя такая прекрасная улыбка.
- Ты ведь ее еще не видел...
- Вот именно. Так чего ты ждешь?
- Она улыбается специально для меня, скаля зубы:
- Вот она, теперь ты доволен?

15 Железнодорожная станция в пригороде от Рима.

– Очень.

Я протягиваю ей руку с открытой ладонью. Она быстро отклоняется.

– Ай, что ты делаешь?

– Боже, какая недоверчивая! Я хочу представиться, как положено благовоспитанным, не ворующим людям. Я – Стефано. Для друзей – Стэп.

Моя рука так и висит в полутьме машины.

– Хорошо. Привет, Стефано, меня зовут Джиневра, Джин для подруг. А для тебя – Джиневра.

– Джиневра – классное имя... Как это твои родители догадались, что произведут на свет королеву? – я поворачиваюсь к ней и подмигиваю, потом не выдерживаю и начинаю смеяться: – О Боже, прости меня, что-то меня на смех пробивает, сам не знаю почему. Королева.

Я не могу остановиться. Смотрю на нее и смеюсь. Мне весело с ней. Она мне нравится. Может быть, потому что она некрасивая. Машина едет быстро, и огни фонарей мелькают на ее лице. Они окрашивают его то в светлый, то в темный цвет. И луна бросает на нее свой отсвет. У нее высокие скулы, маленький подбородок. Тонкие брови над карими глазами, живыми и веселыми, несмотря на ее занудство. Да, я ошибся. Она не красивая. Она прекрасная.

– Молодцы твои предки. Отлично тебе выбрали имя: королева Джиневра...

Она молча на меня смотрит.

– Стефано, у меня нет родителей. Они умерли.

У меня кровь в жилах стынет. Я пропустил худший удар в моей жизни. В лицо, в живот, в зубы. Я перестаю улыбаться.

– Прости.

Какое-то время мы молчим. Машина несется вперед. Я смотрю прямо перед собой и лавирую в потоке, стараясь затушевать свою глупую ошибку. Слышу ее вздох, может быть, она плачет? Невозможно обернуться к ней, но я должен. Должен... Она вжалась в угол и смотрит на меня. Сидит неподвижно, вполоборота, плечи упираются в стекло. И вдруг начинает хохотать как сумасшедшая:

– Ой, не могу больше, я сказала тебе глупость! Один-один, согласен? Перемирие, – и она быстро вставляет в магнитолау CD. – Ты хотел войны, ты ее получил. Расстроился? Ты с виду такой жесткий, а внутри... внутри ты очень чувствительный. Маленький...

Джиневра смеется и раскачивается в ритм «Red Hot Chilli Peppers».

– Ну, и где мы будем ужинать?

Теперь она спокойна, – хозяйка ситуации. Я молчу. Блин, она меня сделала. Ударила что надо, но какая зараза! Разве такими вещами можно шутить? Я еду дальше, глядя прямо перед собой. Краем глаза вижу, как она пританцовывает. Она здорово держит ритм, танцует «Scar Tissue». Волосы развеваются в такт музыки. И она посмеивается довольным смехом, чуть прикусив нижнюю губу.

– Слушай, ты что, злишься? – смотрит на меня. – Прости. Ты сидишь за рулем моей машины. Согласна, бензин – твой, говорю это сразу, пока ты снова не начал. Ты везешь девушку на ужин с твоими друзьями, правильно? Или что-то вроде того... Короче, тебе не на что злиться, правда? Ты же сам сказал... Веселись... Улыбайся! Ну, вот я же веселюсь. А тебе что, невесело?

Я не говорю ни слова.

– Ну вот. Надулся. Рассердился. А ты бы предпочел, чтобы они и вправду умерли? Ну, давай попробуем поговорить... Твои как поживают?

– Отлично, они развелись.

– Попка-попугай! Ну ты и зануда. Ничего лучше не мог выдумать?

– А что я могу сделать, если это правда? Видишь, что ты наделала. Ты сама виновата, что мы друг другу теперь не верим.

– Но ты же неправду говоришь?

– В том-то и дело, что правду.

Теперь она становится серьезной. Смотрит неуверенно. Искоса изучает меня.

– Это же неправда.

– Да говорю тебе, что правда.

Она все равно до конца мне не верит. Поворачиваюсь к ней. Несколько секунд мы смотрим другу другу в глаза. Это похоже на соревнование. Она первая отводит взгляд. Вроде, даже покраснела. Трудно понять, так ли это: слишком в машине темно.

– Эй, смотри вперед, на дорогу. Бензин-то твой, а машина моя, правильно? Не разбей ее!

Я невольно улыбаюсь.

– Ты же наврал? Они не развелись.

– Да как же не развелись? Уже несколько лет как.

– Ну, если это так, мне жаль. Знаешь, я читала где-то, что шестьдесят процентов разводится, когда дети уже выросли. Значит...

– Значит?

– Не надо из себя жертву разыгрывать.

– Да никто и не разыгрывает. Вот слушай...

Я хотел было рассказать всю эту историю – может быть, потому что она ничего обо мне не знает, или, может, потому что она мне не верит, или еще сам не знаю почему. Но я этого не делаю, что-то меня остановило.

– О чем ты задумался? О родителях?

– Нет, я думал о тебе.

– О чем же таком ты думал, ведь ты меня совсем не знаешь.

– Думал, как классно, когда с тобой рядом сидит незнакомый человек, и все проблемы куда-то исчезают, и можно воображать об этом человеке что хочешь, и в своих фантазиях улетать далеко-далеко.

– И куда же ты улетел?

Сознательно выдерживаю паузу.

– Далекое. – Хотя это и не так, я с удовольствием ей это говорю. – И знаешь, я передумал – пожалуй, ты права.

– В чем?

– Я тобой воспользуюсь.

– Вот идиот. Какой же ты кретин. Ты хочешь меня напугать, правда же? Но тебе это не удалось: у меня третий дан. Ты хоть знаешь, что это такое – третий дан? Или понятия не имеешь? Ну, так я тебе быстро объясню. – Она выкрикивает это очень быстро, и мне смешно ее слушать. – Это значит, что ты не успеешь коснуться меня пальцем, как я тебе его сломаю, понял? Третий дан по карате. И еще я кик-боксингом занималась. Попробуй только протяни руку и тебе кранты. Понял?

– Неплохо. Значит, я в безопасности.

Не успеваю закончить фразу, как руль выскальзывает у меня из рук. «Микра» идет в занос. Я выворачиваю руль и убираю ногу с газа. Джиневра падает на меня. Я потихоньку выравниваю машину, она переводит дух. Вид у нее испуганный. Она сильно бьет меня кулаком в плечо, попадая в одно и то же место.

– Ненормальный, ты меня напугал! Кретин!

Я смеюсь.

– Ай, хватит, веди себя хорошо. Ты же видишь, я тут не при чем. Кажется, колесо прокололи.

– Да ладно тебе! Ты это специально сделал!

– Да говорю же тебе...

Я скатываюсь на обочину, выхожу из машины и опускаюсь на землю рядом с капотом, осматриваю колеса.

– Вот, видишь?

Она тоже выходит и видит опущенное колесо.

– И что теперь?

– Теперь? Надеюсь, у тебя есть запаска?

– Есть, конечно.

– Молодец!

Мы смотрим друг на друга.

– Ну и?

- Что – ну и? Пойди и достань ее.
- Ну уж извини, вел машину ты. Значит, ты виноват.
- Может быть... Но машина-то твоя. И значит, колесо менять тебе.
- Джиневра недовольно фыркает и дергает капот.
- Куда ты? Оно сзади!
- Я хотела посмотреть, все ли цело. – Врет, разумеется.
- Ну конечно, конечно. Понятно.
- Она открывает багажник и поднимает коврик, под которым – запаска.
- Как это вынимается?
- Видишь наверху большой винт? Открути его и потяни колесо на себя.
- Она следует моим инструкциям и освобождает колесо. Потом пытается достать его, но колесо подпрыгивает и падает обратно в багажник. Ничего не получилось.
- Слушай, а что ты мне не помогаешь?
- А я-то при чем? Меня тут как бы нет. Ты сказала, что я не был предусмотрен на этот вечер, правильно? Я уж не говорю о равенстве полов. И поэтому есть еще одна важная вещь.
- Она встает напротив меня и упирает руки в бока.
- Интересно, какая именно?
- Ты сказала, что у тебя третий дан, так ведь? Если ты не справишься с колесом... ха-ха...
- Она смотрит на меня с яростью. Потом ныряет в багажник, хватая колесо и распрямляется. Это дается ей с трудом, и я спешу ей на помощь. Но она вытаскивает колесо прежде, чем я успеваю подойти.
- Все я сделала, не думай, – и, проходя мимо, нарочно задевает меня плечом.
- Подвинься! Чего встал на пути, мешаешь.
- Она катит колесо, удерживая его вертикально, и чуть им меня не сбивает.
- Ты уберешься отсюда или нет?
- Не вопрос! Пойду-ка я посижу под деревом, выкурю сигаретку. Эй, спокойнее, спокойнее!
- Давай, вали отсюда.

19

Я сажусь у обочины под каменной стеной и закуриваю. Сажу молча, в темноте и смотрю на нее. Потом кричу:

- Молодец, молодец, у тебя отлично получается!
- Она опускается перед машиной, чтобы установить домкрат. Стоит на коленях, упершись в землю руками и прикидывает, куда тут его приспособить. Попка, обтянутая джинсами, маленьким синим холмиком четко выделяется на фоне кузова машины. Она двигает ею, пытаясь найти верное место для домкрата. Прекрасное зрелище.
- Эй, ты даже не представляешь, какая отсюда панорама открывается! Тебе надо бы увидеть! Луна, круглая, ровная луна, представляешь?
- Она встает, вытирая руки. Трет ладонь тонкими пальцами, стряхивая кусочки щебня, прилипшие к мягкой коже.
- Да какая луна, где ты ее увидел?
- Две минуты назад была видна, клянусь тебе, – такая луна, обтянутая джинсами, просто чудо. Она только что виднелась из-под твоей машины.
- Да пошел ты.
- Она начинает крутить домкрат и машина слегка раскачивается.
- Скажи мне, когда закончишь, я пока посплю.

Ложусь на спину у стены. Смотрю на облака, плывущие по темному небу. Вот они перемешиваются с дымом, который я выпускаю изо рта. Чистые, прозрачные, насыщенные невидимым светом, излучаемым луной; ее не видно, но она там, за облаками, – луна, не обтянутая джинсами. Выпускаю дым изо рта. Улыбаюсь и поворачиваюсь – посмотреть, как дела у Джиневры. Она откручивает болты. С трудом проворачивает балонный ключ. У нее не

получается и она рывком поднимается с колен. Ключ, надетый на болт, соскальзывает и падает на землю. Она тяжело вздыхает и поправляет волосы тыльной стороной ладони, чтобы не запачкаться. Прекрасная и раскрасневшаяся. Она снова надевает балонник на болт и делает вторую попытку. Слышен гул приближающейся машины. Это темная «Toyota corolla». Она едет медленно, мигает фарами и гудит. Потом тормозит; слегка накренившись, машина дает задний ход. Описывает задним ходом полукруг и останавливается перед «Микрой» Джиневры. Из машины выходят трое. Я сажусь, чтобы лучше видеть. Это три парня. Я бросаю сигарету на землю и продолжаю наблюдать за происходящим.

– Привет, что ты тут делаешь одна ночью? – говорит один.

– Пробило колесо? Вот непруха, – говорит другой.

– Непруха у нас, мы-то думали, ты – шлюха, – говорит третий.

Они смеются.

Один из парней кашляет. Им лет по двадцать, у них короткие волосы, наверное военные.

Джиневра не смотрит в мою сторону.

– Слушайте, помогите мне поменять колесо.

– Конечно... с удовольствием.

Самый маленький опускается у колеса и балонником откручивает болты.

– Вот блин, они все проржавели.

– Я никогда в жизни не менял колеса на такой машине.

– Все всегда бывает в первый раз.

Один из парней развязно смеется, остальные ему вторят.

– Слушай, а тебе повезло, что сегодня вечером тут проезжали мы.

На этот раз Джиневра бросает взгляд на меня и тайком делает мне жест рукой, как бы говоря: «Вот видишь, эти мне помогли».

Низенький работает – быстро откручивает все болты и снимает проколотое колесо. Он бросает его под ноги, оно, слегка подпрыгнув, замирает на земле, сразу же ставит новое. Центрует и закручивает все болты. Сначала наживляет каждый, потом по очереди закручивает намертво. Должно быть, днем он работает на автосервисе. Снимает балонник с последнего болта и встает.

– Вуаля, готово. Все в порядке, синьорина.

Парень вытирает руки, проводя ими по джинсам над коленями. Джинсы такие грязные, что на них не остается никаких отпечатков.

– Спасибо, что бы я делала без вас.

Что тут скажешь, думаю я. Она настоящая королева. Правильная фраза, сказанная в правильный момент. Или неправильная. Просто попытка избавиться от них корректно. Но, как я и ожидал, фраза не возымела действия.

– Да как же так? Ты хочешь просто уехать?

Самый высокий тип, да к тому же и самый толстый, берет инициативу в свои руки.

– Ну, я же сказала вам спасибо. У меня бы ушло на это много времени, вы же видели, я...

Парень смотрит на товарищей и улыбается. На нем широкий бордовый свитер с узким горлом и черной полосой на груди.

– Ладно, но поцеловать-то нас тебе не трудно?

– И речи быть не может.

– Ну-ну, мы же не просим ничего такого...

Он смеется довольным смехом, от которого даже я охренел. У него такие кривые зубы, что лицо становится похоже на гротескную маску.

– Ну, давай, давай поцелуемся.

Парень берет Джиневру за подбородок и тянет его кверху. Джиневра не может даже пошелохнуться. Он обнимает ее за талию и пытается поцеловать. Джиневра инстинктивно отклоняется назад. Парень пытается лизнуть ее по щеке и тянется к губам, хочет засунуть ей в рот язык. Джиневра вырывается. Этот тип сильный, крепко ее держит. Джиневра пытается коленом врезать ему между ног, но он слишком высокий. У нее ничего не получается. Низенький, который менял ей колесо, молча смотрит на происходящее. Похоже, он немного

смущен. Третий, толстяк, весело смеется, он сильно возбужден, болеет за приятеля.

– Класс, Пье, воткни ей язык в рот!

Пье, то есть, как я понимаю, Пьетро, никак не может справиться с девчонкой. Джиневре даже удается в какой-то момент дать ему кулаком по голове.

– Ах ты, сука! – Пьетро хватается руками за лоб.

– Так тебе и надо, козел! – Джиневра отскакивает, приводит в порядок волосы и стоит посреди улицы, не убегая и не зовя меня на помощь.

– Это я – то козел? Сейчас я тебе покажу.

Парень решительно идет на нее. Джиневра опускает голову и выставляет вперед руки, закрывшись как моллюск. Пьетро хватается за куртку.

Ну вот, пришло время вмешаться:

– Эй ты, пошутил и хватит.

Пьетро отпускает Джиневру, все устались на меня. Я выхожу из тени, иду прямо на них.

– А ты, блин, кто такой?

– Да я тут мимо проходил. А вот ты, как думаешь, кто ты такой?

Я подошел к Пьетро вплотную. Он смотрит на меня. Прикидывает, стоит ли со мной связываться. Соизмеряет силы, одним словом. Ему кажется, что стоит попробовать.

– Щас я те яйца оторву.

Это ошибка. Я наношу ему четкий удар, быстро и решительно. Он даже не успевает заметить его. Мой кулак скользит по его лицу, удар не сильный, но в самый раз, чтобы разбить ему нос. Я снова бью, удар идет слева, прямо в правую бровь, точное попадание: резко и больно. Он с глухим шумом падает на землю, и не успевает двинуться, как я наношу следующий удар. Прямо в рожу. Пам! Едва я отступаю назад, как вижу на земле лужу крови. Много из него льется: медленной струей кровь идет из носа, течет на дорогу и разливается по асфальту. Пьетро, или как там его зовут, тяжело дышит, разевает рот, и на губах его вздуваются какие-то странные кровавые пузырьки. Он часто сплевывает кровь, смешанную со слюной. И больше не смеется.

– Так... – я смотрю на Джиневру. – Уезжаем отсюда, пока не поздно.

Я беру проткнутую резину, кидаю ее в багажник и закрываю его. Прохожу мимо низкорослого, который менял колесо. Толстяк стоит рядом с машиной. У него явно заторможенная реакция: я хватаю его за ухо, сжимаю большим и указательным пальцем и сильно, со злостью выворачиваю. Хотелось бы оторвать его совсем.

– Ай, бляха, ай, больно.

– Дай пройти, сукин сын. И худеть надо.

Напоследок еще сильнее выкручиваю ему ухо и отпускаю. Он так и стоит, согнувшись пополам и держась за ухо, будто молится, а я сажусь в машину. Жду, пока Джиневра закроет дверь, и срываю машину с места. Смотрю на эту троицу в зеркало заднего вида. Теперь они далеко, их почти не видно в темноте.

– Ну, как ты?

Она молчит. Я пытаюсь ее рассмешить.

– Они и не подозревают, как им всем повезло. Если бы ты им показала третий дан, от них и мокрого места не осталось бы, да?

Попытка не увенчалась успехом. Джиневра не желает говорить. Я смотрю на нее. Волосы падают вниз, как поверженные в бою, и видна только нижняя часть лица. Сжатые губы, обиженные и неуверенные, слегка дрожат.

– Ну же, Джиневра. Все в порядке.

– Все в порядке, блин! Проколотое колесо и я одна-одинешенька.

– Но ничего же не случилось.

– Но могло случиться. Эти трое... чем бы все могло закончиться?

– Но могло бы случиться и так, что я бы проезжал мимо на мотоцикле и просто помог бы тебе поменять колесо, – пытаюсь успокоить ее.

– Поразительно, какие вы гады... Втроем на одну, что за скотство!

Я понимаю, что она заикнулась. Делаю попытку снять напряжение.

– Вообще-то во всем виновата твоя красивая попка.

– Что? И ты туда же?

– Нет, я тут не причем. А вот та тройка очень даже причем. У тебя выдающаяся попка, в прямом смысле слова. То есть, она сильно выдавалась, когда ты меняла колесо. Так что, можно сказать, ты сама виновата... что была в такой позе, знаешь... короче, ты сильно завела тех бедолаг.

– А, так ты хочешь сказать, что моя обтянутая джинсами задница слишком вызывающая?

– Да, именно так.

– Да откуда ты такой взялся? Значит, если бы колесо проткнула Дженнифер Лопес, что бы тогда? Мировая война началась бы?

– Ну, ты сравнила... Ее зад на миллионы долларов застрахован...

– И что?

– Она может спокойно им двигать.

– Да пошел ты! Идиот.

– Да я просто хотел тебя насмешить.

– Ну, так у тебя ничего не получилось.

Мы замолкаем, машина мчится вперед. Джин делает радио громче, ей не хочется ни о чем думать.

– Я очень люблю эту песню. Знаешь, о чем она?

Я пытаюсь вслушаться. Но не надо себя обманывать. Я прекрасно научился пользоваться компьютером, я изучил графику, 3D, и все остальное, но с английским всегда была морока.

– Кое-что понимаю...

– Он поет: «Я совсем не знаю историю, математику...» – Джин продолжает переводить, и тем спасает меня.

Я слушаю. Она говорит медленно, с улыбкой на губах, кажется, она понимает каждое слово.

– Вот эти слова мне нравятся.

– Песня очень красивая, – я попал в масть, слова прозвучали в правильную минуту.

– Да, она красивая.

Следом по радио звучит другая песня. Теперь я понимаю слова. «А ты в платье из цветов с бликами огней, из тумана и теней, и идешь ты босиком, собирая розы и притом...» Я смотрю в темноту ночи. Бывают такие совпадения: музыка, попадающая в самую точку, звучащая в машине, не твоей машине, на дороге без встречных огней, впереди тебя – бесконечность, рядом – девушка. Кроме всего прочего, еще и красивая. Она поправляет курточку.

– Мы сильно опаздываем на встречу?

Именно в этот момент мы выезжаем на развязку перед туннелем, ведущим в Прима Порта. Вон они все: Бардато, Манетта, Цурли, Бласко и еще кто-то. И с ними несколько девушек. Проезжаю мимо, не останавливаясь.

– Да нет, мы уже приехали.

Жму на газ. Меня не узнали. Они думают, что я приеду на мотоцикле. И один. А я на машине и с ней. Еду дальше как ни в чем ни бывало. Джин смотрит в окно.

– Видел? Там несколько человек, ждут кого-то. Отстойное место для встречи.

И смотрит на меня. Сердце мое стучит сильнее. Неужели она поняла?

– Да уж, место отстойное.

Она не сводит с меня взгляда.

– Странная фишка, правда?

– Что за фишка? – Надеюсь, это она не о той тусовке.

– Ну, что мы тут сидим в машине, двое абсолютно не знакомых людей, и уже столько всего случилось. А ведь мы начали с того, что поругались... всего лишь из-за двадцати евро.

– Которые ты хотела у меня стибрить.

– Да не зацкливайся ты на мелочах. Не забывай, что колесо проколото и мне придется ехать на шиномонтаж.

– Давай дальше. Ты тоже не зацкливайся на мелочах.

Джин улыбается.

– Потом рядом со мной тормозят те трое, один лапает меня, являешься ты, делаешь его и теперь мы едем на ужин с твоими друзьями. Мы уже смахиваем на типичную парочку... Классический вечер с некоторыми непредвиденными обстоятельствами.

– Да, только мы сейчас вместе.

– Да уж.

Ее ответ звучит немного странно.

– Что значит – «да уж»?

– Это значит – «да уж», и больше ничего, – она смеется.

– Знаешь, это твое «да уж» не значит просто «да уж». Там есть какой-то скрытый смысл, верно?

Смотрю на Джин, ожидая ответа.

– Да ты прямо помешался на скрытом смысле. Смысл только в том, что я согласилась, а ты все докапываешься. Извини, мы сейчас вместе – ты и я?

– Пока нет.

– В данном случае, поскольку мы спорим, ответ должен быть только «нет», а не «пока нет». Понятно?

Малышка начинает горячиться.

– Да уж.

– Ну, тогда мы не вместе.

– Нет.

– Отлично.

Я делаю паузу и добавляю:

– Пока.

Джин смотрит на меня сердито.

– Ты хочешь, чтобы последнее слово всегда было за тобой?

– Точно.

– Ну, ладно, тогда сделаем так. Мы пока не вместе, и, разумеется, так будет весь этот вечер. И если ты будешь продолжать в том же духе, я буду называть все более отдаленные даты нашего ммм... сближения, и не исключено, что счет пойдет на месяцы. Ясно?

– Куда яснее, – улыбаюсь я. – На собственном опыте я уже понял, что когда ты в чем-то уверен и всем об этом рассказываешь, это признак неуверенности. Пояснить?

– Да.

– Лучше было остановиться на «пока».

Я улыбаюсь. Джин качает головой.

– Хватит с меня твоих «пока», ты меня достал. И вообще, мы о чем спорим? Что ты и я – не вместе?

– Да, обычно все начинают спорить, когда они уже вместе. Значит, у нас все наоборот.

– Да мы еще ничего не начали.

Я медленно торможу и сворачиваю к обочине. Джин смотрит на меня взволнованно.

– А сейчас что ты делаешь? Ты хочешь...

– Пока нет. Встреча назначена здесь, но я никого не вижу, Наверное, они ушли, мы опоздали.

– Ты опоздал.

– Хорошо, я опоздал.

– Как это ты со мной так легко согласился?

– Если мы будем так спорить о каждой ерунде, мы расстанемся, прежде чем начнем.

На этот раз хохотать начинает Джин. Я тоже смеюсь. Мы смотрим друг на друга и покатываемся со смеху, прямо на том месте, где назначена несостоявшаяся встреча.

Громко звучит музыка. Старые и новые хиты.

– Класс! Вот эта – супер!

Это правда: радио выдает легендарное «Love me two times» легендарных «Doors».

– Love me two times, girl, one for tomorrow one just for today... Love me two times, I'm goin' away... Но это я тебе переводить не буду.

– Кажется, я все и так понял.

* * *

Вокруг тьма крошечная. Ну а «пока», наверное, он прав: надо идти.

– Куда ты меня привез?

– Пойдем поужинаем вдвоем. А с моими друзьями ты познакомишься позже.

– Когда это позже?

Смотрю на него, ожидая ответа. Я решила пойти на перемирие.

– Ну, если это когда-нибудь произойдет.

Довольная, я делаю звук громче и лихорадочно переключаю каналы в поисках других песен. И тайком в полутьме машины кидаю взгляд на Стэпа.

Поверить не могу... Я, Джин, в машине с ним. Если бы родители знали. Не понимаю, почему эта мысль первой приходит мне на ум. То есть, если бы родители узнали, что я сижу в машине с незнакомым парнем, то есть с парнем, которого они считают незнакомым, что бы они сказали? Представляю, что бы сказала мама: «Да ты что, с ума сошла? Джиневра, никогда никому нельзя верить. Я тебе тысячу раз говорила...». Так всегда: что бы мама ни говорила, она неизменно утверждает, что говорила мне это тысячу раз. Вот так. Но одно точно: такого она бы и представить себе не могла. И что бы я ей сказала? Знаешь, это я так хотела заправиться... Как бы можно было ей объяснить, как обстоят дела на самом деле? Нет, и думать об этом не хочу. Я и сама не могу в это поверить.

– А знаешь, кого ты мне сначала напомнил?

– Когда?

– Когда я меняла колесо и подъехали те трое?

– И кого я тебе напомнил?

– Ричарда Гира.

– Ричарда Гира?

– Да, в той сцене из «Офицера и джентльмена», когда он с другом идет с двумя девушками в бар. Там у дверей один тип начинает приставать к девушкам вместе со своими друзьями, и Ричард Гир сначала не хочет ссориться, но, в конце концов, не выдерживает и дает тому типу в рожу.

– У Ричарда Гира тоже третий дан?

– Нет, дурачок. Это были удары full contact.

– Да ты и в этом разбираешься.

– Я ж тебе говорила: я занималась кик-боксингом и брала несколько уроков full contact. Не веришь? Когда-нибудь при случае я тебе это докажу.

– Не сомневаюсь... Но мне кажется, больше, чем «Офицер и джентльмен», здесь подходит другое. Из Иезекииля, глава двадцать пятая стих семнадцатый: «И совершу над ними великое мщение наказаниями яростными; и узнают, что Я Господь, когда совершу над ними мое мщение»¹⁶.

– Ах ты скромник! Так тебе нравится «Криминальное чтиво»¹⁷?

– Да.

– И даже очень, судя по тому, что ты это помнишь наизусть!

Стэп улыбается и переводит взгляд на дорогу. Непонятно, что он хотел сказать этой историей: да уж, непонятно... Но лучше не докапываться. Смотрю на него, пока он занят дорогой. Правая рука напряжена, он держит руль уверенно, но в то же время – совершенно спокойно. Левый локоть упирается в край окошка, а пальцами он держится за подбородок. Правая рука сверху на руле, он крепко сжимает его и легко входит в повороты. На запястье, рядом с золотым браслетом, татуировка. Татуировка, кажется мне... Я незаметно придвигаюсь поближе, чтобы ее рассмотреть.

– Это чайка.

– Что?

¹⁶ Ветхий Завет. Книга Иезекииля.

¹⁷ Один из самых известных фильмов американского режиссера Квентина Тарантино (1994). В фильме герои цитируют отрывок из проповеди пророка Иезекииля.

– Чайка. У меня на запястье.

Он улыбается мне, на секунду отрываясь от дороги. Я чувствую, что краснею, но, к счастью, он этого не замечает.

– Смотри на дорогу.

– А ты смотри на свои татуировки.

– У меня нет татуировок.

– Тебе ни одной не разрешили сделать?

Стэп смотрит на меня с издевательской улыбкой.

– Родители тут не причем. Это мой выбор.

– А, ну конечно, понимаю, – он смотрит на меня с сочувствием и усмехается: наверное, думает, какая я дура. – Твой выбор?

– Да, мой.

Молчим. Потом я не выдерживаю.

– Вообще-то я наврала. У меня есть татуировка, и очень красивая, но что-то я сомневаюсь, что ты сможешь ее увидеть.

– Она так надежно спрятана?

– Это как посмотреть.

– То есть?

– Ой, ты прекрасно понял.

– Да, но я не знаю, насколько хорошо я понял, то есть, правильно ли я понял, где она.

– Это маленькая розочка внизу спины, ясно?

– Яснее некуда. Обожаю срывать цветы!

– Это уникальная татуировка – рельефная.

– Как это?

– На ней полно шипов.

– У тебя на все ответ готов! Да у меня на руках – одни мозоли.

Он тоже улыбается. Улыбка у него прекрасная. Это трудно отрицать. Но я не могу ему это сказать. На левой щеке у него странная вмятинка. Черт возьми, до чего же он мне нравится! И потом, он совершенно не такой, как Франческо. Это мой последний парень. То есть, он практически единственный, кто у меня был. И самый отвратительный, если честно.

20

Франческо. А ведь он мне казался таким славным. Верно говорят: любовь проверяется только временем. Сначала все кажется очень мило. Потом, когда ты уезжаешь куда-нибудь, то, что казалось тебе милым, может стать великолепным. Даже идеальным... Но гораздо чаще, к сожалению, все оборачивается мерзостью. Ну, так вот. Франческо был исключением. Ему удалось все испортить сразу. Самым гнусным способом. Он допустил одну непрости-тельную ошибку и все разрушил. Никогда не забуду этот вечер.

– Слушай. Давай заскочим в «Джилдуду», как тебе эта идея?

– Нет, спасибо, Франче, завтра у меня опрос по истории, а я еще не дочитала главу.

– Ну ладно, как хочешь, отвезу тебя домой.

В тот вечер он вел машину быстрее, чем обычно, но я, погрузившись в свои мысли, не обратила на это внимания. Выхожу из машины.

– Пока, спокойной ночи... А ты что, поедешь в «Джилдуду»?

– Нет-нет, раз ты не едешь, и я не поеду. И потом я тоже что-то устал.

Он не провожает меня до парадной, впрочем, он никогда этого и не делал. Странно, но в тот вечер мне это не понравилось. Не потому, что я из тех девиц, которые чего-то боятся и требуют, чтобы их всегда провожали. И все же эти последние минуты с парнем, эти несколько шагов до двери – такие приятные, пусть у меня и никогда такого не было. Наверное, дело в том, что в эти минуты ты понимаешь, что ты важнее потерянного времени, или в том, что тебе хочется насладиться прощальным поцелуем. Короче, Франческо едва дождался, когда я вставлю ключ в дверь и махну ему на прощание, и умчался как ветер на своем «мерсе 200». Быстро. Слишком быстро. Ох уж эти предчувствия. Глупые предчувствия. Но, иногда они

оказываются ненапрасными.

Сижу над историей: читаю и перечитываю главу, и вдруг что-то ударяет мне в голову. Я смотрю на часы. Половина третьего. Звоню Франческо. Мне хочется услышать его голос, чтобы он развлек меня немного. У меня нет никакого желания ложиться спать с мыслями об истории. Но телефон звонит в пустоту. Странно. Он живет в квартире под родителями, эту квартиру ему оставила бабушка: она переехала в Риети. Телефон продолжает звонить. Он не слышит: или спит как убитый, или... Быть не может, чтобы он не слышал. Блин, если он дома, он не может не слышать. У него две комнаты, кухня и ванная. Я прекрасно знаю эту квартиру, мы там несколько выходных провели. Мысль о времени, проведенном вместе, еще больше меня нервирует. Такие были классные выходные, а он не отвечает. Сон как рукой сняло. Вот что я сделаю. Отправлюсь к нему. И позвоню в домофон. Маскирую свою кровать: подушку кладу под одеяло вместо тела, а школьную одежду вешаю на стул. Потом тихо-тихо на цыпочках прохожу мимо комнаты родителей, беру ключи от «Поло» (у меня тогда еще не было моей чудной «Микры»), и выхожу в ночь. Интересно, неужели этот поганец отправился в «Джилду»? Десять минут четвертого. Лучше сначала заехать туда. Паркуюсь во втором ряду на виа Марио дей Фьори и иду к дверям. Массимо, охранник, здоровается со мной.

– Эй, Джин, привет, что ты тут делаешь так поздно?

– А как по-твоему?

– Потанцевать хочешь?

Идиот.

– На самом деле, я хотела бы ночку поработать вышибалой.

Он от души смеется:

– Классно сказано.

– Слушай, что-то я «Мерседес» Франческо не вижу.

– Красивая машина, правда?

– Красивая. Не знаешь, он здесь?

– Нет, сегодня вечером он не появлялся. Точно знаю: я не отходил от дверей. Кстати, его и Антонелло искал полчаса назад. Заходил внутрь – не нашел. Разозлился, потому что у них была назначена встреча. Пожалуйста, – он пропускает толстяка с дамой, на которой больше золота, чем одежды, а макияж такой мощный, что может напугать даже ее первые морщины.

– Ладно, если его увидишь, скажи, что я его искала.

– Хорошо, Джин, Спокойной ночи.

Да, спокойной... как же! Эта история начинает меня заводить. Я еду мимо дома Франческо. Пусто. «Мерса» нет. Он обычно ставит его под окнами, потому что недалеко всегда стоит джип карабинеров. Они караулят какого-то политика: не то находящегося под следствием, не то давшего показания, короче, я так толком и не поняла. Карабинер стоит рядом с джипом. Я подмигиваю ему фарами «Поло»: хоть чем-то пытаюсь скрасить его вечер. Он смотрит на меня, когда я проезжаю мимо. В зеркало видно, что он провожает меня взглядом, озадаченный вопросом, зачем это ему мигали фарами. Или я просто его заинтересовала. Бог с ним, с карабинером, я снова возвращаюсь мыслями к Франческо. Куда он на фиг провалился? Вот блин! Уже полчетвертого. Завтра устраю ему допрос. Мне остается всего четыре часа на сон. Достаточно, чтобы найти его. Я сама становлюсь карабинером в моей любовной истории и решаю дойти до конца. Жаль, что здесь нет Элеоноры. Эле, как мы все ее называем, это моя лучшая подруга. Она, наверное, уже уехала в Тоскану к родственникам. Эле – по рождению флорентийка, потом она переехала в Рим. Тосканища – так мы ее прозвали.

– О, Эле, глупышка, девочка с голубыми волосами... – мы передразниваем ее тосканский акцент с придыханием. – Тебя вызывают к доске.

Мы веселимся всем классом, потешаясь над ее произношением. Блин, будь она со мной, мне бы не было так одиноко. Жаль. Ну ладно, здесь поблизости живет Симона, попробую к ней заскочить. Симона – настоящая римлянка, блондинка, красивая, с небольшими тараканами, но мне она нравится. Мы уже год как знакомы, и у нас хорошие отношения. Естественно, это не нравится Эле. Она говорит, что в глубине души Симона – дрянь.

«Верь мне, Тосканище, верь, глупышка». Я смеюсь. Эле ревнивая. Понятное дело, ей

не нравится, когда мы встречаемся с Симоной. Так. Ну вот, я приехала к ее дому. И тут происходит невероятная вещь... Или, наоборот, вероятная. Не успела я позвонить в домофон к Симоне, как открывается дверь парадной и оттуда выходит Франческо. Без четверти четыре. На нем нет галстука, пуговицы на рубашке расстегнуты, и, что самое ужасное, у него сейчас то самое выражение лица, которое я столько раз видела. Слишком много раз. Сейчас я сожалею о каждом из них. После занятий любовью лица у всех становятся нежнее. Черты лица смягчаются, глаза влажнеют, губы – делаются мягкими и пухлыми, и с них не сходит бессмысленная улыбка. Франческо не успевает сказать ни слова.

– Джин, я... – начинает он, но получает плевков в лицо.

Плевков попадает туда, куда нужно, я даже не целилась.

Поворачиваюсь и ухожу, представляя, как он будет утираться.

– Джин, остановись, я тебе все объясню.

– Что это – все? Что тут объяснять?

Сажусь в «Поло», который оставила во втором ряду, а он бежит следом, пытается придержать дверь машины, но не успевает. Я захлопываю дверь и нажимаю блокировку.

– Джин, это не то, что ты думаешь. Я в первый раз к ней пришел. Слушай, не уезжай, Джин, – он делает паузу, а потом говорит то, чего я никак не ожидала услышать. Во всяком случае, в эту минуту. – Джин, я тебя люблю.

Я приспускаю стекло.

– Ах вот как! Поэтому ты трахаешься с Симоной. Знаешь, а в тебе мне нравится только твоя машина.

Давлю на газ, срываюсь с места и одновременно ищу глазами «мерс». А, вот он. Франческо поставил его прямо у парадной, даже не спрятав в стороне. Вот он, его прекрасный двухсотый «мерс», цвета серый металлик. Я сосредоточилась, в своем «Поло». Чувствую себя как бычок перед тореадором, тяжело дышу и бью ногой по педали газа. Жму зачем-то на газ два или три раза. Думаю о маме и о ее «Поло». Ладно, совру что-нибудь, слишком уж велик соблазн. В зеркальце вижу Франческо, он бежит ко мне. Но он не успевает. Ох, что сейчас будет... Какой смак! Мечта! Я пристегиваюсь. Есть в жизни вещи, в которых нельзя себе отказывать. Сейчас один из таких моментов. Отпускаю сцепление и со всех сил давлю на газ. Ага! Вижу, как он бежит за мной с невероятной скоростью. А передо мной – его «мерс», его прекрасный, новенький, сияющий «Мерседес». Торможу в самый последний момент, чисто инстинктивно, чтобы не покалечиться самой. Бум. Фантастический удар, я подпрыгиваю на сиденье.

Классное попадание: прямо в боковую дверь. Включаю передачу заднего хода. «Поло» с трудом расцепляется с «мерсом», и – о чудо! – едет. «Мерседес» стоит во всей своей красе: он распух, и даже одно окошко разбито. Уже не знаю какие потери понесла я, но зато с удовольствием представляю рожу Франческо. И даже вижу ее воочию: все как я и предполагала. Красота... Он смотрит на свою разбитую машину. Он побледнел от ужаса, он не верит своим глазам, вернее, не хочет верить, но поверить придется. Да уж, придется... и что же я сделала дальше? Я саданула ее еще раз. Да. Я вошла во вкус. Жму на газ и на приличной скорости бью «мерс» еще и спереди. Бум. На этот раз я бью его в морду без всякого страха, даже не торможу. Теперь меня не остановить. Мной овладевает безотчетное желание разбить его машину полностью. Переднее крыло треснуло и изогнулось над капотом. Франческо стоит передо мной и не может произнести ни слова. Я смотрю на него, заливаюсь смехом и машу ему рукой. Пошел ты на хрен вместе со своим «мерсом». Козел вонючий. Что хотел, то и получил. Но теперь надо подумать о Симоне. А, знаю: я устрою этой засранке праздник. Но надо, чтобы все было интеллигентно, без эмоций, надо все хорошенько рассчитать. И чтобы било в самую точку. Гениально. Хотелось бы найти еще какие-нибудь слова в тему. Вернувшись домой, паркую машину и выхожу. Бедненький «полик». Изуродован спереди. Капот у него сдавлен и похож на руку, сжатую в судороге, обе фары разбиты и бампер тоже. Идиотка, что я скажу маме? Думать об этом, пока поднимаюсь в лифте. Ну ничего, что-нибудь придумаю и на очень бедного «полика» и насчет Симоны тоже. Да, все у меня получится, я уверена. Раздеваюсь и ложусь в кровать. И продолжаю думать о двух своих насущных проблемах, о том, как можно их решить. И вспоминаю раскуроченный «Мерседес».

С этой последней мыслью засыпаю. Улыбаюсь. Бум! Как весело, как клево! Ни разу

при этом не подумала о Франческо. Пуфф. Он растворился в тумане. И так, с улыбкой на губах, отдаюсь в руки Морфея.

На следующее утро просыпаюсь в самом чудесном настроении. И сразу принимаю два решения. Первое касается «Поло». Я звоню Алу, моему другу, который всегда вешает на меня свои проблемы. На этот раз ему предстоит решить мою.

– Алло... Кто это? – голос у него хриплый, наверное, он заснул час назад.

– Ал? Это Джин.

– Джин, какого хрена? Сколько времени?

– Семь.

– Семь?! Да ты что, совсем обалдела?

– Ал, ты должен мне помочь, прошу тебя, скажи, нет ли у тебя сейчас ворованных машин.

– Джин, да не по телефону же... едрен батон!

– Прости, Ал.

Он успокаивается:

– Какая тебе нужна машина?

– Какая-нибудь ворованная. Мне нужен только номерной знак.

– Только номерной знак? Да ты совсем рехнулась.

– Прошу тебя, Ал. Это важно для меня.

– У тебя всегда все важно, подожди минуту.

Минут через десять он снова берет трубку:

– Ну вот, пиши. Roma R27031. Это синяя «Клио».

– Отлично, спасибо, Ал.

– Эй, у тебя все в порядке?

– Да, все в порядке.

– Отлично. Тогда я ложусь спать и кладу трубку.

– О'кей, позвоню тебе днем и все объясню.

– Да плевать я хотел. – И он вешает трубку.

И очень вовремя. В комнату входит мама в накиннутом халате.

– Джиневра, что ты делаешь? Проснулась?

– Мам, ты не представляешь, что со мной случилось. Вчера вечером на меня наехал какой-то кретин на машине.

– О Боже, доченька, с тобой все в порядке?

– Да, со мной все нормально. Но он побил «Поло», и уехал... Вот, смотри, я записала номер! – я даю ей бумажку с только что записанным номером. – Это был темный «Клио». Нужно сообщить.

Мама берет листок.

– Давай сюда, я сейчас же скажу папе. Главное, ты не пострадала. Ты точно в порядке? Головой не стукнулась?

– Нет, мама, правда, со мной все в порядке.

– Ну, слава Богу, – она целует меня в лоб. – Иди завтракать, а то опоздаешь.

– Хорошо, мама.

Я иду на кухню с видом пай-девочки, мама провожает меня любящим взглядом. Я испытываю чувство вины. Прости, мама, но я должна была это сделать. Может быть, когда-нибудь я расскажу тебе всю эту историю. Когда-нибудь потом. А пока надо думать о дне сегодняшнем. Я приняла уже и второе решение – как отомстить Симоне. Через час я уже сижу за партой. Первый урок. История религии. Пару раз эта засранка встретила со мной взглядом. И отвела его в сторону. У нее не хватает мужества ответить за последствия своих поступков. Самое большее, что она смогла – это пережить опрос дона Пеппино, так мы называем нашего учителя религии, ей даже хватило мужества ответить на его вопросы... Вот сука поганая. Ладно, не буду гневить Бога, призывая Его наказать такую сволочь. Но второй час и даже третий – это мое время. Я предвкушаю удовольствие, вот сейчас я оттянусь, сейчас настанет два фантастических часа. Сегодня у нас сочинение на уроке итальянского. И я знаю, что сделаю. Изощренная кара. Вот, я нашла еще одно подходящее слово для своей мести. И моя ручка быстро порхает над белым листом, заполняя его словами, строчками, фактами, воспо-

минаниями, разочарованиями, прилагательными, многословными оборотами, неприличными словами. Пишется легко, просто на удивление, будто моей ручки коснулась волшебная палочка. А ведь в итальянском я не сильна. Я пишу не по теме, это точно, ну и пусть, зато какое удовольствие, какое наслаждение посвятить свое классное сочинение бывшей подруге! Если точнее – этой грязной потаскухе. Я даже заголовок подобрала: «Жалкий конец дружбы». Я уверена, что моя учительница по итальянскому его оценит, может быть, даже поставит семерку¹⁸, впрочем нет, сочинение не по теме. Скорее, четверку, но зато какую четверку! Думаю, что к директору все же она меня не отправит, а вот прочесть перед классом, наверное, заставит. Я уверена, что училка будет на моей стороне. Не только потому, что у нас с ней нормальные отношения, а еще и потому, что она недавно развелась.

Прошла неделя. Нам раздают сочинения. Ну и ну... Лучше и быть не может. Семь с половиной! Никогда у меня по итальянскому не было такой оценки. Но это еще не все. Должно быть, учительница испытывает ко мне сильную симпатию, или, скорее всего, она тоже страдала из-за своего развода и способна на сочувствие. Главное заключается в том, что она громко стукнула рукой по столу.

– Тихо, девочки. Сейчас я хотела бы попросить прочитать свое сочинение одну необыкновенную девочку. Это ваша одноклассница, которая поняла, что культура, образование и гражданское самосознание – это самое главное оружие нашего времени. Джиневра Биро.

Я встаю и, мне кажется, начинаю краснеть. На глазах у всех. Но тут же собираюсь с мыслями. Блин.

Да это же мой день, мой звездный час! Какой там стыд, какие сомнения. Бывают минуты, когда на все наплевать. И сейчас – один из таких случаев. Я подхожу к кафедре и начинаю читать. Быстро, с пафосом и интермедиями. Со злостью и с восторгом. Выдерживаю эффектные паузы, беру правильный тон. Потом история меня захватывает. Неужели это сочинение написала я? Блин, по-моему, отлично написано! И я продолжаю чтение ровным голосом. Слова следуют одно за другим, одна строчка догоняет другую, фразы набегают, как волны в синем море. Они ровные и гладкие, ни одного разрыва. За какой-то миг я дошла почти до конца. Осталось две строчки. Я останавливаюсь и, оторвав взгляд от листа, смотрю на Симону. Она смотрит на меня, открыв рот. Остолбеневшая, побледневшая. Я рассказала всю нашу историю, о нашей дружбе, о моем доверии, о ее предательстве. Делаю последнюю паузу. Набираю побольше воздуха и выпаливаю финал:

– Вот так-то, дорогие мои. Теперь вы все знаете, какая она, Симона Костари. Если бы у ее матери было больше мужества, она назвала бы дочь ее истинным именем: Засранка!

Я сворачиваю листки и, довольная, смотрю на класс. Что тут началось! Все в один голос кричат: «Молодец, правильно написала, ты супер, Биро! Давай, надо еще ей дать, давай!».

И вдруг, сама не знаю откуда, – явно не я это спровоцировала, и не училка, и тем более, не Симона, – раздается дружный хор, вдохновленный моим сочинением, насыщенным культурой.

– Засранка, засранка, засранка!

Симона встает из-за парты. Она идет к дверям, едва передвигая ноги и пряча взгляд. Ее душат слезы, едва сдерживая их, она выбегает из класса.

– Молодец. Отличное сочинение, – это уже голос учительницы.

Невероятно. А я-то думала, она меня выгонит из класса. За то, что, кажется, называется клеветой на другую ученицу. Но этого не случилось. Она, похоже, высоко оценила манеру письма. Или содержание... Так или иначе, она мне улыбается. Кто знает, может быть, она на минуту вспомнила свою печальную историю? Наверное, ей бы тоже хотелось написать такое сочинение о своем муже.

¹⁸ В итальянских школах десятибалльная система оценок.

- О чем ты думаешь?
- О школе.
- Да ладно! Быть того не может. Ты едешь со мной в машине – верх мечтаний каждой итальянки – и о чем думаешь? О школе!
- Знаешь ли, у школы тоже есть интересные стороны.
- Скорее, стрессовые.
- Я так подозреваю, что в глубине души ты тоже любил учиться.
- А как же: особенно я любил изучать анатомию. Но непосредственно на подружках.
- Мама дорогая... Да ты что, заиклен на этом?
- Да, эту сторону я особенно люблю.
- Это заметно. В детстве ты, наверное, любил играть в доктора.
- В детстве? И не только! Хочешь, я сейчас тебя быстренько осмотрую?
- А знаешь, как это ни странно, я вижу в тебе парня скорее забавного, чем озабоченного!
- Ну, это уже кое-что.
- Да, потому что смотреть на самонадеянных типов ужасно смешно. Например, на таких, которые утверждают, что они – верх желаний любой итальянки. Все понятно про таких. Она смотрит на меня и веселится от всей души. Темные волосы падают ей на смеющиеся глаза.
- Бог мой, помереть можно, ну и шут же ты! Дальше некуда!
- Поворот приходится как нельзя более кстати. Отличный изгиб дороги, да еще с моей стороны. Я берусь за руль снизу и с силой поворачиваю его влево. Джин чуть не падает на меня. Я резко торможу, обхватываю ее двумя руками. Правой рукой хватаю ее за волосы и крепко их держу, так крепко, что рука затекает.
- Никто никогда не называл меня шутом.
- И целую ее в губы. Она плотно сжимает их и пытается вырваться. Я крепко держусь за волосы, она крутится, стараясь освободиться. Притягиваю еще сильнее. В конце концов она поддается, и губы ее разжимаются.
- Ну, наконец-то, – шепчу я и отважно припадаю к ее рту.
- Ай! – она больно меня кусает.
- Я подношу руку к губам и отпускаю ее.
- Джин возвращается на свое сиденье.
- И это все? А я-то думала...
- Я провожу пальцами по губе, пытаюсь нащупать кровь. Но ее нет. Джин сидит, подняв руки, готовая к обороне.
- Ну так что, Стефано, или как там тебя, – Стэп, хочешь поссориться?
- Я смотрю на нее с улыбкой.
- А у тебя неплохая реакция.
- Она сильно ударяет меня по плечу: несколько болезненных ударов снизу вверх наносятся в одно и то же место.
- Ой, больно.
- Я перехватываю ее руку, затем другую. И крепко удерживаю их: она неподвижно сидит на сиденье. Потом улыбаюсь: эти удары меня насмешили.
- Извини меня, Джин. Я не хотел. Мне просто показалось, что ты не против... – она снова делает попытку ударить меня, но я держу ее крепко. – И что мы договорились.
- Я быстро выхожу из машины, не дожидаясь, пока она снова меня ударит.
- Закрывай, если хочешь. В общем, делай что угодно, машина-то твоя! Не волнуйся, никому твоя «Микра», не нужна – это полный отстой... Да и в поворот она плохо входит.
- Джин одним щелчком закрывает машину и догоняет меня.
- Эй, ты, полегче на поворотах. Не надо меня злить, а то плохо кончишь, – но тут Джин читает вывеску. – «Полковник». И что, это название такое?
- Да, название. А ты думала, это имя владельца ресторана, вывешенное вместо названия?
- Ты и вправду считаешь, что можно заклеить девушку с помощью таких тупых шуток?
- Нет, насчет тебя я спокоен. Тут успех обеспечен.

– Ах, тебе обеспечен успех?.. Посмотрите-ка на него.
– Мир, согласна? Давай-ка съедим по классному бифштексу.
– Идет. Насчет мира согласна, а вот насчет ужина... кто платит, ты?
– Это зависит...
– От чего?
– От того, как дело пойдет после ужина.
– Ты опять за старое? Так вот: после ужина я отвезу тебя обратно к твоему мотоциклу и все. Ясно? Соглашайся сразу, иначе дело не дойдет даже до брускетты¹⁹. Ты ужином меня вздумал шантажировать? Противно даже!

Джин входит в ресторан с гордым видом. Ей весело. Я иду за ней следом. Народу немного. Мы садимся за столик подальше от печки, возле которой слишком жарко. Я снимаю куртку. И понимаю, что голоден.

К нам сразу же подходит официант.

– Добрый день, молодые люди, что будете заказывать?
– Так, для синьорины – только брускетту. А мне принесите, пожалуйста, на первое – тальятелле с артишоком и бифштекс по-флорентийски с салатом.

Смотрю на Джин с улыбкой.

– Или синьорина передумала и хочет что-нибудь еще?

Джин весело обращается к официанту:

– Все то же самое, что заказал молодой человек. И еще принесите хорошего пива.

– И мне пива.

Официант все записывает и уходит, довольный таким простым заказом.

– Если ты хочешь расплатиться по-римски²⁰, скажи мне, где ты живешь, и завтра я завезу тебе деньги, идет? Это чтобы ты понял, что десерта не будет.

– Ах, не будет? Ты сильно ошибаешься. Здесь такое мороженое с трюфелем делают, что закачаешься, его надо есть, опуская в кофе.

– Привет, Стэп. Куда ты пропал? Ты обуржуазился, как и все.

К нам подходит Витторио, Полковник, и он, как всегда, очень любезен.

– Все ходят в «Челестину»: там можно девчонку подцепить. Вот туда и повалили. Бараны вы все, – он упирается руками в наш стол: – А ты похудел, знаешь?

– Я два года прожил в Нью-Йорке.

– Да ты что? Вот почему тебя так долго не было видно. Там так плохо кормят?

И он радостно смеется над своей шуткой.

– Слушай, Витто... цены тебе нет! Скажи, чтобы нам принесли брускетту, а?

Витторио уходит, выставив живот, своей обычной вихляющей походкой, он всегда так ходил. Постарел. Но все такой же веселый. У него детское, краснощекое лицо, над ушами – всклокоченные волосы, блестящие от жира, от бифштексов по-флорентийски и отбивных. Я потихоньку осматриваюсь. Людей немного, посетители самые разнообразные, они сидят тихо, одеты далеко не изысканно. Едят они с удовольствием, не делая особо сложных заказов, они не очень взыскательны, и мысли особые, похоже, их тоже не посещают: они рады хорошему блюду после тяжелого рабочего дня.

Парочка недалеко от нас ужинает в молчании. Парень отделяет мясо от костей у отбивной, девушка только что положила в рот картошку фри и облизывает пальцы. Мы встречаемся взглядами, и она улыбается. Я улыбаюсь ей в ответ. Она вновь берет картошку – страх испортить фигуру ей неведом.

Джин переходит в атаку.

– Итак. Подведем итоги: ты спер у меня ключи, спер мою машину и, самое главное, ты и меня поимел тоже.

– Хотелось бы! От последнего я бы не отказался.

Джин уперла руки в бока и фыркает.

– Кретин, я имею в виду, что ты украл у меня вечер. Да еще и мысли тебе в голову при-

¹⁹ Поджаренный хлеб с оливковым маслом, солью, перцем и чесноком.

²⁰ То есть каждый платит за себя.

ходят какие-то странные. Например, недавно в машине.

- Да что ты привязалась!
- Тогда давай конкретней. Выясним раз и навсегда. Кто будет башлять?
- То есть?
- Дурачком прикидываешься?
- Ну ладно, если приведешь забавные аргументы, я плачу. Если нет...
- А если нет?
- Все равно я плачу.
- А, ну тогда я остаюсь.
- И все же я жду аргументов.

Она с лету дает мне пощечину. Блин. Ну и скорость. Не промахнулась – попадает мне прямо в лицо.

– Ай!

Девушка с картошкой перестала жевать, и смотрит на нас. И два-три человека за соседними столиками – тоже.

– Извините ее, – я улыбаюсь, массируя себе щеку: – Она влюблена.

Джин не обращает никакого внимания на окружающих.

– Давай сделаем так. Ты платишь за ужин и ни на что не претендуешь, а я за это дам тебе несколько уроков хорошего тона. Соглашайся. Ты-то точно останешься в выигрыше.

Витторио ставит брускетту на стол:

– Так, значит, синьорине тоже принести?

Джин на лету выхватывает тарелку с брускеттой и откусывает большой кусок, следом отправляет в рот половину помидоров, – свежих помидоров, которые Витторио с такой любовью нарезает днем на мелкие кусочки и оставляет в холодильнике.

– Принеси мне вторую, Вит.

– М-м-м, какая вкусная.

Джин засовывает в рот кусочек помидора и облизывает пальцы.

– Молодец, Стэп! Сразу видно, здесь хорошо готовят. Как твоя щека?

– Отлично! Сознайся, ты огорчилась, что я не довел дело до поцелуя? Ничего, у нас еще есть время, не злись – вы, девушки, очень нетерпеливы. Вы хотите все и сразу.

– А ты хочешь пиццей получить в физиономию, и тоже сразу?

– Отличная у тебя реакция. Молодец. Сейчас трудно встретить хорошенькую девушку, одинаково быструю как на юмор, так и на тумаки.

– М-м-м... – Джин наклонив голову, улыбается через силу, как бы говоря: ну ты и остряк...

– Что случилось?

– Я пытаюсь переварить хорошенькую девушку.

– Да уж. С моей брускеттой у тебя быстрее получилось: ее-то ты уже переварила. Одним махом слопала.

Вдруг я слышу голоса.

– Ну ты даешь, Стэп! Так я и знал! Говорил же я вам, что это он.

Глазам своим не верю. Передо мной стоят Яхтсмен, Бардато, Цурли, Бласко, Лукконе, Бани... Вот же они все, быть этого не может. Не хватает только одного человека, самого лучшего: Полло. Сердце сжимается, не хочу об этом думать, нет, не сейчас. Холодная дрожь пробегает по телу, я закрываю глаза, только не сейчас, прошу... К счастью, мне на шею бросается Скелло:

– Ах, ты, негодяй, ты что, болгарский сепаратист?

– Тогда уж скорее американский.

– А, да, он же был в Америке... В Штатах... Что же ты не пришел как договорились?

Мы все явились, ждали человека-легенду. А легенда как испарилась... На ужин отправился, *tete-a-tete*²¹ с подружкой?

– Может, скорее, тить-а-тить?

21 Наедине (франц.).

– Боже, как смешно...
– Во-первых, я не его подружка.
– Во-вторых, осторожнее, парни, у нее третий дан.
– Может, хватит уже с этим третьим даном? Ты повторяешься.
– Я? Да это ты уже три раза упомянула его с тех пор, как мы познакомились. И твой третий дан такой реальный, что мне пришлось уложить одного типа, чтобы тебя защитить.

– Вот Фома неверующий... ну, ты сам этого хотел. Джин встает из-за стола, обходит моих друзей, быстро оглядывает каждого по очереди. Потом, не раздумывая, хватается Скелло обеими руками за куртку, резко укладывает его на бок, быстро наклоняется вперед. Все делается четко, без пауз. У Скелло глаза вылезли на лоб. Джин сгибает правую ногу и выбрасывает ее вверх, помогая себе корпусом. Скелло улетает как перышко и приземляется на спину прямо на стол молчаливой парочке. Теперь-то им будет о чем поговорить. Парень вскакивает из-за стола.

– Да какого хрена... – это они произносят вместе, в унисон.

– Моя картошка... – это она.

– Блин, мой верблюжий пиджак... – а это уже он.

Несмотря на небольшие потери, полет Скелло надолго останется в памяти этой парочки, им будет о чем рассказать знакомым.

Скелло поднимается, потирая ушибы.

– Что это за хрень была?

– Третий дан или даже выше, – быстро отвечает Джин.

Все смеются:

– Классно. Клевая у тебя подружка.

– Еще раз повторяю... Я ему не подружка.

– Пока.

– Ну, а почему же тогда ты ужинаешь со Стэпом? – Это Карлона, кажется, так ее зовут, – давнишняя подруга Лукконе. Она надменно поднимает бровь, как бы говоря: «Уж я-то знаю нас, женщин».

Джин улыбается:

– Ты права, не спорю. Так вот: он оплатит мне ужин, а потом я сваливаю.

– Стэп оплатит ужин, а потом она сваливает. По сравнению с этим «Миссия невыполнима» – жалкий лепет.

– А мне кто заплатит за это?

Скелло явно растерян. Парень снимает искусственный верблюжий пиджак и сует ему под нос.

– Тебе говорю... кто мне за это заплатит?

– Да что это, мы на передаче «Скрытая камера»? Вы что, все тут издеваетесь надо мной? Где тут спрятана камера? – Скелло рыщет по всему ресторану. – Ну? Где? Где она?

Он всюду ищет гипотетическую камеру: под картинами, за дверями, в сумке женщины, откинувшейся на спинку стула. Он приподнимает одни вещи, сдвигает с места другие, как всегда, без всякого уважения к людям, дерзкий и стремительный, почти на грани помешательства: какому нормальному человеку придет в голову искать телекамеру под скатертью на столе, за которым едят... Парень теряет терпение.

– Ну, ты закончил? Сукин сын! Какого черта ты тут все хватаешь? Хочешь во второй раз улететь?

Парень решительно встает из-за стола, уперев руки в бока, – руки рабочего человека: на запястьях видны ссадины, следы от порезов, кожа на них сухая от краски, штукатурки, гипса и строительного мусора, потрескавшаяся от тяжелой работы.

– Ты понял, тупая твоя башка?

– Ehi... Fly down.

Скелло говорит это, про себя держа пари, что тот ни слова не понимает по-английски. Естественно, пари он выигрывает.

– Что? Ты еще и ругаешься? Я тебе сейчас задницу надеру.

Маляр хватается Скелло за шею: по-видимому, этим изящным жестом он хочет произвести впечатление на свою спутницу.

- На самом деле, я хотел извиниться, но на английском, понимаешь, это очень изысканно.
- Маляр сжимает кулаки, мы весело смеемся. К счастью, тут вмешивается Вит:
- Ну, хватит, успокойтесь. Я ваш полковник или как? Все, прекратите.
- Он помогает парню обрести хорошее лицо при плохой игре:
- Давай, я принесу тебе прекрасный лимончелло, за счет заведения, – потом берет Скелло за плечи и отводит его к друзьям. – Вы совсем не изменились. Я рад вас снова видеть, серьезно. Не могу выразить, насколько рад. Стэп, когда ты здесь, ни один вечер не проходит скучно. Давайте, садитесь. Я сейчас вам организую столик на двенадцать человек.
- Может, Стэп хочет продолжить свой романтический ужин.
- Я смотрю на Джин. Она разводит руками.
- Мы в другой раз продолжим, правда, дорогой?
- Какая же она симпатичная, какая симпатичная. Однако... И это «однако» немного меня смущает.
- Да, дорогая, продолжим в следующий раз. Когда ты снова окажешься без бензина и без денег...
- Джин улыбается, потом дает мне тумака в плечо, да еще и сильно! От взгляда Лукконе ничто не может скрыться.
- Блин, сильна девица, удар-то у нее неслабый...
- Все соглашаются. Шумно садятся вокруг стола, громко двигая стульями, хохоча и споря из-за мест. Только девушки смотрят друг на друга с недовольными лицами и с наигранной отстраненностью поглядывают на Джин... Compliments, отпущенные в адрес другой женщины, всегда вызывают досаду. Даже если это твоя лучшая подруга.
- Дальнейшие события развиваются стремительно. Каждый, перекрикивая друг друга, спешит сообщить мне великие новости.
- Слушай, ты ведь не знаешь... Джованни расстался с Франческой. Ты даже не представляешь, что она ему устроила: завела шашни с Андреа, его другом. А тот набил ему морду. Ну и времена! А, вот еще супер-новость: Алессандра Феллини наконец-то дала! Давиду. Теперь его называют «мистер Капля». Знаешь, почему, Стэп? Он четыре года капал ей на мозг, как в китайской пытке. Весной, летом, в горах, на море... он везде за ней ездил. Подарки, сувенирчики, билетки. Он заслужил награду или нет? И она его наградила! Она дала ему. Но теперь, после того, как это случилось, она отрывается будто на Олимпийских играх. Награды получают все!
- Понятное дело, ей же надо наверстать упущенное.
- Бог мой, какие же вы злобные, – Карлона пытается защитить Алессандру из женской солидарности.
- Однако это правда... Но все же право первой ночи заслужил мистер Капля.
- Да уж, первый всегда остается первым.
- Гuido Балестри берет инициативу рассказа в свои руки.
- Это был чудный подарок для Капли: наконец-то она впустила его в свою влажную пещерку, задернутую паутиной, – все смеются. – А потом Давид пришел к нам и всенародно рассказал о своих подвигах...
- Да ладно!
- Клянусь тебе. Он всем сказал, что ей безумно понравилось.
- Да ты что?
- Правда.
- Понятно, он четыре года подъезжал... и, в конце концов, если девушка дает, так уж на полную катушку!
- О, все слышали, как она выла на луну. Похлеще той Ласси из «Поросят»²², помнишь?
- А как же. Классный фильм.
- Давид в этом плане хорошо стоит.
- Да, не только он стоит, но и у него стоит! Во всех смыслах. Да уж, в те далекие вре-

22 «Поросята» («Порки») — американский фильм 1981 года об авантюрах школьников.

мена Давид бы сделал Голиафа!²³

Над этой шуткой почти никто не смеется. А Джин – смеется. Это уже неплохо. Так оно дальше и продолжается – с шутками, рассказами, смехом.

Я смотрю на компанию – все едят. Ничего не изменилось. Та же картина. Заглатывают все подряд – едва блюда появляются на столе, тычут вилками в колбасу, ветчину, салами. Отправляют ломтики в рот, не переставая болтать, специально оставляют их свисать до самого подбородка. Приносят сосиски-гриль. Все расхватывают шампуры на лету. Сосиски и перчики, нанизанные на шампуры, еще дымятся – все это превращается в ароматные шпаги в отчаянной схватке между Скелло и Лукконе. К этим двоим присоединяется Хук и битва продолжается. Слышится стук железа о железо, изредка приглушенный свежеподжаренным мясом. Скелло делает выпад, но Лукконе парирует. Сосиска слетает с шампура. Правой рукой Джин ловит ее на лету – отличная реакция! – и откусывает от нее добрый кусок, хотя она еще такая горячая.

– Ну и ну! Видали, как ловко? Правда же, похоже, как в фильме, ну, в этом... не могу вспомнить...

– Да, точно, что-то мне это напоминает, сцену из фильма, да, но что за фильм...

– Сейчас скажу... Это история о проститутке, точнее, это сказка про проститутку.

Тут в разговор вступает Лукконе, как обычно со своим тяжелым юмором:

– Точно, это Белоснежка и семь засранцев.

Джин смотрит на него брезгливо, скривив рот, в котором только что окончательно исчезла сосиска.

– Вечно ты с непристойностями... Это «Красотка», ну с этой, с Джулией Робертс.

– Короче, ты помнишь?

Неожиданно память уносит меня в прошлое. Я с Баби, Хук и Сицилиец почему-то все вместе сидим в кино. В конце первой серии Хук и Сицилиец уходят.

– Какого хрена? Вы что, с ума сошли?

– Да, мы пошли.

И тогда я смог, наконец, взять руку Баби в свою и держать до конца фильма, а она клала мне в рот попкорн.

– Да, я помню.

Но не рассказываю ей детали своего фильма.

– Помнишь, там есть сцена, когда официант на лету хватается улитку, которую Вивьен, так там звали Джулию Робертс, хотела съесть. А она соскользнула с тарелки.

– Конечно, помню. Хотя директор гостиницы так долго ее обучал.

– Вот видишь, ты помнишь? Стэп притворяется грубым, а в глубине души – он очень нежный!

– Где-то совсем глубоко.

– А мне нравится копать. К чему спешить? В детстве я мечтала стать археологом. А потом... Потом я поняла, что страдаю клаустрофобией и никогда не смогу войти в пирамиду.

– Короче, тебе больше нравится быть сверху, чем снизу.

– Вот опять. Ничего получше придумать не можешь?

– Подожди-ка, я попробую, – я упираю голову в согнутые руки, как будто пытаюсь сконцентрироваться. Потом кладу руки на стол и улыбаюсь ей:

– Нет, мне очень жаль, но ничего лучше не получается.

И в этот момент – пум! В Джин летит кусочек мокрого хлеба и попадает ей в лицо. Крошки обсыпают ей щеки и волосы. Я не могу сдержать смех. Лукконе извиняется с другого конца стола.

– Ой, блин, ой, прости, это я в Стэпа хотел попасть.

– Значит, глазомер у тебя ни к черту.

Джин потирает покрасневшую и все еще мокрую щеку.

– Ты сделал мне больно... вот видишь!

Это прозвучало как сигнал к бою. Все принялись кидаться мякишами. Поднялся гомон,

23 Ветхий Завет. Притча о Давиде и Голиафе.

а Скелло, как будто этого было мало, вытащил маленький плеер и включил его одним щелчком.

– Когда идет битва, не помешает хороший саунд-трек.

Не успевает он это сказать, как прямо в его плеер «Aiwa», на котором звучит «Hair», попадает кусок сосиски. Все начинают танцевать, прямо за столом, размахивая руками над головой и уклоняясь от летящих кусков. В этот раз Джин прямо в лоб попадает картошка фри, она в бешенстве вскакивает. Ну вот, думаю я, сейчас она по-настоящему выйдет из себя. Но она поступает иначе. Она поступает наилучшим образом из всех, какие только можно вообразить. Она встает ногами на стул и... изображает легендарного Трита Уильямса из «Hair». Потом одну ногу ставит на стол и продолжает, и идет шаг за шагом... Джин продвигается, танцуя, волосы падают ей на лицо, она их откидывает назад, снова открывая лицо. Улыбается, делает чувственные движения, потом снова становится серьезной. И очень красивой. Неплохо, черт возьми. И все начинают ей подыгрывать. При каждом ее шаге сдвигают опустевшие тарелки, вилки и стаканы. Хук, Лукконе, Скелло. Даже девушки в этом участвуют. Все убирают то, что стоит перед ними на столе. Они делают вид, что потрясены этой экстравагантной Джин, прямо как гости за тем длинным столом в «Hair»²⁴. Джин танцует – просто сказка. А вот Скелло, как обычно, все портит. Он залезает на стол и начинает танцевать сзади Джин. Неловко и не попадая в такт. Выбрасывает ногу вправо. Потом – влево. Подружка Хука не успевает убрать перед ним тарелку. Стоптаный «Кларке» бьет со всей силы в край тарелки и она летит со скоростью света... прямо в цель. Как будто посланная мастером штрафного удара Ди Канио²⁵. И летит она прямо... в лоб подруги маляра. Та падает со стула. Подносит руки к лицу начинает вопить как недорезанная, перекрывая все звуки. В том числе и плеер Скелло. С вытаращенными глазами выбегает Вит.

– Мать вашу, вы что, с ума сошли? Синьора, с вами все в порядке?

Виторио осматривает пострадавшую. Ничего серьезного, или почти... В общем, крови нет. Только шишка большая, вот справа. Неожиданно вырос ничем не оправданный рог, или справедливый.

– Кто это сделал? – это маляр.

– Ну какая разница – кто? – Иногда Скелло очень даже попадает в такт, особенно, если дело его касается.

– Это случайность, несчастный случай.

– Да, и произошел он с тобой.

Вит встает между ними, пытаясь остановить маляра.

– Ну, давайте не будем. Лучше не надо.

– А ты что тут делаешь? Хочешь мне еще лимончелло предложить? Знаешь, что я сделаю с гноим лимончелло? Залью его тебе и задницу.

– Ну, если так, тогда конечно.

Маляр с разбега пытается схватить Скелло; тот, все еще стоя на столе, начинает пятиться. Он падает назад, пробивает ногой сиденье плетеного стула и сползает на пол.

Маляр воодушевляется и бежит вокруг стола. Скелло лежит на полу с ногой в сиденье и никак не может встать. Маляр, вступившийся за свою подругу, разбегается, чтобы дать ему ногой в лицо. Возможно, так он хочет с ним рассчитаться. Но у него ничего не получилось. Маляр взлетает от сильного удара сзади. Лукконе разворачивает его в воздухе и тот опускается на ноги чуть в стороне.

– Слушай, хватит. Это и вправду был... несчастный случай.

– Да...

Тут вступает Хук.

– Извини, но сейчас тебе лучше бы положить немного льда на лоб твоей подруге.

– Положи себе этот лед в одно место.

– Ну, если так, тогда ты не оставляешь мне выбора. Только потом не говори мне, что я переборщил.

24 Имеется в виду известный клип.

25 Паоло Ди Канио — бывший итальянский футболист, нападающий. Ныне — тренер.

Хук смеется, маляр ничего не понимает, он хочет что-то сказать, но Хук наносит удар. Очень быстро. Хрясь. А Хук заметно вырос. Должно быть, много тренировался, пока меня не было. Маляр с удивительной скоростью улетает назад. И валится прямо на стул, тот падает, и он растягивается на полу. Тут поднимается крик. Какие-то мужчины в глубине зала встали из-за столов. Одна дама достает телефон и начинает звонить. Пора делать ноги. Мы понимаем друг друга без слов. Лукконе, Хук, Яхтсмен, Балестри, Цурли, Бардато вытаскивают из-за стола девушек.

– Блин, я съесть ничего не успела.

– И я.

– Ну же, будь умницей, потом я тебя угощу мороженым у Джованни.

– Да знаю я, что там подают. Трубочки, набитые одним кремом.

Все смеются, даже Скелло удается высвободить ногу из сиденья, но тут вдруг снова появляется маляр, который наконец-то понял, что происходит. Я поймал руку Джин и стаскиваю ее со стола. Она чуть не упала: я поймал ее на лету.

– Что случилось?

– Пока ничего, но лучше убраться отсюда.

– Подожди... куртка. – Она возвращается к с гулу, хватая курточку Levi's и мы идем к выходу.

– Чао, Вит, извини, мы тут поспрадовали немного.

– Да уж, поспрадовали... всегда у вас так. Я вам поспрадную!!!

Кажется, что он сердится, но на самом деле, он, как всегда, веселится. Он стоит в дверях. Смотрит, как мы с шумом выбегаем. Скелло подпрыгивает, и выставив ноги в сторону, бьет ногой о ногу а ля Джон Белуши, остальные смеются, Лукконе и Бани тибрят какую-то еду с чужих столов: брускеггу, кусок колбасы. Балестри идет как-то медленно, у него остановившийся взгляд: перепил или еще что-то. Но и он улыбается и разводит руками в стороны, как бы говоря: «Ну, вот такие они». Хотя и сам он «такой вот». Скелло на лету выхватывает кусок курицы из рук одной синьоры, которая уже поднесла его ко рту. Та закусила губу и стучит разгневанно по столу.

– Это невозможно! Самый лучший кусочек! Я его напоследок оставила!

Вит, допивающий вино из бокала, прыскает от смеха и опрокидывает его на себя. В этот момент мы с Джин проходим мимо, и не желая отставать, я ворую у синьоры картошку. Откусываю половину:

– Вкуснятина, еще горячая, нежная, такую только Вит делает, он сам ее режет, и никогда не покупает заморозку. Держи.

Даю оставшуюся половинку Джин.

– И не говори потом, что я не угостил тебя обедом.

И мы, держась за руки, убегаем за остальными... Джин трясется от смеха, во рту у нее – половинка картошки фри.

– Горячая...

Жалоба ее притворна – она смеется как сумасшедшая. И бежит – волосы развеваются над темной курткой. И в эту минуту, среди ночи, в голове у меня одна-единственная мысль. Я счастлив, что сегодня на заправке она меня обнесла на двадцать евро.

22

Позже в машине.

– Твои друзья немного с приветом, но симпатичные. Иногда нам, женщинам, приходится проводить время с какими-то дохляками.

– Нам, женщинам... кому это – нам женщинам?

– Ну ладно, иногда мне приходилось проводить время с какими-то дохляками. Так лучше?

– Немного.

– Хорошо. Тогда мне надо было бы сказать: «Какие у тебя фантастические друзья!». Так лучше?

– Фантастические. Какое ужасное слово. Похоже на название какого-нибудь фильма. Еще скажи – эпические!

Джин смеется:

– О'кей, туше. – Потом смотрит на меня и морщит брови. – У-упс, прости. Ты ведь по-французски не понимаешь?

– Как это не понимаю. Туше, туше, это значит... – И резко поворачиваю машину. Она падает прямо мне в объятия. Ее грудь у меня в руках. – Вот что значит туше, правильно?

Она снова пытается дать мне пощечину, но на этот раз я проворнее ее и парирую удар.

– У-упс, прости. То есть, пардон! Я совсем не хотел тебя «тушировать», но tu es très jolie²⁶! Ну, как мой французский? Вот мы и приехали. Не знаю, как это сказать.

Я выхожу из машины. Джин сердится.

– Удовлетвори мое любопытство: если твои друзья такие из себя эпические, то почему же ты проехал место встречи, сделав вид, что ты их не увидел?

Блин. Вот заноза. Все замечает. Я поворачиваюсь к Джин вполоборота и иду к мотоциклу. И тут же чувствую острую боль в животе.

– А это, если ты и не знаешь, называется томбё, то есть упавший и проигравший, придурок!

Джин заскакивает в машину, резко заводит мотор и на двух тысячах оборотов срывается с места. Я бегу к мотоциклу. Пара метров и я у цели.

* * *

– Нет, вы только посмотрите на него! Да пошел он в задницу. Что он о себе воображает? Ну, положим, его зовут Стэп, и что из этого? Какого черта... да, он легенда, но для кого? Для своих друзей. Эпических друзей, как он их называет. И что дальше?

– А дальше то, что он тебе нравится.

Я с детства любила представлять себя в двух лицах: Джин-1 – мстительница, а Джин-2 – умница. Так я их называла. Первая, Джин-1, мстительница – Сильвия. Между прочим, в детстве у меня была подруга, которую так звали, и я с удовольствием позаимствовала у нее это имя. Вторая Джин – умница, – Плачида, она романтическая и уравновешенная. И Сильвия с Плачидой вечно обсуждают все, что со мной происходит.

– Да, он мне нравится. И что из этого?

– Тогда ты ошибаешься.

– Объясни поточнее, что ты имеешь в виду.

– О'кей, он мне очень нравится! Мне нравятся его короткие волосы, его чувственные губы, его добрые и веселые глаза, его руки... Ах да, мне безумно нравится его чудная большая задница.

– Какая же ты злая.

– Ой, только не надо меня лечить.

– Ах, вот как?

– Да, вот так.

– Ну, если он тебе так нравится, объясни мне, зачем ты утащила у него ключи от мотоцикла?

– Потому что никто не имеет права хватать меня за грудь, без моего разрешения. Ясно? А Стэп, этот легендарный, даже эпический, такого разрешения не получал. И эти чудные ключи я сохраню как память.

– Я уверен, сейчас ты думала обо мне.

Черт, это же Стэп. И он на мотоцикле – как ему удалось уехать?

– Остановись и припаркуйся, иначе я разнесу вдребезги твой драндулет.

Наверное, он соединил провода, вот черт. Я торможу и останавливаюсь. Если он так быстро справился и поехал – пусть он и не легенда, но шустрый точно.

²⁶ Ты такая красивая (франц.)

* * *

- Ну что? Молодец, очень весело.
– Что именно?
– Ах ты еще и дурочку разыгрываешь? Ключи.
– Ой, извини, я только сейчас заметила. Знаешь, наверное... Да, точно, ты просто ошибся курткой и положил их в мою.
Я беру ее за воротник.
– Нет, Стэп, клянусь, я только сейчас заметила.
– Не надо мне твоих клятв... Врунья.
– Ну, может быть, я их по ошибке взяла...
– По ошибке ты сильно ошиблась. Ты взяла у меня ключи от дома.
– Правда?
– По-твоему я вру?
– Быть того не может.
– Может. – Я отпускаю ее. – Ты лицемерка.
– Не называй меня лицемеркой.
Она достает ключи из кармана и с силой кидает их в меня. Я делаю шаг в сторону и ловлю их.
– Дешовка, ты даже попасть в меня не можешь. Давай, лезь в машину, я провожу тебя до дома.
– Не беспокойся.
– Да нет, я беспокоюсь. Ты представляешь опасность.
– Что ты имеешь в виду?
– Снова проткнешь колесо, кто-нибудь тебе поможет его поменять, ты, как настоящая лицемерка, плохо кончишь, а последний, с кем тебя видели, – это я.
– Ах, вот что тебя беспокоит?
– Всем известно, что я изо всех сил стремлюсь к спокойной жизни. Все, не доставай меня, садись в машину и поехали.
Джин фыркает и садится в машину. Заводит мотор, но прежде чем тронуться, опускает окошко.
– Я знаю, зачем тебе это.
Подъезжаю к ней.
– Да? И зачем же?
– Чтобы узнать, где я живу.
– На этой колыхаге номер – Roma R24079. Я за десять минут могу узнать твой адрес с помощью своего друга из Управления. И ехать никуда не надо. Давай, двигай, самонадеянная лицемерка!

* * *

Я резко срываюсь с места. Блин. Стэп знает мой номер наизусть. Я сама еще не могу его запомнить. Через минуту он уже позади меня. Я вижу его в зеркало заднего вида. Ну и тип. Он едет за мной, но близко не приближается. Странно, он осторожный. Никогда бы по нему не сказала. В общем, я его совсем не знаю. Да-а...

* * *

Постепенно сбавляю скорость и держусь подальше. Я не хотел бы, чтобы Джин выкинула какую-нибудь шутку, например, резко тормознула. Это самый лучший способ вывести мотоциклиста из строя. А потом сказать ему: ты не держал дистанцию. Корсо Франча, пьядца Экулиде, виа Антонелли. Ну и несется эта лицемерка. Не останавливается ни на одном светофоре. На всей скорости проезжает мимо Посольства. Обгоняет машины, стоящие на светофоре, едет дальше, поворачивает, не мигая поворотником, направо, потом налево. Один полоумный гудит ей, но поздно. Виа Панама. Останавливается чуть не доезжая пьядцале

делле Музе. Джин паркуется в один прием, вклинившись между стоящими машинами, не коснувшись их. Грамотно и четко. А может, просто случайно так получилось?

– Эй, ты здорово маневрируешь.

– Ты остального не видел.

– Интересно, бывает так, чтоб ты в ответ не отпустила шуточку?

– Хорошо. Спасибо за ужин, я чудесно провела время, ты был просто чудо, твои друзья – фантастические, пардон, эпические. Извини за путаницу с ключами и спасибо, что проводил. Так годится? Ничего не забыла?

– Нет. Не пригласишь к себе?

– Что-о-о? И речи быть не может. Я не приглашала к себе даже своих парней, а ты хочешь, чтобы я пригласила тебя, незнакомого человека? Еще чего!

– А что, у тебя они были?

– Парни?

– Да, кто же еще?

– Куча.

– И как только они тебя переносили?

– Они были сильны в математике. Они подсчитывали плюсы и минусы, и в сумме получалось, что положительных качеств у меня больше, чем отрицательных. Но ты, увы, в математике не силен.

– С этим предметом я, действительно, не дружил.

– Вот именно. И теперь с цифрами у тебя проблемы... Добрый вечер, господин Валиани...

Я оборачиваюсь, чтобы посмотреть, с кем она здоровается. Сзади никого нет. И тут слышу звук захлопнувшихся ворот. Поворачиваюсь обратно: Джин стоит по другую сторону решетки, которая еще дрожит. Ворота закрылись. Ну и ловка же она.

– Хоть ты и эпический, а попался на ерунде.

Джин бежит к входной двери. Шарит в кармане. Ищет ключи. У меня уходит секунда на то, чтобы просунуть руку между прутьев, щелкнуть замком и, открыв решетку, махнуть к ней – а она по-прежнему безрезультатно ищет ключи в кармане. Подбегаю сзади и обнимаю ее. Она выкрикивает. Я держу ее крепко.

– Ты играла в детстве в прятки на счет? До трех не досчитала, а я уже тебя поймал. Теперь ты моя.

Ее волосы вкусно пахнут. И запах не сладкий, – ненавижу сладкие духи. Они пахнут свежестью, радостью, весельем. Джин пытается высвободиться, но я ее не отпускаю.

– Если ты не приглашаешь меня наверх, давай познакомимся поближе здесь.

Она пытается стукнуть меня каблуком по стопе, но я быстро расставляю ноги шире.

– Тихо... Эй, я же не делаю тебе ничего плохого. Я даже руками тебя не трогаю. Только обнял, и все.

– А я тебя не просила.

– Ты думаешь, в таких случаях надо просить: «Ну, пожалуйста, обними меня»? Джин, Джин... твои многочисленные парни так говорили?

Наши щеки почти касаются друг друга. Ее щека гладкая, мягкая и свежая, как чудесный золотистый персик, кожа прозрачная, без малейшего макияжа. Я прикасаюсь к ней губами, но не целую, не кусая. Она крутит головой вправо, влево, чтобы высвободиться, но от меня так же трудно избавиться, как от собственной тени. Дует легкий ночной ветерок, он доносит до нас слабый запах жасмина из сада.

– Ну что, не передумала?

– Даже не мечтай.

Отвечает она как-то странно: тихим и немного хриплым голосом.

– Но ведь тебе нравится...

– С чего это ты взял?

– По голосу чувствую.

Она откашливается.

– Слушай, ты отцепишься или нет?

– Нет.

- Как это – нет?
- Прости, но ты же спросила? Я тебе ответил: нет. Я делаю еще одну попытку. Тихо-тихо шепчу:
- Тук-тук, Джин, можно войти?
- Ты даже не представляешь, что тебя там ждет.
- Я никогда не вхожу туда, выхода откуда не знаю.
- Прекрасная фраза.
- Тебе понравилась? Я позаимствовал ее из фильма «Ронин».
- Идиот.

Думаю, ей приятно. Крепко обнимаю ее и слегка раскачиваюсь вместе с ней вправо-влево, прижав ее руки к телу. Напеваю что-то. Это Брюс, но не уверен, что она его узнает. Мое медленное пение превращается просто в горячее дыхание и, смешиваясь с ее волосами, спускается ниже – к шее. Джин расслабляет руки. Кажется, немного поддалась. Я снова медленно напеваю, выгибая тело. Она следует моим движениям, теперь мы заодно. Я вижу ее губы – они прекрасны. Мечтательно полуоткрытые, они слегка трепещут – может, она дрожит? Я улыбаюсь. Слегка отпускаю ее, но не совсем. Отвожу правую руку. Медленно подношу к ее бедру. Тихо-тихо. Она повторяет мои движения такт в такт, глаза ее скрыты в полутьме, можно лишь догадываться о том, что она сейчас чувствует. Она увлечена и настрожена, как ребенок, пытающийся отгадать фокус, который ему показывают. Глажу ей шею, прижимаю ладонь к ее щеке. Слегка толкаю ее, будто играя... Поворачиваю ее влево. Вот так, тихонько. Джин медленно поворачивается, волосы падают ей на лицо, и вдруг, из этой ароматной черной чащи появляются ее губы. Подобно розе любви – еще не раскрывшейся, нежной и влажной. Она вздыхает и на стекле двери оседает маленькое облачко пара. И тогда я ее целую. Она улыбается, позволяя мне сделать это. Слегка покусывает мне губу, потом перестает, и это прекрасно. Это драматично, комедийно, это рай... Нет, лучше. Это ад. Потому что я начинаю возбуждаться.

- Джин, это ты?

За спиной раздается мужской голос. Именно сейчас... Нет! Только не это. Лязг открывающихся ворот, шаги... Мы ничего не слышали. Оглохли от желания. Я быстро оборачиваюсь, готовый скорее к обороне, чем к нападению. Ведь ее парень не так уж и неправ. Я смотрю на него. Парень невысокий, худой.

- Блин, глазам своим не верю! – на его лице скорее удивление, чем злость.

Джин поправляет волосы, она огорчена, но не сильно.

- Придется поверить, или ты хочешь, чтобы мы снова поцеловались?

Черт, ну у нее и выдержка.

- А, для меня.

Я так и стою с поднятыми руками.

- Стефано, это Джан-Лука, мой брат.

Я расслабляюсь, перевожу дыхание. Сражения не будет. Оно и лучше. Мысли меняют направление.

- Чао.

Я протягиваю руку и улыбаюсь. Конечно, это не самое приятное знакомство. С парнем, который клеит сестру.

- Ладно, ты сегодня в надежных руках, я могу идти.

- Да, не думаю, что он меня изнасилует.

Джин улыбается, довольная шуткой.

- Можешь идти, эпический Стэп.

Я иду к решетке, оставляя их вместе – брата с сестрой, на пороге дома. Завожу мотоцикл и уезжаю, чувствуя на губах жасминовый аромат поцелуя, сорванного наполовину.

* * *

Джан-Лука смотрит на Джин в изумлении.

- Правда, не могу поверить!

- Поверь. Твоя сестра ничем не отличается от других, так что можешь успокоиться: я

не лесбиянка.

– Да нет, я поверить не могу, что ты целовалась со Стэпом!

Наконец Джин находит ключи и открывает входную дверь.

– А что, ты его знаешь?

– Знаю ли я его? А кто в Риме его не знает?

– Я. Перед тобой живой пример того, кто его не знал.

Про себя Джин думает: ну, это же мой брат. Одним враньем больше, одним меньше.

– Не сочиняй. Быть того не может, что бы ты о нем не слышала. Да ладно, его все знают. Что он только не вытворял, даже фотография была в журнале: он несется, окруженный полицией, на своем мотоцикле, а сзади – его девушка. Поверить не могу! Моя сестра целуется со Стэпом. – Джан-Лука качает головой.

Они входят в лифт.

– Возможно, я сейчас развенчаю миф, но знаменитый Стэп, боксер, мачо, катающий девушек на мотоцикле...

– Понятно, понятно, дальше что?

– Целуется ничем не лучше других.

В эту минуту Джин нажимает кнопку с номером 4. И смотрит на себя в зеркало. Она покраснела. Что ж, хотя бы сама себе не ври. Ты снова сказала неправду. Чудовищную неправду. И ты прекрасно это знаешь.

23

Ночь. Бешено несусь на мотоцикле. Пьяцца Унгера, дальше – зоопарк. Мне не хватает слов, чтобы дать определение Джин. Симпатичная? Нет, очень хорошенькая, да что там! Красивая, забавная, ни на кого не похожая. Но зачем искать слова, чтобы ее описать? Возможно, она – все это вместе. А может, совсем другая. Не хочу об этом думать. И все же мне на ум приходит одна мысль, заставляющая меня улыбнуться. С этой мыслью я ехал за ней следом до piazzetta Эуклиде. Я даже не посмотрел в сторону Фалконьери, даже не вспомнил о том, как из этой школы выходила Баби, как я ее ждал. Я думаю обо всем этом сейчас. Эти воспоминания пронзили меня неожиданно, как молния среди ясного дня. Воспоминания. О том дне. О том утре. Как будто это случилось только что. Я стою перед ее школой. Смотрю на нее издали, как она спускается по лестнице, в кругу подружек, смеется, болтает с ними о чем-то. Улыбаюсь с самодовольным видом. Может быть – обо мне. Я жду ее.

– Чао.

– Ну и ну, какой сюрприз, ты заехал за мной.

– Да, давай сбежим.

– Так маме и надо. Вечно она опаздывает.

Баби усаживается сзади, крепко ко мне прижимается.

– То есть, насколько я понимаю, ты сбегаешь не для того, чтобы побыть со мной, а чтобы наказать маму за опоздание! Какая крутая...

– Если можно сделать одновременно и то и другое, что же здесь плохого? – Мы проезжаем мимо ее сестры, которая ждет мать. – Дани, скажи маме, что я вернусь домой позже. И не беги следом, слышишь?

Потом – на виа Кола-ди-Риенцо. Закусочная Франки. Мы выходим с овощными крокешами: их делают только там и мы их так любим – поджаренные до хруста и горячие, еще у нас пакет салфеток, бутылка воды на двоих и невероятный аппетит. Мы все это съедаем там же: она – сидя на мотоцикле, я – стоя перед ней; мы едим молча, глядя друг другу в глаза.

И вдруг с неба посыпался град. Неожиданно, резко. И мы убегаем, как сумасшедшие, и прячемся под козырьком закрытой парадной. Так и стоим там, на холоде, под козырьком какого-то балкона. Потом град потихоньку превращается в снег. В Риме идет снег. Но, не успевая коснуться земли, снег тает. Мы улыбаемся друг другу, она откусывает от своего крокета, я пытаюсь поцеловать ее... И тут, раз! Эта картинка тает как снег. Никогда не знаешь, когда на тебя нахлынут воспоминания. Они приходят неожиданно, просто так, без всякого предупреждения, не спросив разрешения. И никогда не знаешь, когда они уйдут. Единственное,

что ты знаешь, это то, что они, черт возьми, когда-нибудь всплывут снова. Обычно это длится несколько мгновений. Теперь я знаю, что делать. Нельзя заикливаться на них слишком долго. Как только воспоминания пришли, нужно быстро от них отмахнуться, и сделать это сразу, без сожаления, без уступок, не раздувая в них огонь, не погружаясь в них. Не доставляя себе боль. Вот так, уже лучше... Вот они уже и прошли, этот снег растаял полностью.

* * *

Я глушу мотор и открываю дверь. Портье все тот же:

– Добрый день, рад вас снова видеть.

Он узнал меня.

– Я тоже рад.

Даже больше чем рад, но я ему в этом не признаюсь.

– Хотите, я предупрежу?

– Если это необходимо.

Он смотрит на меня с улыбкой.

– Нет, у нее никого нет.

– Хорошо, тогда я поднимусь и устрою ей сюрприз.

Вхожу в лифт. Портье высовывается из-за стойки.

– Сегодня без арбуза?

Я едва успеваю ответить:

– Да, сегодня без.

Да уж, от внимания портье ничто не может скрыться. Номер 202. Останавливаюсь перед дверью и стучу. Слышу ее быстрые шаги. Она открывает, даже не спросив, кто это.

– Чао! Какой сюрприз! – Ева рада меня видеть. – Я звонила тебе на мобильник, но он был выключен. Было романтическое свидание?

– Только с друзьями, – я вру и чувствую себя немного виноватым, сам не знаю почему. Нет никакого смысла врать. – Без дам.

– Ну ладно, ты пришел как нельзя более кстати: завтра я снова улетаю.

– Куда?

– В Южную Америку, хочешь полететь со мной?

– Неплохо бы. Но мне нужно остаться в Риме, у меня тут кое-какие дела.

По крайней мере, она меня не спрашивает, какие это дела. На самом деле, я и сам не очень-то представляю, что за дела. Начать работать, закрутить любовную историю. Наконец-то покончить с той, другой. С той. Нет. Не сейчас. Момент неподходящий. Воспоминания о ней возвращаются, но я их без труда отгоняю. Может быть, потому что на Еве новый комплект белья. Такой же красивый и изысканный, как тот. Но более прозрачный. Я вижу ее грудь.

– Знаешь, Ева, я не знал, можно к тебе ли заехать, может быть, у тебя есть кто-то?

– После вчерашнего вечера?.. Да за кого ты меня принимаешь?

Ева смеется, делает потешное лицо и качает головой. Потом встает на колени. Расстегивает мне джинсы и облизывает губы. Сомнений у меня больше не остается. Действительно, за кого я ее принимаю?

24

Утро. «Ванни» кишит людьми. Все чем-то озабочены. Здесь есть люди хорошо одетые, прекрасно одетые, плохо одетые и ужасно одетые. Все настолько разные, что с ума можно сойти. Полезные и бесполезные винтики великого, суетного телевизионного мира. И все они здесь. Обычный день.

– Привет, директор.

– Добрый день, профессор.

– Господин адвокат, вы меня не забыли? Я не хотел вас беспокоить, но что с тем проектом?

- Это правда, что ту передачу запретили?
- Короче, выходит или нет та проклятая программа?
- Так или иначе, но нам придется поставить туда эту девицу.
- Она хоть красивая?
- Какая разница? В любом случае она там должна быть.

И т. д. и т. п. Создавать, манипулировать, зарабатывать, подмазывать, договариваться, шантажировать, строить, восторгаться, производить и пожинать плоды сотни и тысячи телевизионных часов. Как бы ни шла работа: с новыми идеями, в старых форматах, с плагиатом или без, – все равно передачи делать надо. И любым способом надо попасть в этот маленький ящик, знакомый нам с самого рождения. Оно, телевидение, наш старший брат, или как это бывает у двух сестер – наша маленькая вторая мама. Или первая и единственная. Оно составляло нам компанию, любило нас, оно вскормило нас, – поколение за поколением, – одним и тем же катодным молоком, – свежим, долгого хранения, скоропортящимся...

- Ты понял?
- Короче, это то, что ты думаешь. И ты приехал из Вероны, чтобы делать телевидение.
- Чтобы создавать изображения и логотипы в современной манере... и т. д. и т. п.
- Да хватит уже повторять «и т. д. и т. п.». Это все не конкретно, все приблизительно. Марк-Антонио смотрит на меня с усмешкой.
- Молодец, растешь на глазах. Настоящий агрессивный сукин сын, таким ты мне нравишься.
- Я признателен вам: Плато-о-о-он.
- Ты всерьез начинаешь меня удивлять... Пойдем посмотрим, каков он, ТП.
- Что это – ТП?
- Как? Ты не знаешь? Театр Победы, историческое место – святая святых телевидения, оно там начинается.

– Ну, если это святая святых – тогда пойдем.

Мы переходим улицу. Входим в парк и видим открытый прилавок – книжный развал. Девушки и парни с более или менее интеллектуальными лицами листают уцененные книги. Одна пухленькая девушка держит в руках книгу с оздоровительными советами. Марк-Антонио не может смолчать.

– Покупайте книги про секс и спорт, это полезнее.

Он смеется свое шутке, а девушка смотрит на него с несчастным видом. Марк-Антонио ловко извлекает сигарету из пачки «Chesterfield» и жадно закуривает, встав, как ему кажется, в какую-то сексуальную позу.

- Добрый день, Тони.
- Привет, граф, как дела?
- Плохо, с тех пор как монархия пала.

Тони хохочет. Простой охранник Театра Победы, он наслаждается своим положением. Он чувствует свою власть в этом маленьком мирке. Он заведует входом. Впускает важных людей – директоров, статистов, актеров, – а других не пускает, потому что у них нет пропуска. Короче, он охранник.

– Да уж, в этом, граф, ты прав. По крайней мере, тогда бы ты мог прислать мне бригаду дворовых, чтобы они открыли эту служебную дверь. Я уже неделю не могу дождаться техников.

Легко поверить, думаю, дело обычное. Тони чуть наклоняется и говорит нам доверительным тоном:

- Было бы неплохо: я ходил через эту дверь справлять нужду на нижний этаж. А теперь мне приходится топтать через весь коридор... это такой геморрой! – И он, довольный импровизацией, трясется от смеха, – оппортунист удобств.
- Прекрасно, Тони, у нас появился человек, который решит твой вопрос.
- И кто же это?
- Да вот он, Стэп!
- А он что, из твоих дворовых?
- Да ты шутишь, что ли? Это герой королевских кровей... Чужой в стране, которой он некогда тиранически правил... И вообще, слушай, Тони, ты хочешь справлять нужду быстро

или нет?

– А то!.. Стэп, если у тебя получится, я твой должник.

– Тони... Герой королевских кровей – это в первую очередь благородство души. Герой не торгуется, понятно? Значит, если что, ты будешь должен мне.

– При чем тут ты? Дверь-то починит он... мне казалось, так логичнее...

Они могли бы так болтать часами. Герой, то есть я, решает прервать их беседу.

– В общем, когда закончите, покажете, где дверь.

– Ты прав, извини. Тони проводит нас внутрь.

– Идите сюда.

В театре стоит невообразимый шум: стучат молотки, звук железа, электропил, сварочных аппаратов.

– Все почти готово. Уже монтируют свет, – говорит Тони, как бы извиняясь. – Ну вот, а это та самая дверь. Я уже и так и сяк пробовал. Ни хрена не получается.

Я внимательно осматриваю дверь. Замок у нее расположен в ручке. Скорее всего, заклинило боковую защелку. Наверное, кто-то закрыл изнутри. Может быть, сам Тони, и не помнит, или не хочет сознаться в такой глупости. Нужен ключ. Или...

– У тебя нет металлической полоски, желательнее потоньше?

– Такая подойдет? – он вытаскивает стальную линейку из стоящего на полу железного ящика. – Видишь, я все перепробовал.

– Посмотрим.

Я вставляю линейку в щель между дверью и косяком и аккуратно бью по ней, отжимая язычок.

– Сезам, откройся.

И дверь, как по волшебству, открывается.

– Вуаля, готово.

Тони радуется как ребенок.

– Ой, Стэп, не знаю прямо, как тебя отблагодарить, ты – волшебник!

Я возвращаю ему линейку.

– Да ладно, не преувеличивай!

Марк-Антонио берет ситуацию в свои руки:

– Вот именно, не надо преувеличивать. Запомни главное, что ты остался должен каждому из нас.

– Стопудово, – улыбается Тони и воодушевленно обновляет дверь: идет справлять нужду.

Марк-Антонио подмигивает мне и пропускает вперед.

– Пойдем, я покажу тебе театр.

Мы спускаемся вниз, в парк. Проходим за ряды партера, под большую арку галереи. И я их вижу. Играет музыка. Балерины. В разноцветных одеждах, со спущенными гетрами, с длинными и короткими волосами, а у кого-то головы бриты наголо и покрыты рисунком. Балерины. Блондинки, брюнетки, рыжие и крашенные в синий цвет. Тела их стройны, подтянуты, худы, брюшной пресс крепок. Ноги мускулисты, попки круглы и упруги. В любой момент они готовы разъехаться в шпагат. Они совершенны, эти профи быстрых и изящных движений, усталые, но улыбающиеся. Музыка на сцене заиграла громче. И вот они пришли в движение: то становятся вплотную друг к другу, то расходятся, встречаются на какую-то секунду, потом разбегаются, пропускают одна другую. Они послушно ведут свои партии. Огромные прожекторы освещают балерин, бросая на них яркие разноцветные мазки. Они ласкают их голые ноги, их маленькие груди, короткие платица. Стоп, хорошо, хватит!

Музыка обрывается. Хореограф, невысокий мужчина лет сорока, удовлетворенно улыбается.

– Отлично, сделаем перерыв. Повторим позже.

– Это балет.

– Спасибо, я понял.

Балерины пробегают мимо нас, улыбаясь. Бегут торопливо, чтобы не замерзнуть: легкие, разгоряченные, но исторгающие запах духов. Две или три из них целуют Марк-Антонио.

– Привет, девочки.

Похоже, он их хорошо знает. Одну он даже легко хлопнул по попке. Она улыбнулась, нисколько не смутившись – наоборот, прощепетала:

– Ты мне больше не звонил.

– Я не мог.

– Постарайся смочь, – и она убегает с многообещающей улыбкой.

Марк-Антонио смотрит на меня вполоборота:

– Балерины... Как же я люблю телевидение!

Я с улыбкой смотрю на последнюю, которая как раз выбегает из зала. Она немного меньше других. Задержалась, чтобы взять свою худи. Кругленькая и верткая. Пожалуй, она набрала немного лишнего веса, но ее это не портит. Она улыбается мне:

– Чао.

Я не успеваю ответить, она убегает.

– Я тоже начинаю его любить.

– Отлично, ты мне нравишься. Итак, к делу. Видишь, на просцениуме: «Величайшие гении». Не буду скромничать, это моя работа.

– Я и не сомневался. Узнаю манеру исполнения... – вру бессовестно.

– Ты что? За идиота меня держишь?

– Шутишь? – улыбаюсь я.

– Ладно, такой же логотип есть уже в 3D, в графике. Идея следующая: большое количество людей, самых настоящих изобретателей, выходят на эту сцену и показывают, как они решили ту или иную проблему нашего общества: неважно, большую или маленькую, – как они решили ее с помощью своей интуиции и сообразительности.

– Сильная идея.

– Мы их представляем, добавляем балет, устраиваем вокруг них настоящий спектакль, а они демонстрируют идею, счастливо их озарившую и прошедшую регистрацию в патентном бюро. Мысль простая, но я думаю, что такая программа будет интересна зрителям. И не только. Для тех, кто представляет у нас свои изобретения, программа станет своего рода трамплином, который может дать им невероятные возможности. Они смогут делать большие деньги на своих изобретениях.

– Ну да, если они интересные и если их действительно можно использовать.

– Они именно такие. Чувствуешь, какая программа? Это идея Романи... По-моему, она будет иметь успех, как все, что он делает. Романи... Мы его называем телевизионным царем Мидасом.

– Из-за денег, которые он зарабатывает?

– Из-за результатов. Все, чего касается его рука, имеет неизменный успех.

– Значит, я должен быть счастлив, работаю с ним.

– Да, ты начал с самой вершины. Вот они идут.

Появляется целая процессия. Романи – впереди. За ним – два парня лет тридцати пяти, один – крепкий, абсолютно лысый, в темных очках. Другой – худой, с небольшими залысинами. За ними идет тип с длинными, но хорошо причесанными волосами. У него хитрое лицо и он постоянно оглядывается. Орлиный нос, нервный, бегающий взгляд. На нем синий бархатный костюм, брюки без подворотов: низ штанин только что обработан, видна темная полоска. Несомненно, он на несколько сантиметров удлинит свои ноги, а элегантности прибавил. Если только это возможно.

– Так, на какой мы стадии? – Романи оглядывается вокруг. – Еще никого нет, что ли?

Их догоняет еще один человек – низкого роста со светлыми волосами и голубыми глазами.

– Добрый день, маэстро, я заканчиваю монтировать свет, на сегодняшний вечер все готово.

– Молодец, Террацци, я всегда говорил, что ты лучше всех.

Террацци польщен.

– Я пойду на пульт настраивать свет.

– Иди, иди.

Длинноволосый подходит к Романи:

– Вечно их надо подбадривать, да? Чем больше их разогреешь, тем с большим пылом работают, верно?

Романи щурит глаза и смотрит на длинноволосого холодно.

– Террацци на самом деле лучше всех. Свет он начал ставить, когда ты еще не родился.

Длинноволосый молча возвращается на свое место и становится в ряд последним. Снова озирается, притворяясь, что его интересует любая мелочь на сцене. И наконец, желая выплеснуть накопившееся, принимается грызть ногти на правой руке.

– Это авторы, а Романи еще и режиссер, помнишь? – Марк-Антонио говорит это весьма иронично.

– А как же. Он дает нам работу.

– Те двое, толстый и худой, это Сесто и Тоскани. Полумохнатый и мохнатый. Их звали «Кот и Лис», они давние рабы Романи. Как-то они решили сделать программу самостоятельно. Им ее закрыли после двух выпусков, и с тех пор их стали называть «Кот и Кот». В этой компании единственный лис – Романи, это особая порода. И еще, кроме Кота и Кота, есть Ренцо и Микеле-Змей. Тот маленький толстяк с длинными волосами и носом крючком – из Салерно, руки у него по локоть в пасте, а от его дыхания даже мышь обалдела бы. Романи таскает его за собой больше года. Думаю, это чей-то сынок, и ему приходится расплачиваться за какую-то ценную услугу. Его зовут Змей, потому что он про всех злословит, даже про Романи. Именно про Романи – больше всего, хотя тот – его единственный пропуск в это заведение. И что удивительно – Романи прекрасно знает об этом.

– Змей – классное прозвище.

– Стэп, будь с ним осторожнее. Ему почти сорок лет, у него много власть имущих друзей, и он тут имеет всех, особенно девушек.

– Ну, тогда ты сильно ошибаешься, Маццокка: если это так, значит, это ему надо быть осторожнее со мной. А теперь покажи, где наше рабочее место.

25

– Джин, я не поняла, почему ты так хочешь, чтобы я пошла с тобой на пробы: ты же знаешь, меня никогда никуда не берут!

Джин смотрит на Эле с улыбкой. Та глядит на нее исподлобья.

– Я вижу, Джин, тебе по кайфу, когда мне не везет. Наверное, я тебя обидела чем-то в прошлой жизни. Или, может быть, – в этой?

– Да нет, Эле, не говори так. Просто ты приносишь мне удачу.

– Понятно, ты ведь не такая, как все девчонки: ты не носишь талисман в кармане: зверюшку какую-нибудь – лягушонка, поросёнка, слоника?

– No, I want you.

– Ты прямо как дядюшка Сэм с бедными американскими солдатами. Не хватает только, чтобы ты решила пройти пробы во Вьетнаме.

– И конечно, ты бы поехала со мной.

– А как же иначе! Я же приношу тебе удачу!

И тут они – бац! – сталкиваются с каким-то кренделем.

– Черт, мое мороженое!

Марк-Антонио разъярен: все йогуртовое мороженое вывалилось ему на пиджак. Джин хохочет:

– Ты, конечно, приносишь удачу, но только не ему!

– Эй, девчонки, смотрите, куда идете?

– А ты, прости меня, куда смотрел? На свое мороженое?

– Да, только теперь от него одни воспоминания.

– И что, в этом виноваты мы?

* * *

Я появляюсь из дверей кафе, держа в руках еще не начатое йогуртовое мороженое. И

вижу Джин. Вот так встреча. Она тоже здесь. Меня разбирает смех. Подхожу ближе.

– Боже, кого я вижу! Подожди-ка, я, кажется, понимаю. Ты хочешь, чтобы я тебя еще и обедом угостил.

– Я? Ты что, шутишь? Мне ужина хватило раз и навсегда. А ты-то что тут делаешь, у «Ванни»? Подожди-ка, я, кажется, понимаю. Ты за мной следишь.

– Спокойно, спокойно. Ты что, думаешь, весь мир крутится вокруг тебя? Не видишь: мы с другом решили съесть по мороженому.

– Странно. Я уже сто лет сюда хожу и ни разу тебя не видела.

– Сто лет? Не думаю. Наверное, ты ходишь сюда последние два года, пока меня здесь не было.

Тут встречается Марк-Антонио:

– Короче, пока вы тут разбираетесь с хроникой событий, я схожу помоюсь... И давай быстрее, Стэп, у нас важная встреча.

Марк-Антонио качая головой возвращается в «Ванни». Элеонора дергает плечом.

– Какой у тебя друг невоспитанный, даже не представился.

– Что-то я не понял. Ты на него опрокинула его же мороженое и хочешь, чтобы он еще и раскланялся? Ты, я вижу, ничуть не отличаешься от своей подруги Джин. – Я оборачиваюсь к Джиневре. – Ну, и что вы тут собираетесь делать, кроме как убытки приносить?

Элеонора отвечает с дерзким видом:

– Мы пришли на пробы.

Джин толкает ее локтем.

– Ай. Не болтай лишнего. Ты ведь его совсем не знаешь, а уже выкладываешь...

Я пробую свое мороженое. Вкусное, очень даже.

– А вы кто такие? Новая группа? «Spy girls»²⁷?

– Ха-ха. Знаешь, Эле, у этого парня потрясающие шутки. Единственная проблема: надо успеть понять, шутит он или нет.

– Да ты что?

– На самом деле, это была не шутка. Многих девушек берут работать в спецслужбы. А такие как вы – подходящие кандидатуры: в глаза не бросаешься.

– Пока не бросаемся, а вообще-то кое-кому действительно пора дать в глаз. Вчера вечером, когда ты без особого успеха ко мне подъезжал...

Эле удивлена:

– А про это ты мне не рассказывала!

Джин смотрит на меня с улыбкой.

– Это было настолько неважно, что выскочило у меня из головы.

Я вынимаю ложечку изо рта и сосредоточенно пытаюсь соскрести мороженое со стенок стаканчика.

– Ты лучше расскажи ей, так томно вздыхала у дверей дома.

– Пошел в задницу.

– А вчера вечером, ты мне, кажется, такого не говорила.

– Я тебе говорю это сегодня, и во второй раз: пошел в задницу!

Я улыбаюсь.

– До чего же мне нравится твоя изысканная речь.

– Жаль, что ты не сможешь оценить ее до конца. Ладно, хватит, нам надо идти.

Единственное, Эле, о чем я сожалею... что ты не на того опрокинула мороженое...

Они уходят. Я смотрю им вслед. Джин высокая, ее подруга чуть пониже. Эле, как ее назвала Джин, Елена, Элеонора или как там ее. Смешно на них смотреть.

– Эй, передайте от меня привет Тому Понци²⁸!

Джин, даже не оглянувшись, поднимает левую руку и выставляет вверх средний палец. И именно в этот момент возвращается Марк-Антонио и замечает это приветствие.

– Похоже, она к тебе неравнодушна.

27 Шпионки (англ.).

28 Известный итальянский частный детектив (1922–1997).

- Да, она от меня в восторге.
- Что ты делаешь с женщинами! Надо бы с тобой поосторожнее, да, поосторожнее.

* * *

- Джин и Эле идут дальше. Кажется, Эле всерьез обижена на подругу.
- Можно узнать, почему ты мне ничего не рассказала?
 - Да клянусь тебе, Эле, это выскочило у меня из головы, серьезно!
 - Ну да, конечно... ты целуешься с этим несчастным красавцем, и это выскакивает у тебя из головы!
 - Он действительно тебе понравился?
 - Ну, красавец – не красавец, но это не мой тип. Я бы предпочла того, второго. Он похож на Джека Николсона в юности. Мне кажется, от скромности он не страдает. Он и с виду похож на поросенка.
 - Тебе нравятся поросята?
 - Знаешь, в сексе должно быть много фантазии, а я бы могла его удивить... Я бы стала вылизывать всю его одежду, запачканную мороженым, а потом бы разодрала ее зубами.
 - А потом тебя бы арестовали на выходе из «Ванни».
 - Ну, а кто он все-таки такой – этот супер красавец?
 - Ты сказала – несчастный.
 - Ну да. Где он работает, где живет, когда ты с ним познакомилась, действительно ли вы целовались, да как его зовут, в конце концов?
 - Ты прямо как Том Понци, даже хуже. И что, мне действительно надо ответить на все поставленные вопросы?
 - Конечно, и побыстрее.
 - Ну, тогда по порядку. Не знаю, не знаю, познакомились вчера вечером, поцеловались, его зовут Стефано.
 - Стефано?
 - Стэп.
 - Стэп? Стэп Манчини?
- Элеонора уставилась на Джин, выпучив глаза.
- Да, это Стэп, и что?
- Она хватает Джин за куртку и трясет, что есть силы.
- Как что? Вау! Мы войдем в историю. Когда я расскажу эту новость, про нас напечатают в «Parioli Pocket». Драчун Стэп, круто. У него темно-синяя «Honda 75 °Custom». Он носит как Валентино Росси²⁹, он подрался с половиной Рима, он жил на пьядца Эуклиде, это друг Хука, Скелло и из-за своей подруги он бился даже с самим Сицилийцем. Стэп и Джин – невероятно!
 - О, да вы все тут знаете этого Стэп а, одна я его не знала.
 - И к кому он подкатывается? К тебе!
 - Только никто ни к кому не подкатывался, это во-первых. А во-вторых, кто была эта подруга?
 - А, значит, тебе интересно! Тебя зацепило?
 - Чушь! Мне просто интересно, и все.
 - У него была девчонка, думаю, старше нас, очень красивая. Она ходила в Фалконьери. Это сестра Даниелы, этой толстушки, которая была с Паломби, который был...
 - Понятно: который был с Джованной, которая была с Пьеро, который был с Алессандрой и так далее, и так далее. Вечные твои цепочки. Короче, я никого из них не знаю и плевать на них хотела. А теперь пойдем на пробы, мне деньги нужны. Я хочу купить мопед себе и братишке.
 - А ты что, не можешь деньги попросить у родителей?
 - Даже не обсуждается. Давай, доставай документы.

29 Итальянский мотогощик, мотопилот (род. 1979 г.).

Джин и Эле показывают удостоверения личности парню, что стоит в дверях.

– Джиневра Биро и Элеонора Фьори, мы должны пройти пробы на телефонисток, но на тех, которых видно на экране.

Парень бросает взгляд на документы, потом сверяется со списком, ставит галочку на полях.

– Ну вот, теперь порядок. Входите, сейчас начнем. Только вас ждали.

26

Девушки выстроились на сцене. Статные, блондинки, брюнетки, рыжеватые, слегка подкрашенные хной. Более или менее элегантные, в стиле casual или псевдо-кич: некоторые проявили фантазию и надели на себя две вещи, не сочетающиеся по цвету. Из-под классных серых костюмов видны кроссовки: сейчас снова в моде обувь с высокими толстыми подошвами. Носы у девушек прямые, есть неудачно прооперированные, есть не знавшие скальпеля по причине безденежья. Одни спокойны, другие нервничают, третьи стоят с вызывающим видом, выставив напоказ пирсинг, а те, что робкого десятка, предпочли перед пробами свой пирсинг выкрутить. Татуировки более или менее прикрыты одеждой – остается только догадываться, сколько их еще на потаенных частях тела. Такие вот девушки пришли на пробы. Джин и Эле незаметно к ним присоединились.

– Итак...

Романи, Кот & Кот, Змей и еще кто-то, имеющий отношение к этой работе, сидят в первом ряду. Они готовы к спектаклю: для них это возможность чуть расслабиться, прежде чем перейти к важным делам.

Я сажусь в глубине зала, держа в руках стаканчик с все еще недоеденным мороженым, и издали наслаждаюсь зрелищем. Джин меня не видит. Она выглядит уверенной, стоит спокойно, руки в карманах. Трудно сказать, к какой группе она относится. Мне кажется, она не такая, как все: ее подруга права. Она то и дело отбрасывает назад волосы. Хореограф стоит с микрофоном в руке.

– Итак, сейчас каждая из вас сделает шаг вперед и представится: имя, фамилия, возраст и какую работу вы уже выполняли. Смотреть надо в центральную камеру, ту, что с красным огоньком, прямо где сидит тот синьор... Помаши рукой, Пино!

Тип, сидящий за центральной телекамерой, не отрывая лица от монитора, поднимает руку и машет ею.

– Все понятно?

Несколько девушек неуверенно кивают головой. Джин, как я и ожидал, не делает никаких движений.

Разочарованный хореограф опускает руки, а потом кричит в микрофон:

– Эй, девушки. Я хочу услышать ваши прекрасные голоса, скажите же что-нибудь! Я хочу убедиться, что я не сплю!

Со сцены слышится нестройный хор голосов: «да», «хорошо», «понятно», некоторые даже улыбаются.

Похоже, хореограф удовлетворен.

– Ладно, тогда начинаем.

Ко мне подходит Марк-Антонио.

– Эй, Стэп, что ты здесь сел? Пойдем вперед, сядем на первые ряды, там лучше видно.

– Нет, мне здесь больше нравится.

– Ну, как хочешь.

И садится рядом.

– Вот увидишь, Романи нас позовет. Его интересует наше мнение по поводу любой ерунды.

– Ну, когда позовет, тогда и пойдем.

Одна за другой, девушки выходят к микрофону и представляются:

– Привет, я Марели Анна, мне девятнадцать лет. Я участвовала в разных передачах ассистентом, я учусь на юридическом. А еще я сыграла маленькую роль в фильме

Чеккерини...

Ренцо Микели, по прозвищу Змей, всерьез заинтересовался.

– И что это была за роль?

– Проститутки. Но я там только стояла, без всяких слов.

– Тебе понравилась роль?

Все посмеиваются, но стараются делать это незаметно.

Только Романи остается бесстрастным. Марели Анна отвечает:

– Да, кино мне нравится. Но мне кажется, мое будущее связано с телевидением.

– Хорошо. Следующая, пожалуйста.

– Добрый день, меня зовут Франческа Ротонди, мне двадцать один год и я заканчиваю экономический. Я делала...

Романи поворачивается направо, налево, оборачивается назад и наконец видит нас.

– Маццокка, Манчини, идите сюда, поближе.

Марк-Антонио, поднимаясь, ворчит:

– Что я тебе говорил?

– Идем. Все это похоже на школьный урок, когда учеников вызывают к доске, но если таковы условия игры...

Девушки стоят на сцене, луч софита бьет им прямо в глаза: они не могут нас видеть. Следующая девушка представляется, потом другая. Потом – соседка Джин. В конце концов, я сажусь в первый ряд. Она по-прежнему меня не видит. А вот Эле, ее подруга – видит.

Само собой, она не может не обратить на это внимание.

– Эй, Джин. Смотри, кто там в первом ряду.

Джин, приставив ко лбу козырьком ладонь, чуть отходит в сторону и видит меня. Я подношу правую руку к щеке и незаметно машу ей. Мне не хочется смущать ее. Я прекрасно понимаю, что она пришла сюда, чтобы найти работу. Но она – нет, она не хочет по-хорошему: снова вытягивает левую руку вдоль бедра и выставляет средний палец, показывая мне, что посылает меня в задницу. В третий раз.

– Твоя очередь, брюнетка.

Это относится к ней, но внимание Джин рассеянно: вызов застал ее врасплох.

– А, что? Ах, да, – она берет микрофон, который ей протягивает соседка справа. – Я – Джиневра Биро, девятнадцать лет, учусь на филологическом, по специализации – режиссер-постановщик. Участвовала в нескольких передачах как ассистент. – Джин выставляет руки вперед и поднимает вверх, делая шаг вперед в полунаклоне. – Если бы я была обычным конвертом, я бы слетела вниз.

И возвращается на свое место. Все смеются.

– Эта далеко пойдет.

– Да, молодец. Да еще и хорошенькая.

– Действительно, молодец.

Я с удовольствием разглядываю ее. Она тоже смотрит на меня, с вызовом, уверенная в себе, нисколько не робея от того, что стоит на виду, в лучах прожекторов. И даже, наоборот, строит мне рожицу. Я наклоняюсь к Романи:

– Простите, доктор Романи... – он оборачивается ко мне. – Могу я задать вопрос этой девушке, чтобы лучше с ней познакомиться?

Он с любопытством смотрит на меня.

– Это профессиональный вопрос или ты хочешь попросить у нее телефон?

– Абсолютно профессиональный.

– Тогда пожалуйста, мы здесь для этого и собрались.

Я смотрю на Джин, выдерживаю паузу и начинаю:

– Каковы ваши планы на будущее?

– Муж и много-много детей. Ты, например, если хочешь, можешь сделать одного.

Блин. Шах и мат. Она меня опустила. Все хохочут как сумасшедшие. Они надрываются от смеха. Даже Романи смеется и разводит передо мной руками, как бы говоря: «победа за ней». И победа, действительно, за ней. С Тайсоном и то было бы проще сражаться. Он бы так меня не сделал. Ну хорошо, Джин, как хочешь. Мне плевать на присутствующих, и я продолжаю:

– Тогда, простите, почему же вы пришли на пробы вместо того, чтобы предаваться поискам того самого идеального мужчины?

Джин смотрит на меня с улыбкой. Она принимает благодный и невинный вид и отвечает голосом святой женщины.

– А почему бы этому идеальному мужчине не найтись именно здесь? Вы, я вижу, немного разволновались, но совершенно напрасно, потому что вас я сразу же исключила.

Кто-то снова взрывается смехом.

– Ну ладно, хватит, – говорит Романи. – Мы закончили?

– Нет, еще я осталась.

Это подруга Джин, Эле. Она делает шаг вперед.

– Хорошо, представьтесь.

– Я – Элеонора Фьори, двадцать лет. Я пробовала участвовать во многих передачах, но безрезультатно, зато я изучаю дизайн, и результаты отличные.

Кто-то негромко пробует пошутить:

– И что тебе мешает продолжать?

Наверное, это Сесто, один из этих – Кот & Кот. Никто не смеется. Микели, Змей, оглядывается по сторонам. Романи делает вид, что ничего не слышал. И тогда он тоже делает вид, что не слышал. Тоскани, второй Кот, засмеялся, но, заметив, что никто не смеется, сделал вид, будто закашлялся.

– Прекрасно. Спасибо, девушки.

Романи подходит к хореографу, смотрит в листок, который тот держит в руках, и пальцем указывает на несколько имен. Потом берет бумагу и направляется к нам.

– Вы кого-то выбрали?

Я смотрю в листок. Там стоит несколько крестиков рядом с именами девушек. Пять-шесть уже выбраны. Я смотрю вниз, в конец списка. Вот она. У Джиневры Биро уже стоит крестик. Невероятно: у меня с Романи совпадают вкусы. Я улыбаюсь: ну что ж, это неудивительно. Сесто и Тоскани тоже отобрали по одной. Романи одобрил их выбор. Змей поместил два имени, но Романи оставил лишь одно. Подходит Маццокка: у него тоже есть предложение.

– Романи, пусть это выглядит бредом, но мы должны взять еще одну. Тебе, может, и не понравится, но если хорошенько поразмыслить, взять ее – гениальный ход.

– Ну, и кто же это?

– Она понравится всем неуверенным в себе людям, – тем, кто сидит дома и думает, что ни на что не способен. Ты должен ее взять, Романи.

– Да кого же?

– Последнюю.

Кот & Кот, а за ними Змей, почти в унисон произносят: «Бэээээ». Так они выражают свое возмущение. Романи ничего не говорит, и эти трое, не угадав его реакцию, замолкают. Змей, впрочем, успел высказаться:

– Да это полный отстой! Мы что, будем делать мисс Италию наоборот? И вы будете присылать нам субтитры с объяснением того, что она сказала, на дом, чтобы мы могли перевести...

Это звучит убедительно. Маццокка качает головой.

– Это сильная идея. Романи, ты же сам подумал об этом, правда?

Романи некоторое время молчит. Потом улыбается.

– Нет, я об этом не думал, но это правильно. Совершенно правильно. Хорошо, отметь эту тоже, Карло.

Хореограф уже совсем ничего не понимает, но ставит этот последний крестик.

– О'кей, итак, девушки...

Хореограф поднимается на сцену и становится перед девушками.

– Благодарю всех, кто участвовал, но кого не отобрали...

Эле дергает плечом:

– Не за что.

Джин толкает ее локтем.

– И не отчаивайтесь. Настройтесь позитивно, конструктивно. Не пугайтесь неудач.

Хореограф начинает зачитывать имена.

– Итак, Джасмини, Календи, Федри...

Лица названных девушек вспыхивают радостью. Они улыбаются и делают шаг вперед. Лица других, чье имя пропущено, гаснут: мечта, хоть на миг появиться во всем своем блеске на экране, снова отдалается. Бертарелло, Солези, Биро и Фьори. Джин и Эле последними делают шаг вперед. Эле смотрит на подругу.

– Поверить не могу. Сейчас они сделают как в том фильме – «Кордебалет»: те, кто вышел вперед, свободны, остальные приняты.

– Итак, те, кого я назвал, приходят сюда в понедельник. Прошу не опаздывать: в двенадцать часов в офисе подписываем договор, и в два часа здесь, в театре, начинаем работать. Работаем с двенадцати часов понедельника по субботу. В субботу вечером – прямой эфир. Понятно?

Одна из выбранных девушек, самая красивая, с огромными глазами и с глуповатым взглядом, поднимает руку.

– Что такое?

– Вообще-то я не поняла.

– Что не поняли?

– То, что вы сказали.

– Неплохо для начала. Тогда держись этой рыженькой, твоей соседки, и делай все как она. Это понятно?

– Более или менее.

Тормозная девушка смотрит на рыжую соседку, и та ободряюще улыбается ей. Вполне возможно, она и сама не все поняла правильно.

Эле хватается за голову обеими руками.

– Быть того не может, меня взяли!

– Может, может... закончилась твоя полоса невезения.

Джиневра и Эле идут к выходу.

– Я стану звездой! Yahoo! Поверить не могу!

– Ну, насчет этого неизвестно.

Тони, завидев подруг, машет им рукой.

– Ну, как все прошло?

– Отлично!

– Обеих взяли?

Эле смотрит на него, кривя рот.

– Да, обеих. И нас выбрали первых!

И они выходят, смеясь и толкая друг друга.

– Иногда надо уметь хорошо себя продать, верно?

– Блииин! Машина!

– Где она?

– Нету.

Джиневра оглядывается с озабоченным видом:

– Я ее тут припарковала. Моя... Ее увели! Ворье гребаное!

– Эй, не стоит так ругаться, – я появляюсь у нее из-за спины вместе с Марк-Антонио. – Кому в голову придет уводить такую колымагу?

– Слушай, не лезь опять. Я сообщу в полицию.

– Как ты ее назвала?... Тебе кажется, это нормально называть машину «Моя»?

– Но если она Моя!

– Была твоя, а теперь – их или его. В общем, нужно просто поменять ей имя и все встанет на свои места! Думаю, тебе просто придется заплатить штраф, должно быть, ее увез эвакуатор, и если хочешь на кого-то злиться, злись на полицию. Впрочем, в твоем случае тебе надо бы злиться на саму себя.

– Слушай, ты меня уже так достал, что дальше некуда, а теперь еще полощешь мне мозги этим потоком слов. Что ты хочешь сказать?

– Что ты припарковалась аккуратно перед запасным выходом из театра. Все очень просто.

– Он прав, – мимо нас проходит охранница. Она слышала весь наш базар и ради раз-

влечения решила принять участие в разговоре. – Мы вынуждены были ее увезти.

– Ну уж, «вынуждены», это слишком: вы могли подождать пару минут. Я была в театре по работе.

– Так, вы спорить собираетесь?

– Да нет, просто говорю вам, как обстоят дела.

Охранница уходит, не удостоив ответом. Джиневра, воспользовавшись моментом, показывает ей вслед язык и говорит вполголоса:

– Засранная охранница. Надо сексом заниматься по ночам, тогда не будешь такой злой.

Я смеюсь и свищу, задрав голову.

– Фью... Наконец-то я вижу девушку, играющую по нашим правилам! Девушку правильную и, главное, хорошо воспитанную. Ты мне нравишься.

– А ты мне – нет!

– А ты сама-то следуешь этому совету?

– Какому?

– Ну, что надо заниматься сексом, чтобы не быть такой злой. Потому что, если нет, я готов помочь.

– Конечно, следую, а как же.

– А то смотри, я бы мог поспособствовать, чтобы поднять тебе настроение.

– Спасибо, у меня этого выше крыши.

Марк-Антонио решает прервать пикировку.

– Ну ладно, ладно, хватит уже. Поскольку у нас сейчас свободное время, и вы обе прошли конкурс, я бы предложил пойти выпить чего-нибудь, тем более... – Марк-Антонио улыбается Эле и кивает ободряюще: – Тем более, что это мы за вас голосовали, правда?

– Ты прав. Действительно. Пойдемте выпьем.

Я смотрю на Эле и развожу руками.

– Эй, у тебя такой вид, будто ты говоришь: «К сожалению, надо пойти».

Джин с решительным видом встает между нами.

– Слушай, ты, легендарный Стэп, отвяжись от моей подруги, понял?

На какую-то долю секунды она меня напутала по-настоящему.

– О'кей, а тебе-то самой как наше приглашение?

– Что это, опять пробы? А платите вы?

Я с улыбкой смотрю на нее:

– Если хочешь.

– Да я знаю, что ты можешь. Но и не мечтай даже, мне очень жаль.

Марк-Антонио снова прерывает перепалку.

– Это просто невероятно: о чем бы вы ни говорили, все заканчивается ссорой! Я только сказал: пойдете, выпьем чего-нибудь. Не будем ссориться, эй!

Эле кричит как сумасшедшая:

– Yahoo! Да, чудесно! Пойдем оттянемся, развлечемся на полную катушку... – она подкидывает вверх волосы и машет руками, танцует, кружась. Потом останавливается и смотрит на меня в упор: – Ну что, так лучше?

Я улыбаюсь:

– Сойдет!

А чего я ждал? Они же подруги. Марк-Антонио качает головой, берет Эле под руку:

– Пойдем-ка отсюда, иначе мы рискуем встретить здесь восход солнца... а ведь для этого есть места получше.

И он уводит ее, едва не силком. Джиневра стоит как вкопанная и глядит Эле вслед.

– Ой-ой-ой, у тебя увели подружку.

– Она взрослая и прививки все сделаны. Главное, что она с тобой не ушла.

– А что? Ты ревнивая?

– Да, разбежался. Я за нее волновалась. Так где твой мотоцикл?

– А что?

– Отвезешь меня домой, только рукам воли не давай, иначе получишь еще одну оплеуху, как в ресторане.

– Невероятно. То есть я должен отвезти тебя домой и даже пальцем не тронуть! Ну, ты

даешь. Я такого в жизни еще не слышал. Обалдеть!

27

Мы подходим к мотоциклу, я сажусь и завожу мотор. Джин заносит ногу над седлом, но я толкаю мотоцикл вперед.

– Ничего не поделаешь, у меня инновационное такси.

– То есть?

– Надо заплатить вперед.

– И что это значит?

– Что ты меня поцелуешь.

Я тянусь к ней, выпячивая губы и закрыв глаза. На самом деле, правый глаз у меня закрыт лишь наполовину. Не хочу снова лажануться. Джин подходит ко мне и проводит языком снизу вверх по моим губам, ощущение – как будто тебя мазнули наполовину растаявшим мороженым.

– Эй, что это?

– Я так целуюсь! Я тоже инновационная девушка, – и она мигом садится сзади. – Давай, за такую плату ты как минимум должен добросить меня до Остии.

Я смеюсь и резко трогаюсь, поставив мотоцикл на дыбы. Но у Джин отличная реакция. Она крепко обняла меня за талию и прижала голову к моему плечу.

– Давай, легендарный Стэп, обожаю носиться на мотоцикле.

Меня не надо просить дважды. Я лечу со скоростью света, и Джин крепко сжимает меня коленями. Мы как единое целое: поворачиваем вправо, влево, плавно входим в повороты, я давлю на газ. Вот мы проехали «Ванни», теперь несемся к набережной Тибра. Поворот направо. Чуть сбавляю газ перед красным светом светофора, тот, едва завидев нас, как зачарованный, тут же становится зеленым. Быстро обгоняю две стоящие машины. Поворот направо – наклон, налево – наклон, и вот мы рядом с Тибром, и уже уносимся прочь, и только ветер дует в лицо. В зеркало вижу ее. Полузакрытые глаза, заколка в волосах, бледная кожа. Длинные темные волосы развеваются, тянутся к солнцу, заходящему за нашими спинами, отсвечивают красным, плещутся на ветру.

– Ну вот, синьорина, мы и приехали.

Я останавливаюсь перед ее домом, ставлю боковую подпорку, но сам остаюсь в седле.

– Блинберила, мы домчались за секунду.

Смотрю на нее с любопытством.

– Блинберила? И что это значит?

– Это «блин» и «черт побери» вместе, а «ла» – это для красоты.

Никогда такого не слышал.

– Блинберила. Возьму на вооружение.

– Нет, это мое слово. У меня авторские права, действующие по всей Италии.

– Так уж и по всей?

– Конечно. Ну ладно, спасибо, возможно, в будущем еще воспользуюсь тобой. Надо сказать, что как таксист ты что надо.

– Хорошо, тогда тебе придется пригласить меня подняться.

– Почему это?

– Там мы оформим карточку, и следующая поездка будет со скидкой.

– Не волнуйся. Я заплачу полную цену.

Джин полагает, что на этот раз она меня опередила: она уже захлопнула ворота изнутри и радуется, как здорово меня надула.

– Э, нет! Так не пойдет! – я вынимаю из кармана джинсов ее ключи и трясу ими у нее перед носом.

– Этому я у тебя научился, не правда ли?

– Ну же, легендарный Стэп, отдай мне их!

Смотрю на нее с усмешкой.

– Легендарный... Даже и не знаю... Слушай, сделаю-ка я кружок и вернусь чуть позже,

совершу, пожалуй, ночную прогулку.

– Не самая лучшая идея. Через полчаса я уже поменяю замки.

– Да ты денег потратишь больше, чем за десять поездок...

– Ну ладно, давай договоримся.

– Давай.

– Итак, что ты хочешь взамен ключей?

Поднимаю голову и смотрю на нее насмешливо.

– Ладно, можешь не говорить, хорошо, поднимемся ко мне. Но сразу предупреждаю: ты не дождешься фразы: «что тебе предложить?», как это бывает в хороших фильмах. И сначала отдай мне ключи.

Я открываю ворота, ключи крепко сжимаю в правой руке.

– Я отдам их тебе дома, наверху, а пока позволь мне побыть в роли *chaperon*³⁰.

Джин насмешливо улыбается.

– Блин, ты не перестаешь меня удивлять.

– Это ты насчет моего французского?

– Нет. Это я насчет того, что ты просто так бросил мотоцикл.

И входит в подъезд, высоко задрав голову. Я быстро ставлю блокиратор и уже через минуту обгоняю ее. Вхожу в лифт раньше, чем она.

– Синьорина поедет в лифте, или она боится и пойдет пешком?

Она входит в кабину и с уверенным видом встает напротив меня. Встает так близко... слишком близко... Сильна. Потом чуть отодвигается.

– Хорошо. Синьорина доверяет своему *chaperon*. Какой этаж, синьорина?

Теперь она прислонилась к стенке и смотрит на меня. У нее большие глаза, она – сама невинность.

– Пятый, пожалуйста.

Она улыбается, ей нравится эта игра. Я резко наклоняюсь, касаясь ее: делаю вид, что никак не могу найти кнопку.

– А, наконец-то. Вот пятый.

Она так и стоит, прижавшись к стенке из старого дерева, местами побитого и потертого. Едем молча. Я стою совсем близко к ней, спокойно, без движения. И вдыхаю ее аромат. Чуть отклоняюсь, и мы смотрим друг на друга. Наши лица рядом, Джин чуть моргает, и снова смотрит на меня, не отводя взгляд. Уверенная в себе, дерзкая, ни тени страха в глазах. Я улыбаюсь, ее щеки чуть вздрагивают: легкий намек на улыбку. Потом она наклоняется и шепчет мне на ухо горячим, чувственным шепотом:

– Эй, *chaperon*...

Дрожь пробегает по моему телу.

– Да? – я смотрю ей в глаза. В них – насмешка.

– Мы приехали.

И быстро проскальзывает мимо меня. Через мгновение она уже на лестничной площадке. Останавливается перед дверью. Подхожу к ней и вытаскиваю ключи.

– Вот. Они не хуже ключей Святого Петра³¹.

– Дай сюда.

Мы так любим повторять эту историю про ключи Святого Петра. Я чувствую себя по-дурацки, упомянув о них сейчас, в этот момент... непонятно, зачем? Может быть, чтобы просто что-нибудь сказать. И вообще, почему мы говорим про них? У Святого Петра, должно быть, был всего один ключ, да и тот, похоже, ему не нужен. Так что же тогда получается, его туда не пускают? Джин проворачивает ключ в последний раз. Я стою наготове: если она попытается не впустить меня, вставлю ногу в дверь. Но Джин меня обвела. Она весело улыбается, любезно открывает дверь.

– Давай, входи, только не шуми.

³⁰ Французское слово, в английском языке стало обозначать «компаньонку», «дуэньку» для молодой девушки.

³¹ Ключи от Царствия Небесного, которые вручил Святому Петру Иисус Христос.

Пропустив меня, закрывает за мной дверь. Потом обгоняет меня и кричит:

– Эй, я пришла! Есть кто-нибудь дома?

Квартирка милая, скромная, не заставленная мебелью, тихая. Несколько фотографий родителей над большим сундуком, другие стоят на комодке у стены. Спокойная квартира, без излишеств, без непонятных картин, разных там салфеточек. Но что удивительно – семь часов вечера, уже солнце зашло, а дома никого нет.

– Везет тебе, легендарный Стэп.

– Хватит уже с этим легендарным... И потом, что значит – везет? По-моему, здесь есть кое-кто, кому везет, в прямом смысле. Я привез тебя домой, и вот ты в целости и сохранности – аппетитная, с такой круглой попкой...

Я протягиваю руку туда, где у нее заканчивается спина.

– Слушай, хватит, а? Ты похож на заключенного, не видевшего женщин лет шесть и наконец вышедшего на свободу.

– Четыре.

Она смотрит на меня, нахмурившись.

– Что – четыре?

– Я вышел вчера после четырех лет отсидки.

– Да ладно! – она не знает, можно ли принимать мои слова всерьез: смотрит на меня с любопытством и все же решает пошутить: – Само собой, выяснится, что ты ни в чем не виноват... но все-таки, что ты сделал?

– Я убил одну девушку, которая пригласила меня к себе ровно в... – я смотрю на часы, – ну, и примерно в это время она решила, что не даст мне...

– Ой, блин... Я слышу шум, это родичи. Черт! – она толкает меня к шкафу. – Залезай сюда.

– Эй, я еще пока тебе не любовник, ты даже не замужем. Какие проблемы?

– Ш-ш-ш.

Джин закрывает меня в шкафу и выбегает из комнаты. Я сижу в темноте и не знаю, что делать. Слышу отдаленный шум открывающейся и закрывающейся двери. И больше ничего. Тишина. Все тихо. Проходит пять минут. Восемь. Тихо. Я смотрю на часы. Бляха, уже почти десять минут прошло. Что мне делать? Дальше тут сидеть? В общем-то ничего и не случилось. Тихо-тихо приоткрываю створку шкафа. Выглядываю в щелку. Тишина. Вижу отдельные предметы. Поразительная тишина, во всяком случае, мне так кажется. Вижу край дивана. Открываю дверь пошире. Ковер, ваза, и еще – ее нога, так просто – лежащая на диване. Джин развалилась на диване, прислонив голову к спинке, и курит сигарету. Ей очень смешно.

– Эй, легендарный Стэп, что это ты так долго делал в шкафу? Сам с собой забавлялся? Эгоист!

Бляха, она меня сделала! Выскакиваю из шкафа и пытаюсь схватить ее. Но Джин быстрее меня. Едва погасив сигарету, бросается наутек. Чуть не поскользнулась на ковре, вставшем дыбом под ее ногами, но успевает извернуться и выскакивает за дверь. Два прыжка – и она в своей комнате, на ходу поворачивается и хочет закрыть за собой дверь. Но не тут-то было. Я навалился на нее плечом. Джин сопротивляется, но недолго. Скоро она оставляет дверь, прыгает на кровать выставив ноги вверх, пытается защититься от меня. Она брыкается ими в воздухе и хохочет как сумасшедшая.

– Ну прости меня, легендарный Стэп, ой, нет, эпический Стэп, ой, просто Стэп, Стэп и все, чудесный Стэп! Или нет, лучше Стэп, какой ты сам пожелаешь! Я пошутила! Мои шутки хотя бы веселые, не то что твои.

– А что мои?

– Твои – мрачные какие-то! Ты убиваешь девушек прямо у них дома. Ну все!

Я скачу вокруг кровати, пытаюсь прорвать ее оборону, но она внимательно следит за мной и быстро отбивается ногами, крутясь вокруг своей оси. Делаю обманное движение вправо и набрасываюсь на нее. Я прорвался: она убирает руки и подносит их к лицу.

– Хорошо, хорошо, сдаюсь... мир?

– Конечно, мир.

Она смеется и наклоняет голову набок.

– О'кей...

Слегка улыбаясь, она тянется ко мне. И позволяет себя поцеловать: мягкая, нежная, еще разгоряченная, но уже спокойная. Она позволяет себя целовать и сама целует меня, серьезно и страстно отдаваясь этому всем своим маленьким существом. На секунду открываю глаза и вижу ее лицо, так близко – с таким серьезным, таким старательным выражением. Нет, на этот раз у нее за пазухой не спрятано никаких камней. Закрываю глаза и отдаюсь поцелую. Так мы и парим вверх-вниз на одной волне, – наши мягкие языки соприкасаются, мы держимся за руки и то и дело, смеясь, толкаемся и снова сцепляем руки. Губы наши встречаются и пытаются соединиться наилучшим образом в этом нежном деле – поцелуе. Вдруг Джин напряглась. Я продолжаю целовать ее. Она извивается всем телом. Что это? Страх? Она отодвигается.

– О Боже, прости меня, – она не может сдержать смех. – Я больше не могу... ты провел в моем шкафу одиннадцать минут и тридцать две секунды, не могу забыть. Блин, небылица какая-то... ой, прости меня, прости, пожалуйста.

И она вскакивает с кровати, прежде чем я успеваю ее схватить.

– Но зато, если это может тебя утешить, целуешься ты классно.

Все так же лежа на кровати, опираюсь на локоть и смотрю на нее. Трудно найти такую хорошенькую, да еще и забавную, и остроумную девушку. Вообще-то нет, я ошибся. Такую забавную, остроумную и такую красивую. Нет, я снова ошибся. И такую... красавицу... Но я ей всего этого не говорю.

– Знаешь, что самое интересное? Что мы какое-то время будем каждый день работать вместе, и поскольку все всегда возвращается к человеку, я там тебя накажу.

– Ах, молодец какой! Ты прибегаешь к самому подлому оружию – ты мне угрожаешь... хорошо же! Так что ты хотел? Чтобы я показала тебе дом, предложила что-нибудь выпить... Все как положено? Легко! – она переходит на фальцет.

– Что ты хочешь, Стефано? Аперитив? Может, еще и картошечки фри...

И притворно смеется:

– Ха-ха!

– Слушай, ты бы классно сошла вместо картошечки.

У нее все тот же фальцет.

– Ой, поверить не могу, ну и шуточка! Как у Вуди Аллена в лучшие его годы...

– Да, особенно после секса с притворщицей кореянской!

– Ну почему ты всегда такой душный? Ты не думаешь, что бывают просто влюбленные? Знаешь, такое случается.

– Конечно, в сказках, почти во всех, так ведь?

– Во всех!

– Ты их, наверное, хорошо знаешь.

– Да. И я решила прожить свою жизнь как в сказке. Которая еще пока не написана. Я сама придумываю каждый шаг, каждое мгновение, я сама пишу свою сказку.

Я предпочитаю не отвечать. Осматриваюсь вокруг. Несколько плюшевых игрушек, фото Эле, по крайней мере, мне так кажется, еще две какие-то девушки и два-три офигенных парня. Она замечает мой взгляд.

– Это рекламные модели. Мы вместе работали, ничего больше.

Она все понимает, эта Джин.

– Да тебя никто ни о чем не спрашивает.

– Я видела, что тебя это зацепило.

– Да совсем нет, мне это слово незнакомо.

– А, да, я совсем забыла, ты у нас кремень. Брр, страшно даже!

Я встаю и обхожу комнату.

– Ты знаешь, что о женщине можно все рассказать, посмотрев ее шкаф? Покажешь мне?

– Нет!

– Чего ты боишься, там скелет? Мама дорогая! Ой, да сколько же у тебя одежды? И вся новехонькая! Есть даже с неоторванными ярлыками. И все известных марок, синьорина! Да у тебя не только фигура...

– Ну и дурак же ты! До чего ты простой. За всю эту одежду я не плачу ни копейки.
– Ах да, ты лицо какого-нибудь дома моделей.
– Нет, я пользуюсь сайтом Yoox. Заказываю одежду по интернету. Там есть самые известные марки. Выбираю все, что захочу, заказываю и получаю на дом. Ношу вещи несколько дней, не снимая этикетку и стараясь не испортить. Потом в течение десяти дней я их им отсылаю назад, и пишу, что мне не нравится, размер не совсем подходящий.

Перебираю вещи дальше. Там есть все: топ от Cavalli и Costume National, юбка-миди от Jil Sander, юбки от Haute, две сумки D&G, светлый кашемировый свитер от Alexander McQueen, пальто Moschino, забавный клетчатый пиджак Vivienne Westwood, блузка Miu Miu, джинсы Miss Sixty Luxury...

– Зашибись фирмы.

– Ну да.

Во дает. Красивая, забавная, лишённая предрассудков. Она знает, как жить на широкую ногу. Гляньте-ка, что придумала. Эта девушка дружит с головой. Пользоваться сайтом Yoox, чтобы одеваться по моде, все время в разное, и при этом не тратя ни копейки! Она мне нравится.

– Ну, что ты застыл? У тебя такое выражение лица... О чем ты думаешь?

Она берет что-то со стола и наводит на меня.

– Эй, улыбнись, кремень! – это полароид. Только я успеваю сделать веселое лицо, как она щелкает фотоаппаратом. – Давай, ты хорошо получишься на фоне этих двух моделей. Они, конечно, не пережили того, что пережил ты, но им будет приятно побыть немного рядом с «легендой»!

– Да, как двум преступникам по сторонам от распятого Христа.

– Ну, такое сравнение немного рискованное.

– Да, но они тоже именно так прославились.

– Ну, уж они-то точно не были счастливы. Они туда попали не из-за любви.

Я выхватываю у нее полароид и снимаю ее тоже.

– И я хочу!

– Стой! Я плохо получаюсь на фотографиях!

Я делаю снимок и прячу свежую фотографию.

– Плохо получаешься на фотографиях? А вживую?

– Идиот, кретин, отдай.

Она всеми способами пытается выхватить ее у меня. Слишком поздно. Я сую ее себе в карман куртки:

– Если не будешь вести себя хорошо, если попробуешь хоть кому-нибудь рассказать историю про шкаф, увидишь афиши со своей физиономией по всему Риму.

– Ну ладно, мог бы просто сказать!

– А это что еще за табличка? – я показываю на листок с расчерченными графами по дням, неделям и месяцам и с названиями спортивных залов.

– Это? Это спортзалы Рима, видишь, день за днем. Они поделены на преподавателей, занятия и районы. Понял?

– Да и нет.

– Блин. Стэп, да какая же ты легенда? Смотри, все просто. В каждом зале – пробный урок. Каждый день – в новом месте, а их больше пятисот в Риме, из тех, что не слишком далеко. Хочешь бесплатно позаниматься?

– То есть, например, завтра...

Я смотрю в таблицу, провожу пальцем по строчке, как при игре в морской бой.

– Занимаешься в Урбани и ни копейки не платишь.

– Ну, наконец-то дошло. И так далее! Эту систему я придумала. Сильно, да?

– Да, типа заправки с замком.

– Ну. Все это мои придумки, они входят в великий учебник для экономных людей. Не плохо, скажи? Ой, посмотри, как ты хорошо получился.

Эта фотография вышла четче.

– Дай, я поставлю ее вместе с этими. Ты тут с нормальным лицом. Слушай, а ты заинтересовался моей таблицей. Что, «легенда» тоже хочешь тренироваться на халяву?

Понятно... давай я тебе тоже сделаю такую, отступлю на один день, и ты будешь ходить, не рискуя встретить меня.

– Мне не нужно.

– Такой богатый?

– Да куда там! Просто спортзалы меня используют как рекламу!

– А, да, конечно! А я-то дура... Ну ладно, визит закончен. Я тебя провожу, потому что сейчас вернутся родители. Или ты снова хочешь спрятаться в шкафу? Опыт у тебя есть.

Она обходит меня и смотрит насмешливо.

– Да не дергайся ты. Я же сказала, что никому не расскажу.

Она провожает меня до двери, и мы стоим молча. Потом она говорит:

– Слушай, давай не будем усложнять расставание. Пока, таксист, увидимся еще?

– А как же?

Я хотел бы еще что-то сказать. Но я и сам толком не знаю, что именно. Что-то хорошее. Иногда, если слов не найти, лучше сделать так: я притягиваю ее к себе и целую. Джин немного сопротивляется, но тут же сдается. Мягкая, как тогда. Нет, даже еще мягче. Слышу чей-то голос за спиной.

– Эй, извините! Но вы прощаетесь прямо в дверях...

Это брат, Джан-Лука. Он только что вышел из лифта. Джин немного смущена и недовольна.

– Ты как всегда вовремя.

– Да, на этот раз я виноват! Молодец сестренка. Слушай, Стэп, доставь мне удовольствие. Между поцелуями давай ей шлепок.

И пройдя между нами, он входит в квартиру. Джин тут же бьет меня в грудь кулачком.

– Так я и знала: с тобой всегда одни только проблемы.

– Ай! Теперь я виноват.

– А кто же еще? Один поцелуй, еще один, еще один! Ты что, не можешь устоять? Ты уже так подсел на меня? Ну и ну...

И она захлопывает передо мной дверь. Улыбаясь, сажусь в лифт. Через минуту я уже стою внизу.

* * *

Джан-Лука входит в комнату Джин.

– Классный Стэп, так вы теперь официальная пара?

– О чем ты? И потом – чем это он классный?

– Ну, вы все время целуетесь.

– Один поцелуй и можно понять...

– Два, насколько я сумел подсчитать.

– Ты что, и здесь все подсчитываешь? Как в избирательной комиссии, где ты подзарабатываешь?

– Но это же политика.

– Стэп, похоже, такая же никчемная вещь.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Что такой, как он, не вызывает у меня доверия: он симпатичный, даже забавный, но как знать, что под этим скрывается...

– И это говоришь ты?

– Конечно, Лука. По поцелую можно сказать все о человеке. А он... он странный.

– То есть?

– Он неуступчивый, недоверчивый, а когда человек не доверяет другим, это значит, что он сам не достоин доверия.

– Может быть.

– Да, так оно и есть.

Джан-Лука выходит и, наконец, оставляет меня одну. О'кей. Хватит. Теперь мне надо все обдумать. Я мотаю головой и встряхиваю волосами. Джин, прошу тебя, приди в себя. Быть не может, что ты потеряла голову из-за мифа, из-за легенды. Стэп не для тебя. Пробле-

мы, разборки, и еще неизвестно, какое прошлое у него за плечами. И потом, ты обратила внимание? Каждый раз, когда ты его целуешь, в самый прекрасный момент, в самый фантастический, в самый сказочный, всегда приходит Лука, твой брат. Что это? Знак судьбы, святой, посланный из рая, чтобы не дать тебе попасть в ад, твой спасательный круг? Или это просто невезуха? Блин, мы могли бы часами продолжать целоваться. Как он целуется. Как целуется. Как описать... даже не могу выразить! В поцелуе – все. Поцелуй – это правда о человеке. Без всяких стилистических упражнений, без лишних слов, без умничания.

Естественность, лучше нее нет ничего на свете. Он целуется именно так, как мне нравится. И не надо ничего представлять, просто не надо останавливаться. Уверенно, мягко, спокойно, неторопливо, с удовольствием, без какой-то особой техники, со вкусом. Можно так сказать? С любовью. О Боже! Нет, только не это. Пошел ты в задницу, Стэп!

28

– Привет, Па!
– Стефано, куда ты пропал? Как в воду канул.
– Уф-ф... – Я обгоняю его и захожу в кухню. – Знаешь, какое самое первое правило учат в Америке?

– Да. Хочешь жить – умей вертеться.

– Молодец. А второе?

– Вот этого я не знаю.

– Fuck you!

Я вхожу в комнату и закрываю за собой дверь.

– Вот видишь, все-таки кое-что из английского ты неплохо усвоил, молодец. Надеюсь, на этом твои познания не заканчиваются.

Не удостоив Паоло ответом, я падаю на кровать. Именно в эту минуту раздается звонок домофона. Выскакиваю из комнаты. Паоло уже вышел из гостиной и идет брать трубку.

– Я отвечу.

Едва не вырываю трубку у него из рук. Он озадачен.

– Не понял. Это мой дом, ты мой гость, а ведешь тут себя по-хозяйски.

Смотрю на Паоло зло, потом улыбаюсь.

– Пожалуй, я буду у тебя управляющим.

Раздается еще один звонок. Нажимаю на кнопку, сердце стучит громко-громко.

– Привет, это Стэп? – Голос женский. Стук сердца усиливается. – Это Паллина!

– Да, это я. Пришла проведать?

– Хочу посмотреть твоё новое жилище. А потом приглашаю тебя на local-tour.

– Насчет последнего не уверен. О'кей, поднимайся. Шестой этаж.

Нажимаю кнопку, чтобы открыть дверь. Паоло смотрит на меня и улыбается.

– Женщина?

Киваю.

– Хочешь, я исчезну? Закроюсь в комнате и притворюсь, что меня нет?

Мой брат. Ну что он может понять, что он обо мне знает?

– Это Паллина, подруга Полло.

Он молчит. Похоже, огорчился.

– Извини.

Паоло уходит в свою комнату. Мой брат. Ну и тип, человек не от мира сего. Тут он ничуть не изменился. Звонок. Иду открывать дверь.

– Эй!

– Блин, Стэп! – Паллина бросается мне на шею и крепко обнимает. – Никак не поверю, что ты вернулся.

– Если будешь это повторять, уеду обратно.

– Ну ладно, прости, – Паллина раздевается. – Покажи мне квартиру.

– Пойдем.

Закрываю дверь и, обогнав ее, начинаю показывать комнаты.

– Это гостиная, выполнена в светлых тонах, на окнах – светлые занавески, и так далее.

Так я и продолжаю: даю полное описание. Она идет за мной, рассматривает все внимательно, иногда трогает что-то, чтобы оценить вещь по достоинству. Паллина, как же ты выросла, похудела, волосы тоже поменяли цвет. Даже макияж, кажется, стал более ярким, а может быть, это мои воспоминания так поблекли?

– А это – кухня... Хочешь чего-нибудь?

– Нет, пока нет.

– Ты так говоришь, потому что кухня отстойная?

Она смеется.

– Нет, серьезно.

Ее смех не изменился. Она выглядит свежей, отдохнувшей, спокойной. Если бы Полло увидел ее сейчас. Он бы мог гордиться собой. Из его рассказов я понял, что он был твоим первым мужчиной, Паллина. А мне-то Полло никогда не врал, ему не надо было преувеличивать, чтобы выглядеть в моих глазах лучше, чтобы выглядеть крутым в моих глазах – глазах друга, своего лучшего друга. Полло создал кокон для этой молодой бабочки, вдохнул в нее любовный огонь, и сейчас она совершает свой первый полет... Она стоит передо мной. Держится уверенно. Неожиданно выражение лица Паллины делается лукавым.

– А спальню покажешь?

И она меняется до неузнаваемости. Становится сексуальной и томной. Сердце мое сжимается. У нее есть другой? Были другие после него? Что у нее было после Полло? Стэп, прошло почти два года. Да, но я не хочу ничего слышать. Стэп, это девушка, она молодая, красивая... Да, я знаю. Но все это меня не интересует. Ведь ее можно оправдать? Нет, не хочу об этом думать.

– Вот она, – негромко постучав, я открываю дверь. – Можно?

Паоло, который в этот момент снимал рубашку, снова ее надевает и подходит к двери.

– Конечно, можно. Привет, Паллина!

– Вот. Это владелец всего того, что ты только что видела.

– Привет.

Они жмут друг другу руки. Паллина смущенно улыбается.

– Поздравляю, прекрасная квартира, сделана со вкусом. Я думала, что все это устроено женщиной.

Паоло открывает рот, чтобы ответить, но я перебиваю его:

– Ну, он у нас довольно женственный, – и медленно закрываю дверь перед его носом, отрезая его от нашего маршрута.

– Да, но я имела в виду твою спальню.

Она подталкивает меня вперед.

– Я не понял. Вот она.

Открываю дверь в свою комнату.

– Неплохо – Паллина входит и осматривается. – Немного голо. Не хватает цвета.

Я вижу полароидную фотографию Джин на комод. Незаметно кладу ее изображением вниз.

– Но все же свое очарование у нее есть. И потом, я еще успеваю ее раскрасить.

Она смотрит на меня с удивлением, пытаясь понять, что значит эта фраза, но именно в эту минуту звонит телефон. Паллина вынимает из кармана куртки мобильник, смотрит на экран.

– Ой, это не мой.

Я беру телефон со стола.

– Действительно, это мой.

Номер незнакомый.

– Да.

– С возвращением.

Я краснею. Услышав этот голос.

– Надеюсь, мы увидимся, раз ты вернулся.

– Да.

– Тебе нравится новое жилище?

– Да.

– А в Америке тебе было хорошо?

– Да.

Я киваю. Потом следуют другие фразы, полные такой же заботы, участия, нежной любви; голос пытается разбить тонкий лед, покрывший наше прошлое, нашу тайну. Я продолжаю отвечать. Иногда даже говорю нечто большее, чем просто: «да».

– А как у тебя дела?

Разговор продолжается. Паллина смотрит на меня молча. Только движением головы спрашивает: «кто это?». Но я отворачиваюсь к окну. И смотрю вдаль, ловя голос из прошлого.

– Да, обещаю, я тебе позвоню и приду к тебе, да...

И наступает тяжелая тишина: я ищу слова, чтобы попрощаться.

– Пока.

И выключаю телефон.

– Ну, и кто это был? Одна из твоих женщин?

– И да, и нет.

Я улыбаюсь натянутой улыбкой, пытаюсь стряхнуть наваждение этого трудного разговора. И не даю ей возможности сказать еще какую-нибудь колкость.

– Это была моя мать. Ну, так как, совершим local-tour?

29

Все вокруг освещено лучами заходящего солнца. Но ее лицо озаряет другой свет. Баби выходит из дома. Она идет быстрой, легкой походкой. Так идут на встречу с тем, чего особенно ждут. Иногда – всю жизнь. На ней новый костюм нежно-голубого цвета. Волосы забраны наверх, щеки слегка порозовели. Разумеется, не от быстрого бега вниз по лестнице. Она не вызвала лифт, потому что сегодня ей кажется, что он едет слишком медленно. Так бывает – иногда движения жизни не успевают за нашим счастьем. Сегодня именно такой день. Она спускается в гараж за «Веспой». В этот час, когда всюду пробки, только сумасшедшие ездят на машинах. На «Веспе» гораздо быстрее. И еще: ее темп отвечает темпу биения сердца. Это еще Кремонини пел в «Lunapop»³²: «Но как прекрасно мчаться с крыльями на ногах; и если есть у тебя „Веспа“, все проблемы решены...» Но у Баби нет проблем. Даже – наоборот. У нее всего-то дел – лететь на свидание. Как угадать, что будет – пройдет ли все так, как она ожидает. Странное шуршание прерывает ее мысли. На кота не похоже. На ветер – тоже. И еще меньше – на Фьоре.

– Привет.

Сколько раз она слышала этот голос. Но сегодня он другой. Более хриплый. Он будто бы доносится издалека, из места, в котором она, похоже, никогда не была. Оттуда, где пребывает тот, кто одинок. Слишком одинок. И там голос не нужен, потому что его некому слушать.

– Альфредо. Привет... как дела? Что ты там делаешь, за кустами?

– Я ждал тебя.

– А, так ты прятался?

– Нет, не прятался, я просто стоял тут. Если бы ты посмотрела, ты бы меня увидела. Куда ты собралась? Такая красивая, нарядная.

– Спасибо... у меня встреча. А ты как?

– Почему ты не ответила вчера на мое sms? Я всю ночь телефон не выключал, но так ничего и не дождался.

– Да, извини, у меня денег на телефоне нет, хорошо, что напомнил, положу сейчас. Я получила сообщение. Слушай, сейчас у меня нет времени разговаривать, давай как-нибудь в следующий раз. Может, ты поднимешься как-нибудь, и мы спокойно...

– Какого черта спокойно...

³² Очень популярная в Италии группа.

– Альфредо, что с тобой? Что за тон?

– Альфредо, что с тобой, что за тон! Ну, слушай меня. Короче, куда ты направилась? На встречу с одним типом в Винья Стеллутти? Или на корсо Франча? Или, может, у тебя встреча перед Фалконьери, чтобы предаться воспоминаниям?

– Альфредо, я не понимаю... и вообще мне не нравится, каким тоном ты со мной говоришь, скажи, что случилось? Что с тобой? Ты какой-то странный.

– На самом деле, это ты должна мне сказать, что случилось, тебе не кажется?

– Слушай, тут не из чего устраивать трагедию.

– Ах, не из чего! Это тебе все по кайфу, ты-то счастлива, вся в шоколаде. Выходишь такая разодетая, бежишь со всех ног встречаться неизвестно с кем. А может, я знаю, с кем это – неизвестно с кем?

– Можно узнать, чего ты хочешь? К чему все эти вопросы?

– А почему я не могу спросить? Это запрещено? Ты забыла, кто я такой? Я Альфредо, тот, который...

– Который что? Который прячется за кустами и потом устраивает мне допрос? Тот, который заставляет меня чувствовать себя виноватой непонятно за что? Этот Альфредо?

Они переходят на крик. Щеки Баби покраснели. Но не от восторга.

– Да, именно этот Альфредо. Которого ты так классно опустила. Bravo, Баби!

– Если будешь продолжать в том же тоне, тебе же хуже, понял? Знаешь, иногда все идет не так, как нам хотелось бы. И никто в этом не виноват. Но так не надо разговаривать. Так можно все испортить.

Слов уже не хватает. В душе все кипит, невозможно выдержать. Этого не выразить словами. Перед тобой стоит человек, и вместо того, чтобы дать тебе ответ на вопрос, он говорит совершенно о другом. Говорит больше, чем надо. Говорит слишком много. Это выше твоих сил – слушать пустые слова. К чему они? От них боль удваивается. И единственное, чего ты хочешь – это вернуть свою боль этому человеку. Сделать ему больно. В надежде, что так тебе станет легче. И Альфредо дает ей пощечину: со всей силы, зло, грубо, наотмашь. У него нет других аргументов, настолько он разъярен.

– Альфредо, ты с ума сошел?

Он не знает. Стоит и смотрит на свою руку. Как будто бы это не его рука. Но рука его. И она попала, куда не следует. И не факт, что от этого кому-то легче. Баби потрясена. Глаза ее полны слез. Одна щека горит ярче, чем раньше. И не от ярости.

– Ты псих буйно помешанный, вот ты кто! Стэп бы никогда себе такого не позволил, ему бы и в голову не пришло так поступать со мной! Ты кретин, ты вовсе не тот парень, которого я знаю – спокойный и серьезный... Ты животное. Зверь! Я уйду, мне нечего добавить. И если хочешь знать, встреча, на которую я иду, – очень важна для меня. Очень важна. Это касается моей дальнейшей жизни. И любви. И я никогда тебе не прощу, если опоздаю на нее из-за тебя.

Приложив руку к щеке, она уходит – так же быстро, но уже не так весело, как тогда, когда спускалась по лестнице. Она пытается успокоиться. Поднимает железные ставни в гараже и смотрится в зеркальце «Веспы». «Может, – думает она, – ветер освежит мне щеку и краснота исчезнет? А если нет? Как я буду выглядеть, когда приеду туда? Черт бы его побрал, он и вправду сумасшедший! А я так готовилась к этой встрече, хотела хорошо выглядеть, и вот, посмотри, у меня горит щека и на глазах – слезы».

Она не обернулась. Не ответила. У Альфреда все еще дрожит рука. Но это не идет ни в какое сравнение с той бурей, что бушует в его душе. Он не знает, что сказать. И ничего не скажет. Та тишина, в которой он живет уже много дней, снова наваливается на него и отнимает ту последнюю крупицу надежды, которая гнала его туда, за кусты, где он ждал ее. Чтобы услышать правду, которую он уже и так знал. Поднимаясь по лестнице, он слышит гул быстро удаляющейся «Веспы», такой же разъяренный, как и ее хозяйка.

Прости, Баби, я не хотел. Правда, не хотел. В следующий раз все будет не так. В следующий раз мы поговорим спокойно, может быть, я приду к тебе, мы выпьем чаю. И ты мне расскажешь, куда ездила сегодня.

30

Ночь. Мы с Паллиной летим на мотоцикле. Моя «Хонда» несется на хорошей скорости, мысли разлетаются по ветру. Она прижимается ко мне, но не слишком сильно. Два непонятных существа, астральные совпадения странной судьбы. Я – лучший друг ее парня, она – лучшая подруга моей девчонки. Но все это в прошлом. Я прибавляю скорость, и мы несемся вперед – свежий ветер в лицо. Он уносит мои мысли. Ах – я вздыхаю. Так хорошо ни о чем не думать. Не думать. Не думать... Ветер, скорость и отдаленный гул машин. Не думать. Сейчас завернем в какое-нибудь заведение. Первое – «Akab».

– Давай, я здесь всех знаю, они будут рады нас видеть.

Иду за ней. Входим, я здороваюсь. Некоторые лица мне знакомы.

– Один ром, пожалуйста.

– Светлый или темный?

– Темный.

Второе заведение. Кафе «Charro». Иду за ней следом.

– Ром. Со льдом и лимоном.

Потом – «Alpheus». Выпиваю еще рому. Со льдом и лимоном. Здесь есть всего понемногу: музыка семидесятых-восьмидесятых годов, хип-хоп, рок, танцы. Потом мы заходим в бар «Ketum». Я уже забыл, где оставил мотоцикл. А, неважно.

– Рому. Со льдом и лимоном.

Мы смеемся. С кем-то здороваюсь. Кто-то набрасывается на меня сзади.

– Блин, Стэп, ты вернулся! Теперь начнутся заварушки, да?

Да, да, начнутся. Но кто это был, черт его дери? Новое заведение, и снова ром, потом другое, потом следующее. И еще два рома. Но кто же это был, кто там на меня напрыгнул? А, да, Манетта. Он однажды заснул в горах. Да, мы были в Пескассероли. Он укрылся перинной, а ноги торчали наружу. И мы вставили ему между пальцев ног спички головками наружу и зажгли их. Блин, как он подскочил тогда! Сразу же проснулся, как почувствовал, что горит! А мы повалились на пол и ржали как сумасшедшие. Мы с Полло. А тот прыгал по комнате с обожженными ногами и кричал: «Бляха, какой кошмар! Кошмар, бляха!». А мы так хохотали, что нам плохо стало. Мне и Полло. Ну мы и хохотали, до одури. Мы с Полло. А теперь Полло нет. И снова меня охватывает грусть, еще сильнее, чем прежде. Выпиваю еще рому, одним махом. И танцую с Паллиной, дамой его сердца, с женщиной моего друга, друга, которого больше нет. Но я танцую, танцую и смеюсь, смеюсь вместе с ней. Смеюсь и думаю о тебе. Беру еще рому и сам не знаю, как оказался у дома.

– Эй, мы приехали.

Я слезаю с мотоцикла и слегка качаюсь. Последний ром был лишним.

– Куда ты поставила «Хонду»?

– Да нет, я приехала на машине, у меня сейчас пятисотая³³, новая модель.

– А, симпатичная.

На самом деле, это одна из тех машин, которые мне совсем не нравятся. Но зачем ей это говорить? Не надо, я промолчу. Тем более, что я превысил дозу.

– Они классные, мало потребляют и запчасти недорогие.

– Да, здорово.

– Хороший вечерок провели, скажи?

– Супер. – Здесь я совершенно искренен. – Как все изменилось в барах Тестаччо.

– То есть?

– Стало лучше. Хорошая музыка, народ, похоже, развлекается неплохо. Цены нормальные, потанцевать можно. Да, вечер классно провели.

Паллина роется в карманах.

– Слушай, я, кажется, забыла у тебя ключи.

– Не проблема, давай поднимемся.

В лифте повисает странная тишина. Наши взгляды встречаются. Мы стоим молча. Пал-

33 «Fiat 500»

лина улыбается. С нежностью. Я барабаню по железной стене, по зеркалу. Блин, иногда кажется, что лифт еле ползет. Или это я так накачался ромом, что все кажется замедленным? Или еще что? Приехали. Я открываю дверь, и Паллина проскальзывает внутрь. Оглядывается по сторонам, подходит к столику.

– Вот они, нашла!

Она загораживает собой столик. Там действительно лежали ключи, или это был предлог, чтобы вернуться? Но что у тебя за мысли? Тебе плохо. Почему ты думаешь о таких вещах, Стэп? Слишком много рома. Ключи были на столе, они должны были там быть.

– Ой, у тебя и терраса есть.

– Да, а я даже внимания не обратил.

– Да ты что? Ты как всегда невнимателен.

Я открываю застекленную дверь и выхожу на террасу. Какая красивая луна! Стоит высоко, ее диск виднеется за домами, залитыми ее светом. На крышах торчат старые антенны, современные тарелки, и кое-где нелепо высвечено белье, развешанное накануне. Я делаю глубокий вдох, ощущаю летний запах жасмина, вечерний насыщенный аромат, слышу далекое стрекотание сверчков, вокруг – тишина. Паллина выходит на террасу за мной следом.

– Держи. – Она дает мне стакан. – Для достойного завершения вечера.

Беру стакан и подношу ко рту.

– Еще один ром. Вроде, хороший.

Паоло снова удивил меня. У него дома есть ром. Он меняется к лучшему. Делаю глоток. Наверное, это «Rampero». Нет, скорее, «Navana Club», похоже, семилетний.

– Очень вкусный.

Я снова смотрю вдаль. Звук проезжающей машины тает в переулках.

– Знаешь, Стэп, мне нужно кое-что тебе сказать.

Я молчу. Смотрю вдаль. Не поворачиваясь, делаю еще один глоток. Паллина продолжает. Я слышу ее голос за плечом.

– Ты не поверишь. С тех пор, как Полло погиб, я ни с одним парнем не была. Не веришь?

– Почему я не должен в это верить? – Я так и не повернулся к ней.

– Даже не поцеловалась, клянусь тебе.

– Не надо клясться. Не думаю, что ты говоришь мне неправду.

– Один раз все же сказала.

Я поворачиваюсь и смотрю ей в глаза. Она улыбается.

– Ключи-то были у меня в куртке.

Легкий порыв ночного ветра слегка шевелит ее темные волосы. Паллина. Маленькая взрослая женщина. Она дрожит, закрыв глаза, и глубоко вздыхает. Подходит ко мне и обнимает. Кладет голову мне на грудь. Нежная подруга с чудесным ароматом. Я стою неподвижно.

– Знаешь, Стэп, я так счастлива, что ты здесь.

Я стою, расставив руки в стороны, не зная, что делать. Потом ставлю стакан на подоконник и тихонько ее обнимаю. Чувствую, что она улыбается.

– С приездом. Прошу тебя, обними меня сильнее.

Я не могу заставить себя сделать это. Пытаюсь извиниться.

– Слушай...

И тут она поднимает голову от моей груди и целует меня. Прикасается к моим губам и приоткрывает рот. Начинает медленно двигаться из стороны в сторону, не открывая глаз. Рот ее скользит вправо-влево, как бы ища положение, в котором поцелуй будет выглядеть естественным. Но все напрасно. Я не реагирую, стою как истукан. Не знаю, что делать. Не хотелось бы обижать ее. Но губы мои сжаты, наверное, они холодные, как камень. Паллина постепенно прекращает свои отчаянные движения. Снова кладет голову мне на грудь и начинает плакать. Молча. Я чувствую мелкие вздрагивания ее головы, потом слышу короткие всхлипывания. Она отчаянно прижимается ко мне, боится встретиться со мной взглядом. Я тихонько глажу ей волосы. И шепчу ей на ухо:

– Паллина... Паллина, не надо.

– Да, мне не надо было это делать.

– А что ты сделала? Ничего не было. Что случилось? Все в порядке.

– Нет, я пыталась поцеловать тебя.

– Серьезно? А я и не заметил. Ну же, представь, что наш друг смотрит на нас и потешается над нами.

– Надо мной-то точно.

– На меня бы он разозлился из-за того, что я оказался не на высоте.

Паллина смеется. Но смех нервный, она шмыгает носом и вытирает его обшлагом куртки. То ли смех, то ли плач.

– Прости меня, Стэп.

– Ну, ты опять начинаешь! За что? Смотри, если будешь продолжать, отнесу тебя в кровать.

– Да, неплохо бы.

Снова смеется, теперь уже спокойнее. Я трясую у нее перед носом указательным пальцем.

– И спую колыбельную, а ты что подумала?

Она снова улыбается.

– Пойду, в самом деле, спать.

И, больше ничего не говоря, все еще смущенная, она идет к двери. Останавливается на мгновение.

– Прошу тебя, Стэп, забудь все это и звони мне.

Я улыбаюсь и киваю. Закрываю глаза – и через секунду Паллины уже нет. В гостиной оглядываюсь и вижу бутылку рома. Я был прав. Это «Navana Club». Правда, всего трехлетний. Скупердяй ты, Паоло. Снова выхожу на террасу. Смотрю вниз и едва успеваю заметить «пятисотый» Паллины, который вырывается на дорогу. Делаю последний глоток прямо из бутылки и замираю, скрестив руки на груди и опершись на подоконник. Пустая бутылка стоит рядом.

– Проклятие.

Меня охватила злость, и я не знаю, на кого ее выплеснуть. Блин. Пошел в задницу. Почему? Почему? Почему? Черт. Ничего не могу поделать. Даже ругаться не могу. Нет, это бы ни к чему не привело. Не хочу об этом думать. Мне плохо, вот черт. Я смотрю вниз. Вот она. Спасибо. Теперь я чувствую себя куда лучше. Я беру бутылку за горлышко, собираю последние силы и бросаю ее вниз как бумеранг – прекрасно, класс, будем надеяться, что она не вернется. Бутылка крутится на двух тысячах оборотов и – пум! – влетает прямо в ветровое стекло «Twingo», кроша его по самому центру. Это была новая, прекрасная машина. Кажется, черная. Во всяком случае, темная. Как раз то, что я ненавижу. Прямое попадание. Как в «Охотнике на оленей»³⁴.

31

Легкий ветерок блуждает между плитами серого и белого мрамора, среди уже увядших цветов и тех, что недавно положили. Фотографии и даты... Прошедшие страсти, разбитые или прерванные естественным путем жизни. Так или иначе, они ушли. Или их неожиданно забрали. Как моего друга. Так иногда бывает, и никакого объяснения этому нет. И боль от этого еще сильнее. Я иду между могилами. В руках – букет цветов: самые красивые подсолнухи, которые я только мог найти. В дружбе, как и в любви, не думаешь о деньгах. Вот. Я пришел.

– Привет, Полло.

Я смотрю на эту фотографию, на эту улыбку, которая так часто освещала мою жизнь. Такое маленькое изображение, за которым такая большая и благородная душа.

– Вот, я принес их тебе.

Как будто он меня видит, как будто понимает. Я наклоняюсь, вынимаю из небольшой пазы увядшие цисты. Интересно, кто их принес ему и когда. Наперника Паллина. По я тут

34 «Deer Hunter» — американский фильм 1978 г.

же отбрасываю эту мысль, как те цветы, что я только что вынул из вазы. Ставлю в нее огромные подсолнухи. Кажется, они набрали в себя нее соки полей, всю силу земли. Аккуратно их расправляю, оставляя между ними пространство. Они стоят, словно в поле. И сразу же поворачиваются к солнцу, как будто вздохнули свободно, как будто они давно уже хотели попасть в эту вазу.

Ну вот, порядок.

Стоя молча, словно опасаясь, что он меня неправильно понял, уловил во мне какую-то неправильную мысль, нехорошую, что было так несвойственно нашей дружбе.

Но это не так, Полло, ты же знаешь. Я не согрешил перед тобой даже в мыслях.

И тут же принимаюсь защищать Паллину.

– Ты должен понять се. Она девушка, и очень по тебе скучает. Ты сам знаешь, а может, и не знаешь, как много ты для нее значил, как много, черт побери, ты ей дал, сколько раз ты ее смешил, как она была счастлива с тобой. Мы можем сказать это друг другу. Как ты любил ее...

Я оборачиваюсь: а вдруг кто-нибудь услышит эту исповедь?

Вдалеке вижу пожилую женщину в черном. Она молится. Еще дальше – садовник с граблями смотрит, нет ли пожелтевших листьев на дорожке. Я возвращаюсь к своему другу. И к Паллине.

– Пойми ее, Полло. Она красивая девочка. Теперь она стала настоящей женщиной. Уму непостижимо, как они меняются. Ты видишь их, встречаешься с ними, но проходит время, и вместо прежних девчонок внезапно ты видишь совсем других. Вчера у меня никаких сомнений не было... Я никогда не смог бы... Я помню, мы тысячу раз шутили насчет «никогда не говори никогда», но ведь это здорово – когда в твоей жизни есть что-то незыблемое, ведь правда? Блин. На самом деле, только мы сами и можем быть этой скалой. И мне нравится до чертиков говорить «нет», понял? Мне до чертиков нравится говорить «нет». И мне чертовски нравится говорить «никогда». Блин, мне нравится говорить это тебе, ради нашей дружбы. Потому что она незыблема. Это то, что непоколебимо во мне. Вот представил тебя, как бы ты смеялся сейчас. Ты меня за идиота держишь? Да нет же, я знаю, что нет. Если бы я тебе все это сказал в былые времена, ты бы выдал мне какую-нибудь шуточку. Но поскольку ты не можешь ответить, тебе придется принять все как есть. Всю эту историю, понял? Я даже знаю, о чем бы ты меня сейчас спросил. Нет. Я не видел ее, и никакого желания видеть не имею, понял? По крайней мере, сейчас. Я не готов. Знаешь, иногда я думаю, что если бы все было по-другому. Если бы она была на твоём месте. Мы бы с тобой, как настоящие друзья, никогда бы не расстались, а вот ее, может быть, я когда-нибудь и забуду. Знаю, я эгоист, но сейчас у меня есть хоть какая-то возможность забыть ее. Я бы хотел рассказать тебе кое-что о Джин. Это порыв свежего ветра. Клянусь тебе, она веселая, симпатичная, умная. Она классная. Больше не могу тебе ничего сказать, потому что, потому что... ну, мы пока не были вместе.

В этот момент мимо проходит пожилая дама. Она закончила свои молитвы. Она смотрит на меня с любопытством. И как-то странно улыбается. Трудно понять: это улыбка солидарности или простого любопытства. Как бы там ни было, она, улыбаясь, уходит прочь.

– Ну вот, Полло, я тоже пойду. Надеюсь, скоро я тебе расскажу что-нибудь еще о Джин, что-нибудь хорошее.

Я склоняюсь над могилой Полло в последний раз. Поправляю самый большой подсолнух. Хочется, чтобы ему не было тесно – пусть чувствует себя хорошо в компании моего любимого друга. Мне приходят на ум слова Уинчелла: «Друг – это тот, кто остается, когда все вышли». А ты, Полло, ты у меня в сердце.

32

– Так ты все-таки куда-то ходил?

Я улыбаюсь.

– Ну да, я был со своей старой подругой.

– И окунулся в прошлое...

Я смотрю на него. У Марк-Антонио лицо Джека Николсона, он пытается ненавязчиво вызнать мои секреты. Но он не знает всего. Не знает, кто такая Паллина. Ничего не знает обо мне и Полло. Интересно, понравился бы тот ему?

– Ну, а я был с Фьори.

– И как?

– Ой, не понимаю я женщин. После первого поцелуя – второй, потом я ее прижал, начал трогать, как положено, ну а потом, извини меня, надо просто лечь в постель... А она – нет, слишком рано, слишком рано. А что рано-то?

* * *

Несколькими минутами позже. Тот же город, та же история. Или, лучше сказать, та же история на женский манер.

– Ну, что ты там затеяла?

Она не отвечает. Я беру Эле за шею, стоя у нее за спиной и прижимаю ей к горлу заколку.

– Если не скажешь – зарежу.

Эле чуть не закашливается.

– Ну ладно, ладно, ты что, кретинка? Чуть не задушила. И потом, ты что, хочешь слушать о разных prudité?

– О чем слушать?

– Ну, ты просто out, непонятно, что ли – о всяком таком... – глядя на меня, Эле пожимает плечами.

– Слушай, Эле, прежде всего, не prudité, а недотроги, и хватит уже на каждом шагу сочинять иностранные слова, ты и одной фразы по-итальянски уже не можешь произнести!

– Yes, I do.

Поднимаю глаза к небу. Она неисправима.

– Ну ладно, ты будешь рассказывать или нет?

– Так вот, знаешь, что он сделал? Пригласил меня к себе домой на ужин.

– Да кто пригласил-то?

– Марк-Антонио, график.

– Друг Стэпа!

– Марк-Антонио это просто Марк-Антонио. Ты не представляешь, какой он милый, какой обходительный, он мне приготовил великолепный ужин.

* * *

Марк-Антонио улыбается. Сам себе на уме. Или, лучше сказать, на уме у него куча приемов, как подъехать к девушке.

– Так вот, для начала я спустился в японский рестораник на виа Кавур, и купил там всякой всячины. Тэмпуру, суши, сашими, маракуйю. Ну, в общем, всякие афродизиаки. Принес все это наверх, разогрел тэмпуру, и – все пошло как по маслу! Накрыл стол, положил палочки и вилку на тот случай, если она не привыкла есть по-восточному...

– И купил цветы у того марокканца возле светофора?

– Ну да, конечно: минимум затрат на одноразовый букетик на столе!

* * *

Эле, похоже, в восторге от проведенного вечера.

– Ну вот, – продолжает она. – Он так классно накрыл на стол, все было сделано вкусно.

– Со вкусом. Внимание! Главный вопрос: цветы там были?

– Конечно! Маленькие розочки, такие красивые – он еще так обыгрывал мое имя³⁵.

35 Итальянское имя Элеонора происходит от древнегреческого слова «милосердие, сострадание».

- Мы громко смеемся, потом я снова становлюсь серьезной.
- Эле, а теперь скажи мне правду.
- Эле возводит глаза к небу.
- Ну, так я и знала. Мы в игрушечки поиграли и все, до свидания, – я снова тянусь к ее горлу. – Сейчас я тебя точно зарежу.
- Не надо, уже рассказываю.
- Я убираю руки. Эле смотрит на меня насмешливо.
- Эй, а потом ты меня не зарежешь, когда я все расскажу?
- Я заинтригована.
- Что ты наделала?
- О'кей... Я ему минет сделала!
- Нет, Эле, не может быть! При первой же встрече? Никогда о таком не слышала.
- Да что ты говоришь?! Наивная, а Паолетти помнишь? Ты всегда думала, что она невинна как ангел! А ее видели в «Piper» в туалете, она стояла там на коленях, в оральном поклонении перед Максом, парнем, с которым она познакомилась на танцплощадке. А времени-то для знакомства было ровно пол-диска Уилла Янга... того, где он поет «Doors», «Light my fire». После этого ее и впрямь охватил огонь. Она пела в «микрофон» Макса, а потом ее застукали. А Паола Маццокки? Ты знаешь, что ее засекли в школьном туалете с учителем физкультуры Мариотти? Знаешь или нет? Любительница сицилийских канноли³⁶! Хочу тебе напомнить, что это прозвище всей школе было известно. И знаешь, почему ее так прозвали? Потому что у Мариотти крашенные светлые волосы, но сам он из Катании³⁷.
- Это все сплетни. Мариотти остался учителем. Как думаешь, если его застукали с ученицей, неужели его бы не уволили?
- Ну, не знаю. Знаю только, что у Маццокки все равно по физкультуре четверка...
- Ну вот видишь?
- Вижу, вижу... Это значит, что она даже минет толком делать не умеет.
- Эле. Да ты с ума сошла! Ты просто хвастаешься своим поступком! Нет, я точно тебя зарежу.

* * *

- Марк-Антонио с наслаждением продолжает свой рассказ.
- Я ей сделал body art.
- Как это?
- Ты приехал из Нью-Йорка и не знаешь? Ну, мне-то не стыдно не знать: я проводил каникулы в Кастильончелло... Но ты! Ты же был в The Big Apple³⁸ и не знаешь, о чем речь? Я смотрю на него с усмешкой.
- Я знаю, что это. Но что это значит – другой вопрос.
- Ну ладно, ты мне нравишься и таким. Я разрисовал ей тело. Раздел ее полностью, а потом начал разрисовывать. У меня были кисточки и темпера, и я принялся водить по ее телу кисточками вверх-вниз, то и дело обмакивая их в теплую воду в чашке. Я едва касался ее, и ей было приятно – я видел это. Даже щеки у нее приобрели цвет, но не от моей кисточки. Я нарисовал ей трусики, которые только что снял с нее, потом потихоньку набросал тени ей на соски, которые от прикосновения теплых кисточек так набухли, что готовы были лопнуть.
- А потом?
- Потом ее охватило такое желание, что и она захотела придать цвет моей кисти.
- То есть?
- Она сделала мне минет.

36 Канноли — традиционный сицилийский десерт, представляющий собой вафельную хрустящую трубочку.

37 Катания — город на Сицилии.

38 The Big Apple — «Большое яблоко», самое известное прозвище Нью-Йорка.

- Фьюю... хотел бы я...
- Ты имеешь в виду, что хотел бы проделать то же самое со своей подружкой?
- У меня просто вырвалось... а потом?
- Потом ничего. Мы поболтали о том, о сем, доклевали японские штучки и я проводил ее домой.
- Да ты что, после минета ты ее не трахнул?
- Нет, она не захотела.
- То есть: минет был, а секса не было – и какой смысл?
- У нее своя философия. Так она мне сказала.
- А больше ничего не сказала?
- Сказала. «Нужно уметь доставлять себе удовольствия». Нет, даже круче. Она сказала: «Нужно уметь довольствоваться малым». И рассмеялась.

* * *

- Но, Эле, извини меня... Тогда уже надо было переспать. Секс за секс...
- Это здесь не причем, трахаться – это совсем не то, это полное единение, абсолютное слияние. Он в тебе, возможное зачатие ребенка... ты понимаешь? А минет – это другое.
- Конечно.
- Слушай, для меня это как сердечное приветствие. Ну, типа рукопожатия.
- Рукопожатия? Родителям своим расскажи...
- Слушай, извини меня, а они что, не делали этого? Почему мы не можем говорить о сексе как о чем-то естественном, как обо всем другом? Потому что мы обыватели! Вот, например, представь, как твоя мама делает...
- Эле!
- А что, твоя мама тоже привередливая?
- Ненавижу тебя.

* * *

- Ну, Стэп, а теперь я должен идти. Когда у нас встреча с Романи, Змеем и прочим зверьем?
- Завтра в одиннадцать. То есть, это самое позднее... Теперь о встречах напоминаю тебе я?
- Конечно. Это как раз и называется «ассистированием». Значит, увидимся завтра в это же время.
- И он уходит вразвалочку, уже с сигаретой во рту. Потом оборачивается. Смотрит на меня с улыбкой.
- Эй, сообщи мне, если у тебя появятся новости. Не замыкайся в себе. Жду твоих рассказов. И ничего не придумывай. Уж на минет-то легко можно уболтать.

33

Обычный день, ничем не примечательный. Но не для нее. Раффаэлла Джервази беспокойно кружит по квартире. Что-то не так. Какое-то неприятное ощущение не отпускает ее. Что-то в глубине души не дает ей покоя. Будто она что-то забыла... или никак не может вспомнить. Раффаэлла пытается прогнать тревогу. Что за глупости, может быть, это я из-за своей Баби беспокоюсь? Она так изменилась. В лучшую сторону. Наконец-то она поняла, чего хочет. Сделала свой выбор и отбросила все сомнения. А я? Чего я хочу? И тут она оказалась перед зеркалом в гостиной. Нервно приблизила лицо к зеркалу, смотрит на отражение, руками приглаживая кожу, оттягивая щеки назад, чтобы сгладить следы прошлого, отбросить годы, что набросали вокруг глаз морщинки. Вот в чем дело, я хотела бы избавиться от этих морщинок. Ну, это просто. Немного бутулина и все. Это сейчас модно. Но действительно ли в этом твоя проблема? Раффаэлла смотрит самой себе в глаза и старается быть искренней.

Нет, тебе сорок восемь лет, и впервые в жизни у тебя появились сомнения по поводу мужа. Что с ним происходит? Он все чаще задерживается на работе. Я даже проверила наш общий банковский счет. Слишком много снято денег, слишком. И уж совсем странно: он накопил дисков. Он... и диски? Я проверила в машине. Он слушает какой-то «Maggesi» Чезаре Крёмонини, этого мальчишки, потом там еще компиляция «Montecarlo Nights», такая ночная музыка, странно-чувственная, и самое непонятное – «Buddha Bar VII», дальше некуда! Это он-то, который кроме классической музыки ничего не слушает, для него легкий джаз – уже слишком, а тут – просто революция! А за всякой революцией непременно стоит женщина. Неужели это возможно? Клаудио... и другая женщина? Поверить не могу. Почему же ты не можешь в это поверить? Сколько пар из вашего окружения распалось? И из-за чего? Разногласия из-за работы? Споры о том, куда поехать в летний отпуск: на море или в горы? Препирательства по поводу образования детей? Или полемика о том, как обставить квартиру? Нет. Причина всегда одна: женщина. И почти всегда – более молодая. Размышляя об этом, Раффаэлла строит гипотезы, перебирает имена всех этих возможных подруг, реальных и воображаемых. Ничего. Ничего не получается. В голову ничего не приходит. Ни малейшей зацепки. И тогда она, охваченная дикой ревностью, бросается к шкафу Клаудио и начинает копаться в пиджаках, куртках, пальто, брюках – в поисках хоть малейшего доказательства нюхает воротнички, выворачивает вещи наизнанку в надежде отыскать хоть намек на вину, какой-нибудь волосок, чек, пригласительный билет, любовную записку... план побега! Хотя что-нибудь, что могло бы вывести ее из этого истерического состояния и избавить от гнетущего чувства неуверенности. Клаудио и другая женщина. Потерять все то, что казалось ей абсолютно надежным. И вдруг на нее нисходит озарение, появляется блестящая идея. Раффаэлла сломя голову несется в столовую и ищет там серебряную чашу, куда складывается почта. Вот она. И почта вся здесь, никто ее еще не брал. Она вытаскивает все, что там есть и начинает быстро перебирать. Для Баби, для Даниелы, для меня, снова для Баби... вот – для Клаудио! Но это «Enele»³⁹, для меня: акции и скидки. Но меня сейчас ничто не интересует. А, вот. Клаудио Джервази. Выписка из счета с кредитной карточки «Diners». Раффаэлла бежит на кухню, берет нож и аккуратно вскрывает конверт. Если найду там какие-нибудь доказательства, снова его заклею, положу на место и сделаю вид, что ничего не знаю. А потом застану его на месте преступления и уничтожу. Уничтожу. Клянусь, я его уничтожу. Она вытаскивает выписку и начинает разбирать ее как величайшую партию в покер. Каждая строчка вызывает у нее содрогание. Раффаэлла тщательно изучает все суммы. Ничего подозрительного. Кредит, плата за дизельное топливо на заправке... вот! Странная запись. Покупка в магазине дисков. Сколько он их там купил? Да, судя по цене, это те три, что лежат у него в машине. Это – костюм от «Franceshini», что на виа Кола ди Риенцо. Он купил его на распродаже, и потом Тереза, портниха, подшивала ему брюки. Да, все как надо. Теперь Раффаэлла немного успокоилась: последние две строчки – плата за стационарный телефон... Боже, за эти два месяца мы потратили четыреста тридцать пять евро. Но она не успевает разозлиться. И не успевает подумать о том, что она скажет дочкам, единственным виновницам такой сумасшедшей цифры. Потому что ее взгляд падает на другую покупку. Сто восемьдесят евро за нечто, что повергло ее в шок.

34

В Прати, недалеко от Rai⁴⁰, на углу виа Никотера и бульвара Мадзони, находится «Residence Prati», гостиница, где живут многочисленные кинозвездочки: участницы фильмов фикшн, мыльных опер, варьете, всего итальянского телевидения. А чуть дальше есть спортзал. Спускаюсь по лестнице: зал находится в полуподвале.

– Чао, ищешь кого-то?

Из-за столика мне улыбается девушка с короткой смешной стрижкой. Она откладывает учебник по праву, заложив страницы карандашом; рядом лежат два маркера – спутники пер-

³⁹ Крупнейшая итальянская энергетическая компания.

⁴⁰ Прати — район Рима; RAITV- Итальянское радио и телевидение.

вокурсника.

– Да, я ищу одну свою знакомую.

– А кого именно? Может, я ее знаю. С какого времени она сюда ходит?

Меня смех разбирает, мне так и хочется сказать: «Ни с какого!». Но с Джин лучше не шутить. Не стоит раскрывать ее секреты.

– Она сказала, что хочет пойти сегодня на пробное занятие.

– Как ее зовут? Я могу вызвать ее по громкой связи.

– Нет, спасибо, – я невинно улыбаюсь. – Хочу устроить ей сюрприз.

– О'кей, как хочешь.

Девушка снова принимается за чтение. Гражданский кодекс. Я ошибся: она, наверное, уже как минимум на третьем курсе, если только это не дополнительные занятия. Смеюсь про себя. Как знать, может, когда-нибудь она станет моим адвокатом.

А вот и Джиневра. Джин. Биро. С ума сойти. Прежде чем нанести удар по груше, она описывает четкие траектории. И все время подпрыгивает. Я слышал, итальянские женщины зациклены на боксе. Но думал, что это слухи. На самом деле, так оно и есть – зациклены.

– Давай еще, молодец, так, бей прямо.

Какой-то тип ее тренирует. Он выглядит довольным – может быть, подумывает затащить ее в постель. И все-таки я смотрю на нее. Все-таки – потому что мне кажется, я смотрю на нее по-другому. Странно. Когда смотришь на женщину издали, замечаешь ее особенности, мелкие детали, как она хмурится, как кусает губы, как дышит, как поправляет волосы, как... короче, много мелочей.

Тяжело дыша, Джин продолжает колотить по груше.

– Правая, левая, удар! Молодец, отходи назад, правая, левая и удар... давай еще раз...

Она, нанося удары, движением головы отбрасывает темные волосы назад. Потом, как в замедленной съемке, перчаткой убирает волосы со лба и заводит их за уши. Для пушкого эффекта не хватает только повтора кадра. Женщины и бокс, с ума сойти. Тихонько подхожу, стараясь остаться незамеченным.

– Теперь попробуй сделать выпад и бей.

Джин делает два удара левой, потом пробует сделать выпад справа. Я на лету хватаю грушу и зажимаю ей правую руку.

– Пум!

Она удивлена, она просто ошарашена. Быстро сжимаю руку в кулак и легонько ударяю ее в подбородок.

– Привет, малышка на миллион. Пум, пум – ты труп.

Она выкручивается, стараясь высвободить руку.

– Какого хрена ты тут делаешь?

– Я пришел на пробное занятие.

– Надо же! Именно!

– Да, бывают же совпадения! Знаешь, мне удобно сюда ходить, поскольку я тоже «тут рядом» работаю...

– А я-то думала, тебе это было по барабану.

– Я ничего такого не говорил.

– По тебе было видно.

– Больная ты.

– А ты козел!

– Ладно, хватит... Вы же не собираетесь выяснять отношения здесь, в спортзале, правда? – это вмешался тренер. – И потом, извини, Джиневра... ты ведь первый раз сюда пришла, правда? Ты не записана еще в «Gymnastic». Значит, он никак не мог знать, что застанет тебя здесь. Это произошло случайно.

Я смотрю на нее с усмешкой.

– Это произошло случайно. Вся жизнь состоит из случайностей. Мне кажется, нелепо искать объяснения, почему я здесь оказался. Правда? Это случайность и точка.

Джин фыркает, оперев закованные в перчатки руки в бока.

– О какой такой «случайности» ты говоришь?

– Милая Джиневра, – снова вмешивается тренер, – не слишком ли много эмоций? Ка-

жется, вы просто ненавидите друг друга.

– Не кажется, а так оно и есть!

– Ну, ну, спокойно. Ты ведь еще недавно изучала в школе: «Ненавижу тебя вождедея. „Возможно ли?“ – спросишь. Не пойму»⁴¹.

Джин возводит глаза к небу.

– Да, да, спасибо, знаю. Но здесь другие проблемы.

– Тогда вам надо их решать не в зале.

Я улыбаюсь.

– Правильно, точно... Хорошая мысль. Выйдем?

– Осторожнее. Ты ее недооцениваешь, Джиневра может за себя постоять, знаешь?

– Как не знать. У нее ведь третий дан.

– Да ты что... – тренер удивлен. – Я и не знал. Seriously?

– Да, как ни странно, он говорит правду.

Тренер отходит, недоуменно качая головой.

Потом возвращается с улыбкой на губах, как будто нашел решение всех мировых проблем. По крайней мере, наших с Джин.

– А почему бы вам не устроить небольшой бой? Это прекрасная возможность разрядить напряжение.

Джин поднимает руку в перчатке и указывает на меня.

– Только не говорите мне, что этот и одежду с собой принес.

– А вот как раз «этот» одежду-то и принес.

Я улыбаюсь и беру свою сумку, стоящую за колонной.

– А теперь, по совету твоего тренера, пойду-ка я переоденусь. Но ты не волнуйся, я скоро вернусь.

Я ухожу, а Джин и тренер стоят и смотрят мне вслед.

* * *

– Лучше не придумай. На самом деле, этот парень, по-моему, очень симпатичный, и ты сможешь применить на практике удары, которые мы только что с тобой разучили. Мне кажется, ты их освоила.

– Да, но только ты не понял, кто это.

Тренер смотрит на меня недоумевая.

– Нет, а кто это?

– Это Стэп.

Он на минуту замирает, полуприкрыв глаза: наверное, роется в воспоминаниях и перебирает в уме городские легенды. Но ничего не вспоминает.

– Стэп, Стэп, Стэп. Нет, никогда не слышал.

Я смотрю на него с удивлением, а он очаровательно улыбается.

– Нет, правда, не слышал. Но не волнуйся, ты его сделаешь!

И тут я осознаю две вещи. Первое: однозначно, он плохой тренер, и второе: именно по этой причине мне стоит начать волноваться.

* * *

Майка, шорты, носки и новые «Nike», купленные в «Nike Town» в Нью-Йорке.

– Эй, Стэп, привет.

Вижу в раздевалке знакомого парня, но никак не вспомню его имя.

– Ты что, тренируешься здесь?

– Только сегодня. Пробное занятие, хочу понять – как тут.

– Здесь нормально. Плюс ко всему и девочки что надо. Видел там одну, с грушей? Клевая девчонка.

⁴¹ Итальянские школьники знают наизусть это стихотворение Катуллы на латинском языке. В переводе дано русское поэтическое переложение.

- Я сейчас обменяюсь с ней парочкой ударов.
- Да ладно! – парень, чьего имени я так и не вспомнил, смотрит на меня удивленно и немного испуганно. – Я что-то не так сказал? Не надо было мне этого говорить?
- Чего?
- Ну, что она клевая.
- Я закрываю ящик на ключ и кладу ключ в карман.
- Ну почему же? Это правда!
- Улыбаюсь ему и выхожу.
- Ну что, третий дан, начнем?
- Джин одаривает меня натянутой улыбкой.
- Только здесь третий дан не причем. И потом, ты можешь придумать что-нибудь новенькое, а не повторять одно и то же?
- Я хохочу и распахиваю объятия.
- Поверить не могу. Мы сейчас устроим бой, настоящий серьезный бой, а ты что делаешь? Подначиваешь?
- Подначиваю... Очень надо.
- Ты не имеешь права это делать. В таком случае я начинаю!
- И именно в этот момент... Бум. Такого я не ожидал. Она бьет меня прямо в лицо правой: быстро, точно, неожиданно. Короче, она меня сделала.
- Молодец, хорошо, – тренер весело подпрыгивает. – Правой, левой, выпад и закройся.
- Двигаю челюстью вправо, потом влево – она слегка онемела.
- Ничего не сломалось? – Джин попрыгивает, глядя на меня насмешливо. – Если хочешь, начнем настоящий бой.
- Попрыгивая, приближается ко мне.
- Это был пробный удар, мифический Стэп. Кстати, мой тренер никогда о тебе не слышал.
- Не сводя с нее глаз, надеваю перчатки.
- Тогда он, наверное, не видел и твое фото, которое я снял на полароид. Ясное дело, если бы он его увидел...
- То что?
- Тогда он, может, и передумал бы. На этой фотографии ты такая страшная, что у него отбило бы желание тащить тебя в койку.
- На этот раз ты меня действительно достал.
- Джин наскакивает на меня как фурия и начинает бить. Смеясь, я парирую удары, несущиеся со всех сторон, – сначала открытой перчаткой, потом – закрытой, отвожу в сторону, прижимаю книзу... Но вдруг она бьет меня ногой прямо в пах.
- Ой...
- Удар в низ живота. Прямой удар. Я складываюсь пополам от боли. С трудом перевожу дыхание.
- Эй, это запрещено.
- С тобой все разрешено.
- Слушай, Джин, если бы я захотел сейчас продемонстрировать тебе свою любовь, я бы был не на высоте.
- Не переживай. Я верю тебе на слово.
- Вот стерва. Сначала отвлекла меня. Потом рассмешила, а потом выпустила мне кишки. Я так и стою, согнувшись пополам, пытаюсь прийти в себя. Ко мне подходит тренер:
- Проблемы?
- Он кладет мне руку на плечо.
- Нет-нет, все в порядке. Почти.
- Встаю на ноги и ставлю руки на пояс, потом медленно делаю вдох и потягиваюсь.
- Вот видишь, я могла бы сейчас прикончить тебя, если бы не пожалела.
- Какая же ты милосердная. Идем на ринг?
- Конечно.
- Джин улыбается. Проходит мимо меня с уверенным видом. Тренер поднимает канат, помогая нам пройти.

– Эй, ребята, прошу вас... Никаких запрещенных ударов и давайте потихоньку, хорошо? Бой по правилам.

Джин подходит ко мне, мы ударяем друг друга по перчаткам. Два противника, как в кино.

– Готова?

– Я готова ко всему. И не слушай его, он мне не тренер. А тебе конец пришел! Предупреждаю тебя, все удары разрешены, особенно запрещенные, во всяком случае, с моей стороны!

– Ой-ой-ой, как страшно!

Вместо ответа она пробует ударить меня в лицо, но на этот раз я настороже и парирую удар слева.

И в ответ даю ей пинка под зад, не слишком сильно, чтобы ей не было больно.

– Эй-эй-эй... ну вот теперь и я готов. Начнем, пожалуй?

Мы прыгаем друг против друга, изучая противника. Джин с иезуитской улыбкой начинает наносить мне удары.

– А ты все веселишься, да? Правильно делаешь, потому что скоро...

И тут она наносит мне удар прямо в живот. На минуту я задыхаюсь. Ну и скорость у нее.

– Побереги дыхание, мифический Стэп, оно тебе еще понадобится. Я ведь тебе говорила, что я еще и full contact освоила?

Я пытаюсь перевести дыхание.

– Первое правило: после такого удара надо сразу же переходить в атаку, иначе...

Постепенно приближаюсь к ней, но не слишком быстро. Правой, еще раз правой, потом замахиваюсь левой и снова правой. Первые три удара она отлично парирует, а вот третий попадает в цель. Это видно по тому, как Джин шатнулась влево и чуть было не упала: слишком сильно я ее ударил. Успеваю подхватить ее, прежде чем она завалится на пол.

– Эй, прости, сильно я тебя? – я искренне переживаю. – Просто я...

Джин в ответ наносит мне апперкот, задев подбородок. Слова застревают у меня в горле, хорошо, что я больше ничего не успел сказать.

– Ничего ты мне не сделал.

Она гневно фыркает и энергичным движением отбрасывает волосы со лба. Подпрыгнув, делает «ножницы»; правой, левой – ногой отбрасывает меня назад и бьет снизу. Правой, левой и снова правой.левой, правой, хук – я парирую, как могу, чтобы не сделать ей снова больно. Парирую с улыбкой, но, если честно, это дается мне все труднее и труднее. Мы постепенно сближаемся. Она прижимает меня в угол. Снова атакует.

– Эй, умерь пыл.

Я прикрываюсь перчатками, а она продолжает наносить удары, потом пытается сделать прямой удар правой и – хоп! – готово. Перехватываю ее левой рукой и прижимаю к себе. Ее правая рука зажата, я крепко ее держу.

– Попалась! Не убавила пыла и видишь, к чему это привело?

Джин отчаянно пытается высвободиться. Она отклоняется, садится на канаты, толкает меня, откидывается назад, брыкается, пытаюсь вывернуться. Я слегка бью ее правой рукой по лицу.

– Пум... Видишь, что я могу с тобой сделать? – бью еще разок. – Пум, пум, пум. Груша-Джин... Тебе крышка!

Вместо ответа она со всей силы начинает бить меня свободной левой рукой. Я легко парирую, но она не сдается – пум, пум, пум – все ее удары я парирую. Джин бьет снизу, потом прямо, хук, снова снизу, ставит ногу на канат и с размаху наносит еще один удар. Ничего не поделаешь, я зажат в угол и крепко прижимаю ее правую руку к себе. Джин вне себя от ярости.

– Я-ху-у-у-у!

Она пытается поддать мне коленом, но я быстро поднимаю свое, парирую и этот удар. Она снова пытается сделать левый хук, но скорость уже не та, наверное, устала. Вот та ошибка, которую я так ждал. Правой рукой удерживаю ее левую, и прижав к себе, захватываю ее тоже.

– Ну и?

Она стоит, глядя мне в глаза, она у меня в плену.

– Что делать будешь, тигрица Джин?

Она пытается высвободиться.

– Ну, будь умницей. Ты у меня в руках.

Она снова пытается освободиться, но все бесполезно. Я наклоняюсь к ней и целую, она, кажется, не возражает.

– Ай! – она укусила меня. Я отпускаю ее; теперь обе ее руки свободны. – Вот свинья.

Подношу перчатки ко рту: хочу увидеть, нет ли крови.

– Да ты мне губу оторвала. А другая как? У меня их не так уж и много.

– Я же тебе сказала: я тебя не боюсь.

И в подтверждение своих слов, она пробует провести waikiki. Делает оборот вокруг себя, хочет нанести мне ногой вращательный удар. Но я успеваю среагировать и скольжу на пол, увлекая ее за собой. Она падает рядом со мной.

Уже через секунду я сижу на ней, сжав ее талию ногами: она и пошевелиться не может; правой рукой прижимаю ее к полу:

– Ну что? Знаешь, ты такая красивая сейчас! Это я искренне говорю.

Сам не знаю почему, я вспоминаю фильм «Смертельное оружие», когда Мел Гибсон и Ренэ Руссо сравнивают свои шрамы и потом падают на землю. Но мы красивее, и потом – мы настоящие.

– Джин, как насчет того, чтобы заняться любовью?

Джин улыбается и мотает головой.

– Здесь? Прямо на полу в спортзале, на глазах у всех, кто пялится на нас?

– Самое главное – не думать об этом.

– Что ты говоришь, Стэп, ты дурак, что ли? И потом, ты разве не слышишь, они там хором считают минуты.

– Ну ладно, продолжим бой, если хочешь. Я дал тебе шанс.

Мы поднимаемся одновременно. В этот раз, однако, ради смеха, начинаю я. Зажимаю ее в угол и начинаю наносить удары – без затей, как придется.

Джин реагирует быстро и пытается выскочить из западни. Одним ударом я загоняю ее обратно в угол. Она пригибается, уклоняется, снова пытается выскользнуть, но я опять ее зажимаю, заталкиваю туда. Она делает обманный выпад влево, а сама замедляет движение. Я тяну ее на себя. Она быстро сжимает руку, зажав мою правую. И тут же делает то же самое с моей левой.

– Та-га... Теперь я тебя прижала. Что дальше?

На самом деле, одним ударом головы я мог бы без труда высвободиться, но, мне кажется, сейчас это не самый лучший вариант. Джин вздыхает.

– Теперь мы поменялись ролями... ты мой пленник, только вот кусаться ты не посмеешь. Клянусь, если ты это сделаешь, я тебя растяну на полу.

Она целует меня. Я позволяю ей это сделать, мне весело; со слюной и потом, поцелуи получают скользкими и мягкими, полными желания и ни к чему не обязывающими. Я не сопротивляюсь, нет. Она играет с моими губами, я сжимаю ее перчатками, она трется о меня, шорты и майка мокры от пота. Ее волосы падают мне на лицо, скрывая меня от нескромных взглядов.

Тренер, поглядывая на хронометр, не может не прокомментировать этот странный поединок.

– Сначала они хотели выпустить друг другу кишки, а теперь цирк устроили. Ну и молодежь пошла...

И он уходит, пожимая плечами. Цирк, мы устроили цирк? Это искусство, уважаемый. Фантастическое искусство, самого высшего качества, мистическое, дикое, изящное, необыкновенное. Мы продолжаем целоваться, стоя в углу ринга, прижавшись к канату – теперь мы чувствуем себя свободнее в объятиях друг друга, возбуждение нарастает (по крайней мере, у меня). Не вовремя... и очень сильно. Моя перчатка скользит вниз и оказывается – подумать только! – между ее ног, но Джин отступает в сторону. И тут на ринг выскакивают два мужика лет по сорок, с седыми волосами и помятыми лицами.

– Вы уж извините, нам бы не хотелось прерывать вас. Но мы хотим побоксить по настоящему. Если не трудно, перейдите в другое место.

– Да, продолжите эту идиллию где-нибудь за рингом.

Они смеются. Я беру Джин за локоть, сжимая его пальцем перчатки, и помогаю ей выйти с ринга. Один из мужиков, тот, что потолще и пропах куревом, никак не может успокоиться.

– Алле, а что это ты вздумал биться с девицей...

Джин вырывается у меня из рук и, пригнувшись, снова юркает под веревку ринга.

– Что он вздумал... хочешь увидеть? – и встает в позу.

Я спешу вклиниться между ними, прежде чем начнется разборка.

– Ладно, ладно. Все нормально. Извините нас. Девушка нервничает.

– Я не нервничаю.

– Ну, тогда пойдем мороженое съедим, – и говорю на ухо Джин. – Я угощаю, и прошу тебя, перестань!

Джин опускает руки.

– Слушай, я иду в раздевалку только потому, что уже одиннадцать и время моей тренировки закончилось.

– Да, конечно.

Она смотрит на меня озадаченно и немного огорченно, потом улыбается.

– О'кей, – ей нравится, что я признал себя побежденным.

– Минуту даю. Увидимся в баре спортзала.

Я тоже иду в раздевалку. Ну и битва. Даже не знаю, где лучше – на ринге или вне его. Вынимаю ключи от шкафчика и начинаю переодеваться. И что я в ней нашел особенного? Встаю под душ. Да, не спорю: классная попка, чудная улыбка... Я беру оставленный кем-то шампунь и опрокидываю его себе на голову. Да, она, конечно, забавная – спортзалы по расписанию. Остроумно. Но что-то устаешь от нее. Однако сколько лет у меня уже нет никаких историй? Два года. И как же классно быть свободным. Я хочу, чтобы у меня был такой «график». Первое число месяца – одна, второе – другая, третье – еще какая-нибудь, четвертое – может быть – никого, пятое число – та клевая иностранка, с которой познакомился случайно, шестое... шестое... шестое – я и сам все могу... Впрочем, плевать, не стоит заморачиваться. Я вытираюсь и натягиваю брюки. Не хочу никаких объяснений. Застегиваю рубашку и беру сумку. Иду к выходу. Не буду даже прощаться, все равно встретимся в «Театре Победы». Нет, сегодня они не заняты. Ладно, увижу ее завтра. Впрочем, это та еще штучка: она способна заявиться ко мне домой и устроить сцену. Если не застанет меня дома, набросится на Паоло. С Паоло справиться нетрудно – она его быстро сделает. Джин способна превратиться в зверя в человеческом облики. В фурию, в тигрицу. Вот влип! Нет, все же надо ее подождать. Интересно, долго она еще будет копаться? Что ж это за женщина? Притворщица, эгоистка, сквалыга, сумасшедшая, наркоманка, потаскушка, стерва? Я захожу в бар и заказываю не слишком холодный «Gatorade»⁴².

– Извините, какой?

– Апельсиновый.

И ответы приходят сами собой. Джин естественная, дикая, элегантная, чистая, страстная, не наркоманка, альтруистка, забавная. Я смеюсь. Вот блин! Наверное, она всегда опаздывает и мне вечно придется ее ждать.

Плачу два евро, открываю крышку и отхлебываю «Gatorade». Оглядываюсь по сторонам. Изысканно одетый тип, похоже, тренер, читает «Il Tempo». За соседним столиком – еще один псевдоатлет ненатуральным голосом разговаривает с девушкой. Он старается казаться веселым, что бы она ему ни говорила. Две подружки обсуждают планы на каникулы. Неподалеку другая девушка жалуется своей лучшей подруге, насколько некий «он» ужасно себя повел. За стойкой сидит парень, потный после тренировки, рядом другой – уже переодевшийся. Какая-то девушка выпивает взбитый коктейль и сразу уходит, еще одна ждет Бог весть чего. Пытаюсь разглядеть лицо той, что ждет, в зеркале за стойкой, но его не видно из-

⁴² Безалкогольный витаминизированный напиток для людей, активно занимающихся спортом.

за бармена. Но вот бармен пошел подавать приготовленный напиток; теперь ее лицо видно. Это как при игре в покер: вдруг тебе приходит карта, которую ты давно ждешь. Как последний рывок рулетки, после которого шарик останавливается именно на той цифре, на которую ты поставил... Это она. Смотрит на меня и улыбается. Волосы падают на слегка подкрашенные глаза с легкими серыми тенями. Розовые губы немного припухли. Она поворачивается ко мне.

– Ты что, не узнаешь меня?

Покер. Карта. Это Джин. На ней голубой костюм. На отвороте маленькие буквочки. «D&G». Я улыбаюсь. Высокие босоножки того же голубого цвета. Очень элегантные. «Ren Caovilla». В них видны лодыжки. Ногти на пальцах ног нежно-голубого цвета. Очки «Chanel», тоже голубые, подняты на волосы. И, будто намазанные медом, ее руки, ноги, улыбающееся лицо.

– Ну как?

Как... Все мои сомнения вмиг испарились. Слов нет. Мне хочется смеяться – на ум приходит та сцена из «Красотки», когда Ричард Гир ищет Вивьен в баре гостиницы. И находит. Она хорошо подготовилась к походу в оперу. Джин так же неотразима. И даже больше. Я стою как придурок. Она берет сумочку и идет ко мне.

– О чем задумался?

– Что «Gatorade» слишком холодный.

Джин улыбается:

– Не ври, ты думал обо мне.

И она решительно идет в выходу. Из-под плиссированной юбки видны ее ноги – стройные и гладкие, может быть, намазанные кремом, тонкие лодыжки...

Наверху лестницы Джин останавливается и оборачивается.

– А теперь что ты делаешь? Строишь на мои ноги? Давай, не стой как истукан, пойдем, выпьем аперитив или чего ты там хочешь, потому что потом я ужинаю с родителями и дядей. Скука смертная. Я и вырядилась так по этому случаю.

Женщины. Ты видишь их в спортзале. В маленьких боди, узких шортах и блестящих маечках. Аэробика не выношу. Потные, без косметики на лицах, растрепанные волосы, падающие на глаза. А потом – хоп! Чудеса – круче, чем из лампы Аладдина. Они выходят из раздевалок чудесно преображенные. Куда девался тот отстой, что был в зале? Гадкий утенок на красился. И прикрылся прекрасно подобранными одеждами. У него длинные ресницы, обведенные дорогим карандашом. Идеально очерченные губы, иногда даже татуированные, подчеркивают рот, которого еще не касался шприц с коллагеном. Женщины. Молодые оперившиеся лебеди. Конечно, я не говорю о Джин. Она...

– О чем ты думаешь?

– Я?

– А кто еще? Здесь только я и ты.

– Ни о чем.

– Я на своей машине.

– Хорошо, езжай за мной.

Я сажусь на мотоцикл, но не могу удержаться: поворачиваю зеркальце так, чтобы видеть Джин. Она в центре зеркала. Вот она, открывает машину. Наклоняется вперед, садится на сиденье, легко и изящно заносит ноги: сначала одну, потом другую. Они разъединяются только на секунду, и это мгновение для меня, как кадр настоящего фильма. Возвращаюсь в реальность. Включаю передачу и трогаюсь. Джин спокойно едет за мной. Она ведет машину как опытный гонщик. С пробками у нее проблем нет, она легко обгоняет и возвращается в свою полосу. Изредка гудит, чтобы предупредить ошибки других водителей. Ее машина легко вписывается в повороты. Джин едет за мной, потряхивая головой – понятно, в такт музыке. Дикарка-горожанка. Каждый раз, когда она видит, что я смотрю на нее в зеркальце, мигает мне фарами – дважды, как будто говорит: эй, не беспокойся, я здесь. Еще несколько поворотов и мы почти у цели. Я останавливаюсь. Жду, пока подъедет Джин. И вот она уже рядом.

– Поставь машину здесь, дальше она не пройдет.

Ей не нужны дополнительные объяснения. Джин закрывает машину и пристраивается на сиденье сзади меня, придерживая юбку: необходимое условия для этого трюка – верховой

езды.

– Этот мотоцикл супер, мне нравится. Я всего несколько таких видела.

– Таких больше нет. Его сделали специально для меня.

– Так я и поверила. Знаешь, сколько стоила бы штучная модель?

– Четыреста пятнадцать тысяч евро...

Джин смотрит на меня с изумлением.

– Так много?

– Мне еще дали большую скидку.

Она видит в зеркальце мою улыбку – я так его повернул, чтобы наши взгляды встретились. Устраиваю своеобразный армрестлинг взглядами, но вскоре сдаюсь. И снова улыбаюсь. Она сильно бьет меня по спине.

– Ну ты, что ты несешь, ты просто раздолбай!

Такого я не слышал со времен знаменитых драк на пьядца Экулиде, со времен набегов на Кассиа и Таленти⁴³, и вплоть до моего возвращения. Стэп – раздолбай. И кто посмел сказать такое? Женщина. Женщина, сидящая позади меня. И она продолжает.

– Не считая цены, мне очень нравится твой мотоцикл. Дашь мне как-нибудь на нем прокатиться.

С ума сойти. У меня просят прокатиться на моем мотоцикле, и кто просит! Опять женщина. Та же самая, что назвала меня раздолбаем! Но самое невероятное в этой истории то, что я ответил:

– Да, конечно.

Мы въезжаем на виа Боргезе – я еду быстро, но без нарочитой спешки – и останавливаюсь у маленького бара над озером.

– Приехали. Здесь не так много народу. Здесь спокойнее.

– Как? Ты не хочешь, чтобы люди тебя увидели?

– Что, опять поссориться хочешь? Если бы я знал, я бы в спортзале хуже с тобой обошелся.

– Посмотрите-ка на него.

– Опять?

– Ладно, мир, давай, в качестве «мировой», выпьем аперитив, идет?

35

Клаудио ставит машину в гараж. К счастью, «Веспы» там нет. Дочки пока не вернулись. Тем лучше. По крайней мере, никто не поцарапает ему машину. Хотя уже и так невозможно опустить цену ниже той, что ему предложили в зачет в салоне «BMW». Клаудио снова думает о своей мечте – свободе, и о другой мечте – «BMW». С этими мыслями он закрывает гараж и поднимается в квартиру.

– Кто дома?

В квартире – полная тишина. Он облегченно вздыхает. Как хорошо побыть немного одному. Поразмышлять о том, как лучше устроить вечер. Это будет нелегко. Клаудио думал об этом весь день, но ему надо перепроверить свой план, обкатать его до мельчайших деталей. Он хочет быть уверенным, что не случится ничего непредвиденного. В этот момент у него за плечами появляется Раффаэлла. Она застала его врасплох.

– Здесь я, и еще вот эта.

Она бросает ему в лицо выписку из счета с его кредитной карты – предпоследняя строка выделена желтым маркером. Клаудио берет с растерянным видом выписку. Раффаэлла склоняется над ним.

– И что это значит? Не объяснишь ли?

У Клаудио кружится голова. Выписка с его счета открыта. Ему дали пощечину, на виду у всех. У всех... на виду у собственной жены. О Боже, подумать страшно, что она там могла найти... Он быстро собирается с мыслями. Нет. Там ничего такого быть не может. Потом он

43 Районы Рима.

видит предпоследнюю строчку: она сильно выделяется среди остальных. Неопровержимое доказательство его вины. Отсылка к месту преступления. Но ведь Раффаэлла никак не может знать, не может ни о чем догадаться!

– А-а, эта... ничего особенного, ничего особенного.

– Сто восемьдесят евро – это ничего особенного? Мне так не кажется.

– Да это я купил бильярдный кий.

– Ах вот как? Это-то я понимаю. Тут ясно написано: магазин бильярдных принадлежностей. Я только не знаю, давно ли ты начал играть в бильярд. И что я еще про тебя не знаю.

– Ну, Раффаэлла, прошу тебя. Ты ошибаешься. Это не для меня.

И тут на него снизошло озарение, среди ночи вспыхнул маяк, дающий надежду на спасение в бушующем море, надежду выйти живым-невредимым из этого опасного плавания меж подводных рифов, надежду выжить после урагана по имени Раффаэлла.

– Я не знал, что подарить синьору Фарини, а поскольку у него в доме на море есть бильярд, я подумал, что кий будет чудесным подарком! И правда, он ему очень понравился. Подумай только: сегодня вечером мы встретимся, поужинаем и потом сможем сыграть партию!

Весь сегодняшний день он обдумывал совсем другой план, но иногда благодаря импровизации рождаются чудесные обманы.

Раффаэлла в растерянности. Она не знает, можно ли этому верить.

– То есть, вы будете играть в бильярд вдвоем?

– Ты не поверишь – он сказал, что благодаря кию, который я ему подарил, в нем проснулась старая страсть. С тех пор, как он снова начал играть, и дела на фирме пошли лучше, понимаешь? Бильярд его расслабляет, разве это не чудо? – Клаудио раздувается от гордости. – Представь себе, благодаря кию за сто восемьдесят евро он нам доверил финансирование в сотни тысяч евро. Разве не здорово?

Однако Раффаэлле он, похоже не убедил. И тогда Клаудио решает идти ва-банк, поставить на карту все, что у него есть, рискнуть, подобно канатоходцу, идущему над пропастью лжи, подобно каскадеру, взлетающему на опасный трамплин самого низкого обмана, пойти на самый дерзкий подлог.

– Не знаю, как тебя убедить. А давай сделаем так: ты пойдешь с нами! Поужинаем, а потом ты будешь считать очки в бильярдном зале – как тебе такой план?

Раффаэлла минуту пребывает в раздумье.

– Нет, спасибо.

После этого головокружительного прыжка в пропасть она успокаивается. Клаудио – тоже. А если бы она согласилась? Где бы он нашел к семи часам Фарини? Уже, наверное, год, как он о нем не слышал. Было бы трудно организовать такой ужин на скорую руку, а тем более – партию в бильярд. Учитывая тот факт, что Фарини совсем не похож на игрока. Клаудио решает не думать об этом. Ему от всех этих мыслей становится дурно. Он улыбается, пытаясь рассеять последние сомнения Раффаэллы. Но та достает еще один аргумент.

– Но если это был деловой подарок, почему ты не заплатил офисной карточкой?

– Ой, ну ты же знаешь этого Панеллу, он прикапывается к каждой мелочи. А если потом Фарини перестанет доверять нашей фирме? Я знаю, он попрекал бы меня целый год! Я решил не рисковать из-за ста восьмидесяти евро!

При этих словах Клаудио понимает, какому риску он сам только что подвергся. Он снимает пиджак, он весь вспотел. Идет к спальне, чтобы хоть как-то скрыть драматическое напряжение момента.

– А-а, Раффаэлла, не волнуйся ты так! Сейчас, когда Фарини пришел к нам, мне эти сто восемьдесят евро вернутся сторицей, точно тебе говорю!

Раффаэлла идет за ним в спальню. Она хочет еще что-то сказать, но Клаудио не дает ей этого сделать. Он подходит к ней и берет за руки.

– Знаешь, а мне приятно, что после стольких лет ты меня все еще ревнуешь. Это значит, что наши чувства по-прежнему свежи.

Раффаэлла улыбается. Ей кажется, что она снова молодая, ну, во всяком случае, много моложе, чем утром, как будто те морщинки, которые она видела в зеркале, бесследно пропали. Клаудио целует ее. Медленно-медленно они начинают раздеваться, они давно так уже не

делали, очень давно. И Клаудио чувствует предательское возбуждение. Раффаэлла удивлена.

– Да, мне казалось, такое уже невозможно, а сейчас меня охватывает страсть, я горю желанием.

Клаудио спускает брюки и снимает с нее юбку. Раффаэлла скользит в кровать, и он снимает с нее трусики, приподняв ее еще обутые в туфли ноги. В полутьме комнаты, где все еще гуляет эхо подозрения, где воздух накален сомнениями и изворотливыми выдумками, они начинают нежно прикасаться друг к другу в отчаянной попытке вновь обрести утраченное доверие. Потом Клаудио стягивает трусы, разводит ноги Раффаэллы и входит в жену. Он двигается вверх-вниз. Он тяжело дышит, на рубашке его проступает пот. Раффаэлла замечает это.

– Да раздешься ты совсем.

– А если девочки придут?

Раффаэлла улыбается и закрывает глаза, она счастлива.

– Ты прав... как хорошо... продолжай... еще... давай.

И Клаудио продолжает, стараясь удовлетворить ее, он возбужден и вместе с тем встревожен. Как он проявит свои возможности вечером, на бильярдном столе-постели с дублером Фарини? Он предпочитает не думать об этом. Он читал статью о чувстве сомнения в своих возможностях. Напротив – нужно совсем не думать об этом. Но одно точно: с прошлой недели еще остались царапины на спине, надежно спрятанные под намокшей от пота рубашкой. Вдруг из коридора раздается голос Баби.

– Папа, мама... вы здесь?

Слегка охрипшим голосом Раффаэлла спешит откликнуться.

– Сейчас, мы идем.

И именно в этот момент Клаудио, перевозбужденный от абсурдности всей этой ситуации, кончает. Раффаэлла остается ни с чем, все оборвалось в самый прекрасный момент – на взлете. Она непроизвольно улыбается. Клаудио целует жену в губы.

– Прости меня...

И проскальзывает в ванную. Быстро ополаскивается. Теперь лицо. Да уж, вид у него – просто жуть. И тем не менее, все прошло хорошо. Теперь бы оказаться на высоте вечером, ведь план сработал... Потом он вспоминает, что думать об этом не надо. А иначе известно, что будет. Чувство сомнения в своих возможностях.

36

Мы с Джин садимся за столик. Невдалеке какой-то интеллигент в очках и с книгой на столе отхлебывает капучино, потом продолжает читать статью из «Leggere». Еще здесь женщина лет сорока с длинными волосами, под ее стулом – дворняга. Женщина лениво курит сигарету, на лице ее грусть, – возможно по тем косякам, которых она теперь лишена.

– Неплохая обстановочка, да?

Джин заметила, куда я смотрю.

– Да, мы в нее вписываемся. Что ты будешь пить?

За плечами нарисовался официант.

– Добрый день, господи.

Ему около шестидесяти лет и он весьма элегантен.

– Мне – «АСЕ»⁴⁴.

– А я – кока-колу и маленькую пиццу с ветчиной и моцареллой.

Официант, кивнув, уходит.

– Эй, после физических нагрузок ты не очень-то заботишься о своем здоровье, а? Белая пицца и кока кола – диета атлетов!

– Кстати об атлетах, ты ведь у нас атлет на халяву, дай-ка мне свой список спортзалов на триста шестьдесят дней.

– Без проблем. Сделаю тебе ксерокс.

44 Безалкогольный напиток, состоящий из апельсина, моркови и лимона. Название АСЕ — аббревиатура витаминов, содержащихся в напитке — витамин А, витамин С, витамин Е.

– И многие пользуются таким способом?

Возвращается официант.

– Пожалуйста. «АСЕ» для синьорины, а для вас – белая пицца и кока-кола.

Официант ставит заказ на стол, кладет под псевдосеребряную тарелочку счет и удаляется.

– Нет, не думаю. Во всяком случае, я надеюсь...

И мы продолжаем болтать, понемногу открываясь друг другу.

– Ты что, правда никогда не уезжала из Европы?

– Нет. Я была в Греции, Англии, Франции, один раз с двумя подругами даже в Германию ездила на Октоберфест.

– Я тоже там был.

– Когда?

– В 2002 году.

– И я тоже.

– Ни фиги себе.

– Да, но самое невероятное заключается в том, что одна из моих подруг – непьющая.

Ты не представляешь, что с ней случилось. Она взяла литр пива, знаешь, такие огромные кружки, которые моют в больших баках, залпом выпила половину и после этого полчаса плясала на столе какую-то тарантеллу, а потом стала выкрикивать: «фонтан, фонтан...» и свалилась на пол, ужас!

Я смотрю на Джин. Она пьет «АСЕ». Я тоже знаю девушку, которая танцевала на столе в ресторане, где мы ужинали. Но она не танцевала на столе во время Октоберфеста... Я вспоминаю Баби – когда я сказал ей, что уезжаю с Полло, Скелло и еще парой друзей на другой машине в Мюнхен, она разозлилась как сумасшедшая. «То есть ты едешь в Мюнхен. А я?» – «Ты – нет... Мы едем мужской компанией». – «Ах так? Хотелось бы верить». А потом оказалось, что этот придурок Манетта из другой машины поехал с подругой. И когда мы вернулись, были долгие разборки с Баби, потому что, конечно, как всегда, рано или поздно, все становится известно.

– О чем ты думаешь?

Я вру:

– О той твоей подруге, которая танцевала на столе. Вам надо было ее заснять. Потом бы вы посмеялись.

– Да, мы как сумасшедшие хохотали тогда, а потом – это не так! Потом, потом... сейчас!

И она, многозначительно глядя на меня, делает очередной глоток «АСЕ». Ой-ой-ой, что же она хочет сказать? Что дело пошло не так? В общем, оно пошло. Джин хочет «сейчас». Но не сию минуту, нет, еще рано. Может, завтра? Да, завтра, не сейчас, позже...

– О чем ты думаешь? Все еще о моей подруге, что танцевала на столе? Не верю. Я вижу, ты вспомнил какую-то другую подругу, с которой познакомился на Октоберфесте и теперь вспоминаешь ваши похождения.

– Плохо видишь.

– Очень хорошо. У меня идеальное зрение.

– Нет, ты плохо знаешь нашу компанию. Ты принимаешь нас неизвестно за кого. Мы люди серьезные, спокойные, не буйные. Конечно, мы любим повеселиться, мы не привыкли в ресторанах лезть из кожи вон, чтобы соблюсти хорошие манеры. «Это делать нельзя, это тоже...» Плевать нам на это занудство.

Я оборачиваюсь, мне повезло. Только что за столик села пара. С ними английский сеттер, они модно одеты, и, что совершенно абсурдно, у обоих подмышкой одинаковая газета «Il manifesto». К ним подходит официант, и они что-то заказывают.

– Вот смотри на этих двоих. Они не разговаривают друг с другом.

И правда, они делают заказ отдельно, не советуясь, не спрашивая друг друга, что он или она возьмет. Они рассеянны, не обращают внимания друг на друга, как бы просто дрейфуют рядом.

– Смотри, официант уходит, а они принялись читать, причем у обоих «Il manifesto», ну и ну... Не то чтобы я имел что-то против этой газеты... Точнее, я имею, но это здесь не при

чем. – Просто они даже не заметили, что купили одну и ту же газету. Хуже не придумать. Полный отстой...

Официант быстро возвращается – они оба взяли только по чашке кофе.

– А сейчас мужчина заплатит – только потому, что так положено.

Мужчина встает со стула, переносит вес тела на правую ногу – портмоне у него в левом кармане – засовывает руку в карман и расплачивается. Женщина продолжает пить кофе, даже не взглянув на него. У них рассеянный и скучающий вид. Интересно, как бы здесь восприняли моих друзей? Блин! Они устраивают дебоши, блюют, дерутся, не платят или громко орут, требуя один евро с каждого посетителя, но в любом случае, они живут, а не прозябают, черт побери.

Джин улыбается.

– Да, да, ты прав, по крайней мере, сейчас.

Все, хватит, с меня достаточно. Во всяком случае, на данный момент.

– Да расслабься ты, Стэп, тем более что сейчас тебя ждет важное дело.

– Не понял.

– Тебе надо решить проблему с этим господином.

Я оборачиваюсь, за мной стоит улыбающийся официант.

– Позвольте.

Я не успел ответить, как он наклоняется и берет счет из-под псевдосеребряной тарелочки. Он подошел совсем тихо, я даже не слышал. Странно, мне это несвойственно. Вот до чего расслабился с этой Джин. Это хорошо или плохо?

– Одиннадцать евро, синьор.

Я встаю точно в такую же позу, как хмурый тип из той апатичной пары: вынимаю портмоне из кармана и открываю. И улыбаюсь.

– Так даже лучше.

– Что такое?

– Что мы не похожи на этих унылых зануд.

– Не поняла, – Джин смотрит на меня удивленно. – Объясни нормально!

– Все очень просто. Заплатить придется тебе, у меня нет денег.

– Я бы предпочла без экстрима. То есть, я бы согласилась, чтобы мы оказались похожими на этих двоих. То есть, чтобы заплатил ты.

Джин, такая элегантная и красивая, безупречно одетая и покрашенная, строит мне рожицу. Не сильно смешную. И улыбается официанту, как бы извиняясь за ожидание. Она открывает сумочку. Достает кошелек, открывает его, и улыбка сходит с ее лица.

– Мы совсем не похожи на этих двоих. У меня тоже нет денег, – и добавляет, глядя на официанта: – Да, я переделалась, потому что иду на ужин с родителями и дядей, и, поскольку мне там платить не придется, о деньгах я не подумала.

– Плохо.

Официант меняет тон, выражение лица тоже меняется. Вся его любезность бесследно исчезает. Возможно, ему, взрослому человеку, кажется, что молодые просто смеются над ним.

– Мне это совсем неинтересно.

Я беру ситуацию в свои руки.

– Слушайте, я провожу девушку к машине, сниму деньги в банкомате и вернусь заплатить.

– Да, сейчас... меня зовут Джо Кондор! Вы думаете, я такой дурак? Давайте деньги или я позову полицию.

Я улыбаюсь Джин.

– Извини.

Встаю и беру официанта под руку: сначала мягко, потом сжимаю так, что он начинает возмущаться:

– Что ты хочешь, прекрати.

Сжимаю сильнее и отвожу его в сторону.

– Хорошо, шеф. Мы неправы, но не надо нам читать нравоучения. Мы не собираемся воровать у вас одиннадцать евро. Ясно?

– Но я...

Я сжимаю ему руку еще сильнее, на этот раз-очень решительно. Он морщится от боли, и я отпускаю его.

– Я прошу вас войти в мое положение. Я первый раз пришел с этой девушкой...

Может быть, он тронут, а может, его убедили какие-то личные воспоминания больше, чем мое признание. Он кивает.

– Хорошо, занесете деньги потом.

Мы возвращаемся к столу. Я улыбаюсь Джин.

– Мы договорились.

Джин встает и смотрит на официанта, она искренне расстроена.

– Мне, правда, очень жаль.

– О, не беспокойтесь. Такое бывает.

Я улыбаюсь официанту. Он смотрит на меня. Думаю, пытается определить, вернусь я или нет.

– Возвращайтесь не слишком поздно, пожалуйста.

– Не волнуйтесь.

И мы уходим, мило улыбаясь и оставляя официанту призрачную надежду.

37

Я сижу позади Стэпа. Мы едем на мотоцикле. Его мотоцикле. Мои мысли разлетаются по ветру. Подумать только. Во что ты влипла, Джин? Это невероятно. Вы первый раз, точнее, во второй, идете в ресторан. В первый раз он и его друзья сбежали из... как там он назывался? «Полковника». Сегодня, когда у него появилась редкая возможность сводить меня куда-нибудь, меня, единственную и неповторимую Джин, что он вытворяет? Он оказывается без денег. Не хватало только, чтобы он там подрался. Маразм. Мой дядя Ардизио сказал бы: «Будь осторожна, Джиневра, это тебе не Князь земли⁴⁵». Представляю даже, каким голосом он это сказал бы – очень низким, хриплым, произнося вместо «т» – «д» и растягивая «о»: «Будь осдородоожна, королева». Вот что сказал бы дядя Ардизио. «– Это какой-то князь свиной... Даже цведочка не бодарил моей королеве, закрой глаза и бобыдайся бодумать... Осдородоожнее, осдородоожнее... королева...»

Я трясую головой, но Стэп заметил, и я делаю вид, что смотрю в другую сторону. Он следит за мной в зеркальце. Наклоняется назад, чтобы я его услышала.

– Что такое? Я снова произвел на тебя плохое впечатление?

– О чем ты?

– Это первый наш выход, я без денег, чуть не заставил заплатить тебя, даже хуже: нас чуть не арестовали. Я знаю, что ты думаешь...

Стэп улыбается и переходит на фальцет, как бы подражая мне:

– Ну вот, я так и знала, он просто негодяй, – он продолжает нудеть дурным голосом. Я не реагирую. – Подумать только, с кем я связалась. Ах, если бы родители узнали...

Стэп улыбается. Ох, он угадал мои мысли. Однако, какой же он симпатичный. Пытаюсь сохранить серьезность, но не могу сдержаться.

* * *

– Угадал, да? Да не стесняйся. Скажи правду.

– Я думала о своем дяде... Он бы назвал тебя князем свиной!

– Меня? – я стараюсь подыграть. – Надо бы известить подданных.

Я останавливаюсь. Джин слезает с мотоцикла: мы рядом с ее машиной. Она улыбается; она действительно очень элегантна. Так она и стоит: ноги чуть расставлены, волосы упали на лицо. Она копается в сумочке, пытаясь найти ключи. Сумочка маленькая, и все же там,

45 Один из героев книги в жанре фэнтези писательницы Троици Аичия «Легенды и хроники Всплывшего мира».

похоже, целая свалка. Джин шарит, перебирает вещи, перекладывает их с места на место. Я смотрю на нее, стоящую под аркой из известнякового туфа, в самом начале виа Венето – блеск молодости и красоты, в обрамлении античной арки.

– Вот они! Сама не знаю, каким образом они всегда оказываются на самом дне!

Она вынимает из сумочки ключи, на брелоке – черная овечка.

– Это подарок Эле, овечка, бе-е! Классная, правда? Но это опасная овечка.

– Почему?

– Потому что она бьет задней ногой всех волков, которые к ней приближаются.

– Не волнуйся, я ее практически уже съел.

– Кретин... Ну, ладно, спасибо за аперитив, он был, как это сказать... уникален. Хочешь, я привезу тебе что-нибудь вкусное с ужина?

– Слушай, такое может случиться с каждым, согласна?

– Да, но почему-то это случается только с тобой, – произнеся эту милую фразу, она поворачивается и идет к машине. – Заедь к этому официанту. Он ждет тебя. Нельзя лишать людей надежды.

И, рванув с места, Джин уезжает. Мне так и хочется крикнуть ей вдогонку: «Эй, красавица! Ты должна мне еще двадцать евро за бензин...» – но я стыжусь самой этой мысли.

38

– А вот и Джин!

Я машу им рукой издалека. Странная компания – все разного роста, и одеты по-разному. На моем брате-джинсы и майка «Nike», на маме-темное платье в цветочек, поверх которого – голубой жакет. Отец – в безупречном пиджаке с галстуком, а мой дядя Ардизио – в оранжевом пиджаке и черном галстуке в белый горошек... Уму непостижимо, где он нашел такую одежду. Телевизионные костюмеры, даже сам Феллини, наверное, были бы очарованы им. Седые и непослушные волосы взъерошены, они обрамляют его смешное лицо с круглыми очками, похожими на восклицательный знак в конце фразы: «Ну мой дядя и типчик!».

– Привет!

Мы все радостно целуемся, очень нежно, а мама, как всегда, целует меня, положив мне руку на щеку, как будто хочет таким образом запечатлеть на ней всю свою любовь, как будто простого поцелуя недостаточно. А мой дядя, как обычно, чрезмерен в своих эмоциях: он целует меня, зажав мой подбородок указательным и большим пальцем, – я мотаю головой направо-налево.

– Вот она, моя королева.

Он отпускает меня. Мне немного больно и я провожу рукой по подбородку. Дядя бросает на меня недоброжелательный взгляд. Очень быстрый. Потому что через секунду он уже улыбается, а я улыбаюсь ему. Таков уж мой дядя.

– Итак? – подобным образом начинаются все наши встречи. – Кто выбрал это место?

Я робко поднимаю руку.

– Я, дядя... – и жду приговора.

Дядя смотрит на меня, немного вопросительно, на лице – легкое сомнение, губы чуть дрожат. Молчание затянулось. Я начинаю волноваться.

– Молодец, здесь хорошо, молодец, доченька. Правда, хорошо. Серьезно. Когда-то и мы ужинали среди произведений искусства...

Я с облегчением вздыхаю: уфффф.

Ужин начинается, я хочу выпить за дядю, хотя я и не его «доченька». Я надеялась, что ему понравится ужинать с нами в художественном кафе. Дядя Ардизио заводит один из своих рассказов.

– Помню, когда я летал над лагерем, где стояли мои солдаты... – Его голос становится хриплым, даже узнать трудно, такова сила дядиной тоски по прошлому. – Я кричал: «учитесь, читайте». Но они слишком много думали о смерти. И тогда я сделал круг на моем двухмоторном самолете, а затем спустился, чтобы донести информацию и приземлился на траву недалеко от них. Дрын-дрын-дрын, я прилетел на этом подпрыгивающем самолете, этом

чуде авации...

Лука, который любит точность во всем, даже когда это не требуется, поправляет его:

– Авиации, дядя, авиации, с «и».

– А я что сказал? Авиации?

Лука, улыбаясь, качает головой. Слава Богу, на этот раз Лука не настаивает.

К столу подходит молодой официант, у него короткие волосы и невинный взгляд. Он везет тележку с чистыми бокалами и бутылкой, помещенной в ведро со льдом. Это «Моё», отличное шампанское. Этого только не хватало – платить придется нам.

– Простите, но... Это не для нас. Мы не заказывали...

Мама смотрит на меня взволнованно. Молодой официант улыбается.

– Нет, синьора, эту бутылку вам присл...

– Спасибо за «синьору», но это рановато...

– Если позволите, я закончу. Вам ее прислал вон тот синьор.

Официант, на этот раз с серьезным лицом, указывает на столики, стоящие вдали, почти в конце ресторана. В окружении деревьев, виднеющихся за окнами, сидит он, Стэп. Он встает из-за столика и отвешивает легкий поклон. Глазам своим не верю: он ехал за мной до самого кафе. Ясно: он хотел убедиться, что я действительно ужинаю со своей семьей. Это мысль Джин-мстительницы. Джин-Сильвы. Но Джин такого не любит! Часть меня возмущена. Может быть, он просто хотел извиниться за аперитив, все-таки ты тоже была не на высоте. Эта мысль принадлежит Джин-умнице. На этот раз, сама не знаю почему, мне больше симпатична Джин-Серена.

– Эта записка – для вас, синьора.

Официант протягивает мне записку, и я снова думаю, что мой выбор правильный. Разворачиваю ее немного смущенно, пряча глаза от всех – папы, мамы, Луки, дяди Ардицио. Краснею, даже не успев прочесть. Ну и ну. Надо же, именно сейчас... Читаю. «Как классно смотреть на тебя издалека... но вблизи ты лучше... Увидимся сегодня вечером? P.S. Не волнуйся, я нашел банкомат и заплатил официанту за наш аперитив». Сворачиваю записку и улыбаюсь, совсем забыв, что глаза мои опущены. Дядя Ардицио, папа, мама, Лука, – все хотят знать, что там написано, что это за бутылка. И, само собой разумеется, дядя Ардицио волнуется больше всех.

– Так, королева... Чем мы обязаны за эту бутылку?

– Да... это парень, я ему помогла... он не мог... он не знал... короче, он готовится к экзаммену.

– Ардицио, да какая разница? – мама спасает меня угловым ударом. – У нас есть бутылка, выпьем и все тут!

– Вот именно...

Я смотрю на Стэпа и улыбаюсь ему. Он смотрит на меня издалека, он снова сел. Но что это он делает? Почему не уходит? Он был очень мил, ну а дальше что? Уходи, Стэп, чего ты ждешь?

– Извините...

Официант смотрит на меня с улыбкой, он так и не открыл бутылку.

– Да?

– Синьор сказал мне, что вы должны ответить.

– Что?

– На записку.

Все снова смотрят на меня, еще внимательнее, чем раньше.

– Скажите ему – да, – и смотрю на них. – Да, он хотел узнать, записала ли я его на экзамен.

У моих родственников вырывается вздох облегчения. У всех, кроме мамы: она внимательно смотрит на меня, но я отвожу взгляд. Я смотрю на официанта, который вынимает другую записку.

– В таком случае, я должен вручить вам вот это.

– Еще что-то?

На этот раз все на меня набрасываются с вопросами.

– Ну, теперь-то ты скажешь нам, что там написано?

– Что за игры, что за казаки-разбойники?

Я снова краснею И разворачиваю записку. «Итак, в восемь я у твоего дома. Буду ждать тебя, не опаздывай, никаких историй... P.S. Возьми с собой деньги, на всякий случай». Улыбаюсь. Официант наконец-то открыл бутылку и быстро разливает шампанское по бокалам. Потом поворачивается, чтобы уйти.

– Послушайте, извините...

– Да?

Он смотрит выжидательно.

– А если бы я ответила «нет», вы бы дали мне вторую записку?

Официант улыбается и мотает головой.

– Нет, в этом случае я должен был забрать бутылку обратно.

39

Раффаэлла сталкивается с Баби в гостиной.

– Привет, Баби, ну что такое... в чем дело?

– Ничего особенного, я просто хотела показать тебе кое-что, мама. Что это с тобой? Ты вся покраснела... – Баби смотрит на мать с тревогой. – Вы что, поссорились?

– Нет, совсем наоборот.

Раффаэлла улыбается. Но Баби не обращает внимания на ее слова и показывает журнал.

– Вот, помнишь, я тебе говорила. Как тебе эти цветы на столах? Красивые, правда? Или тебе больше нравятся вот эти, они выглядят натуральнее: красиво, да? Эти лучше, правда?

– Нам именно сейчас это нужно решить?

– Ты спешишь куда-то?

– Да, к Флавиям.

– Мама, нам надо наконец уже что-то выбрать. А тебя, похоже, это совсем не волнует.

– Завтра мы все решим, Баби, а сейчас я опаздываю.

Раффаэлла идет в ванную и принимается за макияж. В этот момент домой возвращается и Даниела.

– Мама, мне надо поговорить с тобой.

– Я опа-а-аздываю...

– Но это очень важно!

– Завтра! Все решим завтра!

Мимо проходит Клаудио. Он тоже спешит. Даниела пытается его остановить.

– Папа, можешь задержаться на минутку? Мне надо рассказать тебе кое-что, это очень важно.

– Я тороплюсь на ужин к Фарини. Мама в курсе. Извини, это по работе и потом, там еще будет бильярд...

Клаудио по ходу целует Даниелу. Раффаэлла догоняет его в дверях.

– Клаудио, подожди, выйдем вместе.

Даниела стоит посреди коридора, глядя, как ее родители уходят из дома. Потом подходит к комнате Баби. Но дверь закрыта. Даниела стучит.

– Заходите, кто там?

– Привет... извини, мне надо кое-что тебе рассказать. Ты можешь поговорить со мной?

– Слушай, мне пора уходить. Мама уехала, а нам надо было решить кучу вопросов. Извини, но сейчас неподходящий момент. Я иду к Эсмеральде, может быть, она подскажет мне что-нибудь дельное. Если будет что-то срочное, позвони мне на трубку.

И Баби тоже исчезает со сцены. Даниела, оставшись одна, подходит к домашнему телефону и набирает номер.

– Алло, Джули... привет... что ты сейчас делаешь? А, понятно... слушай, извини меня, можно к тебе сейчас заехать? Мне нужно что-то тебе сказать, да, это важно. Да, обещаю тебе, это займет буквально две минуты. Слушай, я просто не знаю, что мне делать. Обещаю, мы успеем до фильма. Хорошо, спасибо.

Даниела вешает трубку, быстро закрывает дверь квартиры и бегом спускается по лестнице. Открывает входную дверь и выходит на улицу. В этот момент из-за изгороди раздается голос:

– Дани!

Это Альфредо.

– О Боже, ты меня испугал... блин, так можно и зайкой стать. А что ты там прячешься?

– Извини меня, я видел, что Баби только что вышла.

Даниела замечает, что Альфредо бледен, заметно осунулся и сильно нервничает.

– Я не знаю... я только хотел поговорить немного с тобой, ты ведь ее сестра.

Даниела смотрит на него. О Боже, как банный лист пристал к Баби.

– Нет, извини, Альфредо, я ведь ничего не знаю... тебе надо говорить только с ней.

– Да, прости... ты права.

Даниела бежит в гараж за «Веспой». Она надеется успеть к Джулии до начала фильма. Потом думает об Альфредо. Может, стоило поговорить с ним? Он врач, он даст какой-нибудь совет... Бедняжка, до чего дошел. Ясно, что страсть к Баби может разрушить кого угодно. Теперь он конченный человек, с неустойчивой психикой, больной. И у нее не остается сомнений в правильности своего решения: Альфредо – последний человек, которому она могла бы открыть, что она беременна.

40

Я спокоен, безмятежен и элегантен как никогда. По крайней мере, мне так кажется. Смотрю в зеркальце и сам себя не узнаю. Волосы еще влажные после душа, синий пиджак, белая рубашка, бежевые льняные брюки и телефон в кармане. Я с телефоном. Все еще не могу поверить. Меня всегда и везде можно найти, значит, я уже не свободен. По какому-то волшебству, нежданно-негаданно, телефон звонит. Надо же, именно сейчас! – открываю его: интересно, что у Джин за проблема? Если это она, то мне на все плевать, поеду к ней... Или вообще украду ее, к черту. Мои мысли скачут как блохи.

– Да?

– Стэп, хорошо, что ты взял трубку...

Это Паоло – как я о нем не подумал?

– Что случилось?

– Стэп, случилась ужасная вещь, у меня украли машину.

– Черт... я подумал, что-то с мамой или отцом...

– Нет, с ними все в порядке. Я только что спустился, а ее нет, моей «Ауди 4». Бляха, как им удалось? На земле нет никаких осколков, значит, стекло не разбивали. Но гараж был открыт, хотя нет никаких следов взлома. Да как они это сделали?

– Знаешь, Па, какие сейчас у воров технические приамбасы? Они открывают гараж дистанционно, и никаких следов не оставляют. У них есть частотный регулятор – подбирают нужную частоту и готово – гараж открыт.

– Да ты что, я и не знал. Вот засранцы!

Мне нравится, что мой брат так разъярен, в нем появилась естественность, наконец-то он разгорячился. Жаль, что из-за такой ерунды... из-за машины. Подумаешь...

– И сперли именно сейчас. Чертова тачка...

Ну вот, еще и чертова тачка.

– Почему – чертова тачка?

– На прошлой неделе я выплатил последний взнос. Могли бы чуть раньше ее угнать, тогда бы у меня хоть деньги сохранились.

Блин! Ну что же он все деньги считает? Коммерсант до мозга костей.

– Ладно, Па, что собираешься делать?

– Я надеялся...

– Что это я ее спер?

– Нет, ты что, шутишь? Да и запасные ключи на месте.

– И все-таки – на какую-то долю секунды ты допускал такое?

– Нет, почему, то есть...
– Да-да, если ты проверил запасные ключи, хоть на минуту, но ты так подумал. Только я мог их взять.

Он молчит, потом признается:

– Ну да, на минуту я так подумал. Но я был бы рад. То есть, короче, было бы лучше, если бы это был ты.

Мой брат.

– Па, не болтай, «было бы лучше»...

– А что?

Ну вот, он меня спрашивает, «а что?» А я-то дурак, хотел, чтобы он понял.

– Ничего, Па, проехали.

– Так вот, я хотел узнать, Стэп, только ты не обижайся, хорошо?

– О чем ты?

– Ну, ты ведь всех тут знаешь в этих кругах. В общем, если тебе не трудно... может, ты узнаешь, кто ее увел.

– Э-э, за это деньги берут, знаешь? Не хочешь же ты, чтобы я подрался с этими людьми из-за какой-то тачки.

– Из-за какой-то... Из-за «Ауди 4»!

– Вот именно, из-за «Ауди 4».

– Нет, конечно, не хочу... я тут подумал... я готов выложить четыре тысячи триста евро...

– Почему именно столько?

– Я посчитал, что со страховкой и всем прочим...

Мой брат. Великий коммерсант. Самый великий.

– Хорошо, Па, попробую.

– Спасибо, Стэп, я знал, что могу рассчитывать на тебя.

Мой брат может рассчитывать на меня. Вот это круто. Два поворота, и я стою у ее дома. Иду к домофону, и тут вспоминаю, что у нее есть мобильник. Даю два гудка и нажимаю отбой – такой знак. Поймет ли она? Пытаюсь решить этот вопрос, жду минуту. Рано или поздно она выйдет. Рано или поздно. Женщин долго приходится ждать. Может, лучше позвонить в домофон? Еще минута прошла. Кладу себе еще одну на ожидание. Закуриваю сигарету. Выбросив окурки, иду к домофону. На улице никого нет. Оглядываюсь по сторонам. Несколько машин проезжают вдалеке. Одна останавливается, потому что водитель встречный строит из себя важную птицу и не уступает дорогу на узкой улице. Но потом они разъезжаются, и все успокаивается, переваренное чревом большого города. Черт, что за мысли? Лучше прикинуть, куда ее сегодня повести. Я успел подумать обо всем, кроме этого. Куда я ее поведу? Вот о чем надо было думать. Мне в голову приходит одна мысль, потом другая, но, взвесив их, я остаюсь неудовлетворенным. Я беспокоюсь – что это за мысли мне приходят? Чтобы я-то и не знал, куда повести ее ужинать? Не слишком ли я волнуюсь по этому поводу?

Если ты собираешься пойти куда-нибудь со своей девушкой, рассчитывая провести приятный вечерок, как бы ты ни готовился, ты можешь сильно облажаться. Здесь нужна импровизация, случайность – это точно. И вдруг мне приходит прекрасная идея. Черт, до чего же мне нравится моя идея. Еще шаг – и я жму кнопку домофона. Но тут открывается парадная. Раздается шум, слышится щелчок замка. Слабый свет падает на арку, кажется, оранжевого цвета. Он освещает листья на деревьях двора, далекие ступеньки, припаркованные мотоциклы. И тут появляется пожилая синьора. Она идет медленно, слегка согбенная под тяжестью прожитых лет, на лице – улыбка. И сразу следом – Джин. Она пропустила синьору и придерживает ворота, позволяя той выйти, говорит ей что-то, а та кивает в ответ. Джин любезна, красива, и улыбается. Синьора проходит мимо меня и, хотя мы не знакомы, она роняет:

– Добрый вечер.

И улыбается. Как будто знает меня с детства.

– Добрый вечер.

И она удаляется, оставив меня наедине с Джин. Волосы Джин собраны в хвост, на ней

короткая кожаная куртка на молнии со множеством ремешков, забавный голубой ремень и темные брюки с низкой талией, пятью карманами и контрастным швом. Большая холщовая сумка «Fake London Genius». Стильная одежда. И все это ничего ей не стоило. Невероятно, как ты все замечаешь, если тебе кто-то нравится. У нее забавное лицо. Нет, что я говорю? Красивое.

– А мотоцикл? Ты не на мотоцикле приехал?

– Нет.

– А я-то вырядилась...

Она делает передо мной пируэт.

– Правда я немного похожа на «Selvaggio» с Марлоном Брандо?

Я улыбаюсь.

– Более-менее.

– А на чем же ты приехал?

– Я подумал, что на такой машине тебе будет удобнее.

– «Ауди 4»! У кого ты ее свистнул?

– Ты меня недооцениваешь. Это моя машина.

– Да? Тогда я – Джулия Робертс.

– Смотря из какого фильма. Стоп, я понял. Из «Красотки».

– Тсс...

Подойдя к воротам, Джин слегка ударяет меня кулаком по плечу.

– Ай!

– Что-то мы плохо начинаем. Эта шутка мне совсем не нравится.

– Нет, когда я сказал «Красотка», я имел в виду, что у нее была мечта.

– И что?

– А то, что твоя мечта сбылась...

– Какая? «Ауди 4»?

– Нет, я.

Мы садимся в машину и тут же трогаемся.

– Это больше, чем мечта. Мне кажется, это кошмарное сновидение. Ну ладно, скажи мне, у кого ты ее спер?

– У брата.

– То-то, так ты мне нравишься больше: все равно врешь, но более правдоподобно.

Я прибавляю газу, и мы теряемся в ночи. Я думаю о запасных ключах, которые купил у одного типа недалеко от бара «Сорчи Верди» на корсо Франча. У него есть ключи от всех машин, какие только существуют на свете. Еще я думаю о Полло, о том, как он впервые меня туда привез, думаю о брате, огорченном из-за этой самой машины, думаю о вечере, о своей идее и еще... В голове проносится какая-то мысль, короткая и пронзительная. Проезжаю мимо Ассунционе. Мне надо отвлечься. Поворачиваюсь к Джин. Она включила радио, напевает какую-то песню и закуривает сигарету. Потом смотрит на меня.

– И куда мы едем?

– Это сюрприз.

– Так и думала, что ты это скажешь.

Она улыбается мне и, наклонив голову набок, распускает волосы. И в этот момент я понимаю, что сюрприз – это она.

41

– Что за сюрприз? Приятный?

– Тебя ждет несколько сюрпризов сразу.

Паркуюсь и выхожу из машины. Какой-то марокканец, или что-то вроде того, бежит мне навстречу с открытой рукой. Я хватаю ее на лету и крепко сжимаю.

– Привет, шеф... – он смеется, обнажая зубы, как бы говоря: «Вот почему так дороги дантисты!»

– Два евро.

– Не вопрос. Но заплачу, когда вернусь.

Жму ему руку еще сильнее.

– Так больше гарантии, что с ней ничего не случится, так ведь? Плата после предоставления услуги.

– Но я после двенадцати должен...

– Мы вернемся раньше.

И мы уходим.

– Ну, так я буду ждать?

Я не отвечаю и смотрю на Джин.

– А брат твой очень дорожит этой машиной, да?

– Он просто маньяк. Сейчас он думает, что ее у него угнали.

– А если нас схватит полиция, и мы окажемся в тюрьме?

– Он мне дал ночь на розыски.

– А потом?

– Потом сообщит в полицию. Да не волнуйся ты, я же ее уже нашел, правда?

Джин смеется и качает головой.

– Жаль твоего брата. Представляю, какая ему ночка предстоит.

– Он и понятия не имеет, из скольких ситуаций я его выручал.

На миг я вспоминаю маму. Мне хочется рассказать ей... Но этот вечер принадлежит только нам двоим. И никому больше.

– О чем думаешь?

– Что я голоден... Пойдем!

И, взяв за руку, я тяну ее прочь. У «Анджел» – аперитив: «Мартини» со льдом для обоих. Лед с лимоном, смешанные в шейкере, а-ля Джеймс Бонд: на пустой желудок – это мечта. Джин рассказывает мне веселые истории из своей жизни, про подруг и Эле, о том, как они познакомились, про все ссоры и сцены ревности. Потом я беру ее под руку и, мимоходом здороваясь с типом с серьгой в ухе, который, судя по всему, меня знает, увлекаю ее в туалет.

– Эй, что ты надумал? Мне кажется, момент неподходящий, а?

– Да нет, смотри... – протягиваю ей двадцать чентезимов, или может пятьдесят, в общем, один евро или два, я даже не вижу точно. Кладу их ей в руку. И думаю о том марокканце со стоянки – как я вернусь и скажу ему, что денег у меня не осталось. – Смотри, это колодец желаний, видишь, сколько денег на дне?

Джин смотрит вниз: там, в этом туалете, устроено что-то наподобие колодца, освещенного желто-голубым светом, падающим на белые и коричневые стены.

– Давай... ты загадал?

Улыбнувшись, она поворачивается спиной и, загадав желание, бросает монетку. Я бросаю монетку вслед за ней. Сделав несколько зигзагов, монета исчезает в воде и занимает свое место среди тысячи чьих-то мечтаний и надежд. Как знать, может, какие-то из них уже осуществились.

Я оставляю пятнадцать евро на столе, и вот мы уже на улице. Вижу Анджело, он здоровается.

– Чао, Стэп, сколько лет, сколько зим...

– Да-да. Я найду как-нибудь.

Насколько я помню, его зовут Пьер Анджело, он продавал иностранцам какие-то странные картины на пьядца Навона, невероятную мазню по еще более невероятной цене – немцам, японцам, американцам, сопровождая свои шедевры объяснениями на не совсем правильном английском. С помощью такого надувательства смог купить себе это заведение – «Анджел».

– Ну что, вечер закончился?

– Не волнуйся... я понял, ты не хочешь меня утомлять.

Я хватаю Джин и забрасываю себе на плечи.

– Не надо, что ты делаешь?

Она смеется и пытается бить меня, но делает это без злости.

– Я тебя понесу... так ты хоть вопросы перестанешь задавать.

– Хватит, опусти меня на землю!

Мы проходим мимо компании парней и девушек, они смотрят на нас: первые – озадаченно, вторые – с завистью. Я прочитал это на их лицах. А мы идем дальше.

Вот узкая улочка, здесь я останавливаюсь.

– Теперь можешь слезать. Здесь у нас будет аперитив с сыром и вином.

Джин одергивает курточку и майку, которая задралась кверху и обнажила животик, мягкий, но аккуратный, без всяких там пирсингов в пупке, – естественный и кругленький.

– Что ты там разглядываешь? Живот – это не самая лучшая часть моего тела.

Смушение ей к лицу.

– Ты хочешь сказать, у тебя есть что-то более прекрасное?

Джин фыркает.

– Я заинтригован, намагничен, возбужден и...

– Ясно, ясно, я поняла.

Мы садимся за первый столик, и я делаю заказ черному официанту французского происхождения, повязанному белым передником.

– Нам кислого выдержанного козьего сыра и два бокала «Траминера».

Официант кивает, а мне остается надеяться, что он понял правильно.

– Где это ты вычитал про «Траминер» и козий сыр? Тебе это брат подсказал?

– Вот язва. Нет, должен тебя огорчить: я прошел курс с французским сомелье. Если быть точным, это была женщина. В Эперне, в Шампани. На ней были серые дымчатые чулки. Тончайшие, на резинках. Хочешь другие подробности?

Джин нетерпеливо фыркает.

– Нет, спасибо, дальше понятно: ты был заинтригован, намагничен, возбужден...

Официант ставит перед ней блюдо:

– Вуаля.

Он принес нам козий сыр и холодный «Траминер». Удивительно: этим он не ограничился.

– Я принес вам еще цветочный мед...

– Спасибо.

Здорово, когда человек любит свою работу. И нет ничего приятнее, чем смотреть на девушку, которая с удовольствием ест. Как Джин. Улыбаясь, она намазывает мед на еще теплый хлеб, сверху кладет кусочек сыра и откусывает, медленно, но решительно. А другую ладонь держит снизу, чтобы не упали на стол неосторожные крошки. Потом она касается ладони кончиками пальцев и сыплет крошки в тарелку, берет бокал с «Траминер» и пьет маленькими глотками. Она само совершенство, клянусь. Мелкие стычки... даже не знаю, какой в них был смысл... Но на самом деле... я знаю. «Траминер» холодный и пьется легко, оставляя особое послевкусие. Холодный. Один бокал за другим. Да. Я знаю. Она совершенна. И потому что я думаю, потому что обманываю себя этими «я знаю, я не знаю», я понимаю, что слегка пьян. Я жду, пока она допьет, кладу деньги на стол и хватаю ее в охапку.

– Пойдем, пойдем.

– Но куда?

– Теперь – в совершенно особое место.

И, слегка опьяневшие, мы убегаем. И смеемся. А люди за соседними столиками, поворачивая головы, бросают на нас нескромные взгляды: им интересно посмотреть на двух этих странных людей... А мы, как два метеора в ночи, – и это место, и это мгновение принадлежат нам, только нам. Как и следующие в этом гастрономическом туре.

– Эй, Стэп?

– Да?

– Сколько у нас еще точек осталось?

– Каких еще точек?

– Поскольку мы в каждом месте съедаем что-то одно, хотелось бы понять, сколько еще будет таких мест, а то я лопну. Короче, сколько еще заведений?

– Двадцать одно!

Я отвечаю решительно, слегка недовольным голосом, но на ее лице – ни тени удовольствия, вроде того: какая классная идея, какая оригинальная. Вдруг Джин останавливается. Застывает как вкопанная посреди улицы.

– Что такое?
 Она хватает меня за куртку и притягивает к себе.
 – Признавайся, у кого ты ее украл?
 – «Ауди»? Я же сказал – у брата...
 – Нет, эту идею. В каждом месте брать одно блюдо – у кого ты это позаимствовал?
 Я трясусь от смеха и чувствую себя пьяным как никогда.
 – Я сам придумал.
 Джин все еще держит меня за воротник и смотрит по-прежнему недоверчиво.
 – И ты не делал ничего подобного с какой-нибудь другой девушкой?
 – Нет. Это только для тебя. Если уж на то пошло, я не бывал в этих местах ни с одной девушкой.
 Джин отталкивает меня, и я чуть не падаю.
 – Ну, это уж ты загнул! Пум! – это лопнул воображаемый надувной шарик, так она сильно выдула воздух изо рта. – Пум. Фигня! Ах-ах, Стэп сказал какую-то фигню.
 Она заикнулась. Тогда я хватаю ее за воротник, раскручиваю, она делает полуоборот и оказывается у моего лица. Я смотрю на ее губы.
 – Хорошо, сказал фигню. Но если я и был здесь, то всегда в компании. А вот так, как с тобой, – никогда.
 – Ну ладно, так-то лучше. В это еще можно поверить.
 – Можешь в это поверить.
 Мой голос становится тише, и она тоже говорит немного приглушенно, я шепчу ей на ухо, в шею, в волосы. Улыбаясь, смотрю ей прямо в глаза. Она поняла, она мне верит. Но мне хочется приложить к этому договору о доверии печать.
 – Клянусь...
 Теперь она уверена, что я говорю правду. Она тоже улыбается и успокаивается. Поцелуй. Мягкий поцелуй. Медленный, спокойный поцелуй. Поцелуй, смешанный с «Траминером», легкий, с борьбой языков во рту, скользкий поцелуй, поцелуй с покусыванием, вот о каком поцелуе я мечтаю сейчас, но поцелуй невозможен. Слишком много людей вокруг...

42

Поверить не могу. Я и Стэп, мы стоим на виа Говерно Веккьо и целуемся посреди дороги. Люди проходят мимо, смотрят на меня, смотрят с любопытством... А я стою посреди дороги. Ни о чем не думаю, глаза закрыты, и ничто меня не волнует. Вокруг народ. Ну вот, кажется, кто-то все же останавливается рядом и смотрит на меня пристально. Потихоньку открываю правый глаз. Никого. Все спокойно. Закрываю снова. Может, это с другой стороны... Да плевать мне! Я и Стэп. Обнимаю его крепче, и мы продолжаем целоваться, ни о чем не думая, ни о чем не беспокоясь. И смеемся, сама не знаю чему. Может быть, тому, что его рука сползла мне на бедро и двигается куда-то дальше? Но, честно говоря, я об этом даже не думаю. Мне просто захотелось смеяться и все. И ему тоже. И мы рассмеялись.
 – Давай, нас ждут лучшие из лучших.
 – Кто это, твои друзья-зануды?
 – Да ты что! Идем туда, где готовят только пасту.
 – А, да, ты же говорил...
 Хозяин представляется: Альберто. Он любезен, усаживает нас и советует взять «триптих», как он его назвал.
 – Толченые трофии, тортеллони с тыквой и рис в шампанском с крабами.
 Мы переглядываемся и киваем, хорошо, годится. И вообще, послушай, Альберто, почему ты никак не уходишь?
 – А пить что будете?
 Стэп спрашивает, есть ли белое вино, по крайней мере, мне так кажется. Я не очень-то расслышала... «Фарфаллина» или что-то в этом роде.
 – Прекрасно.
 Альберто наконец-то уходит. Я осматриваюсь по сторонам. Арки из древнего кирпича,

камни выступают из стен: белые, коричневые, красные. Свет направлен вверх. Все безукоризненное чистое. Чуть дальше – кухня. Сделана под античность, решетка или что-то вроде того, и дверки, распахивающиеся как в салуне. Оттуда выходит официант с горячим дымящимся блюдом, и никто в него не стреляет. Даже наоборот, за одним из столиков ему радостно подают знаки, чтобы он подошел. Интересно, они долго ждали?

– Вот ваша «Фалангина».

Альберто несет бутылку белого вина, легко открывает ее и ставит посередине стола. «Фалангина»... Не «Фарфаллина». Стэп берет и наливает немного мне в бокал. Я жду, пока он нальет и себе, и мы поднимаем бокалы.

– Подожди, надо тост сказать.

Смотрю на него с интересом.

– Послушаем, – улыбаюсь я, – за что выпьем?

– За что хочешь. Каждый решит про себя, и потом выпьем вместе.

Я на секунду задумываюсь. Он смотрит мне в глаза. Потом протягивает свой бокал к моему. Чокаемся.

– Может быть, мы загадали одно и то же.

– Может, когда-нибудь мы и скажем друг другу.

– Если сбудется.

Я смотрю на Стэпа: он пытается понять, что я задумала. И улыбается мне.

– Сбудется... сбудется...

Я выпиваю одним махом. Надеюсь, что рано или поздно это желание действительно сбудется. По крайней мере, мое. Мы займемся любовью... Боже! Что я говорю? О Боже. Пытаюсь отвлечься. Смотрю вокруг. Какие непохожие пары сидят за столиками вокруг нас. Удивительно, но нам всегда кажется, что мы – самые лучшие. В моем случае, например, это так. Высокомерная Джин. Но я бы никогда не смогла сидеть за столом с кем-то, с кем нельзя поговорить. Есть молча. Какой смысл? Так делают вон те двое. Всякий раз, съев кусок, они смотрят в сторону, в сторону от своей жизни, от своих мыслей. В поисках чего-то нового. Они устали друг от друга. От однообразной жизни, которую они выбрали сами. Оба исподтишка разглядывают соседние столики, бросают взгляды на других посетителей, не переставая жевать, ищут чего-нибудь интересного. Невероятно.

– А-а-а-а!

– Ты что? Воешь? – Стэп смотрит на меня обеспокоенно, а я смеюсь. – Да ты совсем с ума сошла.

– Нет, я совсем счастлива!

И я снова вою, а скучающая девица за столом на минутку перестала жевать и, заинтригованная, смотрит на меня с удивлением. А что я? Я ей машу рукой. Беру кусочек с блюда, которое только что принесли и кладу себе в рот.

– Мм, вкусно...

Я кручу указательным пальцем у щеки⁴⁶, поглядывая на скучающую соседку, та качает головой: ничего она не поняла. Подумать только: мужчина, сидящий рядом с ней, даже ничего не заметил. А Стэп смеется. И качает головой. А я ему улыбаюсь.

* * *

– Слушай, а не слишком ли ты много тратишь?

– Ужин оплачен моим братом. На самом деле, он скуповат, но проблем с деньгами у него нет.

– Класс. А почему он это делает?

– Ну, возможно, он хочет помочь своему младшему брату, у которого проблемы с женщинами.

– Да ладно! Вообще, наверное, именно поэтому.

И мы, смеясь, налегаем на еду.

46 Итальянский жест, обозначающий — «вкусно».

Потом садимся в машину. Сам не знаю как, в кармане нахожу еще два евро. Даю их ма-рокканцу. Тот надеялся на что-то большее. Но все же на лице его отражается удовлетворение и, уже освоившись на своей второй родине, он помогает мне развернуться.

– Давайте. Давайте, синьор, все в порядке, я следил за ней как за цветочком.

В ответ он получает лишь кивок. Звучит музыка. Слова ди-джея прерываются аккордами «U2». Джин, как видно, знает эту песню. «And I miss you when you're not around, I'm getting ready to leave the ground...»

– Да ты все песни знаешь!

– Нет, только те, что рассказывают о нас с тобой.

Набережная Тибра. Переезжаем через мост. Поворот направо, налево, площадь Кавур, виа Крещенцо. «Папийон». Владелец заведения, Марио, приветствует нас.

– Добрый вечер, вас двое?

– Да, но мы особенные, понятно?

Я улыбаюсь Джин, прижимая ее к себе. Владелец смотрит на нас. Прищуривает глаза. Как бы прикидывает: я знаю его? Кто это? Кто-то важный? Но так и не находит ответа, потому что его нет.

– Прошу, заходите, я посажу вас здесь, тут вам будет удобно.

– Спасибо.

Поскольку вопрос остался открытым, он все же решил, что с этими двумя надо обойтись уважительно. На всякий случай. Мы проходим через зал, все столы заняты, посетители здесь в основном женщины, причем много хорошеньких. Блондинки, брюнетки, рыжие, они улыбаются, смеются, все накрашенные, разговаривают громкими голосами, но едят благовоспитанно – аккуратно, отрезают себе кусочки только что приготовленной пиццы, лежащей на блюде посреди стола. За соседним столом изголодавшиеся вилки втыкаются в ломтики ветчины, розовой и тонко нарезанной – хорошая была свинка.

– Свинюшка...

– Ай, что ты? – Джин только что сильно ударила меня в бок. – Ты меня испугала.

– Я видела, как ты смотрел на ту девицу.

– Да ты что? Я думал о ветчине.

– Да, конечно. Ты меня за дуру держишь?

Марио делает вид, что ничего не слышал. Он усаживает нас за столик в углу и тут же уходит.

– Да, о ветчине... я знаю, о чем ты думал. Наверное, это танцовщицы из «Багальино». Отмечают премьеру или что-то еще. Вон тот, с лысинкой, режиссер, а те, что сидят по бокам, – примы.

– Откуда ты знаешь?

– Я изредка прохожу пробы... Ты попал в мир театра...

Одна девушка из той компании встает из-за стола и направляется к туалету. Она проходит мимо нас и удаляется вглубь зала, предоставляя взгляду чудесную картину: мускулистые ноги, круглую попку, с трудом затянутую в узкую юбку.

– Да уж, вон как слюнки текут при мысли о ветчине! Жаль!

– Что жаль?

– Пропал вечер.

– То есть?

– Если у тебя и был какой-то ничтожный шанс насчет меня, то – все, ты его потерял.

– Почему?

– Потому. Могу дать совет. Ступай в туалет, за этой девицей – как максимум переспишь с ней и получишь билет в «Багальино».

– И мы пойдем туда с тобой.

– Ни за что на свете.

– Тебе не нравится «Багальино»?

– Мне не нравишься ты.

– Прекрасно.

– Что значит – прекрасно?

– Что у меня есть шанс...

- То есть?
- Ты ревнивая, немного занудная, но, в конце концов...
- В конце концов что?
- Ты есть!
- Джин собирается встать и уйти, но я хватаю ее за руку.
- Подожди. Давай, по крайней мере, закажем что-нибудь.
- За спиной у Джин появляется Марио.
- Итак, что вам приготовить?
- Мы пришли попробовать ваши замечательные отбивные. Мы много о них слышали.
- Прекрасно.
- На лице у Марио появляется счастливая улыбка: он известен хотя бы отбивными.
- И принесите нам хорошее «Каберне».
- «Пиччони» подойдет?
- Выберите сами.
- Отлично.
- Он чувствует себя еще счастливее от того, что на него можно положиться при выборе вина.
- Джин, слушай, давай не будем ссориться, хочешь, поменяемся местами? Хочешь, сядешь здесь?
- Зачем?
- Тогда на танцовщиц будешь смотреть ты.
- Нет-нет, – она улыбается. – Мне в кайф, что ты на них смотришь, мне это нравится.
- Нравится?
- Конечно, мы не должны заикливаться друг на друге. А: потому что мы не пара. Б: после таких обалденных грудей и задницы ты будешь нормально себя чувствовать, отказав простой смертной...
- Третий дан всегда и во всем, да?
- Девушка, выходящая в туалет, снова дефилирует мимо нас, направляясь к своему столику. Я инстинктивно оборачиваюсь ей вслед. Джин только этого и ждала, она ее подзывает.
- Извини!
- Да?
- Можешь подойти на минутку?
- Девушка удивленно кивает.
- Слушай, Джин, перестань. Давай хоть один вечер спокойно проведем.
- Да что ты волнуешься? Я же для тебя стараюсь.
- Девушка любезно подходит к нашему столу.
- Спасибо... Видишь ли, этот молодой человек, Стефано, Стэп, легенда для очень многих людей, он хотел бы взять твой номер телефона, но не решается у тебя его попросить.
- Девушка стоит, открыв рот. Джин улыбается.
- Да ты не волнуйся – я его двоюродная сестра.
- А-а.
- Теперь она, кажется, успокоилась. Смотрит на меня, прикидывая, стоит ли мне дать телефон, а я, может быть впервые в жизни, краснею.
- Я думала, вы ссоритесь. Или, может, это шутка...
- Нет, совсем нет.
- Джин очень уверенно это сказала.
- Ладно, не заморачивайся так. Все нормально. Юбка у тебя классная. Это от «Ann Demeulemeester»?
- От кого?
- Нет, мне показалось. Размер сорок, пояс с ушками, скрытые пуговицы, карман...
- Нет, это «Uragan».
- «Uragan»?
- Да, новая марка одного моего друга.
- Ясно, а ты что-то вроде ходячей рекламы.
- Девушка улыбается, разглаживая юбку и пытаясь прийти в себя.

– Да, можно так сказать.
Напрасные старания. Юбка облегает ее слишком плотно, и так обтягивает бедра, что прорисовываются трусики.
Я пытаюсь взять ситуацию в свои руки:
– Извините. Похоже, вас зовут.
Девушка оборачивается. И в самом деле, ее подруги собираются уходить.
– А, да, простите.
– Ну, пока.
– Да, пока.
Девица уходит. А мы сидим и смотрим ей вслед: как ни странно, она крутит задом еще больше, чем раньше.
– Поздравляю.
– С чем?
– Знаешь, впервые в жизни женщине удастся поставить меня в дурацкое положение... да еще перед другой женщиной.
– Ну, я все для этого сделала. Странно... она не дала тебе свой номер.
– Не знаю, может ли это тебя утешить, но грудь у нее силиконовая.
– Не обратил внимания. Я был очарован ее натуральной задницей. – Я зловеще улыбаюсь. – Здесь тебе нечего возразить?
– На самом деле, я и насчет задницы сильно сомневаюсь. Мне жаль, что ты никогда этого не проверишь.
– Никогда не говори никогда.
Именно в этот момент Марио ставит перед нами две тарелки с отбивными.
– Вот, пожалуйста.
– Спасибо, Марио.
– Это моя работа, – он нам улыбается.
Джин сразу принимается резать мясо.
– Ну, Стэп, придется тебе довольствоваться этой отбивной.
– Да, но если и она не натуральная, мы оба попали.
При этих словах Марио цепенеет.
– Да вы что, шутите? Здесь самое лучшее мясо, синьор. Пожалуйста, не распускайте дурные слухи, иначе я пропал.
Мы хохочем.
– Да не волнуйся. Мы говорили о другом, правда!
И мы, налив себе «Каберне», принимаемся за отбивную. Мы едим медленно, перебрасываясь шутками, рассказывая друг другу малозначительные истории, которые кажутся нам очень важными. Джин наливает мне вино. И тот факт, что это делает она, заставляет меня забыть обо всем на свете.

43

Джули смотрит на Даниелу, открыв рот.
– Да закрой ты рот, а то я еще виноватее себя чувствую.
Джули закрывает рот. И, чтобы прийти в себя, сглатывает слюну.
– Я поняла... но как это могло случиться?
– Как это могло случиться? Ты-то должна это знать, ты же сделала это раньше, чем я.
Хочешь, чтобы я тебе объяснила?
– Да нет, дурочка. Я-то знаю, а вот ты, похоже, нет. Я имела в виду, как это получилось, что ты забеременела?
– Слушай, Джули, прошу тебя, не надо, мне и так плохо. Посоветуй лучше, что мне сказать родителям!
– А зачем им говорить?
– А как же иначе? Конечно, я им скажу!
– Это же очень просто! Один день в клинике и вся эта фигня – пуф! – исчезнет. Поня-

ла?

– Ты что, с ума сошла? Я хочу сохранить ребенка.

– Ты хочешь сохранить его? Ну, тогда ты точно рехнулась!

– Ну, уж от тебя, Джули, я такого не ожидала. Ты заставляешь меня каждое воскресенье ходить с тобой в церковь, а потом... позволяешь себе давать мне такие советы!

– Ой, слушай, ты мне еще проповеди будешь читать! Ты сама хотела это сделать до семнадцати лет, а то ты чувствовала себя несчастной. И теперь ты наказана, видишь? Тебе кажется, ты рассуждаешь как христианка? Умоляю тебя! В общем, поступай, как знаешь, жизнь-то твоя...

– Ты ошибаешься. Жизнь еще и его. Видишь, об этом ты не подумала. Теперь, кроме меня, есть еще один человек.

– А еще о чем-нибудь ты подумать не хочешь? Например, ты ему сказала?

– Ему – это кому?

– Как – кому? Папаше!

– Нет.

– Молодец! И ты не подумала о том, как эту новость воспримет Кикко Бранделли, нет, не подумала?

– Нет, об этом я не думаю.

– Конечно, тебе плевать на него, а он, небось, с крыши бросится!

– Я не думаю, что отец – он.

– Что? А кто же тогда? Понятно. Прошу тебя, не говори мне «нет». Андреа Паломби. Да он просто чудовищем стал, жуть, до чего он, бедняга, дошел.

– У меня будет чудесный ребенок, он возьмет все от меня...

– Откуда ты знаешь? А может, он будет копия Паломби. Мама дорогая, в таком случае я ни за что не буду крестной, прямо сейчас говорю, ни за что!

– Не волнуйся. Он не будет таким.

– Почему это?

– Потому что отец – не он.

– Что, он тоже не отец? Тогда кто же? Блин, ты исчезла с вечеринки тогда, и я подумала, что ты ушла с Кикко.

– Нет, я помню только, что проглотила белый экстази, который взяла у той барыги, которую ты мне показала, а потом...

– Белый экстази? Да ведь это был scoor!

– Scoor, а что это?

– Теперь-то понятно, что ты ничего не помнишь. Хорошо еще, что жива осталась. Он пробивает насквозь, срывает все тормоза, ты способна на все, становишься полным животным, и потом – пуф, – ты забываешь даже, как тебя зовут!

– Точно, именно так все и было... по-моему.

– Не может быть... ты взяла scoor.

– Это Мадда. Так она, наверное, хотела наказать сестру.

– Да, доставив удовольствие тебе!

– Ей и в голову не могло прийти, что мне будет настолько хорошо.

– Блин, вечно ты преподношишь сюрпризы!

– Я классная, да?

– Да уж... но неужели ты не помнишь хоть какую-нибудь деталь?

– Нет, вообще ничего, полный мрак. Он был очень красивый, вот это я помню!

Джули молчит, делает глоток воды, смотрит на Даниелу и, переведя дыхание, говорит:

– Единственное, что я могу себе представить...

– Что?

– Лица твоих родителей.

– А я – не могу.

– Думаю, они так тебя вздуют, что мало не покажется.

– Нет, мне кажется, они все поймут. Извини, но разве не в таких ситуациях проявляются родственные чувства в семье? Если все идет хорошо, что тут особенного? Не слишком ли все легко получается, как думаешь?

– Да-да, конечно. Меня-то ты убедила. Посмотрим, как у тебя с родителями получится!
– Ну... – Даниела встает с дивана. – Я пошла. Хочу сказать им все сегодня вечером. Не могу больше скрывать. Хочу освободиться. Пока, Джули...

Они целуют друг друга в щеку. Джулия провожает Даниелу и на пороге говорит:

– Расскажешь мне, хорошо? Позвони, если будет нужно.

– Хорошо, спасибо.

Джули слышит, как хлопает входная дверь. Она увеличивает громкость телевизора, намереваясь смотреть фильм. Но внезапно выключает телевизор. Она решает лечь спать. И то верно: после истории Даниелы любой фильм покажется сплошным занудством.

44

Марио взволнованно подходит к нашему столику.

– Что такое? Вы уже уходите? Вы только второе взяли. У меня есть вкуснейшее домашнее пирожное, собственного приготовления. Ну... Если быть честным, приготовления моей жены.

Его последнее признание застает меня врасплох. Мне хочется рассказать ему все, объяснить, что мы уходим не потому, что нам не понравилась еда, а потому, что мне в голову пришла грандиозная идея... Брать по одному блюду в каждом ресторане, по его коронному блюду. Ну, еще и «Каберне» оказало свое действие, оно тоже участвует в этом празднике. В конце концов, я предпочитаю просто соврать.

– Нет, у нас встреча с друзьями, нам пора. Иначе они уедут.

Похоже, Марио удовлетворен объяснением.

– Ну, тогда до свидания... приходите еще.

– Обязательно.

Джин добавляет:

– Отбивная была очень вкусная.

Но на выходе с нами происходит невероятная вещь. К нам на всех парах бежит мальчишка в поварском колпачке, размахивая какой-то бумажкой.

– Ты – Стэп?

Я киваю.

– Держи, это тебе.

Я беру листок, но не успеваю прочесть – Джин быстро вырывает его у меня из рук. А парень продолжает:

– Мне дала это девушка, блондинка, танцовщица, – он улыбается счастливой улыбкой. – Ну, эта, из «Багальино». Она велела передать это тебе и твоей двоюродной сестре.

Марио с волнением смотрит на него. Потом, как бы извиняясь, говорит:

– Это мой сын, – пойдём, надо работать, в зале еще много клиентов.

– Держи, – Джин протягивает мне листок. – Мастроккья Симона... уже неплохо: она пишет сначала фамилию, потом имя... Джин смотрит на меня, с видом некоторой удовлетворенности. – Сотовый, домашний и e-mail. Она хочет, чтобы ее по-любому нашли. Смотри-ка, она еще и компьютером умеет пользоваться. Высокотехнологичная. Прямо как юбка «Uragan». По крайней мере, вечер ты провел не зря.

– На самом деле, я его еще не провел. В любом случае, в военное время все может пригодиться!

Я складываю листок и кладу в карман.

– Ха-ха, очень смешно.

Мы некоторое время идем молча. Дует мягкий ветерок, на тротуаре кое-где лежат опавшие листья. Мне надоедает молчание.

– Я удивлен: ты устроила разборку, попросила у нее номер, изобразила из себя заботливую сестру, та улыбается и, в конце концов, дает свой телефон, а ты злишься. Да ты просто невыносима!

– Невыносима? Хорошо сказано. И что? Этот гастрономический тур, или как там его, – закончен? Ты даже не удосужился дать название этой своей супер-идее!

Джин произносит все это с чрезмерной напыщенностью, время от времени кидая на меня горящий взгляд. Потом открывает рот, изображая то ли глупую рыбу, то ли человека, который не может найти слов для ответа. В любом случае это относится ко мне. Кровь ударяет мне в виски. Я ведь так и хотел это назвать: гастротур... Короче, я достаю листок с телефоном Мastroккья Симоны, вынимаю телефон, подаренный Паоло, и начинаю набирать номер. На самом деле, я нажимаю на кнопки наобум, не глядя. Искоса незаметно наблюдаю за Джин. И молодая тигрица срывается с места на четвертой скорости.

– Ну и козел же ты!

Она набрасывается на меня. Я быстро захопываю телефон и кладу его в карман. Правой рукой парирую ее удар, направленный прямо мне в лицо. Мastroккья Симона, вместе со своим номером, написанным неуверенной рукой, падает на землю. Я хватаю Джин за запястье и быстро выкручиваю его, заломив ей руку за спину. Она стоит вполборота, крепко прижатая ко мне.

– Ай.

Она не ожидала ни такой скорости, ни такой боли. Я чуть отпускаю хватку и притягиваю Джин к себе. Левую руку запускаю в ее волосы, перебираю пряди. Мои пальцы, как грубая расческа. Я отвожу ей волосы назад. Убираю их со лба. На меня смотрят большие, выразительные глаза. Как мне это нравится. Она закрывает их. Вновь открывает и начинает вырываться. Пытается выкрутиться. Я сжимаю ее чуть сильнее.

– Хорошая... – шепчу я. – Ты слишком ревнивая...

При этих словах она, кажется, впадает в ярость: подпрыгивает, дергается, пытается ударить меня коленом.

– Я не ревнивая! Никогда такой не была и не буду. Все это знают!

Я смеюсь, кое-как парируя ее удары. Она пытается укусить меня. Начинаем биться щеками, она все старается укусить и не может, потому что я то наклоняюсь к ней, то отклоняюсь назад – ее рот преследует меня, я отвожу ей голову в сторону, теряюсь в ее волосах, касаюсь ее шеи. Широко открываю рот. Я хочу проглотить ее, дышу ей на кожу, в шею, в ямку ключицы, и мягким ртом кусаю ее, захватываю ее, я побеждаю.

– Ай-ай. Ну, хватит, хватит! – она смеется. – Щекотно, прошу тебя, только не шею.

Она пытается высвободиться. Ноги ее исполняют странный танец: она словно бежит на месте. И продолжает смеяться. Она дрожит и улыбается, склоняет голову на плечо, закрывает глаза, такая ослабевшая, побежденная, всеми покинутая, сдавшаяся под воздействием чувственной щекотки. И я целую ее. Губы такие мягкие и теплые, никогда таких не целовал. Я сам дрожу как в лихорадке. От желания. Или из-за борьбы... Но все остальное кажется мне прохладным, включая то, что у нее под курточкой – под майкой, она позволила мне туда пробраться. И наконец – ее грудь... я глажу ее недолго, она такая нежная и мягкая. Но это длится лишь миг, я чувствую, как сильно бьется ее сердце, вот оно забилося еще сильнее. И сам не знаю почему – клянусь, не знаю – я вынимаю руку. Не хочу надоедать. И беру ее за руку.

– Пойдем, у нас остался еще десерт.

Джин спокойно идет рядом. Потом вдруг останавливается. Загораживает мне путь и вытягивает губы уточкой.

– А что, я на десерт не гожусь?

Я хочу что-нибудь сказать, но она не оставляет мне такой возможности. Вырывается из моих рук и бежит, выставив грудь – ту грудь, которая только что была моей заложницей. Джин бежит, задирая ноги и хохоча, свободная как ветер. И я бегу за ней, а за мной, увлекаемые ветром, может быть, в поисках другой судьбы, летят номер телефона и имя. Вернее, фамилия и имя: Мastroккья Симона.

Клаудио сидит в своем «Мерседесе» на виа Марсала. Он с беспокойством оглядывается. И спрашивает себя: а какой опасности подвергаешь себя, сидя в машине? Может, я устал, потому что долго ехал, и остановился, чтобы не уснуть за рулем. Или решил закурить. Вот именно. Выкурю-ка я сигаретку. Ничего плохого в этом нет. Клаудио вытаскивает из кармана

пачку «Мальборо», но тут же кладет ее обратно. Нет. Лучше не надо. Я читал где-то, что это может ухудшить определенные способности. Нет. Не надо об этом думать. Нужно отбрасывать эти мысли, иначе в душе поселится тревога за свои мужские способности. Вот. Это она. Идет вприпрыжку. В руках – плейер, на голове – наушники, она улыбается, покачивая головой в такт музыке, волосы распущены, на коже золотистый загар. Легкое платье: на зеленом фоне желтые подсолнухи, маленькая грудь. Красивая. Как всегда. Как и в тот день, когда он увидел ее впервые. Она молода, он желает ее с того вечера, с первого поцелуя в машине, после той бильярдной партии, которую он выиграл у Стэпа – того парня, с которым тогда была Баби. Симпатичный был парень, может, немного буйный... но какая в тот вечер была партия! Клаудио с тех пор снова стал играть. Из-за разгоревшейся страсти. Но не к бильярду. А к ней, к Франческа, молодой бразильянке, которая сейчас идет по улице. В общем-то и в клуб он записался из-за нее, для нее он купил новый кий, ради нее он хотел победить в турнире в Казилине. Безумие. Но это не всё. Еще он раз в неделю приезжает с ней в отель «Марсала». Эта история длится уже год. Гостиница маленькая, друзья его здесь никогда не бывают. Тут останавливаются молодые туристы, марокканцы да албанцы, которые не хотят много тратить на жилье. А он – хочет, и хочет сильно. Ее. И это единственный способ увидеться с ней. Естественно, он оплачивает номер наличными.

– Франческа!

Зовет ее издали Клаудио. Похоже, девушка с «Sony» в ушах его не слышит. Тогда Клаудио дважды мигает фарами. Франческа замечает это, улыбается, снимает наушники и бежит к нему. Проскальзывает в машину. И набрасывается на него, на его губы.

– Привет! Я хочу тебя! – и она радостно смеется.

Она полна желаний. Целует его со страстью, лижет его, как всегда удивляя своим нетерпением. Даже больше, чем всегда.

– Франческа, где ты весь день была, я тебя искал.

– Знаю... я видела твой номер, но не хотела тебе отвечать.

– Как это – не хотела отвечать?

– Да, ты не должен привыкать. Я – музыка и поэзия... свободная, как море, как луна и ее приливы.

Говоря это, Франческа начинает расстегивать пуговицы на рубашке Клаудио и целует его в грудь. Потом расстегивает ремень у него на брюках и продолжает целовать его, – и пуговицу, и «молнию», и дальше, дальше, сдвигает трусы и... продолжает, ничего не боясь, свободно, как луна и ее приливы. Но это уже больше, чем приливы, это волнение на море, думает Клаудио и оглядывается по сторонам. Он сползает ниже на сиденье, чтобы лучше спрятаться. Как сейчас будет хорошо. А потом сигарета и передышка. От этих непристойных действий в общественном месте. Но что безусловно радует, так это то, что от тревоги за свои мужские способности не осталось и следа. Только бы в ответственный момент Раффаэлла не позвонила – узнать, как там бильярдная партия проходит. Что ответить. Прекрасная партия. Клаудио закрывает глаза и расслабляется. Он представляет зеленое сукно и шары, падающие в лузу, один за другим, – по ним даже не надо ударять, они катятся как по волшебству. И, наконец, он видит себя самого на этом сукне. Он медленно катится, ползет, переваливается с боку на бок и исчезает в дальней угловой лузе бильярдного стола... ах, да, вот так... какая партия! Франческа поднимается из-под приборной доски. Берет Клаудио за руку и тянет за собой, не дав ему даже закрыть окно. Клаудио едва успевает застегнуть брюки и поставить «Мерседес» на сигнализацию. Да какая разница? Хоть бы за четыре тысячи евро толкнуть, и купить «Z4»... Об этом только мечтать можно. Как и о ней, о Франческа, которая уже здорова с гостиничным портье.

– Добрый день, Пино, девятнадцатый, пожалуйста.

– Конечно, добрый вечер, господи.

Портье не успевает произнести эти слова, как Франческа выхватывает у него из рук ключи и толкает Клаудио к лифту.

– Нам надо быть осторожнее.

Франческа смеется и не дает Клаудио говорить – целует его, не хочет его слышать.

– Ш-ш-ш... тихо!

Но она и представить не может, о чем думает Клаудио. Ну да, это правда – мы были в

машине, но мы ведь могли просто съесть мороженое, выпить пива, да мало ли что еще. А как насчет тревоги за свои мужские способности? Клаудио чувствует, что она снова возвращается. Он пытается отогнать ее.

– Франческа...

– Да, дорогой?

– Умоляю, не рассказывай об этом никому, хорошо? Даже тем, с кем, как ты думаешь, я никогда в жизни не встречусь.

– О чем?

– О нас.

– О нас? Не знаю, о ком ты говоришь. – И смеется, снова впиваясь в него губами. – Все, мы приехали.

Она тащит его по коридору, и Клаудио, спотыкаясь, идет за ней следом. Идет и смотрит на ее попку. Она совершенно «бразильская»: крепкая, веселая, резвая, танцующая, сумасшедшая... Какие тут могут быть тревоги за возможности! Никаких – только ожидание морской бури, прыжков с волны на волну, рискованного серфинга и забытья в этом бразильском море... Последний проблеск.

– Ты представляешь, моя жена узнала, что я купил бильярдный кий.

– О-ба!

– Я сказал, что это был подарок одному знакомому...

– Молодец, сообразил. И ты думаешь, она вспомнит о том вечере, когда мы познакомились? Но уже столько времени прошло, что она может знать? И потом, то место закрылось, я теперь в «Казилине»!

– Да нет, ты не поняла. Она не знает, а только догадывается!

– Хотела бы я знать, догадывается ли она о том, что я сейчас тебе сделаю...

И с этими словами она открывает дверь и заталкивает Клаудио в номер.

Дверь в девятнадцатый номер захлопывается. Клаудио оказывается на кровати, а Франческа напрыгивает на него сверху: госпожа, дикарка, луна с ее приливами. Клаудио обо всем забывает, даже о том, где он находится. Он отдается ей полностью. И уверен лишь в одном: такого никто не может себе вообразить. Даже его жена.

46

– Ну что, заходим?

– Конечно, почему бы нет?

– Но насколько я знаю, сюда не пускают. Смотри, здесь список.

– Да я тут, в «Фоллии», всех знаю.

– Вот блин, да ты вообще всех знаешь.

– Ну хорошо, если тебе так хочется, встанем в очередь и заплатим за вход. Все равно деньги-то брата.

– Бедняжка. Хоть он и богатый, не стоит пускать на ветер его имущество.

Какая-то девушка вылетает из ресторана. Два охранника в дверях едва успевают поднять заграждение. Следом выскакивает какой-то одержимый тип с длинными волосами и дает девушке очередной пинок.

– Шевелись ты, достала уже!

Девушка пытается что-то сказать, но не успевает. Еще один пинок, и слова застревают у нее в горле – она падает на капот припаркованной машины. Потный парень с сальными волосами бьет ее по лицу.

– Скотина! Я видел, как ты пялилась на того блондина!

Джин не может вымолвить ни слова, от этой сцены она остолбенела. Разъяренный тип сжимает руку в кулак, зубы его скрежещут, лицо безумное.

– Я тебя тысячу раз предупреждал, грязная шлюха!

И в ярости бьет ее в грудь. Девушка сгибается пополам и в страхе закрывает руками лицо. Джин не выдерживает и кричит вне себя от злости.

– Хватит! Заканчивай!

Тип оборачивается к нам, щурит глаза и бросается к Джин. Та смотрит на него с вызовом.

– А тебе, бляха, что надо?

– Чтобы ты ее оставил в покое, мерзавец!

Он делает шаг к Джин, но я опережаю его – хватаю Джин за руку и завожу ее себе за спину.

– Эй, спокойно. Ты ее достал своими манерами. Ясно?

– Что это еще за засранцы?

Я молчу, прикидываю, не хочу начинать драку. Это наш первый настоящий выход с Джин... мне кажется, драка будет некстати. А тип не унимается:

– Ну, что?

Он расставляет ноги. Готов к драке. Вот блин... Два охранника встают между нами.

– Спокойно, все под контролем.

Кажется, они волнуются. Странно. Они меня не знают. Может, знают этого парня. Он здоровый, крепкий. Должно быть, они его боятся. Он нервничает, разъярен, озлоблен. Далеко не трезвый. Ярость затуманивает мозги, и ты теряешь спокойствие и хладнокровие. Самые важные вещи. Какой-же он все-таки здоровый.

– Спокойно, Джорджо. Она тебе ничего плохого не сказала. Ты ссоришься со своей подругой на глазах у всех, и может случиться, что кто-нибудь...

Охранники его знают. Это не очень хорошо.

– Не может случиться, а должно случиться! Он ведь чуть не убил эту беднягу, – Джин не может промолчать. Но это еще не все. Она продолжает: – Молодец! Считаешь себя крутым? Так вот: ты просто козел.

Оба охранника бледнеют. Они смотрят на меня такими глазами, будто говорят: «Ну, и как мы будем решать вопрос?». Бык, похоже, ошарашен, потерял дар речи, трясет головой, как будто эти слова были пикой пикадора, или неожиданно раскрытым перед его носом красным плащом. Девушка позади быка потирает грудь, плачет и хлопает носом. Кажется, она не может дышать полной грудью – слышно, как она с трудом вдыхает воздух.

– Эй, черт побери, Стэп, что тут происходит? Давай, заходи. Ты куда пропал? Расскажи мне...

Я оборачиваюсь. Это Танцор. Он всегда торчит здесь, в «Фоллии», никуда больше не ходит.

– Ты когда вернулся?

– Уже месяц назад...

– И не дал о себе знать! Вот засранец! Давай, заходи, у нас праздник, мы разрезаем шикарный торт – «мимозу». Давай. Оторвешь кусок «мимозы» для себя и подруги. Вкусная, нежная и к тому же бесплатная, ну?

– Кто – моя подруга?

– Нет, «мимоза».

Он смеется. Потом смех переходит в кашель. Тысячи сигарет, закончившие свою жизнь в его легких, похоже, тоже веселятся от души над этой тупой шуткой.

Я поворачиваюсь, чтобы зайти в заведение, за мной – Джин и двое охранников. Но на самом деле, я вижу и то, что происходит позади нас, я не теряю разъяренного быка вида. Я настороже, тело напряжено. И не зря. Я не ошибся. Три быстрых шага слышатся позади меня, странный шорох, инстинктивно я наклоняюсь вперед и делаю оборот. Он несется как фурия. Обезумевший бык расталкивает плечами обоих охранников и готовится броситься на меня, но я отклоняюсь в сторону. И бью его наотмашь, слева. Тип вмазывается в стену. Он орет и быстро вскакивает на ноги. На лице – желтая штукатурка, припудрившая кровотокающие царапины. Немного крови появляется на левом глазу, над бровью. Он собирается продолжить. Но неожиданно для него я распрямляюсь и бью правой – очень быстро, потому что он огромный, и ничего другого мне просто не оставалось. Я бью его прямо в лицо, в нос и в рот. Он подносит руки к разбитым губам. Я не теряю зря время и ногой врезаю ему по яйцам: это самый лучший мой удар из всех проведенных футбольных матчей. Бум. Он опускается на землю, и я бью его, едва лишь он касается земли. В лицо. Прямой удар, глухой, четкий. Но тип – крепкий орешек. Он еще может подняться. Тогда я готовлюсь врезать ему

еще...

– Да хватит, Стэп, какого хрена ты к нему привязался?

Танцор тянет меня за куртку.

– Пойдем есть торт, а то ничего не останется.

Я поправляю куртку и делаю два глубоких вдоха. Да, на этом лучше остановиться. И что это меня понесло? Что мне за дело до этого борова?

Джин. Через мгновение мы оказываемся рядом. Она молча смотрит на меня. Джин. У нее взгляд... я не знаю, как его определить. Может быть, она просто растеряна и не знает, что подумать? Улыбаюсь ей, пытаюсь разбить лед.

– Как ты насчет торта?

Она молча кивает. Хотелось бы, чтобы она забыла, что есть такие люди... Понимаю, что это нелегко. Я тереблю ее волосы, обнимаю ее, подталкиваю.

– Ну, давай...

И она, наконец, улыбается. Я протягиваю ей руку, очень элегантно. Возможно, этот жест не совсем вяжется со всем, что только что произошло. Она берет меня за руку, и я помогаю ей переступить через типа, лежащего на земле.

47

Раффаэлла ставит машину во дворе. Гараж открыт. Клаудио еще не вернулся. Она смотрит на часы. Двенадцать ночи. Значит, бильярдная партия затянулась... ну, если это надо для работы, это ничего. Она закрывает машину и бросает взгляд наверх.

В комнате Баби еще горит свет. Раффаэлла идет к дверям. Непонятно почему, но все это время ее гложет какое-то беспокойство. Может быть, у нее слишком много забот. Альфредо по-прежнему стоит в саду, скрываясь за деревом. Увидев Раффаэллу, он отступает дальше в тень. Раффаэлла слышит треск раздавленной ветки и быстро оборачивается.

– Кто здесь?

Альфредо не дышит. Он стоит неподвижно, боясь шевельнуть пальцами. Раффаэлла нервно ищет ключи, находит, открывает дверь и быстро захлопывает ее за собой. Альфредо переводит дыхание. Нет, так больше не может продолжаться. Если эта новость – правда, так дальше не пойдет.

– Баби, ты здесь? – Раффаэлла видит полуоткрытую дверь, из-за которой просачивается свет. – Можно?

Баби лежит на кровати и перелистывает журналы.

– Привет, мама. Извини, я не слышала, как ты вошла. Смотри, я эти выберу. Тебе нравятся? – и она показывает матери несколько фотографий.

– Очень. Что-то я испугалась. Мне послышался шум в садике около парадной, меня чуть удар не хватил.

– Не волнуйся. Это Альфредо.

– Альфредо?

– Да, он уже второй день прячется там по ночам.

– Да, но он не должен так делать, он же пугает людей. И потом, на следующей неделе я пригласила гостей на ужин. Многие его знают, если они его увидят тут, что подумают?

– Да какая разница! – но видя, что Раффаэлла не успокоилась, Баби соглашается: – Ну ладно. Если так будет продолжаться до следующей недели, я с ним поговорю. Хорошо, мама? – и она кладет перед матерью другой журнал. – Вот, посмотри, я выбрала, мне Эсмеральда помогла. Давай закажем эти: колосья с зерном, классно, да?

– Да, но...

– Нет, мама. Ты уезжала играть, помнишь? Хватит, мы уже все решили, правда? А то ничего с места не сдвинется. Клянусь тебе, я уже не могу больше, я уже сомневаюсь, что что-то получится, прошу тебя...

Раффаэлла смотрит на Баби с улыбкой.

– Хорошо, Баби, мне кажется, это то, что надо.

Баби успокаивается.

- Seriously?
- Да.
- Ты говоришь это не потому, чтобы меня успокоить?
- Нет, правда, это – самое лучшее.
- Баби снова обретает довольный вид. Раффаэлла хочет и себе доставить удовольствие.
- Слушай, Баби, я хотела тебя кое о чем спросить.
- О чем?
- Помнишь, когда папа должен был встретиться со Стэпом, чтобы попросить его оставить тебя в покое?
- Мама, ты все еще думаешь о той истории? Уже больше двух лет прошло, мы решаем очень важную проблему, а ты еще думаешь об этом?
- Знаю, знаю, я и не думаю об этом, а только из любопытства спрашиваю. Так вот, ты случайно не помнишь, кто в тот вечер играл в бильярд?
- Конечно, помню. Они даже выиграли двести евро, кажется.
- А кто там еще был?
- В каком смысле?
- Баби внимательно смотрит на мать. Та сегодня определенно какая-то странная, погружена в свои мысли. Улыбнувшись, Баби качает головой.
- Мама, в твоём возрасте – и ревновать? Да ты что, мама?
- Извини. Ты права. Просто он купил бильярдный кий именно после того вечера. Но, похоже, кому-то его подарил.
- Ну и что в этом плохого? И потом, то заведение, где они тогда играли, закрыли. При этом известии Раффаэлла полностью успокаивается.
- Ну, хорошо, ты права. Покажи-ка мне, что ты там еще выбрала.
- Раффаэлла открывает журнал. Баби показывает ей то, что ей понравилось.
- Вот эти мне очень нравятся, но они такие дорогие.
- В этот момент в дверях появляется Даниела.
- Мама, я должна поговорить с тобой.
- О Боже, ты так тихо вошла... Ты меня напугала. Но что это: именно сегодня вечером вам обоим нужно срочно со мной поговорить! Слушай, Даниела, мы сейчас говорим об очень важных делах!
- Мое дело, я думаю, гораздо важнее. Я беременна!
- Что? – Раффаэлла вскакивает с кровати, за ней – Баби. – Это шутка?
- Нет, правда.
- Раффаэлла хватается за волосы, ходит взад-вперед по комнате. Баби падает на кровать.
- Именно сейчас...
- Даниела смотрит на нее.
- Да, вот именно сейчас... уж ты меня прости, но я выбрала именно этот момент!
- Раффаэлла подходит к ней и трясёт ее за плечи.
- Но как это возможно? Я даже не знала, что у тебя есть постоянный парень!
- Потом спохватывается: не слишком ли жестко она с ней говорит? И гладит ее по спине.
- Ты меня застала врасплох. Но кто он?
- Даниела смотрит на мать, потом на Баби. Обе ждут ответа. Тоже с открытыми ртами, как и Джули. Но они ее поймут лучше. Она уверена. По крайней мере, мама. Джули бы увидела ее реакцию. Это точно.
- Мама, знаешь... тут небольшая проблема... то есть, для меня-то это не проблема. Ну и, я думаю, значит, для вас это тоже не будет проблемой.
- Тут на лестничной площадке раздаётся шум – это вернулся Клаудио. Он увидел припаркованные машины Раффаэллы и Баби и даже «Веспу» Даниелы. Все дома. Наверное, уже спят. А его вечер прошел великолепно... просто супер. Это была самая прекрасная бильярдная партия в его жизни. Но его мысли прерывает дикий крик. Жуткий крик в ночи. Сирена, сигнал тревоги. Или даже хуже. Вопль Раффаэллы. У Клаудио в голове проносится тысяча предположений: позвонили из гостиницы, потому что они там сильно шумели, нас увидела какая-то подруга Раффаэллы и наболтала с три короба, Раффаэлла наняла дешевого детектива, которому дала его фото. Ему не приходит в голову ничего лучше, чем сбежать. Слишком

поздно. Раффаэлла видит его.

– Клаудио, иди сюда сейчас же, иди сюда! – Раффаэлла кричит как помешанная. – Иди сюда послушай, что случилось!

Клаудио не знает, что делать. Он повинуется, покорившись этому крику, парализовавшему его волю, лишившему его уверенности и способности защищаться.

– Иди послушай, что случилось! Даниела беременна!

У Клаудио вырывается вздох облегчения. Он смотрит на дочь. Даниела молчит. Стоит с опущенными глазами. Но Раффаэлла никак не может остановиться.

– Подожди, подожди! Это еще не все! Хочешь все до конца узнать? Она беременна и сама не знает от кого!

Тут Даниела поднимает взгляд и смотрит на Клаудио, умоляя его о пощаде. Она ищет в его глазах любовь, хоть какое-нибудь сочувствие. Клаудио смотрит на Баби, в ее глазах – отвлечение к сестре, которая решила все ей испортить. А в другом конце комнаты – Раффаэлла. Она тоже ждет реакции Клаудио. Но он опустошен. Он даже не знает, что сказать, что подумать. В известном смысле он испытывает облегчение. Он так боялся оказаться уличенным... И тогда он решает просто уйти со сцены, хотя и понимает, что долгие годы будет за это расплачиваться.

– Я иду спать. Извините. Я еще и в бильярд проиграл.

48

Играет музыка. Мы в первом зале. Одни входят, другие выходят, кто-то шутит, кто-то смеется, кто-то пьет. Парни пытаются что-то сказать, но из-за громкой музыки половины слов не разобрать, девушки их слушают, иногда раздается смех. Кто-то просто сидит, кто-то вертит головой вокруг, кто-то надеется, кто-то мечтает.

А вот второй зал. Странный ди-джей, слишком хороший, чтобы это было правдой, ставит хорошую музыку. Все танцуют, и сквозь толпу невозможно протолкаться. На сцене выются несколько стриптизерш. На других выступлениях, оставленных нерадивыми архитекторами, танцуют девушки. Одна – раздетая go-go, одна – морячка, другая – одета только в сети, еще одна – в военной форме. Красивые. По крайней мере, выглядят красивыми. Впрочем, музыка и свет способны иногда сыграть злую шутку. Танцор протискивается сквозь толпу, мягко расталкивая танцующих, менее мускулистых, чем он, но затодвигающихся более ритмично. Постепенно мы продвигаемся по этой импровизированной траншее.

Третий зал. VIP-зал. Какой-то крепыш с повязкой на глазу поет неимоверно громко, за спиной у него – гипотетическая группа. Неплохо поет. Несколько VIP-персон, более или менее известных, сидят на диване в VIP-зале, находящемся на нижнем уровне. Парень на входе следит за тем, чтобы в этот приватный эдем не зашли посторонние. Или – чтобы избранные не ушли отсюда раньше времени. Танцор несет нам два куска торта.

– Сейчас Вальтер посадит вас за столик и принесет два бокала шампанского. Стэп, извини, мне надо вернуться на вход.

Он подмигивает мне и улыбается. Он стал приятнее. Что-то я не помню, чтобы он был склонен к иронии. Мы остаемся посреди зала с двумя кусками торта в руках. Джин пытается отколоть кусочек пластиковой ложечкой.

– Что с тобой, ты злишься?

Она улыбается.

– Нет, что ты. Это из-за того мерзавца. Я бы тоже его отделала, если б могла. Может, не так зверски...

Я смотрю на Джин и меня охватывает нежность. Стараюсь говорить мягко.

– Иной раз лучше сделать вид, что ничего не происходит. Потому что в противном случае не остается выбора. Но на этот раз выбор сделала ты...

– И плохо сделала?

– Конечно. Но зато я усвоил одну вещь. Каждый раз, когда мы идем куда-нибудь вместе, я должен быть в форме.

– Как думаешь, это послужит ему уроком?

– Не думаю, но по-другому я не мог поступить. Может, он накачался наркотиками. С такими типами не надо разговаривать. Или он, или я. С кем ты хотела съесть этот торт?

Джин отламывает еще кусочек торта.

– Вкусный, – и с удовольствием его съедает. У нее набит рот, и я с трудом ее пони-
маю. – Я хочу его съесть с тобой.

Тут приходит Вальтер, мужик лет сорока в белой рубашке с рисунком и приглашает нас за свободный столик. Он похож на француза восемнадцатого века.

– Это для вас.

И он ставит на столик два бокала с шампанским. Я оставляю торт. Выпиваю свой бо-
кал. Джин тоже выпивает все одним махом. Мы берем еще по бокалу с подноса у проходя-
щей девушки. Джин чуть не роняет свой, но я успеваю его подхватить. Я уже чуть пьян, но
сознание еще ясное.

– Пойдем.

Я беру ее за руку и веду к запасному выходу. Еще минута – и мы на улице. Дует ночной
ветер. На земле – опавшая листва. Я оглядываюсь. У входа в «Фоллию» длинноволосый тип
все еще лежит на земле. Теперь он опирается на локти, а его подруга стоит над ним, оперев
руки в бока, и смотрит вниз. Интересно, о чем она думает. Может быть, в глубине души ра-
дуется, что хоть кто-то проучил его. Понятно, она не показывает вида. Может, между ними
что-то изменится. Может, может... трудно сказать. Но мне-то по барабану. Это она его вы-
брала, а не я.

– Эй, можно узнать, о чем ты думаешь? Только не говори мне, что ты все еще насла-
ждаешься победой над тем типом. Ты просто оказался быстрее, ты сам так сказал: или он,
или ты. Это был вопрос нескольких секунд. Но он опоздал: ты застал его врасплох. А в нор-
мальной встрече еще неизвестно, кто кого сделал бы.

– Неизвестно другое – что я с тобой сделаю, если ты не утомнишься. Давай, садись в
машину.

– А теперь куда ты меня повезешь? Мы уже и десерт съели. Притом на халяву.

– Осталась только вишенка.

– То есть?

– То есть ты.

Я включаю музыку так, что Джин не может ее перекрычать – ставлю ее на полную
громкость и кайфую. Джин улыбается. Я беру ее руку и подношу к губам. И нежно целую.
Рука мягкая, свежая, благоухающая. Она живет какой-то своей жизнью, несмотря на все, что
ее касалось. Я снова ее целую. Мои губы касаются ее пальцев. Я скольжу ими, проникаю
между пальцев. Вижу, что Джин закрывает глаза, откидывается на спинку сидения. Я пере-
ворачиваю ее руку и целую ладонь. Она слегка сжимает мне лицо, а я вдыхаю запах ее ладо-
ней... Линия жизни, удачи, любви. Я тихонько дышу, совсем бесшумно. Вдруг она открывает
глаза и смотрит на меня. Мне кажется, они теперь совсем другие – хрусталики, подернутые
легкой дымкой. В них счастье? Не знаю. Они рассматривают меня исподтишка. Кажется, они
тоже улыбаются.

– Смотри на дорогу... – читаю по ее губам.

Я послушно смотрю вперед, поворачиваю направо, еду прямо, вдоль реки, по Лунготе-
вере, между другими машинами. Музыка – на полную катушку, ее рука шевелится в моей,
как танцовщица, исполняющая неведомый танец. Интересно, о чем она думает? И придума-
ла ли она ответ на мой вопрос? Да, нет... Это как в игре в покер. Вот она, рядом со мной, я
быстро смотрю на нее. Вижу ее чуть опущенные глаза, нежные и веселые. Теперь остается
только ждать поддержки своей ставки, потому что ставка сделана. Будет поддержка или
нет... Слишком быстро? Не бывает слишком быстро. Для этого нет сроков, и потом это все
же не игра в покер, здесь нет ставок. Но... может быть, моя участь уже решена? Хорошо ей,
«девушке на завалинке». Сиди себе и смотри, как бедный парень ходит вокруг да около, и не
знает, что ему делать: то ли притворяться, что ему все равно, то ли действовать
решительно... хорошо тебе – наблюдать и веселиться про себя. Делаю музыку тише.

– У меня что-то голова закружилась, – говорит она с улыбкой.

Это такое маленькое оправдание на случай, если что-то произойдет? Или у нее просто
закружилась голова, и она хочет сообщить мне это? Просто? Но разве что-то бывает просто?

Все просто да не просто... кто это сказал? Не помню. Я мучаю себя, меня всего крутит, я весь извелся. На сколько процентов мне повезет? Хватит, надоело. Не хочу думать на эту тему.

– У меня тоже кружится.

Вот так просто я ответил. Проще не бывает. Джин чуть сильнее сжимает руку и я, по наивности, вижу в этом знак. А может, и нет. Вот блин. Я слишком много выпил. Авентин. Поворот и дорога уходит вверх. Эта машина что надо. Брат будет счастлив, что я ее нашел. Я смеюсь. Она смотрит на меня, я это чувствую.

– Что это ты? О чем подумал?

Джин хмурится, смотрит на меня недоверчиво.

– Ни о чем, семейные дела.

Яникул. Ботанический сад. Я резко останавливаюсь, ставлю на ручник и выхожу.

– Эй, куда ты?

– Не волнуйся, я сейчас вернусь.

Джин закрывается в машине. Безмятежная Джин. Уверенная в себе Джин. Предусмотрительная Джин. Я оборачиваюсь. Все тихо. Прекрасно, никого нет. Раз, два и... три. Я перепрыгиваю через решетку, и вот я уже в саду. Тихо иду по дорожке. Легкий аромат, иногда запах становится сильнее, насыщеннее. Будущие посадки, пока еще в дисциплинированных пузырьках, в виде дорогих эссенций. Вот. Вот она, моя добыча. Я выбираю ее, не думая, осторожно беру, аккуратно отрываю. Я всегда мечтал об этом, а теперь... теперь ты моя. Один, два, три шага – и я перепрыгиваю ограду. Оглядываюсь. Тишина. Прекрасно, никого. Я возвращаюсь к машине. Джин испугалась, настолько неожиданно я подошел. Открывает мне.

– Да где же ты был? Ты напугал меня.

И тогда я распахиваю куртку на груди. Как спинакер, который раскрывается от порыва ветра в открытом море. И тут же ее аромат наполняет машину. Дикая орхидея. Она появилась у меня в руках, скорее, как в руках фокусника, а не мелкого воришки.

– Это тебе. Один цветок – другому. Прямо из Ботанического сада.

Джин нюхает цветок, погружает лицо в самый центр орхидеи, чтобы впитать в себя все ее запахи. Она смотрит на меня сквозь большие лепестки. Она напоминает мне какой-то мультик. Бэмби, да, вот именно – Бэмби. Такие же огромные сияющие глаза, глядящие из-за тонких лепестков цветка. Испуганно и неуверенно смотрят в будущее. В самое ближайшее будущее.

Первая передача, вторая, третья – мы едем дальше. Несколько поворотов и дорога снова уходит вверх. Я паркуюсь. Капитолий.

– Иди сюда!

Я помогаю Джин выйти из машины, и она идет за мной как замороженная.

– А знаешь, что...

– Ш-ш-ш! Говори тише. Здесь люди живут.

– Да, хорошо. Я хотела сказать тебе... знаешь, что вечером здесь нет свадеб. И потом – мы еще об этом не говорили. А я хочу сказку, я тебе уже говорила.

– То есть?

– Белое платье, с небольшим вырезом, букетик цветов и красивая церковь, окруженная лесом. Нет, лучше на берегу моря.

Она смеется.

– Видишь, ты еще сама не решила!

– Что?

– В лесу или на море.

– А-а, я думала, ты имеешь в виду – выходить за тебя или нет.

– Нет, насчет этого ты уже все решила.

Я притягиваю ее к себе и пытаюсь поцеловать.

– Самоуверенный и не очень романтичный.

– Почему это не очень романтичный?

– Потому что не спрашиваешь напрямую. Ха-ха!

Она делает вид, что ей смешно, и вырывается из моих рук, как рыбка, выскочившая из сетей. Быстро бежит от меня. Вот она свернула за угол, я – за ней. И мы выбегаем на пло-

щадь. На большую Капитолийскую площадь. Лучи света направлены вверх. На статуе, стоящей в центре, висит табличка. Естественно, проводятся работы. Мы останавливаемся рядом, но по разные стороны. Все необычайно красиво, особенно она. Она выглядывает из-за статуи.

– Ну, что ты встал? Сил больше не осталось?

Я делаю вид, что хочу ее схватить, и она убегает за статую. Я забегая с другой стороны и – пум! – хватаю ее на лету. Она отчаянно кричит.

– Нет... нет, не надо!

Я поднимаю ее и несю. Выглядит как похищение Сабинянок⁴⁷, или что-то вроде того. Уношу ее прочь от света, подальше от центра. И вот мы стоим под колоннадой, в полутьме. Я ставлю ее на землю, и она поправляет курточку, натягивая ее на живот, мягкий и плотный животик, только что выглядывавший наружу. Я отвожу ей волосы с лица, оно чуть розовое из-за пробежки, а может, от смущения. Она тяжело дышит, потом дыхание успокаивается.

– У тебя сердце сильно стучит?

Моя рука лежит у нее на бедре. Потом ныряет под курточку, под майку, легко касается ее кожи. Джин закрывает глаза, а я медленно-медленно скольжу дальше, поднимаюсь по бедру, к спине. Притягиваю ее к себе, сжимаю, целую. За нашими спинами – самая низкая колонна, с самым большим диаметром. Я потихоньку толкаю ее туда и аккуратно опускаю. Она подчиняется. Ее волосы, ее спина лежат теперь на этом античном постаменте, потертом временем, с выцветшими прожилками в потускневшем мраморе, немало повидавшем на своем веку... Она крепко сжимает мои бедра ногами, раскачивая ими из стороны в сторону. А я позволяю ей это, неторопливо проводя руками у нее под поясом, под брюками, тереблю ее пуговицы. Неторопливо, не спеша... ничего не расстегивая. Без особого желания. Пока. Вдруг Джин поворачивается налево и открывает глаза.

– Там кто-то есть!

Она испугана, сосредоточена, а может, ей просто надоело? Я всматриваюсь в темноту, контуженный легким прикосновением любви.

– Там ничего нет. Это пудель...

– И это по-твоему – ничего? Да ты ненормальный.

Она решительно соскакивает с колонны. Я ничего не слышал, но не хочу спорить. Беру ее за руку. Мы убегает, оставляя позади этот кусок античной колонны, и этого гипотетического пуделя, затаившегося в темноте. Как по лабиринту, мы пробираемся между деревьями и фонарями римского Форума. Под нами, вдали, виднеются античные колонны, развалины и памятники. С Капитолийской площади сбегает тропинка. Виднеются покрытые щебнем террасы с маленьким парапетом, ухоженные газоны, дикие кустарники. Мы на возвышении. «Тарпея». Под нами – руины, мы стоим возле какой-то стены, в полной темноте, перед нами едва виднеется скамейка. Теперь Джин выглядит спокойнее. Она оглядывается по сторонам.

– Здесь нас никто не видит.

– Ты видишь меня.

– Если хочешь, я могу закрыть глаза.

Она не говорит ни «да», ни «нет». Она вообще ничего не говорит. Только дышит мне в ухо, пока я ее раздеваю. Снимаю курточку, майку, они сползают со скамейки, в темноте она кажется еще темнее. Снимаю обувь, брюки. Каждый снимает что-нибудь с другого. Потом останавливаемся. Она стоит передо мной, прикрыв грудь руками, обняв себя за плечи, а волосы ее освещает луна. На ней остались только трусики. Поверить не могу. Это она, Джин. Та Джин, что хотела опустить меня на двадцать евро.

– Эй, что ты делаешь? Смотришь на меня?

– Ты мне не запретила. И потом, ты ошибаешься: у меня закрыты глаза.

Откуда-то издалека, из открытого окна, доносится музыка. «Won't you stop me, stop me, stop me...» Нет. Ты не хочешь, Джин. Это известно даже «Planet Funk».

– Ну, ты и врун.

И она, улыбаясь, разводит руки, позволяя посмотреть на себя. Потом подходит ко мне,

47 Сюжет из истории Древнего Рима.

ноги у нее чуть расставлены в стороны. И пристально смотрит на меня.

– Слушай...

– Ш-ш-ш... давай ничего не будем говорить.

Я целую ее и потихоньку снимаю трусики.

– Нет, я хочу поговорить. Во-первых, у тебя есть... ну, в общем... то, что нужно?

– Есть... – смеюсь я. – Есть.

– Я так и знала. Ты носишь его в кармане или в портмоне? Или ты купил его перед тем, как поехал за мной? Потому что ты был уверен, что все так пойдет? Ладно... если хочешь, можешь его не надевать...

– Ты сразу же хочешь ребеночка – красивого, как я, умного, как я, сильного, как я?

– Прости, а от меня ему взять нечего?

– Ну ладно... с некоторыми недостатками как у тебя.

– Какой же ты тупой. Нет, кроме шуток, у тебя он есть или нет, этот предмет?

– Спокойно, на самом деле, раньше его у меня не было...

– Да, а теперь он у тебя есть? И кто тебе его дал? Пудель?

– Нет, Танзор, мой друг из «Фоллии». Он подошел ко мне и сунул его в карман. И сказал...

– Что же он тебе сказал?

– Ни пуха, ни пера... она просто красавица, но я не верю, что у тебя что-нибудь с ней получится.

– Какой же ты врун...

– Правда! Ну, он сказал не эти самые слова, но смысл был такой.

– И потом еще кое-что...

Нет, хватит разговоров... Я притягиваю ее к себе. Целую в шею. Она откидывает волосы и, как начинающий вампир, я начинаю покусывать ее всюду, вдыхая ее аромат, ее дыхание. Моя рука скользит сама собой-по ее бедрам, по талии, между ног, внутри нее. Она тихонько вздыхает, потом громче, она вьется в моих руках, как бы танцуя, отбросив ложный стыд, с улыбкой на губах, открыв глаза и глядя на меня спокойным и ясным взглядом. И это меня смущает. Но это еще не все: я вынимаю залог нашей безопасности...

– Дай мне, я хочу сама это сделать.

– Но вообще-то это мне надо надеть.

– Да знаю я, кретин. Хочешь скажу, сколько я их уже надела? Подожди, дай-ка подумать...

– Не хочу этого знать.

– Шестнадцатый надеваю.

– А, ну слава Богу.

– Почему?

– Если бы это был семнадцатый, я бы забеспокоился – плохое число⁴⁸.

Удовлетворения я не получаю, зато мне весело. Она снимает обертку, как с карамельки, сначала пробует открыть ногтями, но ничего не получается и тогда она со злостью подносит его ко рту.

– Не бойся, я его не съем, – она резко разрывает обертку и вот он у нее в руках. Она крутит его, улыбаясь. – Какой смешной...

Это все, что она сказала. Джин смотрит на меня.

– И дальше что?

Я расставляю ноги, и она меня тихонько ласкает... потом спокойно его надевает.

– Я молодец?

– Даже слишком!

И больше ничего не говорю. Я отправляюсь в полет, как астронавт – между созвездиями, под небесами, усыпанным звездами, над очаровательной женщиной, между руинами прошлого, получая удовольствие от мгновения настоящего, происходящего здесь и сейчас. Галактика. Межзвездное пространство. Природа. Запахи. Ничего дикого... немного сопро-

48 У итальянцев 17 — несчастливое число.

тивления, может, чуть слишком... странно. Я продолжаю, а она закрывает глаза.

– Холодная скамейка.

Но Джин поощряет меня, полностью вытянувшись на спине. Немного поднимает ноги, помогая мне.

– Ай...

– Я тебе делаю больно?

– Нет, не обращай внимания...

* * *

Не обращай внимания... поверить не могу, нет, это невозможно, я это делаю... я молчу, я парю в воздухе, я почти слышу, как жизненная сила стучит во мне, она стекает с меня, она надо мной, она подо мной, она во мне. В этот решительный момент, такой важный для всей моей жизни, единственный... И я выбрала тебя. Я выбрала тебя. Похоже на какую-то песню... Но это не песня, это реальность. Это я, я здесь. И Стэп. Я его вижу, я его слышу. Он на мне. Я его обнимаю, сжимаю, сильно сжимаю, еще сильнее. Мне страшно, как всегда, когда происходит то, чего ты еще не знаешь. Но это нормальный страх, более чем нормальный... Или нет? Дура ты, Джин, оставь все свои идеи фикс, фильмы, которые ты прокручиваешь, короче, все... проклятие, Джин, да что ты себе на-придумывала? Джин-мудрая и Джин-воительница... И где вы теперь? Растаяли в тумане... да как же так? И они тоже? Что за шутки... Я боюсь, помогите. Закрываю глаза, вдох – выдох, и все же мне нравится. Я держусь за его шею, плечи, я больше не напряжена, больше не волнуюсь... Полная тишина, вот так, я всеми покинута, я потерялась, я потерпела кораблекрушение... А сейчас что он делает? Нет! Помогите... он входит в меня. О Боже, ну и слово, не хочу об этом думать. Не хочу ни о чем рассуждать, заниматься самоанализом, наблюдать за собой со стороны, контролировать себя, раздваиваться, слушать себя, без конца, без передышки... о, да что ты хочешь... хватит, отпусти меня... Нет! Я хочу продолжать. В колыбели его любви, в этом море, в желании, я хочу плыть бесконечно. Потеряться в его руках... Вот. Сейчас. Я чувствую, она еще напряжена, нет, вот сейчас немного подалась... последнее движение в темпе несуществующей музыки, но от этого еще более прекрасной. Стук сердец и вздохи...

Неожиданно наступает тишина. О Боже, Джин, сейчас это произойдет... я чувствую аромат его дыхания, его желания. Я ищу губы Стэпа, его улыбку. И нахожу, и пропадаю в них, я хочу там укрыться, хочу, чтобы поцелуй был долгим-долгим, глубоким-глубоким, обволакивающим, и... и больше ничего.

* * *

Еще один стон, и теперь она моя. Странно думать об этом. Она моя, моя. Сейчас она моя, теперь моя. В этот миг она только моя. Вот какая вдруг мне пришла мысль. Моя. Моя навсегда... может быть. Но сейчас – точно. Сейчас – это любовь... в ней. И еще и еще раз, без передышки... Теперь она нежно улыбается, никаких рывков.

* * *

И именно в этот момент я его чувствую, это он, он во мне... Это длится одно мгновение. Один прыжок, ныряние наоборот... острая боль, дырочка в ухе, маленький татуаж, выпавший зуб, распустившийся цветок, сорванный плод, пробитый проход, падение на лыжах... Да, вот именно: падение в мягкий, холодный, белый снег, только что выпавший прямо с неба, и ты утонула в нем всем лицом, ты еще ползешь, смеешься, стыдишься, открываешь рот, набитый снегом, тебе смешно, тебе весело, это твое первое падение на спуске. В этот снег, мягкий и чистый, – вот что я чувствую в этот момент. Наконец-то. Он во мне, я чувствую его в животе. Помогите, на помощь! Но как это прекрасно. И я улыбаюсь, и отступает боль, чувства возвращаются, я наслаждаюсь удовольствием, этим легким укусом... мне хорошо, мне это нравится, я его хочу. Как будто внутри меня, начиная с этой минуты, выгравированы его инициалы.

- Стэп, я хочу тебя.
- Что ты сказала?
- Не смейся надо мной.
- Нет, клянусь тебе, я не слышал.

Стэп продолжает двигаться на мне. Во мне. И я смотрю ему в глаза, я теряюсь в нем, в его взгляде, в его глазах, в которых – любовь. А может, – нет, но я его не спрашиваю, пока не спрашиваю... А он говорит со мной, и непонятно что, и дышит мне в ухо, а ветер, и удовольствие уносят его слова, и он улыбается, смеется и продолжает двигаться, и мне это нравится, мне безумно это нравится, я ничего не понимаю, я целую свои руки, я изголодалась и я повторяю...

* * *

- Стэп, я хочу тебя.

Позже, сам не знаю когда, Джин обнимает меня, сидя у меня на коленях, а я пытаюсь снять нашу защиту. Я его стаскиваю. На пальцах остаются следы красных чернил. Моя... на- всегда моя. Невозможно поверить.

- Но...
- Это то, что я начала тебе говорить...
- То есть, у тебя никогда не было?
- Нет, никогда не было...
- Почему ты не сказала?

– Да, я никогда не занималась любовью, и что из того? Все всегда бывает в первый раз, правда? Ну так вот: это был мой первый раз.

У меня нет слов. Не знаю, что сказать. Может быть, потому что сказать-то нечего. Джин одевается. Моя... она смотрит на меня с улыбкой и дергает плечом.

– Видишь, как странно? Из всех желающих это досталось именно тебе. Только не надо чувствовать себя виноватым, хорошо? И гордиться тоже не надо.

Она натягивает на себя майку и курточку, не надев бюстгальтер. Я все еще не могу и слова вымолвить. Она засовывает бюстгальтер в карман куртки.

– И потом, трудно сказать... может быть, это благодаря вечеру... но все же ты с завтрашнего дня не особо заморачивайся. Мне надо было нагнать потерянное время. Согласно статистике, я отстала на четыре года. Большинство девушек делает это уже в пятнадцать лет.

Она, уже полностью одетая, стоит на ступеньках под фонарем, а я все еще застегиваю куртку. Она смеется. Уверенная в себе, спокойная, естественная.

– Надо сказать, что сегодня произошел возврат к старым ценностям. Во всяком случае, про меня точно можно так сказать.

Я догоняю ее и мы идем рядом. На этот раз – действительно в полной тишине, потому что я по-прежнему не могу вымолвить ни слова. Она, выбрав момент, проводит рукой мне по спине. Я обнимаю ее, прижимаю к себе. Так мы и идем. И я вдыхаю ее аромат. Она, Джин, еще источает запах своей первой любви. Моя. Моя. Моя.

- Знаешь, Стэп, я вот о чем подумала...

Ну, вот, так я и знал. Было слишком хорошо! А эти женщины с их размышлениями... Они способны погубить самые лучшие моменты жизни, единственные, достойные того, чтобы провести их в молчании. Я делаю вид, что мне интересно.

- О чем?

Джин кладет мне голову на плечо.

– Мне пришла в голову одна странная мысль, то есть, на самом деле, вопрос... Как ты думаешь... Интересно, а вот со времен Древнего Рима и до сегодняшнего дня на этом месте кто-нибудь делал подобное?

- Никто.

- Как ты можешь это знать?

- Что тут можно знать? Некоторые вещи надо просто чувствовать, чувствовать и все.

Джин останавливается. И смотрит на меня. Глаза у нее такие ясные. Она улыбается...

- Я уверен... никто. Поверь мне.

И тогда она снова кладет мне голову на плечо. Я ее, похоже, убедил. Может быть, тем, как я это сказал. Черт, хотел бы я в самом деле знать, был ли кто-нибудь еще в этом месте. Но это невозможно узнать. Джин продолжает:

– Тогда мы вписали свою строчку в историю... в нашу историю.

Она улыбается и целует меня в губы. Мягкая. Теплая. Полная любви. Наша история... Двадцать евро. Но на этот раз она меня сделала на все сто.

49

– Остановись здесь.

Меня не надо просить дважды. Останавливаюсь. С ходу, как она. Слава Богу, что сзади никого не было. Мой брат... Но кто его будет слушать. Если что, все можно свалить на вора. Джин быстро выходит из машины.

– Иди сюда.

– Куда?

– Да иди же за мной, сколько ты вопросов задаешь.

Мы стоим напротив моста Милвио, на маленькой площади на Лунготевере, откуда начинается виа Фламиния, ведущая к площади Пополо. Джин бежит по мосту и останавливается посередине, перед третьим фонарем.

– Вот, здесь.

– Что?

– Третий фонарь. Есть одна легенда про этот мост, Милвио, или Молло, как его называл Белли⁴⁹.

– Ты что, будешь из себя умную строить?

– Я и есть умная! И кое-какие вещи мне известны. Например, эта. Ты будешь слушать?

– Сначала поцелуй.

– Да слушай же... это прекрасная история.

Джин отворачивается и фыркает. Я обнимаю ее со спины. Мы прижимаемся к ограде. И смотрим вдаль – туда, где виднеется следующий мост. К которому ведет корсо Франча. Взгляд мой рассеивается. Надо же, ни одного воспоминания. Может быть, призраки прошлого имеют уважение к определенным моментам? Похоже, так оно и есть. Джин дает себя поцеловать. Под нами – Тибр, темный и мрачный, течет безмолвно, только изредка слышен шум воды со стороны плотина. Мягкий свет фонаря падает на нас. Иногда волна слегка ударяет в опору моста. И тогда она бурлит, бормоча и закипая. Потом, обойдя преграду, снова успокаивается, и продолжает свой медленный путь к морю.

– Ну, будешь рассказывать?

– Это третий фонарь напротив другого моста... Видишь что на нем?

– Да... думаю, это кто-то неправильно прицепил мопед...

– Вот дурачок! Это называется «цепь влюбленных». К этой цепи прикрепляют замок, а ключ выбрасывают в Тибр.

– А потом?

– И больше не расстаются.

– Откуда берутся такие истории?

– Не знаю. Эта давняя традиция. Даже Трилусса⁵⁰ о ней рассказывает.

– Ты пользуешься тем, что я о ней не знаю.

– Нет, ты просто боишься повесить замок.

– Я ничего не боюсь.

– Это книга Амманити⁵¹.

49 Белли (Bellì) Джузеппе Джоакини, итальянский поэт. Главное произведение — «Римские сонеты» (изд. 1886–89, посмертно), поэтический цикл, состоящий из 2000 сонетов на римском диалекте.

50 Трилусса (Trilussa) — итальянский поэт. Так же, как и Аж. Белли — представитель римской диалектальной поэзии.

51 Книга Николо Амманити: «Я не боюсь».

– Или фильм «Salvatores», это зависит от точки зрения.

– В любом случае, ты боишься.

– Я же говорю, что нет.

– Да, под тем предлогом, что у нас сейчас нет замка.

– Стой здесь и не уходи.

Через минуту я возвращаюсь. С замком в руках.

– Где ты его нашел?

– У брата. Он возит с собой замок и цепь, чтобы руль блокировать.

– Ну вот. Ты еще и замок у него стащил.

– Надо же, какая ты правильная. А ты, между прочим, еще двадцать евро мне должна.

– Ну и жмот.

– Ну и воровка!

– О чем это ты? А, ты хочешь, чтобы я тебе заплатила за замок? Давай подсчитаем общую сумму.

– Тогда ты мне слишком много должна.

– Ладно, хватит, остановимся на этом. Так как насчет замка? Будешь вешать или нет?

– Конечно, буду.

Я вешаю замок на цепь, закрываю его и вытаскиваю ключ. Держу его двумя пальцами и смотрю Джин прямо в глаза. Она смотрит на меня с недоверчивой улыбкой.

– Ну и?

Я держу ключ между указательным и большим пальцами. Он неуверенно болтается, вися над пустотой. И я отпускаю его. Он летит вниз, кружится и теряется в водах Тибра.

– Ты действительно это сделал...

Джин смотрит на меня как-то странно, задумчиво и взволнованно.

– Я же сказал тебе: я не боюсь.

Она прыгает на меня, обхватывая меня ногами, обнимает, целует и кричит от радости, она вне себя, она... она красива.

– Эй, не слишком ли много счастья? И что, эта легенда и в самом деле работает?

– Дурак!

И она с криком бежит по мосту. Навстречу ей небольшой группкой идут люди. Она срывает шляпу с самого серьезного синьора и заставляет его кружиться вместе с нею. И бежит дальше. А все остальные смеются. И шутливо толкают этого господина, а тот злится на Джин и что-то бормочет ей вслед. Я прохожу мимо них и развожу руками. Все разделяют счастье Джин. Даже тот серьезный господин, в конце концов, мне улыбается. Да, это правда: она так красива, что и других заставляет почувствовать себя чуть счастливее.

50

Утро.

– Вот это да! – Паоло как фурия влетает в комнату. – Черт, я и не сомневался, я так и знал, что ты все тот же легендарный Стэп. Но как же, блин, ты это сделал?

Я еще ничего не понимаю, знаю только, что «бляха» здесь бы лучше подошло – «блин» я на дух не выношу. Переворачиваюсь в постели и высовываюсь из подушек.

– О чем ты?

– Машина! Ты нашел ее так быстро. Тебе вечера хватило. Ну, ты даешь.

– А, да... я сделал пару звонков. И мне пришлось дать там, сам знаешь что.

– Что я знаю? Я ничего не знаю... – Паоло садится на кровать. – Что тебе пришлось дать?

– Эй, не строй из себя идиота... деньги.

– Ах, да. Конечно, и говорить не о чем, знаешь, я от радости сам не свой – ничего не понимаю. Слушай, а что за тип у меня ее увел? Ловкач, или засранец, или бандит, или, может, он из этих... С такими лицами...

Я прерываю этот ошибочный ход мыслей.

– Я его не видел. Мне ее подогнал один мой знакомый, он никакого отношения к нему не имеет.

– Так даже лучше. Чем хуже, тем лучше.

– Что это значит?

– Ну, так говорится.

Я снова переворачиваюсь в постели и зарываюсь в подушки. Мой брат. Он произносит слова, значения которых даже не знает. Я чувствую, что он поднимается с кровати.

– Еще раз спасибо, Стэп...

Он направляется к двери. Я выглядываю из подушек.

– Паоло...

– Что такое?

– Деньги...

– Ах да, сколько мы должны?

– Мы? Ты должен заплатить две триста. Гораздо меньше, чем ты предлагал.

– Так много? Вот бляха муха! – всякий раз, когда речь заходит о деньгах, он произносит правильные слова. – Ворюги, не хочется им ничего давать.

– На самом деле, я им уже заплатил. Но если хочешь, давай напишем заявление о краже, а машину я им обратно отгоню.

– Нет-нет, ты что, шутишь? Спасибо, Стэп, ты здесь ни при чем. Я оставлю деньги на столе.

Чуть позже я встаю. День уже начался и мне хочется позавтракать. В гостиной натываюсь на Паоло. Он только что заполнил чек.

– Вот.

Он ставит последнюю завитушку на подписи.

– Я тут и тебе немного оставил за беспокойство. Разглядываю чек. Паоло радостно смотрит на меня, как бы говоря: «Ну что? Ты доволен?».

Две тысячи четыреста. То есть на сто евро больше, чем я должен был бы отдать вору. Сто евро тому, кто разбился в лепешку, чтобы найти его машину! По крайней мере, он так думает. Скупердяй! Да ты живешь на широкую ногу! Дай хоть две пятьсот, что ли. Но поскольку на самом деле он дал мне шикарные чаевые, «одолжив» мне свою машину, оплатив чудесный вечер – прекрасный ужин и все остальное... я не могу сказать ничего, кроме:

– Спасибо, Паоло.

– Да не за что, тебе спасибо.

Это та фраза, которую я ненавижу больше всего.

– И еще, Стэп, знаешь, удивительно, но у меня утащили даже замок.

– Замок?

Делаю вид, что безмерно удивлен.

– Я так волновался за машину, что когда оставлял ее где-то, вешал на руль цепь. Вчера я ее не надел, но мне и в голову не пришло, что ее могут увести из гаража. Зачем вору понадобился замок?

– Да, зачем вору замок?

Я и вправду не знаю, как ответить на такой вопрос. Попробуй, объясни ему. Знаешь, он висит на «цепи влюбленных».

– Но это еще не все, Стэп. Посмотри.

Паоло бросает что-то на стол. Я беру вещь в руки, рассматриваю внимательнее. Узнаю застежку, которую я расстегивал вчера. Бюстгальтер. Ее бюстгальтер.

– Понимаешь... эти засранцы увели у меня машину и поехали трахаться! Надеюсь, что она не дала этому вонючему вору. И навесила ему замок...

– Ну, если ты нашел этот бюстгальтер в машине, значит, дело пошло не так, как тебе хотелось бы.

– Тоже верно.

Я направляюсь к кухне.

– Ты что, себе его возьмешь?

Делаю вид, что не понимаю, о чем речь.

– Что?

- Как что! Бюстгальтер!
- Я улыбаюсь и раскачиваю им в воздухе.
- Как знать, может быть, это новая история про Золушку! Только вместо туфельки – вот это. Я буду искать ту, что сумеет надеть на себя этот бюстгальтер.
- Тут есть один нюанс: он подойдет всем, у кого третий номер.
- У тебя глаз-алмаз. Так даже лучше, это будет нетрудно.
- Паоло смотрит на меня удивленно.
- Стэп, прости за вопрос... а ты что же, воображаешь себя принцем на белом коне?
- Это зависит от того, какова в этой истории Золушка.

51

- Ну как?
- Эле едва не напрыгивает на меня. Она, похоже, сошла с ума.
- Рассказывай! Давай... что там у тебя было? – Она толкает меня, пихает кулачками, чуть ли не бьет. – Я уверена, что-то было...
- Да с чего ты взяла?
- Я чувствую... чувствую... ты же знаешь, у меня интуиция.
- Она садится поближе.
- Раз интуиция, тогда ладно, я тебе расскажу, но не говори никому, хорошо?
- Эле кивает, таращит глаза, она сгорает от нетерпения.
- Мы занимались любовью.
- Что?
- Что слышала.
- Не может быть.
- Может.
- Ты, подруга, что-то загнула.
- Ну, тогда мы ничего не делали.
- Да, ничего! Никогда не поверю.
- Ну вот, видишь? Ты же не веришь в это.
- Но ведь есть что-то среднее.
- Слушай, что ты от меня хочешь?
- Правду.
- Да я же сказала тебе правду.
- То есть?
- Первое.
- То есть? Вы трахались?
- Но почему ты так это называешь?
- Потому что вы именно этим занимались, или нет? – она смотрит на меня недоверчиво, все еще до конца не веря. – Тогда ты мне наврала.
- Ну хорошо, тогда мы трахались, занимались любовью, занимались сексом, как хочешь, так и называй. Но мы это сделали.
- То есть, вот так сразу, ты – с ним?
- Да-а-а-а, а с кем же еще?
- Ну извини, ты же столько времени ждала.
- Вот именно! Видишь, какая ты непоследовательная. То ты мне говорила: «Ну, когда ты уже это сделаешь, ну вот хотя бы с этим, иди с этим, какая тебе разница, если не понравится, ты можешь послать его...» – ты толкала меня к первому встречному, а теперь зудишь, что я пошла со Стэпом. Ты какая-то странная.
- Да нет, мне просто кажется необычным... ну и как он был?
- Как он был? А я-то откуда знаю, мне не с чем сравнивать.
- Да, но тебе было хорошо, он сделал тебе больно, ты получила удовольствие, каким способом вы это сделали?
- О Боже, ты как полноводная река, тебя распирает от вопросов.

- Да, я такая.
- Какая?
- Полноводная река.
- Ну, ладно. Сначала мы были на Капитолии. Там мы начали... Потом перешли на римский Форум...
- И там он тебя проткнул.
- Эле!!! Ну почему тебе надо обязательно все испортить? Это было прекрасно. Если ты будешь продолжать в том же духе, ничего больше не расскажу.
- Эй, если ты будешь продолжать в том же духе, я тоже попрошу слова.
- Быть не может. Его голос. Мы с Эле резко оборачиваемся. Двумя рядами дальше сидят они – Стэп и Марк-Антонио. Они все слышали. Но давно-ли они там? Что я сказала? О чем говорила? За четверть секунды у меня в голове пронеслись последние полчаса... что я делала, что говорила. О Боже! Что я там ей рассказала? Что-то все же рассказала. Но сколько времени они там сидят? Я убита, уничтожена, я готова провалиться сквозь землю. Но ведь это ТП, Театр Побед, храм варьете. Здесь выступал этот, как его? Проволино⁵². Как он там говорил? «Ротик мой, закройся и молчи». А если бы я была Карра⁵³, я бы исчезла как волшебница Магелла в ее песне. Я встречаюсь взглядом со Стэпом, он насмешливо говорит:
- Ну, так как, у нас неплохо все получилось, да? Так ведь, Джин?
- И он весело смеется. Я даже не знаю, что сказать... Нет, он не должен был услышать все. Во всяком случае, я на это надеюсь. Марк-Антонио нарушает драматическую паузу.
- Ну, что сегодня вечером будем делать? После всех этих чудных историй мы могли бы устроить приватную вечеринку.
- Марк-Антонио смотрит на меня. Взгляд у него очень красноречивый. Шутит, наверное. По крайней мере, я на это надеюсь...
- Поменяемся парами? – Эле хохочет, глядя на меня.
- Неплохо бы. С тобой, Джин, я бы замутил!
- Марк-Антонио подходит ко мне и гладит меня по голове. Стэп сидит спокойно, покачиваясь на сиденье взад-вперед. Я не знаю, что делать. У меня дыхание перехватывает. Я краснею, во всяком случае, мне так кажется. Опускаю глаза, фыркаю. Волосы наэлектризованы. И тут случается чудо.
- Так, все готовы? Начинаем!
- И при этих словах ассистента студии, или директора, – не знаю точно, – начинается всеобщее движение. Кем бы он ни был, он меня спас. Я убегаю, но вскоре возвращаюсь назад. Он, похоже, не готов к этому моему демаршу, тем лучше. Я подхожу к нему и зову:
- Стэп?
- Он оборачивается. Я легонько целую в его губы. Вот так. Стэп смотрит на меня. И улыбается так, как только он умеет.
- И это все?
- Не хочу, чтобы последнее слово было за ним.
- Да, пока все.
- И, больше ничего не сказав, спокойно ухожу.
- Директор студии подходит к Стэпу.
- Сильна девчонка.
- Очень.
- Как ее зовут?
- Джиневра, для друзей – Джин.
- Действительно сильна.
- Директор студии отходит. А я неуверенным голосом его окликаю.
- Эй...
- Да?
- Это верно, что сильна. И она – моя.

52 Венецианская маска.

53 Раффаэлла Карра — итальянская актриса, певица, телеведущая.

52

В день репетиции я сижу с Марк-Антонио в режиссерской. Рядом с нами, отделенные от нас стеклом, сидят Мариани и компания. Змей нервно ходит из угла в угол. Кот & Кот сидят как ястребы-стервятники за спиной у Романи. Они смотрят на монитор, зыркают глазами по залу, подыскивая идеальный кадр, именно тот кадр, который лучше всего даст людям возможность увидеть то, что им покажут. А вот Романи – тот, наоборот, сидит спокойно и покуривает сигарету, которая каким-то образом висит в его пальцах, сохраняя равновесие, в нескольких сантиметрах от лица. Пепел описывает сложнейшую дугу, парит какое-то время в воздухе, не падая, Романи другой рукой делает легкие движения, шелкая пальцами. Он чередует камеры, которые ему быстро выводит невозмутимый помощник. Тот нажимает кнопки на клавиатуре, как будто играет на маленьком пианино, находит на маленьких мониторах картинки и переводит их на большой монитор, стоящий перед Романи. Один, два, три, наплыв, четыре, пять, шесть, общий план.

– Вот Стэп, это и есть телевидение, – Марк-Антонио слегка хлопает меня по плечу. – Пойдем на наше место, скоро начинаем.

– А что это сейчас делают?

– Да ничего особенного. Это только репетиция, последняя перед генеральной. Мы практически в заднице – настолько отстаем от графика. Но так почти всегда бывает.

– Понял.

Я пожимаю плечами: не очень-то я понял. Но, похоже, сейчас очень важный момент, в воздухе висит странное напряжение. Операторы надевают наушники – натягивают их, как солдаты, готовящиеся к бою. Они быстро крутят ручки zoom, проверяя его работу, примеряются к камерам, расставляют ноги, принимая нужное положение: этикие пулеметчики, готовые стрелять в любую цель, указанную им генералом Романи.

– Три, два, один... пошла заставка!

Звучит музыка. Внезапно оживает цветной монитор, стоящий напротив нас. Появляются сделанные нами раскрашенные логотипы. И так же внезапно исчезают. И сразу, один за другим, с определенным интервалом, начинают раскрываться многочисленные занавесы. Камера номер два, оператор, которой единственный из всех имеет возможность и удовольствие работать сидя, медленно двигается в центр студии. На цветном мониторе можно видеть то, что он снимает. На камере горит красный огонек, это значит, что она в работе. Камера неуклонно движется вперед, как хорошее охотничье ружье. На мушке – последний занавес, маленькая дверца на заднике, и вот она открывается. Из нее выпархивают, одна за другой, – блондинки, брюнетки, рыжеволосые... Они вылетают из этой дверцы, как маленькие бабочки, как разноцветные листья, падающие с осеннего дерева телевидения – танцовщицы. На одних – длинные платья, на других – короткие, третьи – в вуалях. Под одеждой угадываются мышцы, на лицах – неизменные улыбки, у одних – стрижки, другие – крашенные, у всех яркий макияж. Они легко выбегают в центр, изящно становятся в ряд. И, подобно маленьким грациозным солдатикам, начинают с одной ноги. Они кружатся, приближаясь и отдаляясь друг от друга, разводят руки в стороны и улыбаются в камеры с горящим красным огоньком, которые отправляют их в эфир. Безупречные операторы танцуют вместе с ними, меняя кадр, берут их за руки, отпускают и вновь берут. А Романи всем этим управляет, изумительный мастер только что созданной музыки, сочиненной из образов и света. Марк-Антонио в полном молчании быстро стучит по клавишам компьютера, являя на свет 3D титры, которые появляются и исчезают то на лице брюнетки, то на фоне общего вида сверху, то на наплыве. Молодчина. Он ни разу не ошибся. Последние аккорды, и музыка смолкает. Наступает тишина. Девушки стоят в ряд и все вместе поднимают руки, указывая на задник сцены. Из дверцы появляется ведущий.

– Добрый вечер, добрый вечер. Вот мы все здесь собрались... Что значит – гений? Это значит, это значит... Например, это гениально – стоять здесь с этими красотками и получать за это деньги...

Я смотрю на Марк-Антонио.

– Он что, действительно, будет это говорить?

– Да нет, ты что... Это он на репетиции так прикалывается, чтобы развлечься, а заодно, может, какую-нибудь танцовщицу заклеить. А когда он в эфире, все совсем по-другому. Это самый классический ведущий. Он не понимает, что мог бы быть гораздо интереснее. Сейчас народ уже все читает, все смотрит и все знает. А он думает, что те, кто его смотрит, полные идиоты.

– Ну, если они его часто смотрят, они и впрямь идиоты.

Марк-Антонио обращает на меня насмешливый взгляд.

– Хм, я вижу, ты уже кое-чему научился. Неплохо. Садись-ка, я тебе объясню, что надо делать.

– Как это – что делать? А тебя что, не будет?

– Когда-нибудь так может случиться, что меня не будет, у меня случатся другие дела и тогда... Сейчас ты на самой нижней ступени, а завтра все будет в твоих руках, ты должен осваивать ремесло.

Осваивать ремесло. Не очень-то звучит. Как будто какой-то громадный пылесос засосал тебя и не отпускает. Я сажусь рядом с Марк-Антонио, и он начинает объяснять.

– Так... этой клавишей ты включаешь, этой – снова ставишь логотип в 3D...

Я стараюсь все запоминать, но на минуту отвлекаюсь. На мониторе появилась Джин, она принесла что-то ведущему, он, улыбаясь, благодарит ее. Я смотрю крупный план, который Романи нам любезно предоставляет. Джин уходит, а ведущий продолжает что-то объяснять. Марк-Антонио тоже что-то объясняет. Я думаю о Джин и о контракте, который я подписал на этой работе. Проклятый пылесос. В обоих случаях я чувствую себя проигравшим.

* * *

Чуть позже. Репетиция окончена. За занавесом девушки быстро переодеваются, вновь включают телефоны, которые сразу же звонят. Джин подходит к Эле, та низко склонилась в углу раздевалки.

– Эле, что с тобой?

– Ничего, я перевозжу дыхание, меня тошнит. Трудно! Но интересно. И так всегда?

– Это еще цветочки. Ты бы видела, что делается на эфире. Это просто репетиция.

– Я вижу, и другие не лучше, чем я. И все же ведут такую жизнь. Еще пара таких репетиций и я буду в норме. Со здоровьем у меня порядок.

Джин улыбается и хлопает Эле по плечу. И даже подмигивает. Она на седьмом небе от счастья. Наконец-то ее взяли. По крайней мере, на этот раз. Никто не знает, может, это было немного по благу... Джин не хочется про это думать. Она смотрит, как подруга переодевается. «Она снимает платье, как... Эле, – думает Джин. – Меня всегда забавляла ее манера одеваться и раздеваться... Не то, что она надевает, а как она это делает. Это всегда напоминает борьбу между нею и тем, что она должна надеть. На ней все висит как на вешалке; она одергивает одежду, чуть касается волос, отбрасывает их назад и вот, она готова.»

53

Я нашел свою Золушку. Стэп, о чем это ты? Ты пропил себе мозги... нашел свою Золушку. Да ты с ума сошел. Ну, хорошо, скажем просто: она тебе нравится. Она умная, симпатичная, забавная. Красивая! Что-то она опаздывает... Я стою под ее домом, дал ей гудок по телефону, и она мне тоже ответила гудком. То есть поняла, что я внизу. Ну, хватит! Сейчас я ей позвоню в домофон, и мне плевать, что родители не должны ничего знать о ее личной жизни. Тем более что брат, Джан-Лука, видел, как мы целуемся. Два раза. А если ее родичи увидят, как мы идем куда-то вместе? Ну и что? Если бы они нас застукали, когда мы трахались, я бы еще понял! Вот тогда бы это была проблема. Ладно, позвоню в домофон.

Подхожу к дверям, ищу имя Биро.

– Стой, что ты делаешь?

– Как это что? Звоню кое-кому, кто опаздывает.

– Но я же вовремя пришла! Ты мне позвонил, и я сразу спустилась. Только я думала, что ты приедешь на «Ауди», не на мотоцикле... а то я в юбке.

– Зато как рады будут те, кто поедет рядом в машинах... у тебя там надеты трусики?

– Вот кретин! – она легко ударяет меня по плечу.

У меня там реально скоро синяк будет.

– Ну, извини... Я долго разговаривал с вором, потом обсуждал цену за возврат, а потом привез «Ауди» брату, который страшно этому обрадовался.

– Бедняжка.

– Ничего себе бедняжка. Он был готов отдать за машину четыре триста, а я помог ему сэкономить.

– То есть?

– Немного больше половины.

– По-твоему, ты его еще и облагодетельствовал?

– Конечно, давай, садись.

– Ну да, ему несказанно повезло с братом.

– Можешь сказать погромче?

Джин повышает голос:

– Ему чертовски повезло с братом!

– Да я просто так сказал, я тебя прекрасно слышал.

Она целует меня в губы и залезает на заднее сиденье, заткнув под зад платье.

– Ты что, шуток не понимаешь? – я передаю ей каску. – Слушай, мне в голову пришла одна идея... А твой брат, как у него с деньгами?

– Ну, это совсем не в тему. И вообще, тот, кто трогает мою семью, – сразу в пролете, понятно? Но уже то, что ты посмел об этом подумать, все меняет.

Джин слезает с мотоцикла и встает передо мной.

– Давай, меняемся!

– То есть? Ты сейчас меня поцелуешь по-настоящему, а не так, на ходу?

– Да, размечтался! У меня изменились планы. Слезай!

– Только не говори мне, что мы снова в контрах. Для этого встретимся в спортзале.

– Да ты не понял. На этот раз ты легко отделаешься. У меня изменились планы. Это значит, что сейчас ты слезешь с мотоцикла, а поведу его я.

– Что?!

Я прикидываю: она, Джин, хочет вести мотоцикл. Мой мотоцикл. Да кто она такая? Женщина. Да, согласен, она – Джин. Но все равно это мой мотоцикл, а она, хотя она и Джин, все равно женщина. И тут я слышу невероятные слова. Ушам своим не верю.

– Хорошо, согласен. Хоть повеселюсь, глядя, как у тебя это получится.

А это уже я, Стэп. Да ты что? С ума сошел? Да нет вроде. Я уже ничего не соображаю. Проклятие. Я выжил из ума. Переползаю на заднее сиденье, предоставив Джин переднее. Она садится. А я-то хорош! Спасите-помогите! Ой, я из ума выжил.

– Ты хоть знаешь, как им управлять?

– Конечно. За кого ты меня держишь? Чего я только не делала, и ведь не училась специально.

– Да-а-а...

Я с трудом сдерживаю улыбку. Я думаю о той скамейке в темноте, о той ночи, о нашей «истории»... Меня так и подмывает сказать: «Ну да, как прошлой ночью». Но я молчу. Это была бы грубая шутка. Пуф! Она ткнула меня локтем прямо в живот.

– Я знаю, о чем ты подумал.

– О чем?

– Ты подумал: «Да, как прошлой ночью»... Ну, что? И еще: «У тебя никого не было, и если бы не я»... правильно? Скажи правду: ты это подумал?

Что тут скажешь? Она все угадала правильно. Не моргнув глазом, вру:

– О-о-о, у кого-то рыльце в пушку! Конечно же, я об этом не думал! Ты заиклилась на мысли, что я все время об этом думаю. Ты сильно ошибаешься!

– Да? И о чем же ты думал? Я видела в зеркале как ты улыбался.

– О чем? О бензине... О том, как ты поведешь мотоцикл.

– Ну ладно... так и быть, поверю тебе. Давай поедem уже. Как эта штука заводится?

– Эта штука – «Хонда Кастом 750» с линзообразным колесом... берет запросто двести, а заводится вот так.

Я наклоняюсь вперед, берусь за руль, и Джин оказывается у меня между руками, как будто я ее обнимаю сзади. Потом большим пальцем правой руки заводжу мотор. Немного прибавляю на газ и глубоко вдыхаю запах ее волос. Они мягкие и ароматные, легко ласкают мне лицо. Я закрываю глаза. И забываюсь.

– Эй!

Открываю глаза.

– Да, что такое?

– Если ты так и будешь сидеть, я не смогу ехать. – Она улыбается.

– Ну да.

Убираю руки и сдвигаюсь назад. Джин надевает каску и застегивает ее под подбородком. Я делаю то же.

– Ну, Стэп, ты готов?

– Да. Знаешь, как ставить ско...

Я не успеваю закончить, как Джин включила первую и рванулась вперед, поддав газу. Я чуть не падаю назад от толчка. Никак не ожидал. Больше такого не случится. Надеюсь. Я крепко держу ее за талию. Однако. Неплохо она ведет. Невероятно. Спокойно переключает скорости, играя сцеплением. Наверняка она уже водила мотоцикл. Красный свет. Она резко тормозит на большой скорости. Двигатель глохнет, и мотоцикл чуть не падает. Мы бы завалялись вправо, если бы я не выставил ногу. Удерживаю обоих. Завожу мотор...

– Эй, как ты? Уверена, что хочешь вести дальше?

– Я не заметила, что зажегся красный. Этого больше не случится.

Она переключает скорость.

– Ты уверена, что...

– Я же сказала, такого больше не случится. Ты уже решил, куда мы едем?

– В «Warner». Там много залов и у них готовят...

Она не дает мне закончить.

– Прекрасно. Тогда рванем по объездной.

И быстро трогается на первой скорости. Она снова меня сделала.

«Warner Village». Больше четырнадцати залов, разные фильмы разные сеансы. Два ресторана, паб и туча народа.

– Слушай, Джин, я не верил, что мы сделаем это.

– Что именно? В смысле, что у нас бензина не хватит, или что мы не найдем «Warner»?

– Вообще-то я волновался насчет того... доедем ли мы живыми!

– Ах-ах! Разве тебе не понравилось, как я тебя довезла? На твоём же мотоцикле! По моему, ты пережил сильные ощущения. Когда я разгонялась, делала слишком резкие повороты... когда я обгоняла сразу две машины... Я чувствовала, как ты вцеплялся мне в куртку, и тогда я сбрасывала газ, немного тормозила, чтобы ты немного успокаивался. Мне так понравилось! Чувствовать тебя и твои переживания. Мне казалось, что ты – провод педали газа.

Я молчу, и мы идем к кассе покупать билеты.

– Эй, Стэп, ну ты понял?

– Что?

– Историю о проводе педали газа?

– Надеюсь, меня не понадобится никуда присоединять.

– Как знать? Я даже заволновалась, когда ты замолчал. Как будто потерял контроль над ситуацией. Спокойно, спокойно! Давай, иди покупай билеты, а я пойду за попкорном.

– Да, но в какой зал?

– А мне все равно!

– Понял. Хотя бы скажи, какой ты фильм хочешь посмотреть? Комедию, мелодраму, ужасы?

– Сам выбирай. Извини меня, я тебя сюда привезла, а теперь еще и фильм самой выбрать? Не слишком ли? Ты тоже сделай хоть что-нибудь. Не забудь только, что фильм ужасов ты уже видел.

– Сильно ошибаешься, Джин, я ничего еще не видел.

Я смотрю, что там идет, намереваясь выбрать фильм. «Что скрывает ложь»⁵⁴. Так, я его не смотрел. Но откуда ей знать, что я видел, а что – нет.

– Да ты же только что смотрел ужастик. «На объездной позади Джин»! Настоящий триллер. Бр-р-р. Ты до сих пор дрожишь. Я же вижу. Бери на мелодраму, там впросак не упадешь.

Две девчонки, стоящие передо мной, смеются. Джин удаляется, покачивая головой. С ума сойти... Девчонки передо мной оборачиваются и снова улыбаются. Потом, к счастью, они снова увлекаются прерванным разговором. Впервые понимаю, что значит чувствовать себя «подчиненным». И кому! Женщине, Джин, той, что вела мой мотоцикл, вела хорошо, спокойно, уверенно, быстро... Она проехала по всей объездной, в юбке, переключая передачи изящной туфелькой, обгоняя несущиеся машины. Джин... первая женщина, которая вела мой мотоцикл. И первая, сумевшая подчинить меня! Я едва сдерживаю смех. Моя очередь. Снова становлюсь серьезным и без всяких колебаний покупаю билеты.

Джин стоит в дверях зала с двумя стаканчиками попкорна и кока-колой с парой соломинок, которую она поставила на приступок.

– Ну, все в порядке?

Я беру кока-колу, делаю глоток и обгоняю ее.

– Пойдем.

Джин, идет за мной, стараясь не просыпать попкорн.

– Можно узнать, какой ты выбрал фильм?

– А что? Ты сразу начнешь возражать?

– Я?! Почему ты так думаешь? Это неправда. Я очень покладистая. И совсем не зануда. И потом, я ни один из этих фильмов не видела. Ни комедию, ни мелодраму, ни даже триллер. Мне все одинаково интересно.

– Да? Ну, вот я на все и взял? – И я вынимаю из кармана шесть билетов. – Сначала ужасы, потом комедия, чтобы ты слегка пришла в себя, а потом мелодрама, и тогда, возможно, я тоже почувствую удовлетворение.

– После мелодрамы?... Каким это образом?

– Удовлетворение в физическом смысле... Послушай, возьмем сегодняшний вечер: ты привезла меня на моем мотоцикле, посмотришь три фильма, вместо одного, между вторым и третьим – перерыв в двадцать минут и мы, наверно, поедем чего-нибудь... И за все это я ничего не получу? Ну, нет, так не пойдет. Ты – мое капиталовложение. Так что мне кое-что, а именно «одна вещь» да причитается. А?

– Только одна вещь? Да ты достоин гораздо большего. Держи, ты все это заслужил!

Джин кидает мне стаканчик с попкорном. Я ловлю его не очень ловко, поскольку в одной руке держу кока-колу. В результате, несколько хлопьев попадают мне на свитер и целая куча рассыпается по полу. Джин уходит, гордо подняв голову.

– Не переживай, это за счет заведения!

Именно в этот момент мимо проходят те две девицы, что стояли передо мной в очереди. Они снова смеются. Я снимаю с себя несколько хлопьев и тоже улыбаюсь.

– Простите ее. Она не хочет сама себе признаться, что влюблена!

Они кивают. Мне кажется, мое объяснение показалось им убедительным. Успокоившись, я вхожу в первый зал. Там темно.

– Джин... Джин, ты где? – я зову ее очень тихо, но, как всегда, находится какой-то тип, который шипит. – Да еще и титры-то не начались... – говорю я чуть громче. – Джин! Подай какой-нибудь знак.

Справа мне в щеку летит попкорн.

– Я здесь...

Сажусь рядом с ней, и она протягивает мне свой стаканчик.

– Если ты свой съел, бери мой. Я щедрая, ты же знаешь.

– Как не знать! Ты прямо в лицо его бросаешь!

54 Американский мистический триллер 2000 г.

Я засовываю руку в ее стаканчик и вынимаю немного попкорна, а потом приканчиваю все остальные.

– Стэп, скажи правду, эту идею насчет трех фильмов ты взял у Антонелло Вендитти⁵⁵?

– Антонелло Вендитти? Да ты что, с ума сошла? Да кто его знает?

– При чем тут это? Из его песни. Там, где он поет про Милана Кундери, который говорит про школу и о Юлии Цезаре.

– Никогда не слышал.

– Никогда не слышал?

– Никогда.

– Да где ты живешь? Ты что, никогда не слушаешь слова?

– Нет, никогда не слушаю певцов-романтиков...

Сидящий впереди господин решительно поворачивается к нам:

– Зато мы все слушаем, что вы там говорите. А нам хотелось бы услышать еще и то, что говорят в фильме. Или сейчас, по-вашему, все еще титры идут?

Зануда мстительный. Он специально подждал, когда мы заговорим, чтобы выдать свою шуточку про титры. А он мог бы просто снова шикнуть. Мы бы замолчали и все тут. Так нет, он тут права качает. Я начинаю подниматься.

– Извини, но...

Не успеваю закончить фразу, как Джин тянет меня вниз за куртку, и я падаю на сиденье.

– Стэп, поласкай меня немного!

Она притягивает меня к себе. Мне не надо повторять дважды.

После первого фильма, «Что скрывает ложь», мы идем выпить пива в паб «Warner» – у нас есть немного времени до начала следующего сеанса.

– Скажи мне правду, Джин... тебе было страшно?

– Мне? Я и слова такого не знаю.

– Тогда почему ты сначала так сильно меня сжимала, а на самом интересном месте отпустила руки?

– Я боялась.

– А, вот видишь? Я же сказал...

– Я боялась, что тот тип впереди или кто-нибудь сзади заметит и заявит на нас... что мы шумели. Или из-за непристойного поведения в общественном месте.

– Уж лучше второе.

– Конечно, тогда я тоже в полиции засвечусь.

– Да не бойся ты! А, например, я коллекционирую заявления. Непристойного поведения мне как раз не хватает!

– Ну так вот: со мной ты свою коллекцию не закончишь.

– Это еще почему? У нас два фильма впереди.

Джин делает резкое движение. Я хватаю ее стакан, пока она не вылила на меня пиво.

– Эй, не бойся. Я просто хотела его допить, ведь скоро кино начинается. Если мы опоздаем, что будет с твоей коллекцией?

Она допивает пиво, встает и манжетом куртки вытирает рот.

– Пойдем. Или ты больше не хочешь?

И с весьма двусмысленным видом идет в зал. Мы смотрим «Очень страшное кино». Сначала – фильм ужасов. Теперь – пародия на ужасы. Интересно, что она думает о моем выборе. Но я ее не спрашиваю, и так слишком много вопросов. Джин ерзает в кресле. То и дело смеется над какой-нибудь сценой с дебильным юмором. Уже одно то, что она смеется, – неплохо. Не надо мной ли она смеется? Слишком много вопросов, Стэп. Да что это с тобой: ты потерял уверенность в себе?

Джин встает.

– Ой, я иду в туалет.

– Давай.

⁵⁵ Итальянский певец и композитор (р. 1949 г.).

– Ты не понял?

– Да, ты же сказала, ты идешь в туалет.

Джин пожимает плечами и с улыбкой пробирается к выходу, слегка наклонившись, чтобы не загоразивать экран сидящим на задних рядах. Или чтобы не бросаться никому в глаза? Я оборачиваюсь назад. Там никого. Продолжаю смотреть фильм. Какой-то тип в маске бежит, спотыкаясь. Но мне не смешно. Может быть, потому что я думаю о Джин. Она в туалете. Или, может быть, потому что просто не смешно. Мне бы тоже надо пойти в туалет. «Надо» – это сильно сказано. Просто пойти, чтобы понять, понял я или нет.

В худшем случае Джин скажет: «А что ты подумал?», а я ей скажу: «А ты что подумала? Мне просто нужно было в туалет. Или по-твоему, со мной такого не может произойти?» М-м-м, она ни за что не поверит. Я пробираюсь вдоль ряда, стараясь не шуметь. Потом кто-то впереди смеется, и смех заглушает мой удар о наполовину опущенное сиденье. Я массирую мышцу бедра и проскальзываю в туалет. Ее нигде не видно. Может быть, она и вправду закрылась в кабинке?

– Ну, наконец-то, – она появляется неожиданно из-за тяжелой бордовой занавески. – А я уж подумала, что ты не понял.

Она смеется. Не стоит говорить ей, что я сначала и впрямь не понял.

– Ты меня испугал.

Джин подходит ко мне и целует. Она теплая, мягкая, красивая, ароматная, желанная, и... готовая закончить мою коллекцию!

– Ну, скажешь что-нибудь?

– Да. Что будем делать? Закроемся в кабинке?

Она улыбается.

– Нет, давай останемся здесь.

Джин отводит руки назад, откидывается на локти и почти полностью забирается на раковину. Разводит ноги и тянется ко мне. Я тянусь к ней, чтобы поцеловать и вижу, что из кармана ее куртки торчат трусики. Она их уже сняла, и это возбуждает меня еще больше. Вдруг до нас доносится смех из зала, именно в тот момент, когда я расстегиваю брюки. Это еще больше меня заводит. И вот я в ней. Все. Мы смеемся, пока я вхожу в нее. Потом она вдруг издает стон и начинает часто дышать, а из зала снова слышен взрыв хохота. Я кладу руки ей на ягодицы, сдавливаю ее и вхожу глубже – я снова хочу, чтобы она была моею. Из зала снова слышен смех. Она тоже смеется. Хотя нет, она улыбается. И вздыхает. Потом обхватывает мою шею и слегка кусает меня.

– Давай, Стэп, давай, не останавливайся...

Я медленно двигаюсь, она ерзает на раковине. Из-под юбки видны ее ноги, юбка скользит вниз. Она сидит на белом холодном фаянсе умывальника... Джин обхватывает дрожь. Она отводит руки назад, прислоняется головой к зеркалу. Я поднимаю вверх ее ноги и вхожу еще глубже. Она дышит все чаще, я чувствую, что она кончает. Из зала доносится мощный хохот. Слышен шум открывающейся где-то неподалеку двери. Я закрываю глаза, делаю несколько неловких движений и тоже кончаю. А Джин теряет равновесие и соскальзывает с раковины куда-то вбок. Пытается ухватиться за кран, он открывается, и струя воды бьет ей сзади на юбку.

– Ай! Холодная!

Мы смеемся. Я быстро закрываю кран. И тут же застегиваю брюки, приводя себя, насколько это возможно, в порядок. Джин смотрит в зеркало. Сзади юбка совершенно мокрая. Я встречаюсь с ней взглядом.

– Тебе понравилось, а?

Смех из зала раздался как нельзя вовремя.

– А ты остроумный!

– Да уж, я их насмешил.

Тяжелая бордовая занавеска неожиданно всколыхнулась и – пух! – будто бы по мановению палочки какого-то неловкого фокусника, перед нами явилась женщина.

– Ой, мне никак отсюда не выпутаться, занавеска такая тяжелая. Туалет здесь, да?

– Да, дверь направо – наша, – говорит Джин, стараясь не встречаться с женщиной взглядом. И исчезает за занавеской.

– Спасибо, – отвечает женщина и проходит мимо, даже не заметив меня.
А я, напротив, очень хорошо кое-что заметил, и, наклонившись, иду следом за Джин в зал.
– Эй, ты тут забыла кое-что.
Она на лету выхватывает у меня свои трусики.
– Дай быстро, – и Джин надевает трусики, откинувшись на спинку кресла. – Мамма миа, если бы та женщина их там нашла, что бы было!
– Да, если бы она открыла занавеску чуть раньше, вот тогда что было бы! Знаешь, что там происходило?
– Да, ты пополнял свою коллекцию!
И снова зал взорвался смехом.

* * *

Чуть позже, после второго фильма. В ресторане «Warner», оформленном в калифорнийском стиле или что-то в этом роде. Жареная куриная грудка с пармезаном и свежие листья шпината. Салат «Цезарь» на двоих.

– Эй, тот листик был мой! – Джин тычет в меня вилкой. – Я просто его не заметила!
– А этот? – я сую в рот еще один, выхватив его с ее стороны.
– И этот тоже.
Но она не успевает остановить меня, и я заталкиваю листок в рот. И жую его с открытым ртом, как какой-то прожорливый травоядный пес.
– Фу, как противно... мне просто противно на тебя смотреть!
– Бэээ! – блею я в ответ.
И в этот момент...
– Вы веселые... именно такими и должны быть пары! Молодые бранятся, только тешатся...

Я тотчас закрываю набитый шпинатом рот. Впрочем, я не очень доверяю этой дамочке. Хотя о каком доверии можно говорить, если я и видел-то ее один раз и... в туалете. Это та самая женщина, которая чуть нас не застучала... в эротических позах. Джин узнает ее и, покраснев, опускает глаза. И фыркает. Сама же все это устроила, а теперь ей, видите ли, стыдно.

– Извините, что я вас спрашиваю, вы не знаете, где здесь туалет?
Джин, кажется, нашла в тарелке очень интересный листок шпината, но все же она отрывается от тарелки и вилкой указывает в глубину зала. Я делаю то же. Но без вилки.
– Там! – говорим мы в унисон и тут же взрываемся смехом.
– Почему вы смеетесь, вы тоже туда собирались пойти?
Я с иронией смотрю на Джин.
– Нам туда надо?
Джин мотает головой, делает губами какие-то странные движения, но на этот раз ей удается не покраснеть.

– Нет, пока нет, скоро начнется наш фильм.
– Что, еще один будете смотреть? Ну и парочка, просто не разлей вода!
– Да... – я смотрю на Джин с улыбкой. – Должен сознаться, кино нас очень соединяет. Особенно киношный туалет.

– Что-то я не поняла.
Джин неодобрительно качает головой, потом улыбается женщине, умиленная ее наивностью.

– Да он пошутил!
– Ладно, извините. Пойду – не могу больше, наверное, слишком много выпила. А может, возраст.
– Да что вы, синьора. Мы тоже часто ходим в туалет...
Джин сильно толкает меня в плечо.
– Хватит! Пошли, фильм уже начинается!
Уже через минуту мы сидим в другом зале. Здесь идет фильм о старых временах. В

«Warner» – это премьера. Джин прижалась ко мне и покусывает ногти. С экрана доносятся слова, которые я тебе еще не сказал. Кевин Костнер потерял жену и не хочет начинать все сначала. Он не хочет больше жить. Пишет письма, кладет их в бутылку, и они исчезают в море, одна за другой, – его любовь потерпела кораблекрушение. Но он ни к кому в этих письмах не обращается. Потом одна журналистка находит его послание в бутылке. Письмо трогает и ее, и складывается любовная история. Включается свет. Первая серия закончилась. Джин смеется, хлюпая носом и прячась за распущенными волосами, потом смотрит на меня и снова смеется. И хлюпает носом.

– Ты плакала! – я тычу в нее пальцем.

– Ну... и что? Этого-то мне что стыдиться?

– Слушай, да это же просто фильм!

– Да, а ты совсем бессердечный.

– Ну вот, так я и знал... как всегда, я виноват! Пойдем в туалет и помиримся?

– Кретин... сейчас это совсем некстати.

Джин бьет меня кулаком в плечо.

– Значит, есть моменты кстати и есть – некстати? Ну ладно, только «кстати» – плохо звучит.

– Ш-ш-ш! Тихо, фильм начинается!

И она сползает вниз, на кресло. Обнимает меня и, посмеиваясь, перехватывает мою руку, потянувшуюся в поисках развлечений.

Немного позже за бокалом пива.

– Тебе понравилось?

– Очень. Я все еще переживаю.

– Ну Джин, это уж слишком!

– Ну что я могу поделать? Так уж я устроена. Конечно, если бы он не утонул на лодке и все остальное... именно сейчас, когда он снова обрел любовь... полюбил журналистку... отвратительные сценаристы.

– Да почему же? Фильм прекрасный! Теперь журналистка будет писать любовные письма и класть их в бутылки, их найдет кто-нибудь еще, и история начнется сначала... Или она положит с письмом груз, и тогда бутылки утонут, и их будет читать Кевин Костнер.

– Мамма миа. Да ты просто невыносим!

– Я пытаюсь сгладить драму, по поводу которой ты так переживаешь.

– Ничего я не переживаю. А слезы очищают душу. Плакать полезно, это благотворно влияет на железы, понял? Так же успокоительно действует, как поцелуи.

– Поцелуи?

– Да. В поцелуях есть ферменты, такие странные вещества... типа... эндоморфина, думаю, ну, в общем, что-то вроде наркотика. Поцелуи успокаивают... а почему я тебя целую, как думаешь?

– Ну, я думал... Из-за сексуального влечения.

– Да нет, ради успокаивающего эффекта.

– Ну вот, теперь, благодаря тебе, я открываю в себе новые возможности. Надо бы мне целовать побольше женщин. Может, они бы смекнули, что это гораздо лучше валерианки, и я смог бы развернуться на фармацевтическом рынке! Знаешь, деньги...

– Знаешь, удары кулаком...

– А, видишь, при одной этой мысли ты уже ревнуешь.

– Стэп, а ты никогда не думал...

– Стать ревнивым?

– Да нет, начать писать. Ну, не знаю, стихи там, письма...

– И класть их в бутылки.

На самом деле, я пробовал писать Баби. Это было в Рождество. Я помню все, будто это было вчера. Скомканые листки бумаги, брошенные под стол. Отчаянные попытки найти подходящие слова. Подходящие для человека, потерявшего всякую надежду. Помню себя самого. Как я, задыхаясь, делаю бессмысленную попытку вернуть любовь, уходящую от меня. Ушедшую. И потом, встретив ее, – она шла с другим, – не суметь найти самых простых слов. Ну, не знаю... например... Привет. Привет, как дела. Привет, ну и холод. Привет,

вот и Рождество. Поздравляю. Или еще хуже... Привет, но как... Или: привет, я никогда тебе не говорил... Привет, я тебя люблю. Но какая теперь разница? Теперь все равно.

– Нет. Никогда ничего не писал. Даже поздравительных открыток.

– И не пробовал?

– Нет, никогда.

Но что ей надо? Что она цепляется? Джин искоса смотрит на меня.

– М-м-м... – она в нерешительности. – Жаль! Мне кажется, это было бы прекрасно!

– Что?

– Получить что-нибудь, написанное тобой. Я бы хотела получить стихотворение... красивое стихотворение.

– Еще и красивое! То есть, недостаточно, что я просто напишу... оно еще и красивым должно быть.

– Конечно... обязательно красивым. Пусть и коротким. Это должно быть красивое, прочувствованное стихотворение, наполненное любовью... может, тебя и простили бы!

– О чем это ты... Стихотворений я не писал, но что-то подобное собирался...

– Значит, перед этим ты мне врал? – она, улыбаясь, встает из-за стола. – Врун!

Я делаю последний глоток пива и через мгновение стою рядом с ней.

– Слушай, скажи, а как ты поняла?

– По твоим глазам, Стэп. Мне жаль, но твои глаза говорят все... ну, или почти все.

– То есть?

– Я поняла, что, по крайней мере, один раз ты пробовал написать письмо, или стихи, или что-то такое. Я не знаю, тебе виднее.

– А, конечно.

– Вот видишь, ты сказал: конечно.

Черт меня дернул сказать это «конечно». Но, с другой стороны, что значит – конечно? Мы молча идем к мотоциклу. Одно ясно. Мне надо чаще надевать очки. Темные. Может, даже ночью. Или не врать. Нет. Легче носить очки... Конечно.

54

10 октября.

Урааа! Первая передача прошла прекрасно. Я, Джин, ни разу не облажалась! Еще чего не хватало. У меня был один только выход в конце этой передачи: я должна была просто выйти с конвертом, в котором – имя победителя. В чем тут можно ошибиться? Ну, например, я могла споткнуться. А вот Эле была просто на высоте. Она должна была войти посередине действия и вручить конверт с промежуточной оценкой. Она не споткнулась. Она была само совершенство. Она вошла, подошла к ведущему в правильный момент, в правильном месте, разве что... она забыла принести конверт! Молодчина! Да что там, супермолодчина! Эле – это всегда Эле. А все начали смеяться, ведущий классно пошутил (все-таки не очень классно, судя по тому, что я эту шутку не помню). И Эле сразу все полюбили! В конце, вместо того, чтобы ругать ее, все ее хлопали по плечу и смеялись. Кто-то сказал даже, что она это сделала специально! Эле... да уж. Театральный мир... там принято замечать что-нибудь плохое. Как сказал мой дядя Ардизио, когда он узнал, что я тут работаю: «Осторожно, племяшка, это дело плохо пахнет». Может, он и прав. А вот Стэп, он всегда вкусно пахнет...

5 ноября.

С сегодняшнего дня я – супер стар! Меня поставили к девочкам, которые работают в балете. Сума сойти... и это было прямо на репетиции! Завтра у нас выход в эфир, посмотрим, как я справлюсь. Мне сказали, что прямой эфир – это особая ответственность. «Там проще ошибиться, и твоя ошибка пойдет прямо на экран». Спасите-помогите! Не буду об этом думать. И мама меня увидит. Она не пропускает ни одной передачи. Она просматривает их до самого конца и всегда успевает меня заметить. В прошлый раз она сказала: «Я тебя видела сегодня вечером!» – «Но мама, ты ошибаешься, я ничего не делала». – «Как же ничего, когда я видела, как ты выходила в финале на поклоны... ты была последняя справа, позади

всех...» Моя мама! Ничего от нее не утаишь. Или почти ничего.

6 ноября.

Великолепно! Хореограф сказал мне: «Великолепно!». Я удивилась и сказала: «Кому вы сказали, девушке передо мной?». И Карло, наш хореограф, начал хохотать как сумасшедший. «Ты ужасно симпатичная», – это он мне сказал. Но это еще не все. Он попросил у меня телефон. «Так я смогу тебя позвать на репетиции кардебалета. Ты сможешь достичь большего, если будешь ходить на репетиции со всеми...» Классно, мне так нравится танцевать! Все было бы прекрасно, если бы в тот момент, когда Карло записывал мой номер, мимо не проходил Стэп. С обычной своей стремительностью. Он тоже классный. Вот только, он разозлился до невозможности. Стэп – ревнивый. Как прикажете это понимать? Эле говорит, что Стэп фантастический, восхитительный. Конечно, с ней он такой! Еще Эле говорит, что Марк-Антонио зациклен на идее открытой пары.

А вот Стэп... на паре за железной дверью! Нет ли чего-нибудь посерединке?

К счастью, мы помирились. Последний этаж моего дома – лучшее место для примирений... и для оздоровления обстановки... как говорит Стэп. К счастью, туда не доходит лифт и можно надеяться, что в два часа ночи никто не придет развешивать белье. Брата моего на этот раз тоже что-то не видно. И той дамочки из киношного туалета. «Хорошо, – сказал Стэп, – здесь спокойно, значит, моя коллекция подождет...» Если так и дальше пойдет, рано или поздно он ее на самом деле доведет до полного собрания!

10 декабря.

Уфф! Ну почему все всегда так кончается? Разве не бывает просто хороших отношений между мужчиной и женщиной, когда они вместе работают? Похоже, не бывает. Это доказал Карло, хореограф. И самым грубым образом. Хуже не бывает. Он погладил мне грудь. Он хотел, наверное, чтобы меня охватила сексуальная дрожь. А мне захотелось блевать. Все уладил один удар. Очень сильный. Карло стукнулся о полочку на зеркале и согнулся пополам. Может быть, я слишком сильно ударила. Да нет, вроде не слишком. Только он сказал мне больше не появляться на репетициях «Разве что...» – сказал он. Разве что!.. Да ты отдаешь себе отчет? Разве что... что? Ухх! Мне хотелось ему ответить: «Разве что я покажусь там со Стэпом!». Это будет покруче удара... Я решила. Стэпу ничего не буду рассказывать о Карло. В его коллекции ему не нужны параллели.

20 декабря.

Поверить не могу. Стэп всегда такой невнимательный ко всему и ко всем, касательно моей работы, а тут вдруг так разволновался. «Что это ты не ходишь больше на балет?» – «Ну, – сказала я, – Карло решил попробовать другую девочку...» Он не поверил. Он не мог успокоиться аж до самого конца репетиций! И рассуждал удивительно логично. Меня это немного беспокоит...

«Да ты посмотри, кого выбрал Карло? Ариадну, самую простую из всех девушек!» Да ты-то откуда знаешь? Я хотела было ему ответить, но подумала, что лучше не мутить воду еще больше. Он изнурял меня вопросами: «Как это так? Тебе ведь нравилось танцевать... вы больше не здороваетесь, а ведь ты ни разу в программе не ошиблась... Слушай, а он случайно не подъезжал к тебе?» При последнем вопросе я как-то неожиданно дернулась. Не хотела бы я, чтобы Стэп это заметил. Наконец, он мне сказал: «Ладно, хватит!». Слава Богу, подумала я. И уже расслабилась, а он добавил: «Я его прямо спрошу... может, он мне поподробнее расскажет?» – «Делай что хочешь», – я ему сказала... мне уже это надоело. И еще я подумала: не знаю, что скажет Карло, но это мне не все равно. Одно ясно. Если он заговорит, я пожалею о своем ударе.

24 декабря.

Мы репетировали до шести часов и потом все пошли по домам встречать... Рождество! Карло все еще на площадке, и он цел-невредим, значит, Стэп с ним не говорил. Странно. Теперь он мило прощается со мной. Да... это похоже на Стэповы чудеса. Может быть. Лучше не разбираться с этим. Мы придумали охренительную вещь, я и Стэп. Сначала каждый побу-

дет дома с родителями на семейном ужине, а потом, после полуночи, все придем к Стэпу, то есть, к его брату, и там развернем подарки. И Эле с Марк-Антонио придут тоже, странно, но они все еще вместе! Это очень не похоже на Эле, я ведь хорошо ее знаю, и не похоже на Марк-Антонио, которого я знаю мало. В общем, насколько я его знаю, я никогда бы не подумала, что это может так долго длиться. Ну и ну!

А может, они всерьез живут по схеме открытой пары... Ну, тем лучше для них. Перечитала то, что написала, и вижу, сколько у меня тут «ну», «может», «м-м-м»... может, я стала слишком неуверенной? М-м-м, ну, может!.. Одно точно. В жизни нельзя быть слишком в чем-то уверенным. Пока все хорошо... со Стэпом. И очень даже хорошо!

25 декабря.

Я проснулась в полдень и классно позавтракала: только бутерброды и капуччино! Вау! Я такая счастливая! Многие говорят, что в рождественские праздники немного грустно... А мне, наоборот, они нравятся до ужаса. Елка с фонариками, ясли с фигурками, семейный ужин с такими вкусными вещами. Конечно, после праздников набираешь несколько лишних килограммов, но чего тут грустить? Потом их можно согнать. А со Стэпом легко можно похудеть, а если захочешь – то и потолстеть! Ну и шуточки! Надеюсь, никто этот дневник не найдет. А если все же ты случайно его читаешь... ты неправ/а! Ты понял/а, мерзкий/ая вор/овка? А, ладно, не хочу об этом думать. Вчера был прекрасный вечер, просто чудный! В полпервого ночи мы все уже были в доме брата Стэпа. Но самого брата дома не было. Он тоже праздновал у своей подруги, какой-то Фабиолы. И мы были одни. Чудесно! Марк-Антонио принес отличные диски. Чудная обстановка, спокойная, я бы осмелилась сказать – расслабленная. Осмелюсь, Джин, осмелюсь! Ром, бренди, шампанское – все у нас было. Я глотнула немного рома из стакана Стэпа и мне уже хватило! Мы поиграли в бутылочку, чтобы узнать, кто первый разворачивает подарки. Выпало Марк-Антонио, значит, им первым начинать. Только вот Марк-Антонио воспользовался игрой в бутылочку и вспомнил, как он сказал, «о старых добрых временах», когда только благодаря этой бутылочке мы справлялись со своей стыдливостью... и набросился на Эле. Обхватил ее как спрут и принялся целовать, облизывая ее, где мог, а Эле смеялась, смеялась... им хорошо вместе! Молодцы! Я рада за Эле. Потом смотрели подарки – чудесные. Эле, как всегда, чрезмерная во всем – подарила ему какую-то особенную программу по графике, которую она заказала из Америки и заплатила кучу денег (это мне сказал Стэп, он пользовался ею, когда там жил). Марк-Антонио, увидев ее, буквально остолбенел, потом обнял Эле и начал орать: «Женщина моей мечты – это ты, это ты!». А Эле, вместо того, чтобы радоваться, рассердилась и сказала: «Значит, твою любовь можно купить... достаточно программы по графике!» – «Да нет же! – ответил Марк-Антонио. – Не программы по графике, а американского Grambert xd! Вот». Эле, вместо ответа, напрыгнула на него. Они упали на диван и принялись бороться. Потом Марк-Антонио ее обнял и сказал: «Никогда так не делай, ты должна быть остроумнее, нежнее, услужливее, это сделает тебя красивее, то есть, ты красивая, но так еще красивее...». Короче, он так ее уболтал, что, в конце концов, Эле очень понравился подарок. И какой это был подарок! Платье гейши! Да, настоящее, шелковое, темно-синее, с пиджаком корейского покроя, очень элегантное. Настоящее платье гейши. Эле приложила пиджак к груди и посмотрелась в зеркало. Глаза у нее засветились, и она мне потихоньку сказала: «Я о таком мечтала». Мечтала. Быть гейшей, ну и ну! Мною снова овладели сомнения. Но тут же прошли. Еще и потому, что теперь наступила моя очередь. Я развернула подарок, который мне сделал Стэп. «Нет! Быть не может! У меня нет слов!» – «Что такое, тебе не нравится?» – заволновался Стэп. Я посмотрела на него и улыбнулась. «Открой свой». Стэп стал открывать пакет, повторяя: «Слушай, его можно поменять... если он тебе мал, можно поменять, слышишь? Или тебе цвет не нравится?» – «Да открывай же быстрее!» – я ему. – «Нет! – это сказал Стэп. – Быть не может!» – он повторил те же слова, что сказала я. И не только слова. Мы подарили друг другу два совершенно одинаковых темно-синих пиджака «Nararijgi», совершенно одинаковых... Мамочки! Я ни слова не могу вымолвить. «Вот класс! Стэп, мы с тобой симбиотичны! То есть, пойми, у нас родилась одна и та же идея! Или ты, как обычно, следил за мной?» – «О чем это ты?» Я захохотала как сумасшедшая. Он не хотел выглядеть ревнивцем в глазах своего друга-коллеги Марк-Антонио! Как будто Эле не рассказывает Марк-Антонио то, что я

рассказываю ей. То есть... мораль... мы все четверо друг о друге знаем все!!! Ну и что? Мы же любим друг друга! Это самое главное! Вечер закончился прекрасно. Музыка, «торрончини»⁵⁶, болтовня о том, о сем. Потом Марк-Антонио и Эле ушли. Я снимаю сапоги, вытягиваюсь на диване, прислоняюсь к Стэпу и просовываю ноги под подушки, там тепло. Восхитительное положение. Мы долго болтаем. Или, правильнее сказать, долго болтаю я. Рассказываю ему о сережках, которые мне подарили родители, о подарке дяди, тетусек, бабушки и так далее... Потом спрашиваю, как у него прошло, но он хмурится. Я настаиваю и наконец узнаю, что они с Паоло ужинали с отцом и его новой подругой. Стэп говорит, что брат подарил ему черные ботинки, очень красивые, а отец подарил зеленый свитер, это единственный цвет, который он терпеть не может (хорошо, будем знать! А ведь в магазине был и зеленый пиджак «Nararijgi»). Но мне тоже зеленый совсем не нравится. Уф-ф-ф! Слава Богу... симбиотическое везение). Еще Стэп говорит, что записка на подарке его отца была подписана и его новой подругой Я пытаюсь оправдать его, но Стэпа не убедить. Да кто она такая? Ты хотела бы получить подарок от человека, которого ты не знаешь? Ну, в этом он прав. Потом, совсем уж странно (и то после моих настойчивых вопросов), он сказал, что получил подарок и от мамы, но так и не открывал его. И на мою шутку: «Ну а маму-то ты знаешь?», которой я испортила все, – он ответил: «Я думал, что знаю». О Боже. Я испортила ему Рождество. Слава Богу, я могу попытаться исправить свою ошибку. Нежно, спокойно, страстно, не торопясь... Мы даже услышали, как вернулся Паоло. Вообще-то заниматься этим в Рождество – против моих принципов, но я чувствовала себя виноватой. Слабое оправдание. Скажем так – тут сыграла свою роль другая сторона христианства. Будем надеяться, что ничего больше тут замешано не было. Потому что зачать другую жизнь... именно в Рождество, это было бы слишком. Мы со Стэпом посмеялись над этим. К счастью, он чувствовал себя спокойно, хотя и шутил, выбирая имя. Все просто! Джезу⁵⁷ или Мадонна, в зависимости кто родится – мальчик или девочка. Богохульник... Или нет – он просто безбашенный! «Ты без башни, как Мария Луиза Чикконе⁵⁸», - ответила я ему. Так или иначе, а мамин подарок он так и не развернул.

55

Капуччино и рогалик – самая нормальная еда, она есть у «Ванни».

– Стэп! Не может быть!

Навстречу мне бежит Паллина. Я не успеваю увернуться, и она чуть не сбивает меня с ног. Обнимает меня. Некоторые посетители смотрят на нас. Встречаюсь в зеркале взглядом с какой-то дамой напротив меня. Она, вздыхая, ест рогалик. Глаза слегка блестят. Наверное, она – фан передачи «Сагамба»⁵⁹, чувствует ностальгию по ней, удивительно! И по всем подобным передачам. Или это из-за слишком горячего капуччино? Ладно.

– Паллина, я рад, – улыбаясь, обнимаю ее. – Не хватает только, чтобы нам предложили принять участие в каком-нибудь реалити-шоу.

Паллина отстраняется и смотрит на меня. Держит руку у меня на бедре и склоняет голову немного набок.

– Реалити-шоу, говоришь? Стэп, ты изменился до неузнаваемости! Мой отец сказал бы, что тебя затянуло в воронку.

– Как это? В какую воронку?

– Да неважно, это технический термин...

Она заставляет меня сделать полуоборот, и, когда я снова поворачиваюсь к ней, усмехается.

⁵⁶ Шоколадные конфеты с миндалем.

⁵⁷ Gesu — Иисус (итал.)

⁵⁸ Настоящее имя певицы Мадонны.

⁵⁹ Развлекательные шоу.

- Ты так по-модному одет.
- И не говори...
- И ты не носишь больше свою знаменитую куртку, внушавшую ужас врагам?
- А что... – я оглядываю себя: темно-синий пиджак, джинсы и свитер с высоким горлом. – Так я тебе не нравлюсь?
- Боже. Поверить не могу. Стэп ждет одобрения! Ай-ай-ай, что-то с нами не так...
- Люди меняются. Исправляются, становятся гибче, прислушиваются к другим...
- Да... с нами явно что-то не то. Тебя и впрямь затянуло в воронку!
- Ты опять? Да что это за история с воронкой?
- Мой отец сравнивает жизнь общества с воронкой. Сначала мы свободно двигаемся в широкой части, ни о чем не думая, без особых обязанностей, не рассуждая, но потом, когда нас заносит в воронку, в более узкую ее часть, тогда надо двигаться только в одном направлении, стенки давят на нас, а назад дороги нет, и ты толкаешься среди других, и они толкаются, и надо ждать своей очереди, все по порядку!
- Мама миа, воронка! И только из-за того, что я поменял куртку на пиджак! Что же ты скажешь, если увидишь меня завтра?
- А что будет завтра?
- У нас прямой эфир, одежда по форме – пиджак и галстук!
- Да что ты? Я завтра буду здесь. Такое нельзя пропустить. Стэп в пиджаке и галстуке! Да скорее Бой Джордж и Джордж Майкл приедут ко мне домой с концертом и потом оба решат переспать с девочкой Паллиной!
- Ну что за сравнения. Какая тут связь? Два известных музыканта – какое они имеют отношение к тому, что я надену пиджак с галстуком? Я же не сказал, что буду в рубашке и с голой задницей.
- Ну, не знаю. Ты прав. Странное у меня получилось сравнение, подумаю над этим. Ну, а в этом плане... у тебя ничего не изменилось, да? Потому что, говорят, на телевидении, после мира моды, самый высокий процент...
- Я на секунду вспомнил нашу встречу на террасе в тот вечер. На одну лишь секунду. Я смеюсь. Смеюсь от души.
- Нет, нет, успокойся. И самое главное, успокой своих подружек!
- Какая самонадеянность! – Паллина слегка ударяет меня. Может, она тоже подумала о той ночи. – А что ты делаешь в этой программе?
- То, чему учился в Америке. Логотипы, компьютерная графика, ввод титров, подсчет результатов и денег, которые можно выиграть. Ну, знаешь, эти подписи, которые ты видишь под каждым игроком. Ну вот, этим я и занимаюсь.
- С ума сойти... телевидение! Танцовщицы, ассистентки, всевозможные красотки крутятся там в поисках работы. И когда ты меняешь цифры и все такое, представляю, сколько одобрительных возгласов ты слышишь...
- Ну, не совсем так... Впрочем, это самая приятная сторона работы.
- В этот момент мимо проходит одна танцовщица. Одна из самых... красивых.
- Привет, Стефано.
- Привет.
- Увидимся в центре.
- Конечно.
- Она уходит, улыбаясь, красивая и уверенная в себе, идет спокойной походкой, зная, что ей вслед бросают взгляды, сопровождаемые самыми откровенными мыслями.
- Представь себе, ты все правильно поняла.
- Паллина в отличной форме, она держит удар.
- И потом, «Стефано»... Впервые слышу, чтобы тебя называли Стефано. Боже, ты теперь важная птица.
- Знаешь, Стэп – это слишком фамильярно.
- И тут я слышу, как меня зовут:
- Стэп!
- Я оборачиваюсь. Это Джин. Она идет ко мне, радостно улыбаясь, прекрасная в своем сиянии. Паллина усмехается:

- Да, правда! Стэп это слишком фамильярно!
- Джин подходит и целует меня в губы. И отступает, как бы говоря: я готова познакомиться с твоей подругой... Потому что ведь это подруга, правда? Ох уж эти женщины.
- Да, извини, это моя подруга Паллина. Паллина, это Джиневра.
- Привет, – Джин быстро подает ей руку. – Зови меня просто Джин.
- А я для всех Паллина – и для друзей и не для друзей.
- Они быстро осматривают друг друга снизу доверху. И тут же решают, что будут любовны друг с другом. Дружно смеются.
- Стэп, – говорит Джин, – я пошла. Не опаздывай, тебя там искали.
- Хорошо, спасибо, иду.
- Пока, Паллина, – Джин на прощание улыбается. – Была рада познакомиться. Мы стоим, глядя ей вслед. Потом Паллина спрашивает с любопытством:
- Актриса?
- Нет, у нее скромная роль – она ассистентка.
- То есть?
- Она выносит конверты.
- Жаль, пропадает талант.
- В каком смысле?
- Паллина переходит на фальцет:
- Приятно было познакомиться.
- Но послушай, может быть, ты на самом деле ей понравилась.
- Вот видишь, она могла бы быть прекрасной актрисой! Даже тебя надула!
- Ты слишком предубеждена.
- А вы, мужчины, слишком неискушенные. Вот увидишь, я окажусь права. Когда ты ее в следующий раз увидишь?
- Скоро.
- Так вот. Она или надуется и будет молчать, или забросает тебя вопросами. «Кто эта Паллина? Чем занимается? Давно ты ее знаешь?» И приготовься, она тебя спросит: «И у тебя с ней что-то было?».
- Почему это?
- Потому что это не просто любопытство... она еще и влюблена.
- И Паллина уходит, своей особой, подпрыгивающей походкой. И снова оставляет меня с тревожными мыслями.
- Немного спустя я в Театре Победы. Здравуюсь с Тони, охранником на входе, и смотрю направо-налево, ища взглядом Джин.
- Держи. – Я бросаю ему пачку сигарет.
- Тони хватает ее на лету, как лучший защитник американской команды. Только внешность подкачала – те обычно чернокожие.
- Спасибо, Стэп, ты не забыл.
- Он счастливо смотрит на пачку сигарет «MS».
- Сколько?
- Да брось ты. Если что, стрельну у тебя, когда мои кончатся.
- Мы оба кривим душой. Я ни за что на свете не закурил бы сигареты «MS», даже если бы мои закончились, а он притворяется, что не знает, сколько стоит пачка, хотя выкуривает в день не меньше двух. Ладно, мне приятно угостить его, он мне нравится.
- Еще раз оглядываюсь по сторонам. Может быть, она у автомата с кока-колой или кофе. Но я не успеваю хорошенько осмотреться, как слышу:
- Если ты ищешь Джин, то она пошла переодеваться.
- Тони подмигивает мне. Что ж, надо смириться – ничего не скрыть от людских глаз. А уж тем более от глаз охранника.
- Спасибо.
- Нет смысла говорить: «Да нет, я не ее ищу», а еще хуже сказать: «На самом деле, я искал Марк-Антонио». Это бы только ухудшило дело.
- Привет, Стэп, я видел, ты у «Ванни» разговаривал с одной невысокой брюнеткой, – это включается Симона, ассистентка.

– Это Паллина, одна моя подруга.

– Да уж, конечно... смотри, все расскажу Джин.

Час от часу не легче. Симона уходит. Тут появляется Марк-Антонио.

– О, тебя-то мне и надо. Пойдем, там авторы хотели с нами поговорить.

– Хорошо, буду у тебя через пять минут.

– Через две.

– Через три.

– Давай, но ни минутой позже!

Марк-Антонио бросает сигарету, наступает на нее, чтобы загасить и исчезает в одном из коридоров. Я не успеваю завернуть за угол, как сталкиваюсь... Пум! Она летела как фурия. Чуть не падает, я еле успеваю подхватить ее.

– Джин! Да куда ты несешься?

– Никуда, просто надо в темпе подвигаться, чтобы оставаться в форме. Не попала в спортзал. А вообще-то, если по правде... – Она приближается к моему уху и оглядывается, дабы убедиться, что никто не подслушивает. – Сегодня меня в «Урбани» засекали.

– Да ты что?

– Да. Один там подошел ко мне с листком и сказал: «А вы ведь уже приходили на пробное занятие в феврале и в июне?»

– Да ты что!

– Честное слово.

– Я знал, что у тебя не получится.

– Почему?

– Тебя нельзя не заметить...

– М-м-м, как мило! А по-моему, это ты про меня разболтал.

– Я? Да ты что, с ума сошла?

– Нет, это ты сошел с ума, раз отвечаешь. Послушай...

Точно. Сейчас посыплются вопросы. Паллина права. Паллина всегда права.

– Ты видел Марк-Антонио? Он тебя искал, он сказал, что у вас важная встреча!

– Да, спасибо, я его только что встретил.

Я смотрю на нее с улыбкой. Джин хочет уйти, но я ее останавливаю.

– Ты ничего больше не хотела мне сказать?

– Нет, а что? Ах, да...

Вот, вот оно. Паллина не может ошибиться. Джин смотрит на меня искоса. Взгляд выразительный, с каким-то подтекстом. Ну вот. Сейчас начнется...

– Сегодня вечером к нам на ужин придет мой дядя. Так что, к сожалению... сегодня не получится наших «генеральных репетиций».

– А... – я разочарован. Не столько из-за репетиций, сколько из-за ее нелюбопытства.

– Что такое? – она смотрит на меня с удивлением.

– Нет, ничего...

– Стэп! Не забывай про свои глаза...

– То есть?

– Ты не должен обманывать, сейчас ты говоришь неправду.

– Нет, то есть да. Я просто думал...

– Да, я знаю. Как это Джин не спросила меня: «А кто это такая? И как ты с ней познакомился... и было ли у тебя что-нибудь с ней?». Правильно?

– Да, точно.

– Это все не важно. Во-первых, кем бы она ни была, какая разница? Ты хочешь быть со мной? Вот что важно. Во-вторых, ты мог бы наврать мне с три короба. И зачем же подвергать риску твои глаза? Одно точно: ты ей нравишься.

– Я? Но это девушка моего друга.

У меня как-то естественно получилось сказать о Полло в настоящем времени, и это принесло мне какое-то облегчение.

– Ты ей нравишься, Стэп, поверь мне! Может быть, она даже пробовала сделать первый шаг. Запомни, женщина видит женщину. Поверь, Стэп. К тому же, должна тебе сказать, от моего взгляда ничто не может скрыться. Увы.

И она убегает, стараясь таким образом восполнить то, чего лишила ее возможность заниматься в спортзале. Это точно, Джин, от тебя ничто не может скрыться. Ну ладно, пойдем на это собрание авторов. Да, и еще. Паллина не всегда оказывается права.

Я вхожу в нашу комнату как раз вовремя: вот какую сцену я застаю. Ренцо Микеле, Змей, стоит перед Марк-Антонио. У него в руках листки бумаги, которыми он размахивает в такт своим словам. Он взволнован. Сесто и Тоскани, Кот и Кот, сидят позади, поджав ноги, и молча посмеиваются непонятно над чем, обмениваясь насмешливыми взглядами.

– Ты понял? Не облажайся опять. Тебе нельзя ошибаться. Если я тебе что-то говорю, так и делай. Результаты должны показываться бегущей строкой, а не в колонке.

– Но поскольку с Романи мы не говорили, как их надо выставлять, я подумал...

Микели, Змей, резко его обрывает:

– Вот в чем твоя ошибка! Я подумал! Я знал, что ты много фантазируешь, но не знал, что настолько. Ты должен исполнять, и исполнять хорошо. И не смей думать!

И с этими словами Микели, Змей, бросает ему в лицо листки, еще не остывшие после распечатки.

– На, переделай их и покажи мне!

Марк-Антонио удается уклониться от первых листков, но следующие летят ему в лицо и, как бумажный дождь, веером падают вниз. Тоскани, со своей неизменной зубочисткой во рту, изображает испуг:

– О-ох.

Потом, будто этого ему недостаточно, облизывает зубочистку, словно это чупа-чупс. Сесто, сидящий неподалеку от стола, приподнимается, с интересом глядя на Марк-Антонио: как тот отреагирует? Но ничего не происходит. Микели ждет еще минуту. И говорит:

– Ну, тогда уходим.

Кажется, он немного разочарован, что не получил ответ на свою провокацию. Эти листы бумаги, как шелковые перчатки, брошенные ушедшим в прошлое мушкетером, не получили ответа на нанесенные ими пощечины. Марк-Антонио подбирает несколько листков, упавших на стол. Ренцо Микели, в сопровождении Кота и Кота, уже собирается покинуть помещение, как вдруг натывается на меня. Одно мгновение. Секундное размышление. Он смотрит на меня озадаченно, как бы говоря: а может, за это ответишь ты? Но это длится одно лишь мгновение. Я отхожу в сторону, пропуская их. Секунданты неудавшейся дуэли выходят из комнаты. Я наклоняюсь и собираю листки, разбросанные по всему полу, чтобы нарушить эту томительную тишину. Было бы неуместно реагировать на этот бесполезный вызов вместо Марк-Антонио. Он сам помогает мне выйти из положения.

– Вот так, дорогой Стэп, сегодня ты выучил еще один урок. Иногда на работе не нужны твои идеи, твои мысли, если ты сталкиваешься с властью... Ссориться с Микели – это все равно, что списать себя, попроситься с планами на будущее. Он второй после Романи, – его голос становится грустным. – А я, знаешь, купил дом, взял кредит, и... я уже не тот аристократ, какие были прежде... в общем, тогда все было по-другому.

Дальше я уже слушаю вполуха. Он произносит куски скомканных фраз. Странные оправдания, кое-как склеенные между собой. Я ничем не могу ему помочь. Собираю последние листки и стучу кипой по столу, сбивая ее в аккуратную стопку. Потом со словами:

– Конечно, Марк-Антонио, я тебя понимаю, ты прав... – ухожу со сцены, сказав напоследок: – Может быть, и я поступил бы так же... – оставив, таким образом, этим своим «может быть» маленькое пространство для его достоинства.

Джин бы я не провел. Она бы сразу почувствовала мое вранье. Может быть. Я закрываю дверь и надеваю очки. Меня смех разбирает. Причем тут Джин?

56

Вернувшись домой, бросаю сумку в прихожей. Снимаю пиджак и слышу, как Паоло с кем-то разговаривает в комнате. У него гости или это телевизор? Паоло, улыбаясь, выходит мне навстречу.

– Привет... тебя ждет сюрприз.

Значит, это не телевизор. Там кто-то есть. И этот кто-то выходит в коридор, замирая в обрамлении дверного косяка, как в картине. Свет из окон в комнате очерчивает до боли знакомый контур, – это нежное видение так часто являлось мне в моей жизни, в прошлой жизни. Моя мать. Мама.

– Я кое-что приготовил, если ты голоден, Стэп, – говорит Паоло, доставая из шкафа свитер. – Все на столе – ешь, если хочешь.

Он повторяется – взволнован ситуацией. Не знаю, за что он переживает больше: за то, что я голоден или за блюдо, которое он приготовил. А может быть, мне именно его сейчас не хочется. Встретиться с мамой. Подумал он об этом или нет? Паоло выходит, оставив нас наедине. Вернее, в одиночестве, в котором мы остались после того дня. По крайней мере, остался я. В одиночестве, без нее. Без матери, без того образа, который был вдохновлен теми сказками, что она читала мне в детстве, теми историями, которые рассказывала мне, сидя возле кровати, куда я, подхватив простуду, любил забираться и сворачиваться клубком в этом тепле – одеяла и сидящей рядом мамы. Я знал, что она всегда рядом – рассказывает ли что-то, держит ли мне руку, трогает ли мне лоб, приносит ли стакан воды. Стакан воды... сколько раз, желая еще раз почувствовать ее присутствие, уже засыпая, я просил об этой последней услуге, чтобы вновь увидеть ее в обрамлении дверного косяка – другой двери, другой истории... Истории с моим папой. И этот великолепный рисунок, созданный ею и полный любви, сказки, мечты, очарования, света, солнца... Пуф! В один миг был перечеркнут. Увидеть ее в постели с другим.

– Привет, мама...

С другим мужчиной, непохожим на отца, и он – с моей мамой. С тех пор – темнота. Полная темнота. Мне плохо. Я сажусь за накрытый стол. Я даже не вижу, что там за блюда: при одной мысли о еде меня тошнит. Но это твой единственный путь спасения. Спокойно, Стэп. Все пройдет. Нет, не все. Боль, причиненная ею, все никак не проходит. Тот стакан воды... спокойно, Стэп. Ты вырос. Я выпиваю немного воды.

– Ну, как ты? Я знаю, ты работаешь... ты счастлив?

Счастлив? Это слово, произнесенное ею, вызывает у меня смех. Но я сдерживаюсь.

– Как тебе жилось в Америке? У тебя были проблемы? Там много итальянцев? Ты не думаешь туда вернуться?

Я отвечаю. Отвечаю на все вопросы. Пытаюсь улыбаться, быть вежливым. Именно так, как меня учила она. Вежливым.

– Посмотри, что я тебе принесла.

Она что-то вынимает из сумки, не из той, что я ей подарил однажды на Рождество, или на день рождения, не помню теперь. Но я прекрасно помню, что ту сумку я увидел на кресле в том доме, в гостиной... Постель другого, в которой была она, моя мама. Была. Была. Была. Хватит, Стэп. Перестань, перестань.

– Узнаешь? Это печенье, которое так тебе нравилось.

Да. Мне очень нравилось. Мне все нравилось, что ты делала мама. Теперь, взглянув на нее несколько раз, я впервые увидел ее снова. Мама. Она улыбается, держа в руках маленький прозрачный пакетик. Она кладет его на стол и снова улыбается, склонив голову набок. Моя мама. Теперь волосы у нее светлее. И кожа, кажется, тоже стала чуть светлее. Она, как и прежде, тонкая, а теперь выглядит просто хрупкой. Похудела. Вот именно, она, кажется, похудела, и кожа чуть подсохла от ветра. И глаза. Ее глаза чуть затуманены, как будто в них стало меньше света. Как будто кто-то, из злости ко мне, чуть притушил этот свет, оставив в полутьме нашу любовь. Мою любовь. Я делаю еще глоток воды.

– Да, я его помню. Я его очень любил.

Я против воли говорю в прошедшем времени, боясь, что даже это печенье потеряло тот вкус, который мне так нравился.

– Ты открыл мой подарок?

– Нет, мама, – я не могу врать, все еще не могу говорить ей неправду. И не только из страха быть раскрытым... я вспоминаю Джин и историю с глазами. Сейчас мне хочется улыбнуться. Уже хорошо. – Нет, мама, не открыл.

– Это невежливо, ты же знаешь.

Но она не ждет моих извинений, они не нужны. Ее улыбка говорит мне, что все в по-

рядке, все хорошо, и она не сердится.

– Это книга, и я хотела бы, чтобы ты ее прочел. Она здесь?

– Да.

– Принеси-ка ее.

Она так мягко говорит, что я не могу послушаться: я встаю, иду в свою комнату и тут же возвращаюсь со свертком. Кладу его на стол и разворачиваю.

– Вот. Это Ирвин Шоу. «Люси Кроун». Очень красивая история. Она мне случайно под руку попала. И очень мне понравилась. Если найдешь время, я хотела бы, чтобы ты ее прочел.

– Хорошо, мама. Если будет время, прочту.

Мы некоторое время молчим, и хотя прошла всего минута, мне она кажется вечностью. Опускаю взгляд, но даже обложка книги не помогает мне пережить эту вечность. Я сворачиваю подарочную бумагу, но это лишь утяжеляет вес секунд, кажется, они никогда не пройдут. Мама улыбается. Она сама помогает мне пережить эту маленькую вечность.

– Моя мама тоже всегда складывала бумагу от подарков, которые она получала. Твоя бабушка, – она смеется. – Может быть, ты от нее это взял, – она встает. – Ну ладно, я пойду.

Я тоже встаю.

– Я отвезу тебя.

– Не надо, не беспокойся, – она тихонько целует меня в щеку и улыбается. – Я сама. У меня внизу машина.

Она идет к двери и выходит. Даже не обернувшись. Мне кажется, она устала. Да я и сам чувствую себя измученным. Не нахожу в себе тех сил, которые всегда в себе ощущал. Наверное, этот поцелуй был не таким легким, как показалось.

57

Чуть позже.

– Ой, я как раз думала о тебе... мы симбиотичны! Seriously, я как раз тебе звонила! – Джин вечно обезоруживает меня своей веселостью. – Ты где?

– Здесь, внизу. Откроешь мне?

– Но мы только что закончила ужинать, здесь еще мой дядя. Слушай, не хочешь зайти, познакомиться с моими родителями, с дядей, и тогда уж задавать свой вопрос? – она смеется.

– Слушай, Джин, придумай что-нибудь. Ну, не знаю... что тебе надо пойти за бельем на террасу, что тебе надо подняться за чем-то к подруге этажом выше, что тебе надо сбежать со мной – скажи им, что хочешь, но выйди... Я хочу тебя.

– Ты сказал, не хочу тебя увидеть, а хочу тебя?

– Да, именно это!

Мне кажется, я один из участников этих дебильных шоу. Надеюсь, что не ошибся с ответом. Джин долго молчит. Слишком долго. Может быть, я все-таки ошибся.

– Я тоже хочу тебя.

Она больше ничего не добавляет, и я слышу, как открывается входная дверь. Я не вызываю лифт. Без остановок несусь быстрее молнии на самый последний этаж, изредка перепрыгивая через две ступеньки. И когда я туда добегаю, открывается дверь лифта. Это она. Мы и в этом симбиотичны. Я впиваюсь в ее губы и пытаюсь восстановить дыхание. Целую ее не отрываясь, не давая ей дышать. Я лишаю ее сил, вдыхаю ее запах, овладеваю ее губами, лишаю ее слов. Мы в полной тишине. В тишине, состоящей из ее вздохов, расстегивающейся блузки, щелчка застежки на лифчике, наших падающих брюк, дрожащих перил, и ее «ш-ш-ш», которое она произносит со смехом: она не хочет, чтобы нас услышали и не хочет, чтобы я кончал. Во всяком случае, сразу. Мы принимаем какие-то странные позы в переплетении спутавшихся джинсов, и это возбуждает меня еще сильнее. Я на секунду останавливаюсь и на коленях, по холодному мрамору площадки, ползу, чтобы поцеловать ее между ног. Она, Джин, такая наездница, изображает родео, чтобы не выскользнуть из моих губ. Чтобы потом снова вскочить в седло и нестись... Перила вибрируют в такт нашей страсти. На миг мы повисаем в воздухе. Слышны далекие звуки. Звуки дома. Падающая капля. Закрываю-

щийся шкаф. Шаги. А потом – тишина. Только мы одни. Ее голова откинута назад, распущенные волосы падают в пролет лестницы. Они бешено трясутся в унисон нашей страсти. Но вот – последний поцелуй – и мы кончаем вместе, мы возвращаемся на землю именно в тот момент, когда кто-то вызывает лифт. «Ш-ш-ш...» – Джин смеется, в изнеможении упав на пол. Она вспотела, она мокрая. И не только от пота. Волосы прилипли к лицу. Мы обнимаемся, сливаемся, как полоумные боксеры, выдохшиеся, обессиленные, упавшие на землю, побежденные. В ожидании бесполезного вердикта: очки равны... мы обнимаемся. «Ш-ш-ш... – это снова она. – Ш-ш-ш... Мы наслаждаемся этой тишиной... Ш-ш-ш». Лифт останавливается этажом ниже. Наши сердца стучат сильно-сильно, но, конечно, не от страха. Я зарываюсь в ее волосы. Утыкаюсь в ее мягкую шею. Я отдыхаю. Мои губы – усталые, счастливые – шепчут едва слышно.

– Джин...

– Да?

– Не бросай меня.

Сам не знаю, как, но я произношу эти слова. И уже раскаиваюсь. Джин некоторое время молчит. Потом немного отклоняется в сторону и с любопытством смотрит на меня. И произносит тихим голосом. Почти шепотом:

– Ты выбросил в воду ключи от замка.

И берет в руки мою голову, и смотрит на меня. Потом целует, потом еще. И еще. И больше ничего не говорит. Только продолжает целовать меня. А я улыбаюсь. Меня такой ответ устраивает.

58

Теплый день, до странности теплый для декабря. Голубое небо, такого насыщенного цвета, как бывает в горах, когда катаешься на лыжах. Жду не дождусь, когда можно будет туда поехать. Но надо работать. Я попал в воронку, как говорит Паллина, но это последняя программа, точнее – последний день репетиции перед выходом программы. И мне этот день кажется особенным. Я чувствую что-то странное и не понимаю, почему. Может быть, шестое чувство. Даже представить себе такого раньше не мог.

– Добрый день, Тони.

– Добрый, Стэп.

Быстро вхожу в театр. Путь мне преграждает группа небрежно одетых фотографов с фотоаппаратами: они такие же разные, как и их одежда. Конечно, они не похожи на стайки японцев, что встречаешь на каждом шагу на римских площадях. От их взора не ускользнет ни одна мелочь.

– Туда, она прошла туда... быстрее, мы сейчас ее поймаем.

Я останавливаюсь с удивленным лицом, и Тони, естественно, замечает это.

– Они ловят Шиффер. Она приехала раньше, чтобы прорепетировать выход на сцену. Потом будет общая репетиция. У нее один проход – что ей репетировать, она же всю жизнь ходит! Не знаю... может, чтобы оправдать деньги, которые она требует, чтоб ей провалиться.

И Тони добавляет:

– А если ты ищешь Джин, то она как раз пошла в соседнюю с Шиффер гримерку. Ее вызвал один из авторов. Может, ей дадут выход с Шиффер? Прикинь, если она научится так ходить, какие башли она сможет грести... сразу в кругосветное турне поедет. Тебя еще с собой возьмет и водилу.

Тони. Он смеется, немного развязно и покачиваясь из стороны в сторону от кашля, – все здоровье прокурил. А он закуривает еще одну сигарету «MS» и выбрасывает пустую пачку. Интересно, это та, что я ему подарил, или уже другая? Неважно. Это важно только для него. Ладно, пойду-ка я лучше посмотреть, как там Марк-Антонио и наша работа. Именно это должно меня интересовать, если я хочу получить еще один контракт. Вот он, сидит за компьютером, сосредоточенно работает. Смотрю на него со стороны через полуоткрытую дверь. Он чему-то улыбается, нажимает клавишу, включает принтер, с довольным видом закуривает сигарету и тут замечает меня.

– Эй, Стэп, хочешь? – в отличие от Тони, он предлагает мне сигарету и не выглядит после этого таким огорченным.

– Нет, спасибо.

– Тем лучше! – кладет пачку в карман куртки и приглаживает остатки волос на голове, зачесывает их назад.

– Я сделал это! У меня получилось выставить все так, как они хотели.

– А, хорошо.

Я замечаю, что он намеренно не говорит «как хотели авторы», но не стоит ему на это указывать. Наверное, и сигарету мне предложил по той же причине. Мы молча смотрим, как из принтера выползают листы бумаги. Вррр. Вррр. Один за другим. Свежие, аккуратные. Изображения яркого цвета, легко читаемые, именно такие, как хотели они, я думаю. Марк-Антонио ждет, пока выползет последний лист, аккуратно их берет и легонько дует на них, чтобы высохли последние чернила.

– Готово. Мне кажется, они супер.

Он смотрит на меня, ожидая одобрения.

– Да, думаю, они супер, – нельзя сказать, что я в этом так уж не уверен. Летящие в Марк-Антонио страницы никак не объяснили мне причину недовольства. – Они просто супер.

Ограничиваюсь этими словами, чтобы хоть как-то выйти из неловкого положения. Но этого оказывается недостаточно. К сожалению, это еще не конец истории.

– Слушай, Стэп, не сделаешь мне одолжение? Не отнесешь это наверх авторам?

Наконец-то он смог произнести это слово. Но это победа – как там она называется? – Пиррова⁶⁰. Мне не хочется снова их видеть. Вот блин! Но отступать некуда. Я уже в воронке. Да. И потом, меня же просит Марк-Антонио, мой начальник. Как я могу ему отказать?

– Конечно, о чем разговор.

Он смотрит на меня с облегчением. Передает мне листки и, пока я выхожу из комнаты, падает обратно в кресло, тушит сигарету и сразу же закуривает новую. Ну и попадало! Ну ладно, надо сделать это дело. Нет ничего прекраснее вещи, которую ты должен сделать. Ты должен. Первое правило воронки. Я уже начинаю тихо ненавидеть эту воронку. Тони улыбается мне своей обычной улыбочкой. Каждый раз одной и той же, сколько бы раз я ни проходил. Может, он курит не только «MS»? Где он сказал, авторы? А, да, на втором этаже, там, где примерка Шиффер. Я быстро бегу по ступенькам. Вот они. Фотографы сидят, или лучше сказать – развалились на маленьких выцветших диванчиках. Ждут выхода дивы в надежде заснять ее без грима, но все равно она будет красивой. Странное ремесло. Трудное и полностью зависящее от случайностей. Когда я появился, они даже взглядом меня не удостоили. Только один фотограф, вернее – женщина, вскользь взглянула на меня: обычное женское любопытство. Но я не заслуживаю того, чтобы она хоть чуть-чуть приподняла фотоаппарат, тяжело висящий у нее на шее. Тем лучше. С меня хватит и этих листков. Наверняка авторы еще что-нибудь скажут. Не хватало, чтобы все вокруг заинтересовались мною. Оглядываюсь по сторонам, пытаюсь понять, где они могут быть. На первой двери ясно видна табличка с отчетливо напечатанными лазером буквами – «Шиффер». На второй – никаких указаний. Выбор кажется мне очевидным. Я стучу. Никто не отвечает. Стучу еще раз. И вхожу. Ничего не видно. Тихо. Передо мной – маленький коридорчик. В глубине – еще одна дверь. Точно того же цвета. Иду вперед, держа листки в руках. Может, они там. За следующей дверью. Раз уж она есть, нужно попробовать. Но по мере моего приближения я слышу шум, странный шум. Слышны сдавленные смешки. И какие-то шорохи, беспорядочные, глухие. Как не координированные удары ребенка, которого подняли в воздух и он бьет по мячу ногами. Но мяч этот слишком далеко и ему никак до него не достать. Я открываю дверь. Не постучав. Очень невоспитанно. Но у меня так само собой получилось. Это так же невероятно, как и то, что я там увидел. Тоскани держит сзади Джин. Сесто прислонился к столу со своей обычной зубочисткой во рту и улыбается, глядя на происходящее. Микели стоит перед Джин и как-то странно двигается. И вдруг я осознаю, что здесь происходит. Блузка Джин разорвана. Одна

⁶⁰ Слова «пиррова победа» обозначают успех, купленный столь дорогой ценой, что, пожалуй, поражение было бы не менее выгодным.

грудь обнажена, бюстгальтер сдвинут набок. На рту у нее – кусок скотча. Тоскани облизывает ей шею своим шершавым языком. У Микели, Змея, брюки расстегнуты, член наружу и он мастурбирует. Волосы у Джин растрепаны, она резко поворачивается ко мне. В отчаянии. Она видит меня. Вздыхает. Кажется, она почувствовала облегчение. Тоскани встречается со мной взглядом и перестает лизать ее. Его язык так и замирает высунутым. Сесто ничуть не лучше. Он тоже открывает рот от изумления. Его глупая зубочистка повисает, прилипнув к нижней губе. Наконец-то листки сыграли свою роль. Я резко и сильно бросаю их в лицо Сесто, единственному, кто мог бы включиться первым. Я бросаю их прямо ему в лицо. Он пытается уклониться. Сползает со стола. Растягивается на полу. Микели, Змей, не успевают отвернуться. Я зажатым кулаком ударяю его справа налево, как бы отодвигая его. Попадаю ему прямо в трахею. Он улетает назад, задрав ноги кверху и странно хрипя. А его и без того ничемный член становится совсем маленьким. Ему бы следовало стыдиться самой мысли вытаскивать его на свет Божий. Тоскани отпускает Джин. Одна секунда – и я стою около них. Отдираю одним махом скотч с ее рта.

– Ты в порядке?

Она кивает, как бы говоря «да», но на глазах-слезы. Губы дрожат в отчаянной попытке сказать что-то. «Ш-ш-ш», – говорю я ей. И мягко подталкиваю в сторону двери. Не глядя, ощущая, что она уходит. Поправляет бюстгальтер. Застегивает блузку. Пытается собраться с мыслями, решить, что ей делать дальше. Она хочет найти место для своей боли. Пытается плакать. Но не получается. Она уходит. Неуверенной походкой, шатаясь, соображая, что же ей делать. Что касается меня, я хорошо знаю, что мне делать. Пум. Я быстро разворачиваюсь и бью Тоскани с такой силой, что и сам удивился. Бью его в лицо, снизу, разбиваю ему губу, нос, лоб. Я вкладываю в этот удар всю свою ярость. Он отлетает к стене и не успевает встать, как я напрыгиваю на него. Бью правой ногой ему в живот, у него перехватывает дыхание, и он снова падает, потом вскакивает, но я бью по нему как по мячу. Пум. Прямо в лицо. По всем классическим футбольным правилам: таким был лучший удар Виери, или Синьори, или Роналдо и всех остальных без исключения. Пум. Еще раз. Об стену. Щека превращается в месиво. Из носа бьет кровавый фонтанчик, лучше, чем у самого гребаного представителя самого грязного поп-арта. Перелезаю через Микели, который, все еще хрипит, не в силах перевести дыхание. Я непроизвольно улыбаюсь ему. Радуюсь, что он понемногу приходит в себя. Он должен быть в форме, чтобы оценить по достоинству то, что я приготовил на самый финал. Теперь я рядом с Сесто. Он закрывает лицо обеими руками, надеясь на какое-нибудь чудо... которого, увы, не происходит. Пум! Я бью его правой: сильно, с оттягом, открытым ударом. Справа налево, вкладываясь в удар, всем весом моего тела. Пум! В ухо – с такой силой, что даже удивлен, почему он не улетает. Но потом я успокаиваюсь. Вот так, пошла кровь. А он, глупыш, с удивлением, еще не веря в случившееся, отнимает руки от лица и подносит к глазам. И смотрит на них, пытаюсь найти хоть какое-нибудь объяснение этой боли, этой крови, этому шуму. Но он не успевает ничего понять. Пум! Теперь я освежаю ему лицо. Пум! Пум! Один за другим я наношу ему удары по лицу. Один за другим, безостановочно – в глаза, в нос, в губы, в зубы, по челюстям, пум! Пум! Пум! Один за другим, все быстрее и быстрее, все быстрее и быстрее, все быстрее и быстрее, как сумасшедший, как ненормальный. Пум! Пум! Пум! Только мои удары поддерживают его в вертикальном положении, поддерживают это лицо, превращающееся в кашу. Пум! Пум! Пум! И я не чувствую боли, я не чувствую жалости, я вообще уже ничего не чувствую, кроме удовольствия. И уже не понимаю, чья это кровь у меня на руках. Я улыбаюсь. Останавливаюсь. Тяжело дышу. А он плюхается на пол, как мешок. Он сползает вниз, вялый, одуревший, сам не осознающий своего счастья, что он еще жив. Может быть. Но это уже детали. Потом я случайно вижу ее. Мне кажется, это будет достойным завершением. Я наклоняюсь, беру ее брезгливо и с отвращением. И – пум. Втыкаю ему его зубочистку в то место, которое осталось от его нижней губы. Я не успеваю обернуться. Хрясь! На меня сзади летит стул. И попадает прямо в затылок. Я слышу только удар. Оборачиваюсь назад. Передо мной стоит Микели. Он пришел в себя. У него за спиной – все эти безумные фотографии. Изголодавшиеся, оживившиеся, не верящие своей удаче, возбужденные от этого непредвиденного горячего блюда, так внезапно им поданного. Ненасытно крутят свои фотоаппараты, заполняя все пространство вспышками. Наверное, они видели, как уходит Джин. Они видели, в каком она была состоянии, в

разорванной блузке, в слезах. Значит, она ушла. Это немного меня ободряет. Я таращу глаза, пытаюсь привести себя в форму после полученного удара. Как раз вовремя: я вижу, как на меня снова летит стул. Инстинктивно наклоняюсь, он пролетает у меня над головой. Вш-ш-ш. Это длится один миг. Я почувствовал лишь легкий ветерок над волосами. Финт. Несильный, но все же финт. Быстро разгибаюсь, блокирую ему руку, сжимаю запястье, и он выпускает стул, а я притягиваю его к себе, нацелив голову прямо в него. Пум! Идеальный удар головой, прямо в нос: слышен хруст. Еще один удар. Пум! В бровь. И еще. Пум! Прямо в лицо. Он падает на землю, среди вспышек – фотографы невозмутимо продолжают свое дело. Микели, лежа на полу, все же не оставил свою, как ему кажется, прекрасную идею попасть в меня стулом. Он даже не попытался спрятать свое глупое орудие – его член все еще торчит наружу. Морщинистый виновник этой грязной истории болтается, вывалившись из глупых серых брюк. Как будто кусок фланели может придать ему элегантности. Сомнений нет: главный виновник – он. И значит, он должен получить по справедливости. Я не думаю долго. Группируюсь. Нельзя терять время. Пивот⁶¹ с места с мячом в руках. Это финальный баскетбольный матч, решающий для победы в чемпионате. И мяч летит... Или прыгун, готовящийся к последнему прыжку. Он бежит, стараясь поймать правильный темп, чтобы побить рекорд предыдущего прыгуна. Или, еще проще – дворовая игра в классики, когда, бросив камешек, надо прыгать по хитроумному маршруту. Или как в фильме «Варвары»... «Будь осторожен: ты можешь найти то, что ищешь...» Так вот, вы нашли меня. Я не сомневаюсь, я сосредотачиваюсь, поднимаюсь и прыгаю, попадая в такт вспышек фотоаппаратов. Мне плевать. Пум! Я прыгаю прямо туда, куда надо, и еще раз – пум! Пум. Каблуком, в самый центр, и этот смешной инструмент между ног у Микели окончательно сворачивается кульком. Пум – еще раз, без всякой жалости я с силой давлу на это подобие члена, уже потерявшего всякую форму. Пум, из него течет кровь, вернее, из того, что от него осталось... Я разбегаюсь и – пум – наношу окончательный удар под последние вспышки фотоаппаратов. Я плющу ему яйца, если только у мужика, который занимается такими делами, они действительно есть. Но я все же хочу подстраховаться. Такой как Микели не должен произвести на свет подобного себе червя... Хочется поставить какую-нибудь печать под этой встречей-схваткой. Мне повезло. Это же комната авторов. Они иногда используют ее по назначению. Я вижу его. Маленький, красный, железный. Его сверкание привлекло мое внимание. Беру его. Склоняюсь над Микели. Фотовспышка с интересом повторяет мои движения. Что он собирается делать? И я удовлетворяю их любопытство. Клак! Одно-единственное нажатие. Сильное, четкое, целенаправленное. Микели орет как ненормальный – этим степлером ему вынесен приговор: никогда больше его глупый член не высунется где не надо. Микели садится на пол. В отчаянии качается у себя между ног – что там осталось от его хозяйства. Да как же? Мой степлер... как он посмел восстать против меня? Против меня, автора! Да, вот так. Я улыбаюсь и выхожу. Я-то нет. Я – не автор. И я использую степлер как яйцережку... Чтобы остаться в теме.

Фотографы, теснясь, освобождают мне проход. Я улыбаюсь в камеры. Женщина-фотограф, что удостоила меня тогда слегка заинтересованным взглядом, теперь смотрит на меня во все глаза. Она предвкушает сенсацию. И делает последний снимок, чтобы запечатлеть всю сцену. Но это оказывается выше ее сил и, прислонившись к двери, ее начинает рвать. Кто-то отходит в сторону. Кому-то удается сделать фото крупным планом. Я уже мысленно вижу крупным шрифтом заголовок в какой-нибудь газетенке: «Последняя новость. Стэп вышел из воронки!». Да. Молодцы. Именно так. Я от этого в полном восторге. И я выхожу со сцены.

59

Я еще не успел спуститься, а новость уже опередила меня. Театр в какой-то странной лихорадке. Как будто неожиданно объявили прямой эфир. Все кричат и куда-то бегут. С вопрошающими лицами, обезумевшие от желания поскорее узнать подробности, все уже в кур-

61 В баскетболе — поворот вокруг себя на 360 градусов (с мячом).

се, что случилось. Как водится, краски сгущены, добавлены небылицы и эпические преувеличения. «Ты слышал?» – «Да что случилось-то?» – «Драка, марокканец... поляк... вечно эти албанцы... охранник стрелял... есть раненые? Все!» Я спрашиваю о Джин. Одна девушка говорит, что она пошла домой. Тем лучше. Я иду к выходу. Тони идет мне навстречу. Кажется, он тоже нервничает. Похоже, ситуация серьезная: у него во рту нет сигареты.

– Уходи, Стэп. Сейчас приедет полиция, – похоже, он один понял ситуацию. – Что бы там ни было, ты правильно сделал. Они все трое мне осточертели.

И он смеется, довольный своей искренностью. Он, простой страж у входа в воронку, он-то может себе это позволить. Я иду к мотоциклу. Слышу, как кто-то меня зовет.

– Стэп, Стэп!

Это Марк-Антонио. Он бежит ко мне.

– Все в порядке?

Я смотрю на свои руки, на них кровь – непроизвольно начинаю их массировать. Странно. Мне не больно. Марк-Антонио замечает это. Я успокаиваю его:

– Все в порядке.

– Ну ладно. Езжай домой. Я останусь здесь. Созвонимся позже, и я тебе расскажу как там дела. Джин в порядке?

– Да, она поехала домой.

– Отлично, – он пытается снизить градус. – Но это не из-за того, что им не понравилась моя работа и они швырнули тебе листки в лицо? Знаешь, я буду чувствовать себя виноватым, если все это произошло из-за меня...

Мы смеемся.

– Нет. Им все очень понравилось. Они только хотели внести маленькое исправление. Может быть, они смогут сказать тебе – какое.

– Да, может быть... – он снова становится серьезным. – Ну, для этого выпуска может пойти без изменений, правда?

– Думаю, да. Только тебе надо будет снова распечатать эти страницы – те, что я им отнес, немного испорчены.

– Страницы? Насколько я слышал, испорчены они сами, и не только физически. Плохая история. Вот увидишь, ты выйдешь из нее победителем.

Я завожу мотор.

– Спасибо, Марк-Антонио. На связи.

Включаю первую передачу и отъезжаю. Победителем? Но над чем? Честно говоря, мне на все плевать. С Джин не случилось ничего страшного. Вот что главное.

* * *

Немного позже. Я дома, звоню Джин. Мы разговариваем по телефону. Она все еще в шоке. Она рассказала родителям. Рассказала все. Она говорит тихим голосом. Еще не пришла в себя. Ее голос звучит на несколько тонов ниже, чем обычно. Но это естественно.

– К счастью, пришел один парень, он меня спас: так я рассказала родителям.

Она тихо смеется. Я счастлив. Думаю про себя: «Ты не сказала: пришел „мой“ парень...». Но это было бы слишком. Еще рано над этим шутить... Слушаю ее дальше.

– Мне сказали, чтобы я обязательно написала заявление на них. Ты будешь моим свидетелем, да?

– Да, конечно, – смешно, я перехожу на другую сторону баррикады. Меня достало играть всегда одну и ту же роль. – Неплохо, был обвиняемым, стал свидетелем. И на стороне обвинения к тому же. Против системы! Неплохо. Мне бы надо еще и манеры поменять, раз уж речь зашла о судебном деле.

Поговорили еще немного. Потом советую Джин выпить ромашкового чая и попробовать заснуть. Не успеваю повесить трубку, как телефон звонит снова. Мне неохота отвечать, Паоло тоже дома, может, это ему.

– Я возьму? – кажется, он даже рад подойти к телефону.

– Давай.

Он проходит мимо меня. Я киваю ему, собираюсь идти в душ. Раздеваюсь и тут пони-

маю, что звонок был не ему. Слышу, как он разговаривает в гостиной.

– Что? Серьезно? И как они? А, значит, ничего серьезного? Как – очень серьезно? А, довольно серьезно. А я разволновался... как это случилось? А... Что? Хотите пригласить его к Ментана? А, к Костанцо? Даже к Веспа? Но для этого должны быть какие-то причины...

По его тону понимаю, что он пытается меня спасти.

– А, вот оно что... а... она сказала, что он поступил благородно? Что? То есть, вы хотите представить его героем? Что-то вроде героя, рыцаря... ну, не знаю, согласится ли он... Нет, я не агент... я его брат.

Мне хочется рассмеяться, я залезаю в душ. Какой Паоло идиот, мог бы сказать, что он мой агент. Сейчас все братья работают агентами звезд. Есть лишь одна проблема. Я увеличиваю напор воды в душе. Я не звезда и не имею никакого желания становиться ею. Наверное, многие бы меня не поняли.

На следующий день, начиная с семи утра, телефон звонит не переставая. Одна за другой следуют просьбы, одна другой абсурднее. Звонят с радио, со всех каналов телевидения, приглашают на самые разные передачи, разного формата, разного жанра, на разное время, темы – тоже разные. Потом – журналисты, критики, комментаторы, просто любопытные. И Паоло всем отвечает. После вчерашнего душа Паоло попросил рассказать ему историю со всеми подробностями... он более часа подвергал меня допросу, впрочем, вместо бьющего в лицо света передо мной стояло большое блюдо спагетти. Это было неплохо. Вообще-то он прилично готовит, мой брат. Я говорил и с удовольствием ел. Плюс чудное холодное пиво. Это было то, что надо. Сейчас я завтракаю и поглядываю на Паоло. Он у телефона. Делает записи и отвечает, записывает номера телефонов, назначает встречи, составляет расписание возможных передач, в которых меня приглашают принять участие.

– А вы пришлете водителя. Да, да... а каков гонорар? Полторы тысячи евро... да... нет... нет... хорошо... а вот «События и факты» предложили нам две тысячи пятьсот...

Он улыбается, смотрит на меня и подмигивает. Я впиваюсь зубами в рогалик. Я слышал, что адвокаты, уставшие от своей практики, часто становятся агентами. Но чтобы коммерсант стал агентом... такого я что-то не припомню. Хотя это не такая плохая идея. Адвокат, который становится агентом, всегда придерживается буквы закона, чтобы потом потерять ее из вида. А коммерсант – совсем другое дело. Коммерсант отталкивается от идеи прибыли, мошенничества и экономии, и, став агентом, лишь усовершенствует ее. Мой брат. Он наверняка смог бы стать отличным агентом, просто я – посредственная звезда.

– Пока, Па, я пошел.

Паоло, открыв рот, застывает, держа трубку на весу.

– Не волнуйся, я иду к Джин.

Ну, это-то он понимает.

– Да, да, конечно.

И я вижу, как он снова склоняется над бумагой. Быстро подсчитывает возможные барыши. Потом смотрит на меня. И понимает, что барыши испаряются. Я закрываю дверь. Я уверен, что он сейчас думает об отгуле, который он взял на работе. И, разумеется, деньгах, которые потерял.

Мой брат. Мой брат-коммерсант становится моим агентом. Жизнь – смешная штука.

60

Джин хорошо себя чувствует. Глаза только красноватые. Она немного подавлена, но, в целом, все не так и плохо. Разорванную блузку и лифчик она сложила с пакет. Это вещественное доказательство – сказала она. Я не хочу их видеть. Мне становится плохо от одного воспоминания о той сцене. Я тихонько ее целую. Мне не хочется встречаться с ее родителями. Я не знаю, что им сказать. Но они поняли, кто я. Джин сказала родителям, что я – тот парень с бутылкой шампанского.

– Они хотели бы поблагодарить тебя.

– Понимаю. Скажи, что я с удовольствием принимаю их благодарность... Нет, скажи им, что у меня проблемы, что мне нужно домой. Ну, в общем, скажи им что хочешь.

Не хочу я выслушивать их благодарности. Благодарность. Благодарность – иногда это слово звучит тягостно. Есть столько вещей, за которые я не хотел бы получить благодарности. Есть вещи, которые не должны были случиться. Я пытаюсь объяснить ей это как можно деликатнее. По-моему, у меня получилось.

Немного позже – я дома. Паоло чувствует, что меня надо оставить в покое. Он ничего не говорит мне ни о встречах, ни о легких заработках. Он не дает мне трубку, когда звонят папа и мама. В некоторых газетах вышли статьи с фотографиями, и куча людей звонят мне. Чтобы оказаться рядом. Или просто – чтобы сказать: «Я его очень хорошо знал...». Но я ни с кем не хочу разговаривать. Я хочу посмотреть выпуск нашей программы. Вот. Уже десять минут десятого. Пошла заставка. После двух начальных титров меня ждет сюрприз. Ни имен, ни фамилий авторов программы больше нет. Танцовщицы продолжают танцевать, как ни в чем не бывало: они улыбаются, они абсолютно спокойны, несмотря на то что произошло. С другой стороны, они-то тут при чем, хотя, как знать... the show must go on. Потом, это последний выпуск. А ты что, думал, что в эфир он не выйдет? Это законы рынка. Кое-чему я уже научился. Трудно понять, из какого материала сделана воронка. Из денег. Титры продолжают. Девушки танцуют. Музыка – все та же. Публика улыбается. И тут – новый сюрприз. На экране, когда еще идет мой титр, звонит телефон. Я вижу номер. Отвечаю. Джин смеется. Кажется, у нее прекрасное настроение, она пришла в себя.

– Ты видел? Я была права. Я так и думала, только тебе не говорила, это значит, у тебя не будет проблем. Я так рада за тебя.

Она рада за меня. Она за меня рада. Ну и ну. Невероятно.

Джин продолжает удивлять меня. Я с ней прощаюсь.

– Созвонимся потом, когда закончится.

Вешаю трубку. У тебя не будет проблем. А какие у меня могут быть проблемы? Самое большее – напишут заявление о драке. Еще об одной. Главная проблема – что я потеряю работу. Открываю пиво, и в этот момент снова раздается звонок. Без номера. Наверное, не надо было брать, но я снимаю трубку и отвечаю. И хорошо делаю. Это Романи. Я узнаю его голос. Бросаю взгляд на телевизор. Там – реклама. Первая в передаче, она всегда дается где-то в девять сорок пять. Я смотрю на часы. Сегодня ее запустили на несколько минут раньше. Интересно, кто размечал передачу. Может быть, это сделала еще та тройка? Но хватит думать обо всем этом. Я стараюсь собраться и внимательно слушаю.

– Так вот что я хотел тебе сказать, Стефано. Мне очень жаль. Я не знал. Я даже представить себе такого не мог.

И он продолжает говорить ровным голосом: красиво, спокойно и твердо. Голосом, внушающим уверенность. Я молча слушаю. Еще две девушки заявили, что раньше с ними произошло то же самое, что и с Джин. Они не решались рассказать об этом, потому что боялись потерять работу, или еще хуже – просто не появиться на экране. Возможно, были и другие подобные случаи.

– После того, что ты сделал, Стефано, у них появилась уверенность. Это бы не открылось Бог знает сколько времени, может быть, никогда. В общем, Стефано, я чувствую себя виноватым, что ты попал в подобную ситуацию. И потом, твоя девушка...

Я трясусь головой. Ничего не поделаешь. Даже Романи это знает. Наверняка это Тони рассказал.

– Так вот, я прошу тебя, прими мои извинения и большое тебе спасибо, Стефано.

Опять благодарность. Благодарность от Романи. Спасибо. Это то слово, которое я не хочу слышать.

– Ну, теперь я с тобой прощаюсь, мне надо следить за передачей. Обязательно зайди ко мне. У меня кое-что для тебя есть. Подарок.

Он старается не придавать слишком много значения своему жесту. Ничего не скажешь: он великий человек.

– В общем, ты можешь не волноваться. А потом, если захочешь, сможем еще поработать вместе, – он выдерживает паузу. – Если захочешь... мне было бы приятно. Я жду тебя... Стефано?

На миг он думает, что прервалась линия. Я так ничего и не сказал. Ни слова не вставил, однако разговор заканчиваю неплохо:

– Да, Романи. Хорошо, завтра я зайду, спасибо.

Так заканчивается наш разговор. Я смотрю в телевизор. Как по мановению волшебной палочки, реклама заканчивается и передача продолжается. Я с жадностью выпиваю пиво. По крайней мере, я тоже успел сказать спасибо.

61

В ТП разбирают декорации. С невероятной скоростью выносят куски сцены. Команда рабочих действует чрезвычайно слаженно. Четко, без колебаний, почти с яростью делают они свое дело. Перешучиваются и смеются – видно, что работают они с удовольствием.

– Ломать – не строить...

Голос Романи неожиданно звучит у меня за спиной. Но он, как всегда, успокаивающий. Я с улыбкой подаю ему руку. Мне нравится его рукопожатие. Оно искреннее, сильное, спокойное: ему не надо ничего никому доказывать. Больше не надо.

Романи. Это самый интересный человек, с которым мне довелось познакомиться. Не похожий ни на кого другого, совершенно неординарный. Настоящий владелец той воронки, таящей разочарования и тревоги, но, в конце концов, я сумел ее оценить по достоинству. Мы идем рядом. Куски декораций падают сверху. Маленькие разноцветные обломки Родосского колосса, назавтра о них уже никто не вспомнит. Да, вот так стремиться к славе, такой важной и такой доступной, упиваться славой, такой прекрасной, и верить, что тебя никогда не забудут. Какое заблуждение. Этого никогда не будет.

– Держи, – Романи протягивает мне конверт. – Это контракты для тебя и Джиневры на следующую передачу, которую я готовлю. Если вас все устраивает, просто их подпишите. Передача должна выйти в марте. Это будет игра по теме «музыка». Примитивная игра, но она уже успешно идет во многих европейских странах. В Испании набирает рейтинг больше тридцати пяти процентов. С нами будет работать Марк-Антонио и тот же хореограф. Еще я продлил контракт нескольким танцовщицам. Кое-кого я исключил... – он улыбается. На ту троицу намекает. – Поэтому работать будем совершенно в другой атмосфере. Я заказал в прессе несколько статей про этих трех маньяков. Для них – ничего хорошего, зато нас покажут в лучшем свете! – он смеется. – Еще я рассказал о тебе. Все это выйдет через несколько дней. Ты станешь знаменитым.

Ну вот. Снова. Ничего не поделать. Это моя карма – становиться знаменитым из-за драки.

– Так вот, я хотел бы, чтобы вы с Джиневрой подписали этот контракт. Я увеличил вам обоим зарплату. Назовем это... возмещающим контрактом. Не по нашей инициативе, а просто потому, что канал учел мои пожелания... стоит ли вам отказываться? – он смеется. Потом замолкает. – Короче, подумайте...

– Послушайте, Романи, а можно задать вам один вопрос?

– Конечно.

Я бросаю на него взгляд. Да, плевать. Я спрошу его об этом.

– Почему у вас на рубашке всегда расстегнуты две последние пуговицы?

Он смотрит на меня. Молчит недолго. И улыбается.

– Это очень просто: чтобы понять характер того, с кем разговариваю. Всех это интересует, всем хочется спросить меня об этом. Но многие этого не делают. Таким образом, люди делятся на две категории: те, кто не решаются задать мне этот простой вопрос и те, кто решаются. Первые так и живут с этим вопросом. А вторым удается разгадать этот нелепый секрет!

Мы смеемся. Не знаю, правду ли он сказал. Но такое объяснение мне очень нравится, и я его принимаю.

– А вот это – конверт от меня лично. Прекрасное место, куда можно поехать, чтобы подумать на досуге о контракте... Иногда теплый пляж помогает добиться согласия...

И он улыбается: его слова весьма красноречиво намекают на двусмысленность упомянутого согласия. Потом он быстро уходит, делая вид, что очень занят. Дает пару не очень важных указаний рабочим. Они, впрочем, уже почти все разобрали. Вот так он со мной по-

ступил. На этот раз я не успел вовремя поблагодарить его.

62

Невероятно. Джин согласилась. Правда, ей пришлось сказать, что, кроме меня, в турне едут еще три-четыре человека, но родители не возражали. И произнесли одну обнадеживающую фразу: «И потом, там ведь и он будет...». Он – должно быть, это я. Полный абсурд. Впервые родители девочки думают, что рядом со мной она в безопасности. Короче, хоть для чего-то пригодилась мне эта воронка. Джин в безопасности... Да, в моих объятиях! Мечта, да и только. Билет в самолет бизнес-класса. Таиланд, Вьетнам и Малайзия. Все оплачено, все организовано. Иногда добрые дела приносят пользу. Даже в таком безразличном и несправедливом мире, как наш. Иногда. Когда тебе встречается честный и смелый человек. Как Романи. Самые лучшие билеты. Лучшие бунгалo. Самые красивые пляжи. Солнце, море и контракт, который ждет нашего возвращения, чтобы мы сказали «да» или «нет». И свобода. Свобода каждую минуту: ты можешь согласиться, если хочешь, или нет, без всяких обязательств, без: «стол накрыт», без: «надо сделать», без неожиданных звонков, без проблем, без риска встретить того, кого ты видеть не хочешь. Мы поднимаемся в самолет свободные и безмятежные.

Впрочем, не совсем, что касается меня, я не совсем безмятежен. Оглядываюсь вокруг. Что за чушь. Нет, этого не может быть. Ева, стюардесса, никак не может работать на тайландских линиях. Девушка с миндалевидными глазами, со слегка смуглой кожей, в безукоризненной униформе, указывает нам наши места. Я ей улыбаюсь. Она очень любезна. И к тому же хорошенькая. Предлагает нам что-нибудь выпить. Когда она удаляется, я получаю толчок локтем.

– Ай!

– Я хочу, чтобы ты не очень-то любезничал со стюардессами.

– Да я никогда с ними и не любезничал.

– Покажи-ка глаза...

Я, смеясь, надеваю очки.

– Здесь слишком яркий свет!

Она пытается сорвать с меня очки.

– Нет, серьезно, я хочу знать... у тебя была история с какой-нибудь стюардессой?

Я улыбаюсь. Делаю плоток из стакана, любезно предложенного девушкой из тайской авиакомпании. И быстро целую Джин. На наших губах – шампанское, я хочу, чтобы поцелуй длился дольше. Вкус шампанского, кажется, действует на нее успокаивающе. А может быть, мой поцелуй. А может быть – мое «никогда». К тому же самолет начинает выбивать барабанную дробь. Джин крепко прижимается ко мне, забыв о моем сомнительном прошлом и волнуясь лишь о неминуемом настоящем. Взлет. Мы летим. Шасси убрали. Самолет набирает высоту. Он поднялся до облаков. Вечернее солнышко ласкает нас сквозь окошко. Джин расслабляет свои объятия и кладет мне голову на плечо.

– Я тебе так не помешаю?

Я не успеваю ей ответить, чувствую, что она засыпает, ее покидают все недавние тревоги, ей спокойно в моих руках, в самолете, высоко над землей, посреди наших облаков, таких легких. Она чувствует себя уверенно, она наполнена нежностью. Я стараюсь как можно меньше двигаться. Вынимаю из сумки Люси Кроун, книгу, которую подарила мне мама, и начинаю читать. Мне нравится, как она написана. По крайней мере, первые страницы неплохие.

«Oh happy day...» – раздается неожиданно музыка. Оказывается, я заснул. Книга лежит на столике. Джин – рядом, она, улыбаясь, смотрит на меня. В руках у нее фотоаппарат.

– Я тебя несколько раз сфотографировала, пока ты спал. Ты был прекрасен... ты выглядел таким добрым!

Я обнимаю ее и притягиваю к себе.

– Да я и так добрый... – И целую ее.

Более-менее удовлетворенная моим утверждением, она решает все же ответить мне на

мой поцелуй. И тут мы замечаем, что рядом кто-то есть. Мы отрываемся друг от друга, насколько не смутившись. По крайней мере, я. А она краснеет. Это все та же стюардесса, с двумя стаканами в руках. Профессионально любезная, она не дает нам погрузиться в нашу любовь.

– Это вам... Осталось несколько минут...

Мы берем их, полные недоумения. Стюардесса, тонкая и легкая, исчезает так же неожиданно, как и появилась.

– Слушай, а ведь правда, я и забыла: тридцать первое декабря...

Джин смотрит на часы.

– Осталось несколько секунд.

Из кабины пилота слышится какой-то странный счет с американским акцентом:

– Три, два, один... поздравляем!

Музыка звучит громче. Джин целует меня.

– Поздравляю, Стэп, с Новым...

Мы чокаемся нашими стаканами, так вовремя подоспевшими. И еще раз целуемся. И еще. И еще раз. И не боимся, что нас прервут. Все пассажиры поют и радостно празднуют наступление Нового года, начало отпуска или возвращение домой. В общем, все счастливы. У всех в руках шампанское. И все на седьмом небе, во всех смыслах. Самолет немного спускается, и это не случайно.

– Смотри... – говорит Джин, указывая куда-то за окошком.

Где-то там внизу уже празднуют. И огни фейерверков взрываются с земли, чтобы долететь до нас. Чтобы поздравить нас, и пожелать нам доброго пути. Они раскрываются под нами, как распускающиеся разноцветные цветы. Образуя немыслимые узоры. Столбы огненных брызг в завораживающем порядке высвобождаются, выбросив огонь в небо. Один за другим. Один внутри другого. Мы впервые в жизни видим их сверху. Мы с Джин сидим, обнявшись, наши лица обрамлены окошком, и мы наблюдаем последнюю фазу фейерверка, известную только звездам, облакам и небу... Джин в восторге смотрит на огни.

– Как красиво!

Далекие огни бросают на нее отсвет. Легкие касания светящихся гроздьев ласкают ей щеки. И я, невольный зритель чудесной картины, прижимаю ее к себе. И целую. Она мне улыбается. Мы смотрим за окно. Странная игра часовых поясов, декретных часов, быстрого перелета над далекими странами дарит нам еще один Новый год, потом еще один, и еще. Каждый следующий час – это снова полночь. А значит, снова Новый год, и так далее, и так далее. И разнообразные фейерверки, летящие в небо в разных странах, долетают до нас. Приближаясь, они улыбаются и несут нам поздравление от неизвестного пиротехника. А музыка продолжается. И самолет быстро и спокойно продолжает свой путь. Он пересекает небо, счастье и надежды бесчисленного множества стран. А стюардесса, точная и дисциплинированная, появляется и исчезает ровно в каждый Новый год, разнося шампанское. А мы, пьяные от счастья и вина, поздравляем друг друга еще и еще, а потом еще. Мы поднимаем тост несколько раз в один и тот же Новый год, и каждый раз – с искренней радостью: пусть этот год будет счастливым... – и, отпраздновав их все, устав от этих Новых годов, прошедших за один миг, мы засыпаем, спокойные и счастливые.

* * *

Мы просыпаемся на пляже. И нам кажется, что нам это все еще снится. Это море, эта кристально чистая и теплая вода, это солнце и эти закаты.

Тайланд, остров Самуи.

– Ты видел, Стэп, все это похоже на рекламные открытки. Я всегда думала, что какой-то мошенник изготавливает их на компьютере.

Джин стоит в воде.

– Даже если бы я сильно поработал, я не смог бы такого себе представить.

– Конечно, такая фантазия есть только у Бога. Причем, непонятно откуда: вряд ли у Него были примеры для подражания... Великий художник...

С этими словами она выходит из воды, оставив меня одного среди тысячи разноцвет-

ных рыбок и без ответа. Но тут мне кое-что приходит в голову.

– Эй, но все же можно еще и Романи спасибо сказать.

Она смеется и идет в сторону бунгало. Без парео. Безмятежная и спокойная. Нарочно игриво покачивая бедрами. По пути она здоровается с маленькой тайландской девчушкой, которая назвала ее по имени: они уже подружились, и Джин подарила ей майку.

* * *

Вьетнам. Пхукок.

Мы снова в воде: то обнимаемся, то брызгаемся, то устраиваем короткую битву на песке, под веселыми взглядами ребятишек, глазеющих на двух странных туристов, которые сначала дерутся, а потом целуются! А мы не перестаем целоваться: целуемся, убаюканные солнцем, купаясь в желании, и, прежде чем любопытство этих детей становится наглостью, возвращаемся в бунгало. Душ. Опущенные занавески танцуют на ветру, хлопают по стеклу.

Волны бьются о рифы, и мы попадаем в их ритм.

– Эй, да ты чудо природы... ты стала просто молодец.

– Нахал!

Она слегка бьет меня кулачком и попадает в живот.

– Я все время забываю, что у тебя третий дан.

– Теперь я хочу вести.

– Не забудь тот раз, когда ты хотела вести мой мотоцикл... у светофора мы чуть не завалились.

– Вот кретин. Но потом-то все нормально было, правда? Доверься мне.

– Хорошо, я готов довериться.

Она выскальзывает из-под меня, оказывается сверху, попутно запечатлев на моих губах долгий поцелуй. Садится на меня сверху, берет его в руку и вводит его в себя, мягко и решительно. Уверенно. И продолжает целовать меня. Согнувшись надо мной, она держит мои раскинутые руки и делает сильные движения тазом, погружая меня в самую свою глубину. Я правильно сделал, что доверился ей. Она сильно сжимает мои запястья и на миг перестает меня целовать. Открыв рот, только касается моих губ и, несколько раз глубоко вздохнув, произносит это фантастическое слово:

– Я кончаю.

Она говорит это влажным голосом, медленно, тихо-тихо. Это звучит так эротически... и через секунду я тоже кончаю. Джин отбрасывает волосы назад, еще два-три раза двигается и останавливается. Открывает глаза. Фшшш. Как будто она вдруг вынырнула. И она снова сияет радостью.

– А ты тоже кончил?

– Конечно! Что же я, посередине дороги остановлюсь?

– Ты сумасшедший, – смеется она. – Ты настоящий сумасшедший!

Джин подползает ко мне, подпирает подбородок локтем и весело смотрит на меня.

– То есть ты кончил в меня?

– Ну а в кого же еще? Нас здесь двое: ты и я.

– Но извини, я ничего не принимаю. Я не пью таблетки.

– О Боже! Правда? Разве это не ты принимаешь таблетки. Или нет... я перепутал! Я принял тебя за другую!

– Вот кретин, дурачок!

Она наскакивает на меня и начинает бить.

– Ай-а, Джин, хватит, я пошутил!

Она успокаивается.

– Я поняла. Ты шутил, когда говорил, что тоже кончил?

– Нет, тогда я не шутил. Конечно, нет.

– Что значит – конечно нет?

– Это был такой прекрасный момент, такой необыкновенный, такой фантастический, что мне показалось глупо прерывать его. Так сказать, не ко времени...

Джин придвигается ко мне и выдыхает в подушку:

– Ты с ума сошел! И что нам теперь делать?

– Ну, я сейчас отдышусь и, если хочешь, можем начать все с начала. Ты снова ведешь?

– Да нет же, я говорю – что нам делать, что нам делать, слушай! Ты понимаешь? Что ты шутишь все время... где мы здесь, во Вьетнаме, найдем таблетку, которую можно принять на следующий день? Это невозможно, мы никогда не найдем!

– Ну, так и не будем ее искать.

– Как это?

– Ну, если ее невозможно найти, зачем же ее искать?

Я целую ее. Она на минуту застывает. А потом даст себя поцеловать. Правда, сама ответного участия не принимает. Я чуть отклоняюсь и смотрю на нее.

– Так как же? – у нее забавное выражение лица: удивленное и смущенное одновременно. – Твои рассуждения логичны, но все же как быть...

– А так, как я уже сказал: не будем ее искать. Я переведу дух и начнем все с начала.

Джин качает головой и улыбается, и в порыве страсти тоже целует меня. Дух я перевожу быстро. И я решаю вести сам – без спешки, не перегазовывая, понемногу ускоряя темп. И пока закат все еще играет в прятки, мы снова кончаем – на этот раз сознательно, слившись в одно целое, как только что перед этим. Мы окончательно сошли с ума. Сошли с ума от любви. И от всего того, что будет потом.

Чуть позже. В каком-то странном пабе, названном ироничными вьетнамскими хозяевами «Апокалипсис сейчас», мы пьем пиво. Джин всюду строчит что-то в своем дневнике.

– Эй, можно узнать, что за «Божественную комедию» ты сочиняешь? С тех пор, как мы сюда пришли, ты только и делаешь, что пишешь, а говорить когда будем? Двое должны вести диалог, разве не так?

– Ш-ш-ш! Я описываю один момент, – Джин быстро записывает последнюю фразу и закрывает дневник. – Есть! Круче, чем Бриджет Джонс. Это будет мировой бестселлер!

– Что ты написала?

– То, что мы сделали.

– И ты так долго описываешь трахание?

– Нахал!

В следующую секунду Джин выплескивает на меня свое пиво. Несколько вьетнамцев оборачиваются. Сначала смеются, потом застывают, не зная, чего ожидать дальше. Я смахиваю пиво с лица и вытираюсь, насколько это возможно, майкой. И смеюсь успокаивающе.

– Все в порядке... уж такая она! Всякий раз, когда она хочет сказать «я тебя люблю» и не может, она выплескивает пиво.

Вьетнамцы ничего не понимают, но улыбаются. Джин тоже изображает милую улыбку, очень ненатуральную. Делает еще глоток.

– Хочешь знать, что я написала? Все! Не только как мы занимались любовью, но еще то, что случилось. Это кусочек нашей судьбы. Может быть, благодаря этой секунде у нас будет ребенок. И мы будем вместе навсегда.

– Навсегда? Знаешь, я передумал. По-моему, во Вьетнаме тоже есть таблетка на следующий день. Давай пойдем, поищем ее!

Я быстро наклоняюсь под стол, потому что в меня летит остаток пива Джин. На этот раз оно в меня не попадает. Вьетнамцы смеются и хлопают в ладоши. Они поняли нашу игру. Более-менее. Я раскланиваюсь. Они нестройным хором поют:

– Я тебя люблю... я тебя люблю... я тебя люблю.

Произношение смешное, но, главное, они правильно все поняли. Я не успеваю встать. Пиво выплескивается мне в живот.

– Ай!

На этот раз раскланялась Джин, и вьетнамские женщины радостно кричат. Не знаю, будет ли у нас ребенок. Но зато ясно другое: если у нас будут проблемы с работой, мы всегда сможем давать спектакли нашей маленькой труппой.

* * *

Загорелые, отдохнувшие, слегка обгоревшие на солнце, которое не оставляло нас ни на минуту, мы идем рядом. Полдень. Такой же, как всегда. Как всегда в те дни, когда у тебя отпуск. Мы останавливаемся около художника, сидящего в тени пальмы, и, не раздумывая, выбираем.

– Вот эту!

На песке в ряд лежат картины, как огромные разноцветные раковины, оставленные сохнуть на солнце. Мы выбираем одну и ту же картину, нам смешно, нас зацепила одна и та же вещь.

– Видишь, какие мы симбиотичные?

– Да уж.

Я плачу пять долларов, художник нам ее заворачивает, мы забираем картину и медленно идем к нашему бунгалу.

– Я беспокоюсь.

– Из-за чего? Из-за своего живота? Еще рано.

– Дурак! Мне кажется странным, что за десять дней мы ни разу не поссорились! Ни разу. Все дни вместе и ни одной ссоры.

– Уж лучше скажи: все ночи вместе, и мы всегда занимались...

Джин резко поворачивается ко мне, лицо у нее жесткое.

– Всегда занимались любовью! Не сердись, пожалуйста, не надо так на меня смотреть. Именно это я и собирался сказать. Все ночи вместе, и всегда занимались любовью.

– Да, да, конечно.

– Хотя... Извини меня, Джин. Мы все время трахались, это лучше передает суть.

Я убегаю.

– Кретин, значит, ты все же хочешь поссориться!

Джин бежит за мной. Я быстро открываю дверь бунгалу и заскакиваю внутрь. Скоро вбегает и она.

– Так ты хочешь поссориться.

– Нет, смотри... – я указываю на окно. – Уже темно. Уже поздно – если мы собрались ссориться, то давай завтра днем, – я притягиваю ее к себе. – Потому что ночью...

– Ночью? – повторяет за мной Джин.

– Мы занимаемся любовью. Будем называть это так, как ты хочешь.

– Ну, хорошо.

Джин улыбается. Я целую ее. Она очень красивая. Я немного отстраняюсь от ее лица. И тоже улыбаюсь.

– Но зато сейчас мы будем трахаться!

Она снова бьет меня. Но тут же мы погружаемся в свежие простыни, пахнущие морем. И, трахаясь, занимаемся любовью.

63

Мы провели несколько дней на острове. И это правда – ни разу не поссорились. Даже наоборот. Здорово повеселились. Я и представить себе не мог – с такой как она... Позавчера вечером я качался один на морских волнах. Они казались мне сладкими, настолько они были мягкими и теплыми в этом тихом мелководье. А может быть, так казалось из-за красоты и простоты того поцелуя, которым мы перед этим обменялись. И так, молча, глядя друг другу в глаза, обнявшись, мы лежали под луной, ничего дальше не предпринимая. Мы смеялись, болтали, обнимались. Что самое приятное в островах, подобных этому, это то, что у тебя нет никаких обязательств. Все, что ты делаешь, ты делаешь только потому, что тебе этого хочется, а не потому, что ты должен это сделать. Каждый день мы ужинаем в одном и том же ресторане. Он сделан из дерева, и стоит прямо над морем: спускаешься на три ступеньки – и ты уже в воде. Мы читаем меню, не особенно понимая, что там написано. В конце концов, мы всегда просим разъяснений. Все, кто там работает, очень милы и всегда улыбаются. Выслушав их более или менее понятные объяснения, сопровождаемые жестами и смехом, мы каждый раз берем новое блюдо. Может быть, потому что нам хочется попробовать всего по-

немножку, потому что мы надеемся, что какое-нибудь рано или поздно нам как-то особенно понравится. Но в основном – потому что нам хорошо.

– И пожалуйста, без странных соусов, ничего сверху. Nothing, nothing...

Те в ответ кивают. Всегда. Даже когда мы говорим явные глупости. В конце концов, мы никогда не знаем, что нам принесут на самом деле. Иногда это было вкусно, иногда нет. Я пытаюсь дать Джин совет:

– Ты никогда не ошибешься, если возьмешь жареную «pescado».

Она смеется.

– Боже, ты как старичок. Интересно же все попробовать.

Оглядываюсь вокруг. На этом острове довольно пустынно. За столиком, стоящем в глубине, обедает еще одна пара. Они старше и молчаливее нас. Наверное, это в порядке вещей, что с возрастом у людей становится меньше тем для обсуждений? Не знаю, и знать ничего не хочу об этом. Я не спешу. Все само откроется со временем. А вот Джин болтает напропалую – обо всем понемногу, рассказывает смешные или любопытные вещи. Она посвящает меня в разные детали своей жизни, и я становлюсь их участником, потому что воспринимаю все через призму ее взгляда. И потом, у нее масса неожиданных предложений.

– Слушай, у меня прекрасная идея. Давай завтра поедем вон на тот остров. Нет, лучше возьмем лодку и будем ловить рыбу. Нет, нет, лучше давай исследуем наш остров... Что скажешь?

Я улыбаюсь. Не буду говорить ей, что остров-то в километр диаметром.

– Конечно, чудная идея.

– Да какая же именно? Я тебе три предложила.

– Все три прекрасные.

– Иногда мне кажется, что ты надо мной смеешься.

– Почему ты так говоришь? Ты очень красивая.

– Вот видишь, ты смеешься надо мной.

Я придвигаюсь ближе и целую ее. Поцелуй долгий-долгий. С закрытыми глазами. Это совершенно свободный поцелуй. Ветер пытается проскочить меж нашими губами, нашими щеками, волосами... И ничего у него не получается, ему не пройти. Мы – одно целое. Только слышно, как под нами разбиваются небольшие волны – это дыхание моря, эхом отзывающееся на наше дыхание, пропитанное солью... И на какой-то миг мне становится страшно. А если я снова захочу полностью раствориться? И что потом? Но пока я растворяюсь в этом поцелуе. Потому что этот страх нравится мне, он здоровый. Джин неожиданно отстраняется и смотрит на меня в упор.

– Эй, что это ты так смотришь на меня? О чем думаешь?

Я собираю ее волосы, которые уносит ветер. Аккуратно собираю их в руке. И отвожу их назад, убираю с прекрасного лица.

– Я хочу заниматься любовью с тобой.

Джин встает. Берет пиджак. На какую-то минуту мне кажется, что она рассердилась. Но она оборачивается и дарит мне чудесную улыбку.

– Что-то я уже не хочу есть. Пойдем?

Встаю, оставляю деньги на столе и догоняю ее. Мы идем вдоль моря. Я обнимаю Джин. Ночь. Луна. Легкий ветерок. Вдалеке видны лодки. Полощутся на ветру белые паруса. Кажется, что они, прощаясь, машут нам носовыми платками. Да нет, мы не уезжаем. Пока нет. Мелкие волны почти беззвучно ласкают нам щиколотки. Они теплые и медленные. Они все понимают. Они похожи на прелюдию к поцелую. Они как бы боятся побеспокоить нас. Официант подходит с тарелками к нашему столику. Но нас там уже нет. Оглядываясь, он видит нас. Мы уже далеко. Он зовет нас.

– Завтра, мы поедем завтра.

Он качает головой и улыбается. Да, это остров чудо как прекрасен. Здесь все уважают любовь.

Когда я был маленьким и возвращался домой после каникул, Рим всякий раз казался мне совершенно другим. Более чистым, больше порядка, меньше машин, кое-где движение поменялось в другую сторону, появлялся новый светофор. На этот раз город мне кажется точно таким же, каким мы его покинули. А вот Джин, похоже, изменилась. Смотрю на нее незаметно. Она вся такая правильная, ждет нашей очереди на такси. То и дело отбрасывает с лица волосы и они, еще просоленные морем, послушны. Нет, не изменилась. Просто стала больше женственной. Под ногами у нее стоит сумка, а легкий рюкзак висит на правом плече. Лицо серьезное, но черты мягкие. Джин оборачивается, смотрит на меня и улыбается. Она мама? О Боже, а если она и вправду ждет ребенка? Я был сумасшедший. Джин смотрит на меня с интересом, наверное, пытается догадаться, о чем я думаю. Я смотрю на нее, размышляя о ее животе. Их уже двое? Я вспоминаю сцену, которую видел в детстве. Это история о Лигабуэ⁶². Не о певце, а о художнике. Глядя на свою натурщицу, рисуя ее на холсте, Лигабуэ понял, что она беременна, только по ее сияющим глазам и по смягченным формам ее тела. Но я не художник. Хотя я был более сумасшедшим, чем Лигабуэ.

– А можно узнать, о чем ты думаешь?

– Тебе это покажется странным, но я думал о Лигабуэ.

– Да ты что? Знаешь, он мне нравится и как певец, и как мужчина.

Джин весело напевает песенку, сильно фальшивя. Она знает все слова песни «Бывают ночи», но она не догадалась о моих мыслях. К счастью. По крайней мере, на этот раз.

– Эй, знаешь что? А Лигабуэ мне нравится еще и как режиссер... Ты видел его «Радиострелу»?

– Нет.

Подходит наша очередь. Мы кладем свои сумки в багажник и садимся.

– Жаль, там есть одна прикольная фраза... Мол, внутри меня есть большая дыра, но рок-н-ролл, подружки, футбол, удовлетворение от работы, шалости с друзьями – все это заполняет эту дыру.

– Неплохо сказано... ты еще и фразы оттуда помнишь?

Джин настаивает:

– Это «С десяти до нуля»?

– Ничего подобного.

– А ты уверен, что думал о певце, а не о художнике Лигабуэ?

Джин смотрит на меня с интересом. Эта девушка беспокоит меня. Я объясняю таксисту дорогу к Джин, и он трогается с места. Фу-у-у. Все знают все. Я надеваю темные очки. Джин смеется.

– Застукала я тебя? Или ты не знаешь, кто это?

Ответа она не ждет. Решает оставить меня в покое. Прислоняется к моему плечу, как тогда в самолете. Как все эти последние ночи. Я вижу ее отражение в зеркальце таксиста. Она закрывает глаза. Кажется, она отдыхает. Потом снова открывает и встречается со мной взглядом, хотя я и в очках. Джин улыбается. Может быть, все поняла. Может быть. Но одно точно – если будет девочка, она назовет ее Сибиллой.

Последние прощания.

– Пока. Созвонимся.

С рюкзаком на плече и сумкой в руках она входит в подъезд. Я смотрю, как она идет, и не могу помочь ей. Она не велит.

– Мне не надо помогать. И к тому же я ненавижу долгие прощания. Иди давай!

Снова сажусь в такси и называю свой адрес. Таксист кивает. Он знает дорогу. Впрочем, это же его работа. И тут на меня накатывают воспоминания о нашем путешествии. Как будто быстро перелистываются страницы альбома. И я выбираю самые лучшие фотографии. Купание в море, поцелуи, шутки, ужины, веселая болтовня, жаркая любовь, ленивые пробуждения. А теперь что? Мне беспокойно, и не только из-за смены часового пояса. Я скучаю по Джин. Оставить ее дома сразу после поездки – это как бы снова уехать, но не зная, куда и, главное, с кем. Одному. Я уже скучаю по Джин. Вот что меня беспокоит. Не слишком ли я

⁶² Антонио Лигабуэ (1899–1965) — итальянский художник-примитивист. Лучано Лигабуэ (р. 1960) — популярный итальянский музыкант, певец, кинорежиссер и сценарист.

стал романтичным?

– Приехали.

К счастью, меня возвращает к реальности счетчик. Я выхожу. Не дожидаясь сдачи, беру свой багаж и направляюсь к дому.

– Есть кто-нибудь?

Тишина. Так даже лучше. Мне надо потихоньку войти в ритм повседневности: без особого шума, без лишних вопросов. Вынимаю из сумки вещи, бросаю то, что надо постирать, в корзину и встаю под душ. Я не чувствую смену часового пояса, но зато слышу как звонит телефон. Выхожу из душа. Беру телефон, вытираю голову, прежде чем ответить. Это она, Джин.

– Ой, я включил его секунду назад, перед душем. Я так и знал, что ты не удержишься.

– Слушай, я тебе звоню, чтобы узнать, как ты справляешься. У тебя не начался приступ воздержания... от любви?

– У меня? – я отдаляю телефон от уха и делаю вид, что обращаюсь к толпе девушек. – Спокойно, девчонки, спокойно... я иду!

Джин напускает на себя безразличие.

– Странно, что ты не сказал – лечу. И – секундочку, девушки! Тебе надо быть поискреннее. И пусть они не строят иллюзий! Ха-ха!

– М-м-м! Язва. Если так и дальше пойдет, надо поговорить с Романи насчет твоего участия в передаче типа «Случай года», и мы тут же отправимся в мировое турне.

– Не будем так далеко забегать... Ты лучше продумай речь для моих родителей, тебе придется объясниться с ними через несколько дней.

– Что такое?

– Ну, если еще пару дней не придут «они», прийти придется тебе...

– А что такое?

– Сроки подходят, а «они» все не наступают, значит, я беременна! Ищи слова для предложения руки, извинения и все такое прочее.

Я молчу.

– Ну вот. Наконец-то ты понял! Развлекайся со своими девушками, времени тебе осталось мало!

– А я-то думал, что мне только имя надо будет выбрать.

– Конечно. Это самое простое! Нет уж, над этим подумаю я. А ты займись всем остальным. Знаешь, что обычно говорит моя мама? «Ты хотела велосипед? Крути педали!»

– Педали... если это будет девочка, можно назвать ее Педаль. Это наверняка будет очень спортивная девочка, и вдобавок, это будет как бы в честь твоей мамы.

– Неплохо. Я-то думала, ты в депрессии. А ты еще в состоянии всякие глупости говорить.

– Да, но это уже последние. Знаешь, папы должны быть очень серьезными. А ты уверена, что папа – я? Мой дедушка говорил: «Кто мать всегда ясно, кто отец – вот вопрос».

– Вот и молодец, будешь всю жизнь сомневаться. Но зато, если он будет дурачок, будь уверен – он твой!

– А если умный?!

– Стэп... давай не будем ссориться.

– А кто ссорится?

– Я по тебе скучаю...

Я снова отвожу телефон.

– Девушки, хотите знать, что она мне сказала? Что она по мне скучает.

– Какой же ты глупенький...

– Ты изменилась?

– В смысле?

– Обычно ты говоришь – дурак.

– А что лучше – глупенький или дурак?

– Ну, вообще-то глупенький мне больше нравится... и потом, ты сказала, что дурак – это мой сын, а меня тогда ты должна называть глупеньким, иначе в доме ничего будет не понять. Видишь, какая путаница?

– Кретин!

– Ну вот... а кретин-то кто? Кто-то другой?

И мы смеемся. И продолжаем весело болтать неизвестно о чем и неизвестно почему. Потом решаем повесить трубки и созвониться завтра. Бесплезное обещание. Мы уже и так это сделали. Когда долго болтаешь по телефону, когда не замечаешь, как бегут минуты, когда слова не имеют никакого смысла, когда думаешь, что если бы тебя кто-нибудь услышал, подумал бы, что ты свихнулся, когда никто из двоих не хочет класть трубку, когда после того, как она все же положила трубку, ты проверяешь, действительно ли она это сделала, это значит, ты попал. Или лучше сказать – ты влюблен. Что, по сути, одно и то же...

65

Следующие дни в Риме – самые обычные дни. Часовой пояс занял свое место. Снова холодно. Мы живем под разными крышами. Море отдаляется. Становится воспоминанием. Только фотографии напоминают об этом удивительном путешествии.

Но и они, в конце концов, занимают свое место в какой-нибудь коробке и забываются. Романи был рад нас снова увидеть, веселых и загорелых – в общем-то, благодаря ему. Еще больше он обрадовался, узнав, что мы готовы подписать контракт – работу мы получили тоже благодаря ему. У Паоло и Фабиолы, похоже, все хорошо. Паоло оставил идею стать агентом. Моим агентом. Он снова вернулся к своей коммерческой деятельности. Он позволяет Фабиоле, своей подруге, принимать за него решения, и поэтому все счета у него снова сошлись. Потому что, если бы у него счета не сошлись как на работе, так и вне ее, он бы рехнулся. Насколько мне известно из рассказов Паоло, мой отец и его подруга, имени которой мне никак не вспомнить, – впрочем, я на этот счет не напрягаюсь, – живут душа в душу, в согласии и любви. В любви. Насчет этого я тоже не хочу напрягаться. А вот о личной жизни мамы Паоло не имеет никаких сведений. Или, по крайней мере, ничего мне об этом не говорит. Он очень беспокоится за ее здоровье: несколько раз он видел маму в больнице, где она проходила какие-то обследования. Но и об этом Паоло ничего не знает точно. Или и в этом случае не хочет мне ничего говорить. Насчет этого я тоже не напрягаюсь. Просто не могу этого сделать. Мне было трудно даже прочитать книгу, которую мне подарила мама. Это история, очень похожая на нашу, но со счастливым концом. Там счастливый конец. Но это ведь просто книга.

– Привет, что делаешь?

– Собираю сумку и иду в спортзал.

Жизнь обрела прежний ритм. И Джин тоже.

– Да ты что, я тоже туда собираюсь, но чуть позже. Сегодня я иду... – она делает паузу, разыскивая в своем календаре подходящий спортзал. – В «Грегори Джим» на улице Григория VII! Хотя бы не слишком далеко. Увидимся?

– Конечно.

– Тогда целую и до скорого.

Даже не знаю, что должно случиться, чтобы я потерял уверенность в этом «конечно».

В спортзале здороваюсь с народом. И начинаю тренироваться. Без особых рывков, без напряжения. Боюсь потянуть мышцы. Слишком долго я не тренировался.

– Эй, привет, с возвращением!

Это Гвидо Балестри, худой и, как всегда, улыбающийся. На нем все так же болтается бордовый тренировочный костюм, и новый худи, но той же марки, что и все его вещи.

– Привет. Тренируешься?

– Нет, я зашел в зал специально – надеялся встретить тебя.

– У меня нет ни лиры... – он смеется, потому что мы оба прекрасно знаем, что это последнее, в чем он мог бы испытывать нужду. – И некоторое время мне нельзя драться.

– Это точно. Не стоит лишний раз высовываться. Ты теперь звезда драки! – я понимаю, что он, должно быть, следил за моими перипетиями. Но он считает нужным подчеркнуть это. – Я вырезал все статьи: герой, рыцарь, палач телевидения...

– Да, им досталось.

– Судя по фотографиям, которые я видел – изрядно!

– Я и не знал. Что, фото тех троих тоже напечатали? Я что-то не видел.

Но это неважно. Я и сейчас зримо представляю себе ту сцену, со всеми ее участниками. Стараюсь перевести разговор на другую тему.

– Ну ладно, кроме шуток, что я могу для тебя сделать?

– Это я могу что-то сделать для тебя. Я заеду за тобой в девять, Стэп. Ты свободен?

– Смотря для чего.

– Эй, да ты стал как те дамочки, что строят из себя черт-те что. Из разряда «я пошла бы, но не могу». Я отвезу тебя на классный праздник, там все в порядке, все путем, и только не говори мне, что попал под чей-то каблук! Увидимся с друзьями, оторвемся!

Идея снова встретиться со старыми друзьями нравится мне. Прошло столько времени. Почему бы нет. Отключиться на некоторое время от всего. Окунуться в прошлое. Думаю о Полло, и мне уже не больно. Тряхнуть стариной – это то, что надо. Хлопнуть по плечу ребят, которых столько не видел. Пара-тройка воспоминаний, крепкие рукопожатия и искренние взгляды. Друзья по дракам. Самые верные друзья.

– Почему бы нет.

– О'кей, тогда дай мне адрес, я заеду за тобой на машине.

Мы прощаемся.

– До девяти! Спасибо...

Продолжаю заниматься. Делаю это с большей отдачей. Какая самонадеянность! Что ты делаешь? Ты хочешь снова быть в форме, чтобы встретиться со старыми друзьями? Быть на высоте их представления о тебе? Стэп, легенда! Посмеиваясь над собой, решаю заканчивать с тренажерами и отправляюсь в душ.

Некоторое время спустя, дома. У меня звонит телефон.

– Привет, ты так и не заехал.

Джин несколько разочарована.

– Нет... я просто думал, ты еще в спортзале.

– Да где там! Пришлось помогать маме с покупками. Потом она поняла, что забыла купить молоко, и я снова пошла в магазин. А потом еще и лифт сломался.

– Хоть ты и не ходила в зал, все равно ты в хорошей спортивной форме.

– Да, уж. Ягодичные мышцы у меня что надо! Хочешь приехать посмотреть на них сейчас? Мне как раз надо пойти наверх забрать белье на террасе – сегодня обещали дождь.

– Нет, не смогу. За мной скоро заедет один приятель.

– А-а... – Джин заметно огорчена.

– Один мой друг, Гвидо Балестри, такой длинный худой... Он был тогда, когда мы ходили к «Полковнику», – я стараюсь успокоить ее.

– Нет, не помню. Хорошо, как хочешь. Я все равно иду на террасу. А потом...

– Ну ладно, не дуйся. Как там, все еще ничего?

– Пока нет. Пока ты еще папаша в проекте...

– Ну, этим надо воспользоваться – сегодня же это и сделаю. Давай, может быть, созвонимся сегодня.

– Никаких «может быть». Созвонимся! И без отговорок.

– Хорошо, – я смеюсь. – Как скажешь, третий дан.

Я не успеваю повесить трубку, как снизу звонят.

Это Гвидо.

– Иду.

Раффаэлла в волнении ходит по дому. Что ты будешь делать? Ничего не сходится. Это хуже, чем в колбасном магазине: каждый раз у тебя на чеке что-то добавляется, или на заправке на площади: тебе заправляют полный бак и моют машину. И это люди, которым ты доверяешь, – они извиняются и произносят одну и ту же фразу: «Ну посмотрите, это же пустяк. Один евро, синьора, ну что тут такого?». Кажется, тебя специально выбрали для их

трюков. Но здесь речь совсем о другом. О Клаудио. Клаудио изменился. Взять позавчерашний день, когда они занимались любовью: он почему-то не захотел снять рубашку. Странно. Он даже читает теперь не то, что всегда – что уж говорить о музыке. Раньше он читал только «Диаболок», максимум – «Панораму». Да и то покупал ее, только если на первой обложке была какая-нибудь красуля. Естественно, полуголая. Ну, это-то в порядке вещей. Он, конечно, утверждал, что внутри – очень важная статья о мире финансов. А сейчас? Как объяснить эту книгу? Раффаэлла подходит к тумбочке Клаудио и берет ее в руки. «Стихи» Гвидо Гоццано. Перелистывает ее. Ничего особенного. Ничего в них нет. И вдруг из книги что-то падает на пол. Открытка. Раффаэлла быстро переворачивает ее, чтобы посмотреть, что там написано. Ничего. Только марка и подпись того, кто ее послал. «Ф». Одна буква «Ф». Марка бразильская. Кто бы мог ему ее послать?

Кто-то, кто был в Бразилии. Она смотрит дату на штемпеле. Открытка была послана шесть месяцев назад. Кто из друзей мог ездить в Бразилию шесть месяцев назад? Филипп, Ферруччо, Франко. Нет. По-моему, никто из них не ездил. Тем более, жены никого из них бы туда не отпустили. Разве что кто-то из них ездил туда тайно... И послал Клаудио такую открытку с буквой «Ф»? Нет. Не сходится. Раффаэлла переворачивает открытку и смотрит с другой стороны. Там некая бразильская красotka. Классическая фотография девушки, идущей вдоль пляжа, выставив напоказ задницу в купальнике размером с фиговый листок. Странно, но на фото четко видно ее лицо. Она улыбается. Ничего такого. Она кладет открытку обратно в книгу и листает ее дальше. На одной странице видит фразу, подчеркнутую красным карандашом. Что за ерунда? Клаудио ненавидит красный цвет. Он бы ни за что не взял такой карандаш. Он напоминает ему о его школьных ошибках, которые Клаудио делал именно потому, что никогда ничего не читал. А сам подчеркнутый стих? «Мне нравятся лишь розы, что не сорвал». С приписанным восклицательным знаком. Восклицательным знаком? Кто-то еще вдобавок нарушил синтаксис поэта, исказил его. Этот кто-то никого и ничего не уважает. Даже меня. В первую очередь – меня. Раффаэлла быстро добирается до последней страницы, чтобы посмотреть, есть ли там цена. Но цены нет. То ли ее стерли, то ли заклеили. Нет, вот цена. Она присматривается. Раффаэлла подносит книгу к лицу. И вдруг видит следы от клея. Цена была заклеена. А потом наклейку содрали. Это сделал Клаудио! Он не хотел, чтобы увидели название магазина, где купили эту книгу. Ему ее подарили! И подарила ее эта «Ф». Эта вонючая «Ф». У Раффаэлы в голове все встает на свои места. Нужно что-то придумать.

К сожалению, единственный, кого она знает в «Телекоме», это синьор Франки, друг Клаудио. Он наверняка ничего ей не даст: ни распечатку звонков, ни сообщений, посланных Клаудио. Он и под пытками ничего бы не сказал. Раффаэлла уже несколько раз проверяла его телефон. Ни одного сообщения, – ни посланного, ни полученного. И звонков – сделанных и полученных – очень мало. Слишком мало. Это чистый телефон, слишком чистый. А значит, он грязный. Но как это можно сделать? Уж конечно, не так, как сделал этот тупой скряга Меллини: чтобы сэкономить, он взял абонемент «You & Me», в нем можно выбрать телефон, по которому ты чаще всего звонишь, и в него он записал телефон любовницы. Это было раскрыто в два счета. Бедняга! Хотя бы тут он мог бы проявить хоть чуточку вкуса. Теперь он, наверное, счастлив до чертиков: на всем сэкономил. Его даже любовница оставила. А может, он специально так подстроил, чтобы его раскрыли. Когда муж оставляет сообщение в телефоне, это значит, что жену он больше ни во что не ставит. И он не знает, как ей об этом сказать. Так он избегает нудных разговоров. Какие же мужчины сволочи. То есть, я должна быть счастлива, что он сдирает наклейку с книги, и что он от меня все скрывает... Едва успев оценить по достоинству это свое последнее умозаключение, Раффаэлла вдруг придумывает, что надо сделать. Это как озарение, вспышка в сознании. Полузакрыв глаза, она начинает обдумывать свою идею во всех подробностях. И, наконец, улыбается: идея превосходная.

* * *

Немного позже. Клаудио возвращается домой. Раффаэлла выходит ему навстречу.

– Привет, как дела? На работе все хорошо?

– Превосходно.

– Давай помогу тебе.

Клаудио позволяет ей снять с себя пиджак, но останавливается в недоумении. С чего бы такая неожиданная забота? Тут что-то не так. А вдруг она что-то обнаружила? Или снова что-то с девочками?

В любом случае, стоит принять надлежащие меры. Клаудио идет за женой в спальню.

– Милая, все в порядке? Что-то случилось?

– Нет, все в порядке, а что? Хочешь чего-нибудь выпить?

Она даже спрашивает, не хочет ли он выпить. Значит, проблема все же есть. И серьезная.

– А как Даниела?

– Прекрасно, она сдала экзамены. Результат, кажется, объявят сегодня, но, по-моему, у нее все в порядке. А что ты задаешь такие вопросы?

– Знаешь, Раффаэлла, мне кажется, ты сегодня слишком заботливая.

– Да я всегда заботливая.

– Но как-то не так!

Верно, думает Раффаэлла. Черт, я выдаю себя с головой.

– Ты прав, от тебя ничего не скроешь! Я совсем забыла, что Габриэла пригласила меня сыграть партию в буррако⁶³. А мы, вроде, сказали Феррини, что идем с ними в кино.

– А-а... – Клаудио с облегчением вздыхает. – Представь себе, дорогая, по правде говоря, я об этом тоже совершенно забыл. К тому же мне позвонил Фарини и предложил мне сегодня отыгаться в бильярд, представляешь! Теперь-то уж он точно перейдет в нашу компанию!

– Здорово, я рада! Значит, прими душ и расслабься. Если ты снова проиграешь, он будет думать, что ты делаешь это специально, чтобы доставить ему удовольствие.

– Ты права, сегодня я его побью.

Клаудио раздевается и заходит в душ. Он расслабляется под сильной струей воды. Вот и чудно, думает он. А она еще чувствует себя виноватой. Он спокойно может поехать в гостиницу «Марсала» и получать удовольствие до поздней ночи. Как же ему везет... Знал бы он, насколько он ошибается. Раффаэлла только что поставила точку в своем плане. Несомненно, план не просто прекрасен. Он дьявольски хорош. Клаудио закрывает кран. Быстро вытирается, возбужденный внезапной возможностью легко уехать из дома, и нежно прощается с Раффаэлкой.

– А ты что? Не едешь?

– Нет, мы собираемся около десяти. Так что я дождусь Даниелу, она скоро вернется, мне хочется ее встретить.

– Ты права. Передай ей привет, и хорошего тебе вечера.

– И тебе.

Раффаэлла, улыбаясь, провожает его. Клаудио поспешно выскакивает за дверь. Но если бы на затылке у него были глаза, он бы увидел, как эта улыбка превращается в ужасную гримасу. Гримасу женщины, знающей, что ей делать. Раффаэлла берет домашний телефон и звонит обеим дочерям. А потом всем своим близким подругам, которые могли бы искать ее по ее телефону. И всем им говорит одно и то же. Всем говорит одну и ту же ложь.

67

Чуть позже я сижу в машине с Балестри. Я принес ему пиво. Он ведет машину весело и спортивно, надеюсь – не только из-за пива.

– Ну вот. Приехали.

Виа Гроттаросса. Выходим. Напротив виллы припарковано несколько машин, но я ни одну не узнаю. Балестри звонит в домофон. Кореи. Фамилия тоже незнакомая. Гвидо с любопытством смотрит на меня, похоже, ему весело.

– Гвидо, а ты, часом, не ошибся адресом? Что-то я не вижу тут мотоциклов. Корси, кто это?

⁶³ Карточная игра для двух или четырех участников.

– Это вилла, все нормально. Успокойся. По крайней мере, одного человека ты там точно знаешь.

Нам открывают калитку. Мы входим. Вилла очень красивая, окна в разноцветных занавесках выходят во двор. Полупустой бассейн отдыхает в ожидании майских дней, а рядом – теннисный корт с красной землей и натянутой сеткой, которая как бы охраняет ее. Улыбающийся швейцар ждет нас у двери и отступает в сторону, давая пройти.

– Спасибо.

Гвидо с ним здоровается. Похоже, они знакомы.

– Карола здесь?

– Конечно, здесь, заходите.

Он ведет нас по коридору. На стенах великолепной библиотеки – картины с подсветкой, старинные книги, китайские вазы и хрусталь. Все это стоит на полках светлого дерева. Швейцар открывает дверь в гостиную и отходит в сторону. Там много людей. Какая-то девушка бежит нам навстречу.

– Привет!

Она обнимает Гвидо, очень нежно целует его, но не в губы. Наверное, это и есть Карола.

– Тебе все же удалось?

Гвидо с улыбкой поворачивается ко мне, как бы говоря: «Конечно, Карола, разве ты не видишь, кто это?». Карола смотрит на меня. Какое-то удивление проскользнуло по ее лицу. Она смотрит на меня внимательно, как бы оценивая. Чуть закрывает глаза, зажмуривая их, как будто не верит, что я... это я.

– Но он... Это он?

Гвидо улыбается.

– Да, это он.

– Да, я думаю, это действительно я... обычно меня зовут Стэфано. Для друзей – Стэп... но «он» – так меня никогда не звали... Он? Вы мне объясните, в чем дело?

И вдруг через приоткрытую дверь, из гостиной, полной незнакомых людей, сквозь отдаленные и неясные голоса, из-за старинных книг и картин, написанных много лет назад, я слышу смех. Ее смех. Смех той, по которой я так скучал, той, которую я так долго искал, той, которая мне снилась тысячу ночей. Баби. Баби. Баби сидит на диване посреди гостиной, она в центре внимания, она рассказывает что-то и смеется, и все смеются за ней следом. А я, в полном одиночестве, стою и слова вымолвить не могу. Как долго я ждал этой минуты. Сколько раз в Америке, погрузившись в воспоминания, стараясь не думать о болезненных моментах, о разочарованиях, я погружался все глубже и глубже, туда, где находил ту улыбку. И вот она здесь, передо мной. И я должен с кем-то ее делить. Делить то, что было моим, только моим. И вдруг я чувствую, что бегу по лабиринту, состоящему из трепетных мгновений: наша первая встреча, первый поцелуй, первый раз... и немислимый взрыв моей любви. К тебе. И в этот миг я вспоминаю все, что я не смог тебе сказать, всю красоту моей любви – я так хотел, чтобы ты знала о ней. Как бы я хотел показать тебе ее. Я, простой смертный, допущенный к твоему двору, опустившийся на колени перед самой твоей простой улыбкой, перед величием твоего царства, я хотел бы показать тебе мое. На серебряном блюде, вытянув руку в нижайшем поклоне, я хотел бы преподнести тебе мой дар – то, что я испытывал к тебе: безграничную любовь. Вот, моя госпожа, видишь, все это – твое. Только твое. Оно простирается дальше морей, дальше горизонта. И еще дальше, Баби, – выше звезд, выше неба, и еще дальше – дальше луны и всего невидимого. Вот что такое моя любовь к тебе. И это не все. Потому что это только то, что мне дано знать. Моя любовь к тебе больше, чем то, что мы можем увидеть, больше, чем дано нам познать. Вот это, и еще многое другое, я хотел бы тебе тогда сказать. Но не смог. Я не смог сказать тебе ничего, что бы ты хотела услышать. А сейчас? Что бы я мог сказать сейчас девушке, что сидит на диване? Кому я могу показать чудеса этой огромной империи, которая принадлежала ей? Я смотрю на тебя, и тебя больше нет. Куда ты делась? Где та улыбка, что лишала меня всякой уверенности, кроме уверенности в том, что счастье возможно? Я хотел бы незаметно исчезнуть, но уже поздно. Это ты. Баби медленно оборачивается ко мне.

– Стэп! Быть не может... Какой сюрприз...

Она встает и бежит мне навстречу. Крепко сжимает меня в объятиях и нежно целует. В щеку. Потом слегка отклоняется, смотрит мне в глаза и улыбается.

– Как я рада снова тебя видеть... Но что ты тут делаешь?

Это напоминает мне «Смотрите, кто пришел!» – что бы там начали выкрикивать? А, да. «Здесь Баби!» Но она мне ни слова не дает вымолвить. Начинает говорить. Смеется и говорит. Говорит и смеется. Кажется, она обо мне знает все. Знает, где я был, что я делал в Америке, про учебу, про мою работу.

– И потом, ты же вернулся в Италию в начале сентября. Третьего, если точнее. И даже с днем рождения меня не поздравил... Ты что, забыл? Ладно, прощаю тебя...

И она продолжает в том же духе, и все время смеется. Шестого сентября у нее был день рождения – конечно, я прекрасно помнил эту дату. Всегда помнил. И все остальное я тоже помнил, все, что у нас с ней было, все самое прекрасное и самое горькое. А она? Она прощает меня. За что? За то, что я не мог ее забыть?

– Шестого сентября! Вот видишь, ты забыл...

– Да, верно. – Я улыбаюсь и не мешаю ей говорить дальше. Она говорит за нас двоих, она решает за нас, все она, как это было всегда.

– А потом ты выпустил телепередачу, а потом я видела эти газеты. С фотографиями. Ну, когда ты спас ту девочку. Как ее зовут? Ну, я уже не помню. Вообще-то я тебя искала, но...

К счастью, она не останавливается. Так и не спросила имя. Джиневра. Для друзей – Джин. Надо бы ей позвонить. Я сказал ей, что мы созвонимся позже. Может быть. Да, может быть. Если что, я смогу уцепиться за это «может быть». Я выключаю телефон. Обращиваюсь. Чисто инстинктивно. И вижу Гвидо: он смотрит на меня. Замечает мой взгляд и подмигивает. Он – коварный Базилио, а я – глупый Буратино в руках Девочки с голубыми волосами. Она добрая или злая? Я вижу, как он уходит. За ним закрывается дверь, и я остаюсь один. Один на один с ней, Баби, один на один со своей судьбой, со своим прошлым. Баби берет меня за руку.

– Пойдем я познакомлю тебя с моими друзьями.

И она тащит меня за собой – более ребячливая, более женственная, более уверенная, более зрелая. Более... более не знаю что.

– Вот. Это Джованни Франческини, владелец «Каминетто Блю»... А это – Джорджо Маджи, ну, его-то ты наверняка знаешь, у него большое агентство недвижимости, он занимается куплей-продажей. Ее агентство очень известно: оно называется «Каза Дольче Каза».

– Нет, не знаю, увы.

Я улыбаюсь и здороваюсь, как будто мне все это очень интересно. Другие имена, другие истории. Титулы и звания молодых коммерсантов, псевдоаристократов из общества, у которого нет названия... По крайней мере, для меня.

– А это Эсмеральда – моя самая близкая подруга! – Баби наклоняется ко мне с заговорщицким видом и мурлычет на ухо: – Можно сказать, она заняла место Паллины.

И смеется. А я чувствую только запах ее духов. Я смотрю на нее. Вернее, на то, что от нее осталось. Мне так и хочется спросить: «А кто же занял мое место?». Мое место. Да. «А с чего ты взял, что у тебя было место?» – могла бы она ответить. Поэтому я ничего не говорю. Стою молча. И смотрю на нее, пока она продолжает эту странную череду представлений. Она, такая респектабельная светская дама, безупречно подходящая к этому светскому обществу, этому позолоченному миру. Она пританцовывает, смеется, откидывая назад голову – и струится поток волос, и запах духов, и смех. И еще... Все это – ты. Но нам не следовало бы больше видеться.

И тут я чувствую всю свою боль. Все то, чего я не знаю, то, чего я не пережил, то, чего мне теперь не хватает. Всегда будет не хватать. Сколько же рук тебя обнимало, прежде чем ты стала такой? Да какая разница. Она мне все равно этого не скажет. К сожалению. И я стою, не говоря ни слова. И смотрю на нее. Но не нахожу ее. И тогда я прокручиваю черно-белый фильм длиной в два года. Целая жизнь. Те ночи, что я провел на диване. Далеко-далеко. Я так тогда и не смог примириться со случившимся. Я царапал себе щеки, молил о помощи звезды, стоя на балконе и куря сигарету. А потом следил за дымом, улетающим к небу, высоко-высоко, за облака... Туда, где мы когда-то были вместе. Сколько раз я плавал в этом

ночном море, потерявшись в этом черном небе, унесенный парами алкоголя и надеждой снова ее встретить. Вверх – вниз, без остановки. Вдоль Водолея, Персея, Андромеды... И еще выше – до Кассиопеи. Первая звезда справа, а потом – прямо, до самого утра. И еще дальше. И я всех спрашивал: «Вы ее видели? Прошу вас... я потерял свою звезду. Свою вселенную, ее нет. Где она теперь? И что она сейчас делает? И с кем?». И звезды вокруг меня озадаченно молчат. Слышна лишь капель моих слез. А я-то, глупый, искал и так хотел найти ответ. Дайте мне объяснение, просто объяснение, все равно какое объяснение. Ну и дурак. Все давно известно. Когда любовь проходит, можно найти все, что угодно, кроме объяснения.

68

Клаудио едет не спеша. Изредка поглядывает в зеркало заднего вида, чтобы убедиться, что Раффаэлла не отправилась за ним следом. Все спокойно. За ним – ни одной машины, ничего подозрительного. Только полицейский мотоцикл, который включил фары и рванул с места. Клаудио видит, как он, мигнув поворотником, быстро свернул направо и понесся к «Кассиа». Он не удосужил его даже взглядом. «И не за что, – думает он про себя, – я идеальный гражданин, никогда ничего не нарушаю». И, уверенный в своей добропорядочности, он сворачивает на корсо Франча, а по ней – напрямик к виа Марсала. И вот уже Порта Пиа. Клаудио останавливается у кинотеатра «Европа» и достает из кармана телефон. Открывает его, проверяет: пусто, никаких сообщений. С Франческой они договорились, что встречаются в гостинице в половине десятого. Если бы были какие-то проблемы, она прислала бы ему сообщение. Отлично.

Чем меньше сообщений они друг другу будут посылать, тем меньше вероятности быть пойманными. После того, как Раффаэлла добыла выписку со счета и устроила тот допрос с пристрастием по поводу кия, Клаудио больше не может звонить или посылать сообщения со своего телефона. Это слишком рискованно. Раффаэлла способна позвонить Франки и ему тоже устроить допрос с пристрастием. Тот не имел дела с такой фурией и, несмотря на мужскую солидарность, в конце концов, может и сдать. Клаудио в этом уверен. Лучше уж звонить из офиса, а если придут сообщения, сразу их стереть. Клаудио закрывает телефон и снова кладет его в карман, на обычное место. Потом, спокойно и безмятежно, решает выкурить сигаретку. Если хочется, можно себе позволить. Тем более, что сегодня для тревоги нет никакого повода. И Клаудио закуривает «Мальборо». Но если бы он посмотрел на свой телефон получше, то заметил бы, что он чуть новее, чем был. И тогда, действительно, для тревоги бы повода не было. Потому что это бы означало кошмар.

* * *

Биип. Биип. Звук входящего сообщения. На столе мигает телефон Клаудио. Так она и знала. Это было только дело времени. Раффаэлла улыбается и берет телефон в руки. Ждет секунду. Смотрит на него нерешительно. Вот он. Момент, который может полностью изменить ее жизнь. Подумать только: когда Клаудио захотел купить два одинаковых мобильника по случаю распродажи, я так его критиковала. «Бедный Клаудио, – думает она, – трудно переоценить тот факт, что мне удалось сегодня подменить твой телефон, который всегда лежит у тебя в кармане, на свой». Но тут лицо Раффаэллы меняется. Оно становится жестким. Его перекашивает от злобы. Она решительно открывает телефон. Чтобы увидеть сообщение, которое, возможно, положит конец самому значительному периоду ее жизни. Она открывает его и читает.

«Привет, сокровище мое! Я закончила. Встретимся в девять тридцать, как договорились».

Глаза Раффаэллы лезут на лоб. Они зеленеют от злобы, вылезают из орбит. Она скрипит зубами от ярости, дыхание ее прерывисто. Ей хочется бросить телефон Клаудио в стену, но она понимает, что тогда она потеряет след этой поганой «Ф», этой бабы, которая позволя-

ет себе называть Клаудио «своим сокровищем». Тут только она понимает, насколько важен сейчас этот телефон – единственная улика для завтрашнего судебного заседания. Идеальная карта, по которой можно найти «свое» сокровище. Раффаэлла собирается с мыслями, делает глубокий вдох, расслабляется. Ей нужно восстановить ясность суждений. Действовать нужно хитроумно. Она берет телефон Клаудио и медленно пишет сообщение.

«Я должен приехать на такси. Домашние забрали машину. Забыл адрес. Что сказать таксисту?»

И отправляет послание. Ждет. Она надеется, что не допустила никакой ошибки, не написала что-нибудь не так, что между ними нет условных сигналов типа – «как понял?» или какой-нибудь ерунды, типа этого. Клаудио очень предусмотрительный, но не такой уж он гений. Он ни за что не заподозрил бы, что я заменила его телефон. Именно в этот момент приходит ответ.

«Сокровище, зачем ты пишешь? Ты сказал, что это опасно. Не знаю точный адрес, но скажи просто отель „Марсала“ и тебя довезут. До скорого. Я хочу сделать тебе, как в прошлый раз...»

Читая последние слова, Раффаэлла чувствует себя едва живой. У нее сводит живот, сжимаются челюсти, она чувствует боль в печени. Потом она идет к домашнему телефону и набирает номер. 3570. Через несколько секунд голос диспетчера такси отвечает.

– Пожалуйста. Такси на пьядца Джачини. Срочно. Я не вешаю трубку.

Через несколько секунд раздается голос диспетчера:

– «Венеция 31», через две минуты.

Раффаэлла подтверждает заказ. Потом задумывается и ее охватывает истерический смех. «Венеция 31». Их первое путешествие было в Венецию. И такси с таким же названием положит всему конец. Она бежит в ванную и ее рвет. Даже тем, чего она не ела.

* * *

Немного позже. Остановившись на маленькой площадке у Порта Пиа, Клаудио смотрит на часы. Девять. Еще есть полчаса в запасе. Ему хочется пить. Он решает пойти выпить пива в ближайший бар. Заводит машину и объезжает площадь. Хоть он и нарушил правила, он был достаточно осторожен. Посмотрел хорошенько, не идет ли кто-нибудь. Только из глубины улицы ехало такси. Был бы он повнимательнее, прочитал бы на нем табличку: «Венеция 31». Правда, она бы тоже вряд ли бы что-нибудь ему сказала. Но если бы он был повнимательнее, если бы он заглянул и в такси, он бы, наверное, понял, что его обложили со всех сторон.

* * *

Раффаэлла выходит из такси, расплачивается и направляется в отель «Марсала». Оглядывается по сторонам. Ужасная обстановка. В углу – искусственное дерево. На полу – потрепанный красный ковер. У стены – старая деревянная скамья. Чуть дальше – столик с разбитым стеклом, и на нем – несколько старых журналов. Из-за стойки высовывается портье.

– Добрый вечер, могу я вам чем-то помочь? Вы что-то хотели?

– Господин Джервази посоветовал мне эту гостиницу. Он в номере?

Портье бросает на нее быстрый взгляд. Он многое повидал на своем веку: иногда лучше не соваться в чужие дела. Потом он оборачивается и проверяет ключи. Восемнадцатый пока висит на месте.

– Нет, синьора. Он пока не подъехал. – Портье вежливо улыбается.

– Хорошо, спасибо, если можно, я его здесь подожду.

Раффаэлла садится на скамью, стараясь все делать неспешно. Не хватало только упасть здесь, сломать ногу и угодить в больницу. Сейчас, когда она знает правду, когда она оказа-

лась на финишной прямой. Она ни за что на свете не хотела бы пропустить эту финальную встречу. Раффаэлла открывает журнал и быстро его перелистывает. Но она не видит ни фотографий, ни статей, ни рекламы. Только разноцветные страницы. Кроваво-красного цвета. И именно в эту минуту входит Франческа. Она открывает стеклянную дверь отеля и весело здоровается с портье.

– Привет, Пино! Клаудио уже приехал?

Портье смотрит на нее. Потом – на Раффаэлла.

И, запинаясь, отвечает:

– Нет... еще нет.

– Ну так дай мне ключи, я подожду наверху.

Портье дает ей ключи от восемнадцатого номера и скрывается в соседней комнате. В некоторых случаях лучше ничего не видеть.

Раффаэлла бросает журнал на столик и встает. Подходит к сопернице, останавливается в двух шагах и смотрит ей в глаза. Франческа не может вымолвить ни слова. Она испуганно делает шаг назад. И тут Раффаэлла узнает ее. Не может быть. Ну я и дура. Это была не открытка. Это была ламинированная фотография. Это и есть та девушка с пляжа. Она и есть та «Ф».

– В чем дело?

Раффаэлла смотрит на нее с вызовом.

– Ничего, всего лишь проверка. Как тебя зовут?

– Франческа, а что?

В мгновение ока злосчастная «Ф» становится плотью и кровью. Сволочная Франческа.

– Ты ведь ждешь Клаудио, правда?

Франческа ничего не понимает. Или не в состоянии понять. Раффаэлла не дает ей времени опомниться. Она берет телефон Клаудио и набирает номер, свой собственный номер.

– Подожди, сейчас ты с ним поговоришь.

* * *

Клаудио только что купил пива, сел в машину и едва его пригубил, как чуть не подавился, услышав звонок телефона в своем кармане. Телефон вибрирует и звонит, но мелодия не его. Он лезет в карман. Смотрит на телефон в немом удивлении, ничего не понимая. Открывает его. И в этот момент видит то, что совсем не ожидал увидеть. На экране сверкает его имя: «Клаудио». Но как это возможно, чтобы я сам себе звонил? Он ничего не понимает. Это его последняя мысль, прежде чем он осознает, что он летит в бездонную пропасть разворачивающейся драмы. Он не отрываясь смотрит на свое имя, загипнотизированный этим звонком, уже подозревая, что эта трель зовет его в безвозвратное путешествие в самые нижние круги ада. И, не выдержав, все же решает ответить.

– Да? – испуганно, готовясь к самому худшему, говорит он. И в самом деле, это она – последний человек, которого он хотел бы сейчас услышать. Его жена.

– Клаудио, подожди-ка, я передам кое-кому трубочку.

Клаудио не может вымолвить ни слова, он не успевает ничего сказать, а Раффаэлла уже прижала трубку к уху Франчески. Клаудио не может представить, не хочет представить себе, чей он сейчас услышит голос... Кто там рядом с женой? Кто бы это мог быть? И он, совершенно потерянно, все же говорит:

– Да?..

– Клаудио, это ты? Это Франческа... тут какая-то женщина меня спросила...

Но она не успевает закончить – Раффаэлла убирает телефон от ее уха и говорит Клаудио:

– Я жду тебя дома.

В эту минуту Клаудио проезжает мимо отеля «Марсала» с еще включенным телефоном и видит их, они стоят рядом: Раффаэлла и Франческа. Клаудио не может поверить своим глазам, он ошеломлен, он давит на газ, в надежде куда-то сбежать. Но он еще не знает, что с этой минуты ему некуда бежать.

* * *

Франческа недовольным голосом обращается к Раффаэлле.

– Но прости, я же с ним говорила, почему ты повесила трубку? Ты плохо воспитана...

Раффаэлла с улыбкой забирает у нее ключи от номера. Франческа не сопротивляется. Ключ и большой деревянный брелок с номером восемнадцать болтаются в руках у Раффаэлле.

– Так это в этой комнате вы кувыркались? – Франческа не отвечает. Раффаэлла смотрит на нее грозно. – Я не плохо воспитана. Я синьора Джервази. А ты, ты никто, шлюха гребаная! – И она бросает ей в лицо деревянный брелок, разбив ей нос и навсегда запечатлев в ее сознании этот номер – восемнадцать.

69

– Эй, Стэп, ты меня слушаешь?

– Конечно... – я кривлю душой.

– Как я рада видеть тебя... но почему ты мне не позвонил, когда вернулся?

– Ну, я не знал...

– Что ты не знал? – Баби смеется, прикрыв рот рукой. Отводит волосы назад. – Есть ли у меня кто-нибудь?

Она смотрит на меня очень внимательно. Но больше ничего не говорит, а я думаю о нашем Баттисти. О том, как она заплетала косички, о том, как она краснела, о наших темных подвалах... О ночном море. Но ответа я не жду.

– Выпью чего-нибудь.

К счастью, я сразу нахожу ром. «Памперо», самый лучший. Наливаю себе стакан и выпиваю. Я хотел бы... Наливаю второй. Я не хотел бы... Выпиваю его одним махом. Но если хочешь... Еще один стакан. Как риф может перегородить море? Никогда не знал ответа на этот вопрос. Возвращаюсь к ней, мы садимся на диван. И, глядя на нее, нахожу ответ на этот вопрос. Это невозможно. Море бесконечно. Совсем как ее глаза. И мой рифмой риф слишком мал. Она смотрит на меня и смеется.

– Ты выпил, что ли?

– Да, немного.

И вот мы сидим в полутьме, как два брошенных велосипеда. Время идет. Уж и не знаю, сколько прошло. А она мне рассказывает – все, что можно рассказать, все, что считает нужным мне рассказать. Она – настоящая женщина. А ведь она была ясная и понятная, как и я... И едва я собираюсь спросить ее, сколько рук сжимало ее в объятиях, прежде чем она стала такой, как сейчас, вечер заканчивается. Как и моя бутылка.

– Пока, Карола, пока, ребята.

Все прощаются друг с другом, обмениваются поцелуями, договариваются о встрече, напоминают друг другу о намеченных делах. Мы стоим на улице. Скоро мы остаемся одни.

– Ну, куда ты?

– Никуда. Я приехал со своим другом Гвидо на машине, но он уже уехал.

– Не волнуйся, я на машине. Я тебя отвезу, давай.

И я сажусь в ее синий «Мини Купер» последней модели.

– Забавно, да? – она кидает на меня взгляд, не переставая вести машину. – Когда мы познакомились, мы поехали на твоём мотоцикле, и я сидела сзади тебя, а теперь мы на машине, и ты мой пассажир.

– Да, забавно...

Я не знаю, что добавить. Единственное, что меня интересует – было ли это тоже запланировано у Гвидо. Классно задумано, кот Базилио. Снова вспоминаю его улыбку, как он мне подмигнул и как вовремя ушел со сцены: великий комбинатор чужих судеб... Но почему именно моей?

– Держи, – Баби протягивает мне свой шарф.

– Спасибо, но мне не холодно!

Она смеется:

– Дурачок! – теперь ее взгляд становится серьезнее. – Повяжи себе на глаза. Ты не должен ничего видеть. Помнишь? Теперь моя очередь. А твоя очередь – повиноваться.

Я молча обвязываю шарф вокруг головы, как когда-то сделала она. В тот раз, когда сидела за мной на мотоцикле. Тогда она, с завязанными глазами, крепко держалась за меня, давая увезти себя к тому дому в Анседонии, к ее мечте, той ночью, это было у нее в первый раз... Сейчас я чувствую, как спокойно она ведет машину, как включила музыку погромче и как эта музыка, она сама и бутылка рома, которую я в себя влил, уносят меня куда-то.

– Ну вот, приехали.

Я снимаю шарф-повязку и в темноте различаю ее контуры. Башня.

– Ты помнишь? Тот раз, когда ты заснул?

Как я могу это забыть? Потом, когда я проснулся, мы поссорились, а потом помирились. Как мирятся все влюбленные. И сам не знаю каким образом, вдруг она оказывается у меня в объятиях. А ведь мы и не ссорились. В этот раз – не ссорились... Она целует меня. Ничуть не стесняясь, и улыбается в полутьме.

– Эй, сколько же ты выпил?

– Немного.

Но, похоже, это для нее неважно. Она гладит меня по плечу.

– Я по тебе скучала, знаешь?

Я чувствую себя идиотом, что я могу сказать? Откуда мне знать? И правда ли это? Почему она мне это говорит? Зачем? А я? Я просто не знаю, что сказать. Мне хотелось бы вообще ничего не говорить. Но у меня само собой срывается:

– Да?

– Серьезно, – она улыбается. Потом расстегивает мне рубашку и спокойно, не торопясь еще более уверенная, чем тогда, когда мы расстались, говорит: – Выйди.

Она почти выталкивает меня из машины и смеется: пошел дождь. Она распахивает блузку, снимает бюстгальтер, обнажив грудь. Она открывается ласковому дождю, и мне – а я ласкаю языком ее мокрые соски. Уверенными движениями она расстегивает мне ремень, потом – брюки, они падают, просовывает мне в трусы руку и шепчет на ухо:

– Вот он... Привет... Сколько лет, сколько зим...

Бесстыдная – она не была такой раньше. Во всяком случае, со мной. Она целует меня в грудь, а с неба продолжает лить вода. И Баби скользит вниз, но капли настигают ее и там. А я отдаюсь этому дождю, падающему с неба, выпитому рому и ей, опустившейся на землю. Мне нравится. Она все делает очень хорошо. Мне ужасно нравится, и я почти страдаю от сознания этого. Весь мокрый, упоенный ее губами, сосущими меня почти с яростью, я не сопротивляюсь. На меня нахлынуло прошлое... Вся боль, что мучила меня... Женщина, которую я потерял... Я поднимаю лицо к небу. И вижу капли дождя, освещенные нежным сиянием далекой луны. Мне бы хотелось, как Баттисти... «А я сказала ему нет, и вот возвращаюсь к тебе, со всеми своими бедами, с несбывшимися надеждами, потому что я боюсь теперь жить...» А вот я, наоборот, остаюсь. А она все продолжает, действуя все быстрее и быстрее, не останавливаясь, губы ее жадно прикасаются к моему телу. Потом отстраняется, встает и тянет меня вниз, я падаю. Я растягиваюсь рядом с ней, прямо под дождем. Она садится на меня верхом, поднимает юбку, а под ней – уже ничего не надето. Мокрая, она раздвигает мне руки, она на мне. Начинает двигаться вверх-вниз. Сверху льет вода. У меня кружится голова, я слишком много выпил. Баби, сидя сверху, улыбается – получает удовольствие, лицо у нее сладострастное, чувственное, жадное. А я касаюсь мокрых стеблей травы и сжимаю их, и на какой-то миг не хочу быть здесь. Но как же... А та улыбка, которую я так любил? Разве не для этого ты вернулся? И вдруг – вспышка. Без света. Как хлопанье крыльев ночной птицы: тихое, почти не слышное. И ее голос:

– Никаких «может быть». Созвонимся! И без отговорок!

И тут, как из мути пикселей, как на слишком передержанной фотографии, как на темном квадрате полароида... Вдруг в моем мозгу четко вспыхивает... Джин. Нежная Джин, мягкая Джин, забавная Джин, чистая Джин. Она вся мне открывается, во всей своей красоте. И далекая луна, кажется, поворачивается ко мне другим своим лицом. Недовольным, неприязненным, разочарованным, преданным. И в этом бледном лунном свете я вижу все, чего ни

за что не хотел бы увидеть... как по волшебству дождь вдруг ослабеваает, пары алкоголя испаряются. И я, неожиданно просветленный, пытаюсь высвободиться из-под нее. Но Баби сжимает меня все крепче, она цепко держит меня, и ходит вверх-вниз, почти с яростью, она продолжает свой бег все с большей страстью, нет, она мне не даст сбежать. Мои попытки лишь усилили ее желание и она, скача на мне, наслаждается, а я задыхаюсь, она не дает мне вздохнуть. Еще, еще, еще. Она сползает в последний момент, когда я кончаю. Она довольна, умиротворена, она, наконец, насытилась, и расслабляется, лежа на мне. Она улетает, оставив на земле двух несчастных. Мое семя и мою вину. Потом тихонько целует меня, ее поцелуй пахнет непонятно чем. Я знаю только одно: от этого поцелуя я еще сильнее ощущаю свою вину. Баби улыбается мне под дождем, ее улыбка – совершенно женская, она не была такой. Она другая. Кривое зеркало того, что я так сильно любил.

– Знаешь, Стэп, мне нужно кое-что тебе сказать...

Я одеваюсь под дождем, – я так хотел бы, чтобы он был очищающим, – под этими темными тучами, взирающими на меня инквизиторским взглядом, под луной, повернувшейся ко мне разъяренным лицом. Она продолжает:

– Надеюсь, ты не разозлишься...

Я молча продолжаю одеваться. И смотрю на нее. Я? Чтобы я разозлился?

Она обеими руками отводит назад мокрые волосы. Потом склоняет голову, пытаюсь придать себе детский вид. Но это уже невозможно. У нее не получается.

– Ну, так вот... я хотела сказать тебе, что через несколько месяцев выхожу замуж.

70

Глухая ночь. Клаудио исколесил весь Рим. Он все никак не может поверить, что так прокололся. Как он мог не заметить, что телефон не его, а жены. Впрочем, они абсолютно похожи. Черт бы его подрал тогда, когда он купился на ту рекламу. Это была ловушка. Он, конечно, сэкономил, но сколько ему теперь придется заплатить за все? И сколько лет он будет платить? Он даже представить себе не может, во что ему это обойдется. Но, так или иначе, надо это пережить. Сейчас два часа. Должно быть, все уже легли. Он паркуется около дома, на улице, чтобы никто не услышал, что он приехал. Потом тихонько подходит к воротам, бесшумно их открывает, закрывает так же тихо. Подходит к двери дома, тихо-тихо, медленно-медленно, аккуратно поворачивает ручку двери, стараясь не шуметь. Но щелчок замка выдает его с головой.

– Папа, это ты? – в гостиной появляется Даниела. – Привет! Я ждала тебя, не ложились: я счастлива! Я сдала экзамены, сегодня получила оценки, ребенок чувствует себя отлично и, главное, у меня нет СПИДа!

Но Клаудио не успеваает за нее порадоваться. Из темной кухни на него вылетает Раффаэлла. Она нападает на него сзади, напрыгнув почти верхом, крича, царапая ему щеки ногтями, дергая за волосы, кусая за уши. Раффаэлла превращается в гарпию, такую орущую птицу с когтями, раздирающими ему спину. Ногами она жестко обхватила Клаудио за талию и не отпускает. Клаудио тоже начинает кричать – от боли – и как умалишенный мчит по коридору на глазах у оторопевшей Даниелы, которая совершенно не в курсе происходящего и просто хотела поделиться своей радостью с родителями. Добежав до конца коридора, Клаудио резко разворачивается и прыгает в большой шкаф, открыв его плечом и сильным рывком скинув гарпию. Он оказывается среди пальто, шуб и другой одежды, падающей с вешалок. Среди запаха нафталина, среди коробок с обувью и всевозможных подарков к прошлым праздникам, уже безнадежно забытых, Клаудио удаётся освободиться от Раффаэллы; он выскакивает из шкафа и бежит в свою комнату. В этот момент в коридор выглядывает Баби.

– Да что тут происходит? Что, воры залезли? – она видит отца, залитого кровью. – Что с тобой случилось? Что с тобой сделали?

И тут появляется Раффаэлла.

– Что с ним сделали? Что он с нами сделал! Несколько месяцев подряд трахался с какой-то бразильянской в железнодорожной гостинице!

С этими словами она срывает со сломанного шкафа кусок створки и пытается ударить

Клаудио, но тот закрывается в комнате. Он вынимает свой чемодан. Открывает шкаф и замирает: все его рубашки, пиджаки, брюки, свитера, все его костюмы разорваны, разрезаны, разодраны на куски. Весь огромный шкаф. Клаудио берет единственную вещь, оставшуюся целой. Открывает дверь и выходит из комнаты. Баби бежит ему навстречу.

– Папа, куда ты?

– Я ухожу. Вы все меня достали. Вам не понять, что человеку нужна свобода...

Раффаэлла неожиданно нападает на него сзади, и створкой от шкафа бьет куда-то между шеей и затылком. Но Клаудио оказывается быстрее и прикрывается книгой Гоццано. А еще говорят, что литература – бесполезная вещь. Он стремительно убегает по коридору, и вот он уже почти на пороге. Но Баби догоняет его в дверях.

– Папа, кто же поведет меня к алтарю?

– Мама. Она всегда сама все решает. Пусть и этой ерундой займется она!

С такими словами он освобождается от Баби. И бегом спускается по лестнице. Пфууу. Клаудио облегченно вздыхает. Он думал, будет хуже. Клаудио спускается с крыльца, и тут на него насккивает кто-то еще.

– Ах! – Клаудио принимает оборонительную позу.

Но это Альфредо, бывший ухажер Баби, абсолютно пьяный, с бутылкой в руке.

– Господин Джервази, вы должны мне помочь, посмотрите, на кого я похож! Вы не можете допустить, чтобы Баби вышла замуж за этого Лилло только потому, что он зарабатывает больше меня. И каким образом? Продает трусы! Ну как не стыдно? А как же наша дружба? Сколько мы соли вместе съели! Куда вы ее денете? Куда денете? Вы пожалеете! Понятно?

Клаудио смотрит на него и мучительно улыбается.

– Да я свой собственный брак не смог спасти, как я буду заниматься чужим?

– Ах вот как? Сейчас я вам покажу!

Альфредо наступает, угрожающе тряся бутылкой с пивом, и описывая вокруг Клаудио круги. Тот, недолго думая, дает ему пинка между ног. Альфредо падает на землю и сгибается пополам от боли. Клаудио пинает бутылку, и она отлетает в сторону.

– У меня и со Стэпом не было проблем, а уж с таким как ты я справлюсь!

И он уходит, счастливый, глядя на звезды и мечтая о новой жизни, ожидающей его. Правда, его немного волнует одежда – ему предстоят покупки.

71

– Да, алло?

– Эй, куда ты делся вчера вечером? Я тебе сто раз звонила, но сначала ты не брал трубку, а потом было все время занято.

Джин. Сейчас я умру. Зачем я ответил?

– Да... мы пошли с Гвидо поужинать в одно место, и я не заметил, что там не было связи. Это было в подвале.

Я уже не знаю, что сказать. Меня тошнит. Но Джин, как ни странно, спасает меня.

– А, в подвале. Я звонила несколько раз, потом заснула. Сегодня мы не сможем увидеться. Вот обидно! Мне нужно отвезти маму к тетушке за город. Созвонимся позже? Я не буду отключаться, ладно? Ну, давай, не грусти! Чмок, и когда ты оживешь, еще раз чмок!

И она вешает трубку. Джин. Джин. Джин. Как всегда, в веселом настроении. Джин со своей жизнерадостностью. Джин со своей красотой. Джин со своей чистотой. Я чувствую себя дерьмом. Со всем этим ромом, и со всем остальным. Мамочки, сколько же я выпил. А то, что я так напился, может служить оправданием? Нет, этого недостаточно. Я был способен понимать, что происходит. Я мог сказать «нет» в самом начале, не ехать с ней, не надевать шарф, не целовать ее. Виновен! Без тени сомнения. Но все же какая-то тень есть. А если мне это приснилось? Я слезаю с кровати. Эта одежда, висящая на стуле и еще влажная от дождя, эти ботинки, еще покрытые грязью, не оставляют больше никаких сомнений. Это хуже, чем сон. Это воронка. Виновен. Без всяких сомнений, виновен. Я ищу какую-нибудь фразу, слова, за которые можно зацепиться. Почему я ничего не нахожу? Мне приходит на ум одна вещь, которую мне сказал когда-то мой преподаватель философии: «Слабый сомневается»

перед тем, как принять решение; сильный – после». Кажется, это Краус⁶⁴ сказал. Значит, по его теории, я сильный. А я чувствую себя таким глупым и слабым. Под гнетом совести тащусь на кухню. Немного кофе мне должно помочь. Пройдет день, потом другой, и еще день. И тогда все это отодвинется на задний план, станет прошлым. Наливаю себе кофе. Он еще теплый. Наверное, Паоло оставил. Я сажусь за стол. Пью, ем печенье. И вижу записку. Узнаю почерк. Паоло. Почерк четкий и ровный, как всегда. Однако сейчас он мне кажется немного неуверенным. Может быть, он устал и написал записку второпях. Читаю. «Я поехал с папой в больницу Умберто I. Маму туда положили. Приезжай, пожалуйста, как можно быстрее». Теперь понятно, почему такой почерк. Речь идет о маме. Я бросаю кофе и быстро принимаю душ. Да, теперь вспомнил. Паоло мне что-то об этом говорил, но это не казалось чем-то серьезным. Я вытираюсь, одеваюсь и через несколько минут уже сижу на мотоцикле. Ветер дует в лицо – я прихожу в себя. Все нормально, Стэп. Меня напрягает только это «приезжай как можно скорее».

72

– Извините, я ищу синьору Манчини, ее должны были к вам положить.

Медбрат, с лицом, выражающим скуку и недовольство, подчеркнутое сигаретой, торчащей изо рта, откладывает открытый «Коррьере делло спорт» и бросает взгляд в стоящий перед ним компьютер.

– Вы сказали Манчини?

– Да.

И тут мне приходит мысль, что, может быть, она называет себя девичьей фамилией. Какая у нее была фамилия до замужества? А, да.

– Она может быть под фамилией Скаури.

– Скаури? Да, вот. Скаури. Третий этаж.

– Спасибо.

Собираюсь подняться на отделение. Но едва лишь я отошел от поста, скучающий медбрат вдруг просыпается и останавливает меня.

– Нет, к ней нельзя. Посещения с трех часов.

Он смотрит на часы у меня за спиной.

– Еще примерно через час. Подожди на улице.

– Да, я знаю, но моя мать...

– Понятно. Но мне плевать. В три часа – правило для всех.

Вспоминаю записку Паоло: «Приезжай, пожалуйста, как можно быстрее». И мне по фигу. Я хватаю его за горло правой рукой и толкаю со всей силы. Он долетает до ближайшей стены, и там я его достаю. Снова зажигаю рукой его горло.

– Я должен увидеть свою мать. Сейчас же. Немедленно. Я не хочу никому неприятностей. Пропусти меня. Пожалуйста...

Я повторяю слово, написанное Паоло, в надежде, что это даст нужный результат. Медбрат хочет что-то сказать. Я медленно отпускаю руку. Он переводит дыхание и бурчит:

– Третий этаж, – и кашляет. – Сто четырнадцатая кровать, – и снова кашляет. – Иди, давай.

– Спасибо!

И я быстро ухожу, пока он не передумал, пока он не сказал или не сделал чего-нибудь положенного по инструкции, что, как мне кажется, сейчас было бы большой ошибкой. Впрочем, я и сам совершил ошибку. Слишком серьезную. Сто двадцать, сто девятнадцать. Направо и налево. Прохожу мимо нескольких кроватей, на которых лежат больные, мимо нескольких жизней, висящих на волоске над пропастью. Какой-то беззубый старик кивает с улыбкой. Я силюсь найти для него слова, но в голову ничего не идет. Сто шестнадцать. Сто пятнадцать. Сто четырнадцать. Вот она. Мне страшно подходить. Моя мама. Я вижу ее, она лежит на простынях, бледная, такая маленькая, я и представить ее такой не мог. Моя мама. Похоже,

64 Карл Краус (1874–1936) — австрийский писатель, критик, эссеист.

что-то ей указало на мой приход, какой-то шорох, хотя я подошел очень тихо. Может быть, она услышала стук моего сердца: оно сильно забилося, когда я увидел ее такой. Она поворачивается ко мне и улыбается. Приподнимается на локтях. Но неожиданная боль пронзает ее, и она отказывается от этой мысли. Она слабеет от произведенного движения и снова падает на подушку, в смущении глядя на меня. Я подбегаю. Тихонько беру ее под спину и аккуратно двигаю к изголовью. Помогаю ей, стараясь не касаться бесчисленных проводов, свисающих с какого-то аппарата и заканчивающихся у нее на руках. Она морщится от боли. Но только секунду. Все прошло. Улыбается мне, а я беру свободный стул у соседней кровати и сажусь рядом с ней, у ее изголовья, чтобы ей не пришлось говорить громко, чтобы она больше не уставала.

– Привет.

Она пытается что-то сказать, но я прошу ее помолчать, поднеся палец к губам:

– Ш-ш-ш.

Мы некоторое время молчим. Потом, кажется, ей стало получше.

– Ну как ты, Стефано?

Жесть какая-то. Это она спрашивает у меня. И мягко улыбается. Она смотрит мне в глаза, ища ответ. Я пытаюсь что-то сказать, но слова застревают у меня в горле.

– Хорошо.

Я говорю то, что первое пришло на ум. Более длинное слово рассыпалось бы у меня на зубах, как хрупкое стекло. И моя боль рассыпалась бы на тысячу кусочков, как тончайшее зеркало, в котором отражается вся наша жизнь, моя и мамина. Ее слова, ее смех, ее шуточки, ее нагоняи. Ее стряпня, ее прихорашивание перед зеркалом. Мама. Я бессознательно делаю то, что она столько раз делала со мной. Я беру ее за руку. И она сжимает ее. Я чувствую, как похудели ее пальцы, на них болтаются несколько колец, кожа висит складками на тоненьких косточках. Я подношу ее руку к губам и целую. Она тихонько смеется.

– Это что, поцелуй прощения?

– Ш-ш-ш, – я не хочу говорить. Я не могу говорить. – Ш-ш-ш.

Кладу щеку на тыльную сторону ее руки. Мне спокойно на этой живой подушке, маленькой, но наполненной любовью. Моей, ее? Не знаю. Я так и сижу, отдыхаю, глаза закрыты, на сердце легко, на глазах застыли слезы. Она гладит мне голову другой рукой и нежно перебирает мои волосы.

– Ты прочитал книгу, которую я тебе подарила?

Я киваю, слегка качнув ее руку, мою подушку.

И чувствую, что она улыбается.

– Значит, ты понял, как бывает на свете? Твоя мама – женщина, такая же, как все... Может быть, более ранимая.

Я молчу. Жду какой-нибудь помощи, хоть чего-нибудь, не могу больше. Я кусаю себе губы, сдерживая слезы. Помогите. Кто мне поможет? Мама, помоги мне.

– Я ошиблась, это правда, Господу было угодно, чтобы именно ты это обнаружил. Но это было слишком тяжелым наказанием. Потерять из-за этой ошибки сына.

Я поднимаю лицо, у меня даже получается улыбнуться. Я спокойный, сильный – такой, каким меня хотела видеть она, каким меня сделала она, моя мама.

– Но ты меня не потеряла. Я здесь.

Она улыбается. Ей удастся протянуть руку и погладить меня по щеке.

– Значит, я тебя снова нашла.

Я улыбаюсь в ответ и киваю.

– И снова тебя потеряю.

– Да почему? Нет... вот увидишь, все будет хорошо.

Мама закрывает глаза и качает головой.

– Нет, мне сказали. Я снова тебя потеряю.

Она замолкает. Некоторое время смотрит на меня, потом тихо-тихо улыбается. По ее лицу я вижу, что она счастлива видеть меня здесь, рядом. И тут она снова морщится от боли, которая гложет ее изнутри. Она закрывает глаза. Боль прошла. Мама снова с улыбкой смотрит на меня.

– Но теперь это случится не по моей вине.

Что тут скажешь. Я хотел бы найти какие-то слова, вернуться назад, в прошлое. Извиниться за то время. Я хотел бы не входить в тот дом, не заставить ее с другим мужчиной, не мешать ей, не причинять ей страдания, я хотел бы оказаться в том времени, чтобы суметь понять, принять, простить. Но я не могу. Не могу говорить. Единственное, на что я способен – это сжимать ее руку, не сильно, чтобы то, что я сейчас обрел снова, не рассыпалось. Но она спасает меня, помогает мне еще раз. Но ведь она моя мама. Мама.

– Давай поговорим о том, что нас разлучило.

Она застаёт меня врасплох.

– Давай не будем притворяться, что ничего не было. По-моему, нет ничего хуже, чем делать вид, что ничего не случилось. Если ты здесь, это значит, что, так или иначе, ты это пережил.

Я по-прежнему молчу. Тогда она еще раз пытается помочь мне.

– Ну ладно. Мне кажется, что в Америку ты уехал не по моей вине, ведь правда? – она улыбается.

И эта ее улыбка все решает.

– Я хотел устроить себе небольшой отпуск.

– В два года? Неплохо. В любом случае, мне жаль, что все так случилось. Твой брат ничего не понял. Твой отец не захотел понять. Это он должен был оказаться на твоём месте. Там кое-что случилось раньше...

Мама прерывает речь. Улыбка ее становится болезненной. Так внезапно набегают на прибрежный песок легкая волна. Но тут же отходит. И мама снова открывает глаза. И пытается улыбнуться. У нее получается. – Вот видишь, мне не надо об этом говорить. Тем лучше. По крайней мере, о нем у тебя сохранятся лучшие воспоминания. Во всем виновата я, это я разрушила все, и справедливо, что сама расплачиваюсь за совершенное.

Снова волной накатывает боль. На этот раз сильнее. Я придвигаюсь к постели.

– Мама...

– Ничего-ничего, все хорошо, спасибо... – она делает глубокий вдох. – Мне дают очень сильные лекарства. Иногда я чувствую, что проваливаюсь куда-то. Вижу сны, даже если не сплю, а потом ничего не чувствую. И становится хорошо. Наверное, это наркотики. Теперь я понимаю, почему вы, молодые, начинаете их принимать. Они заставляют забыть о любой боли.

– Я никогда их не пробовал.

– Я знаю. Ты научился жить рядом со своей болью. Но теперь хватит. Не пускай ее к себе. Пусть к тебе вернется твоя жизнь.

Какое-то время мы молчим.

– Я скучал по тебе, мама.

Она кладет свою руку поверх моей и сжимает ее. Она старается сжать ее сильно, но я чувствую, насколько она слаба. Смотрю на ее руку. Она худая. В ней осталось мало жизни, той жизни, которую она когда-то подарила мне.

– Знаешь, Стефано, а ведь я хотела поговорить не о себе.

– А что ты хочешь узнать?

– Я помню, когда я была очень молодой, гораздо моложе тебя, у меня был парень, который мне ужасно нравился. Я была уверена, что разделю с ним свою жизнь. А он закрутил с моей лучшей подругой. Я тогда чуть ума не лишилась. Тебе надо было видеть моих родителей. В конце концов, я сумела справиться. И сразу после этого встретила твоего папу. Видишь ли, я счастлива, что мой первый раз был именно с ним... То есть то, что тебе кажется таким прекрасным, по прошествии времени может оказаться далеко не самым лучшим. Потом, задним умом, мы понимаем, что эта потеря ничего не стоит в сравнении с тем, что мы впоследствии взамен ее обрели.

Мама замолкает и смотрит на меня с улыбкой. Ей хотелось бы, чтобы я был счастлив. И я очень бы хотел быть счастливым – ради нее.

– Я познакомился с одной девушкой.

– Вот, именно об этом я и хотела тебя спросить. Расскажи, какая она.

– Она забавная, она красивая, она странная. И... особенная.

В этот момент я слышу:

– Стэп!

Это Мартина, та одиннадцатилетняя «сикушка», с которой я познакомился на пьядца Джачини. Она только что появилась в дверях.

– Вот это да!

– О Боже... – мама в растерянности. – Только не говори мне, что это и есть та «особенная» девушка, с которой ты сейчас встречаешься?!

И она смеется. Потом смех переходит в мучительный кашель. Но он скоро проходит. Мама снова открывает глаза. И сразу улыбается.

– Мартина, что ты тут делаешь?

– Здесь моя мама работает, вот она.

В палату входит красивая женщина в белом халате.

– Добрый день. Я медсестра и мне нужно поменять капельницу синьоре. А вообще-то сейчас не время для посещений.

– Да, я знаю, извините.

– Ну, мама. Это мой друг, ты поняла кто это? Это Стэп. Ну, помнишь надпись на мосту...

– Мартина, проводи молодого человека. Мне надо работать. А потом вы можете войти на минуту и попрощаться с вашей родственницей. Договорились?

– Спасибо.

Я иду к выходу из палаты, но мама подзывает меня.

– Стефано, можешь оказать мне услугу? Принеси стакан воды.

– Хорошо. – И я выхожу вместе с Мариной.

– А кто эта женщина?

– Моя мама.

– У нее серьезная болезнь?

– Думаю, да. Я сам еще толком не знаю.

– Если хочешь, я спрошу у мамы. Моя мама безумно любит свою работу. Сегодня меня не с кем оставить дома, и вот – велела прийти к ней на работу. Так что, спросить ее?

– Нет, Мартина, лучше не надо.

Она, кажется, немного обиделась.

– Лучше покажи мне, где можно взять воды.

– Конечно! – она снова вспыхивает от радости. – Пойдем, пройдем здесь, тут быстрее.

Некоторое время спустя мы возвращаемся в палату. Сестра только что поменяла последнюю капельницу, четким движением поставив в крепление перевернутую бутылочку.

– Все, хорошо. Синьора, я зайду снова, когда лекарство закончится, – и она идет к выходу. – Вы можете побыть еще пять минут.

– Спасибо.

– Пойдем, Мартина, – она берет дочь за руку.

– Ай, мама, ну не тяни меня так! Иду! Пока, Стэп, увидимся.

Я машу ей рукой и сажусь у кровати. Ставлю стакан с водой на тумбочку.

– Спасибо, Стефано. А я и не знала, что у тебя есть поклонницы. Медсестра мне рассказала: Мартина и ее подружки просто с ума сходят по твоей надписи.

– Да уж, и не думал, что стану известным благодаря этому. А ведь я даже подписи там не поставил!

Мама смеется.

– Но слухами земля полнится, разве ты не знаешь? Все становится известным. А она? Та, что была с тобой... в трех метрах над небом... что она говорит?

– Я видел ее вчера.

– Что значит – ты видел ее вчера? Слушай, а ты случайно не встречаешься с другой?

Я молчу. Мама разводит руками.

– Ну конечно... Я вот что подумала... Впрочем, наверное, я не тот человек, который может давать тебе советы?

Мы смотрим друг на друга. И вдруг начинаем смеяться. Похоже, ей стало лучше. Лекарство подействовало.

– Я не знаю, что ты сделал, но хочешь совет? Ничего не говори той, другой. Переживи

сам свою ошибку. Я надеюсь – то, что натворила я, не наследственное, а то я буду чувствовать себя виноватой еще и за твои ошибки.

– Нет, мама, не думай об этом. Достаточно того, что я чувствую свою вину, – я так хотел снова ее встретить, я мечтал об этом днем и ночью, я воображал себе этот момент, как он пройдет...

– И как он прошел?

– Три метра под землей!

– Наши поступки порой так глупы. Особенно не тогда, когда мы влюблены, а когда мы думаем, что влюблены, – мы молчим. – Ну, так даже лучше. По крайней мере, одна вещь для тебя прояснилась. Прошлая история осталась в прошлом. Конец. Но ты, я думаю, этого бы никак не избежал.

– Даже наоборот, я должен был ее встретить. Ко всему прочему... она выходит замуж.

– А-а. И именно из-за этого тебе было так плохо?

– Нет. Самое удивительное, что мне на это наплевать. Она стала другим человеком, совсем не той, какой я ее знал, это была не та девушка, по которой я так скучал, из-за которой так страдал. И самое ужасное – она сказала, что выходит замуж после того, как все произошло. Я чувствую огромную свою вину.

– Из-за того, что она тебе сказала?

– Нет, из-за той девушки. Она так не похожа на нее. И она совсем этого не заслужила.

Мама смотрит на меня. И снова становится той мамой, которой мне так не доставало.

– Стефано, некоторые вещи просто должны происходить. Знаешь, почему? Да потому, что если бы они не случались, потом все не становилось бы на свои места. В этом, я, увы, уверена.

Мы снова молчим.

– Ну ладно, я пойду. Не хочется, чтобы сестра снова меня увидела.

– Я бы на твоём месте больше опасалась прихода маленькой поклонницы.

– Да, это уж точно!

Я целую ее в щеку. Мама мне улыбается.

– Придешь еще ко мне?

– Конечно, мама.

В дверях снова оборачиваюсь, чтобы попрощаться. Мама мне улыбается и поднимает руку. И даже подмигивает. Наверное, хочет выглядеть молодцом.

– Стефано...

– Да, мама, что? Тебе что-то надо?

– Нет, спасибо за все. Я рада, что ты вернулся.

73

Уже поздно, солнце клонится к закату. Я нажимаю на кнопку домофона. Кто-то отвечает.

– Извините, Джиневра дома?

– Нет, она в церкви, здесь недалеко в Сан-Беллармино. А кто говорит?

Я удаляюсь. Не хочу отвечать. Пусть сегодня я буду невоспитанным. Простите меня. Сегодня я могу себе это позволить. Я тихо вхожу в церковь. Я не знаю, что мне делать, молиться или что. Нет, не сейчас. Не хочу сейчас об этом думать. Несколько пожилых женщин стоят на коленях лицом к алтарю. У всех в руках четки. Они нервно перебирают их в руках, вознося молитвы Господу, молитвы, которые, как им кажется, он сможет услышать. Он, конечно же, сможет. Но неизвестно, захочет ли. Неизвестно, посчитает ли он их справедливыми. Но мне не хочется об этом думать. У меня другое дело. На мне – грех. Мой случай прощ. Вот она. Вижу ее со спины. Она не на коленях, но молится. Во всяком случае, она тоже что-то шепчет, обращаясь к Богу. Я подхожу тихонько.

– Джин?

Она оборачивается и улыбается.

– Привет... Как здорово... Я как раз благодарила Бога. Знаешь... – она подносит руку к

животу. – Все в порядке. Я так волновалась... то есть не то чтобы я не хотела... но вот так, мне казалось это плохо. Такая важная вещь, такая прекрасная... иметь ребенка...

– Ш-ш-ш, – говорю я. И тихонько целую ее в щеку. Потом приближаюсь к ее уху и на одном дыхании, не выжидая ни минуты, бесстрашно прыгаю в пропасть.

Я рассказываю ей все, я вышептываю ей свой грех, надеюсь, что она поймет, что она сможет меня простить. Я закончил. Отодвигаюсь назад. Джин молча смотрит на меня. Я смотрю на нее. Она мне не верит.

– Это шутка? – она силится улыбнуться.

Я мотаю головой:

– Нет. Прости меня, Джин.

Она начинает колотить меня обоими кулаками, с яростью, плача, крича, забыв, что она находится в церкви.

– Почему? Почему? Скажи, почему? Почему ты сделал это? Почему?

Джин отчаянно кричит и падает на колени. Она плачет, пытаюсь найти ответ, которого у меня нет. Потом вскакивает и убегает, оставив меня в церкви, под взглядами старых дам, на минуту забывших свои молитвы и переключившихся на меня. Я смотрю на них и развожу руками. Может быть, вы могли бы меня простить. Но вы не можете. Вы – нет. По отношению к вам я безгрешен. Разве что помешал вам... Да, за это, может быть, вы и можете меня простить. Они снова отворачиваются к алтарю и погружаются в молитвы. Наверное, они меня простили. А вот с Джин все будет гораздо труднее.

74

Несколько дней спустя. Дом Джервази погружен в темноту. В доме царит тишина и спокойствие. Прежде никогда так не было. Легкий аромат цветов. Баби заглядывает на кухню и видит несколько букетов невесты для репетиции.

– Уходи, Лилло, ты не должен их видеть! Ты все испортишь! Иначе для тебя не будет сюрпризов.

– Я надеялся, что мы сможем побыть немного вместе – со всеми этими приготовлениями мы забыли, что необходимы и другие репетиции.

– Может быть, позже. Сейчас, наверное, родители дома. Давай, иди домой, попозже я тебе позвоню. Если мои уйдут, ты приедешь ко мне, если нет – я приеду к тебе, хорошо?

– Ну ладно, как хочешь.

Баби дарит легкий поцелуй своему жениху. Лилло в легком огорчении быстро спускается по лестнице. Баби закрывает за ним дверь.

– Мама, ты дома?

– Я здесь, в гостиной.

Раффаэлла сидит на диване, вытянув ноги, и пьет зеленый чай, который сейчас в моде. Баби подходит к ней. Жалюзи опущены. Легкий маятник отстукивает время, вдалеке – шум автотрассы и больше ни звука. Баби садится напротив матери.

– Знаешь, мама, я вот о чем подумала... Мы совсем не знаем, что творится в других семьях, насколько они не похожи, какая у них история...

– Что говорить – уж с нами точно никто не сравнится.

Они смотрят друг на друга и вдруг взрываются смехом.

– Да, это точно. Мне надо тебе кое-что сказать. Вчера вечером я видела Стэпа.

Раффаэлла становится серьезной.

– Почему ты мне это говоришь?

– Потому что мы решили говорить друг другу все.

Мать задумывается.

– Да, не далее как позавчера я убирала твою комнату и нашла постер, который он тебе когда-то принес – тот, что у тебя так долго висел на шкафу. Где вы «отрываетесь», как у вас принято говорить.

– Да, я помню. Ты его выбросила?

– Нет, ты сама выбросишь, когда придет время.

Странное молчание повисает в воздухе. Неожиданно Баби нарушает его.

– Вчера я занималась любовью со Стэпом.

– Ты что, специально это говоришь? Хочешь удивить меня, поразить? – Раффаэлла на минуту теряет спокойствие. – Скажи мне правду, чего ты от меня хочешь? Скажи, чего ты хочешь?

Еще немного, и она даст дочери пощечину. Она рядом, совсем близко. Баби поднимает на нее взгляд и спокойно улыбается:

– Чего я от тебя хочу? Ну и вопрос... Я даже не знаю, чего хочу от себя. Где мне знать, чего я хочу от тебя. И потом, все, что ты смогла, ты мне уже дала.

Раффаэлла глубоко вздыхает. Снова успокаивается. Они ненадолго замолкают. Две женщины – такие разные, но такие похожие. Похожие во многом. Раффаэлла улыбается.

– Тебе очень идет эта новая стрижка.

– Спасибо, мама. Что с папой?

– Все хорошо. Представляешь... он вернется. Он что-то пытался доказать самому себе, но он вернется. Он не сможет жить вдали от нас. С ним все понятно. А вот ты, что ты решила?

– Я? Насчет чего?

– Как, насчет чего? Что мне-то делать? Сегодня вечером я иду к Де Марини. Подруги наверняка поинтересуются, так что мне им отвечать? Ты сказала, что виделась со Стэпом. И что ты решила? Ты все же выходишь замуж?

– Конечно. А почему нет?

Раффаэлла вздыхает, теперь она совершенно спокойна. Все встанет на свои места. Это только вопрос времени, все снова будет как раньше, даже лучше, чем раньше.

Будущий зять – внук влиятельного человека, свадьба не хуже, чем у других, муж, придушенный чувством вины. Да, все будет хорошо. Раффаэлла встает с дивана.

– Прекрасно, значит, я могу ехать. Сегодня вечером мы играем в буракко. Пробовала когда-нибудь?

– Нет, я видела, как играют в доме у Гортензи, но за стол к ним не садилась.

– Тебе нужно попробовать, это гораздо лучше, чем пить джин. И увлекательнее. Когда-нибудь, когда у меня будет время, я тебя научу, увидишь – тебе понравится.

– Хорошо.

Раффаэлла целует дочь и собирается уходить.

– Мама...

– Что такое?

– Есть еще одна проблема.

Раффаэлла возвращается в гостиную.

– Что еще?

– Я хорошенько подумала. Только не злись. Пожалуйста. Я не хочу давать столам для гостей названия цветов. Это слишком пошло. Стефанелли тоже так делала на своей свадьбе.

– Ты права.

– Не знаю, может, назовем их драгоценными камнями, например. Это поэтичнее будет?

Раффаэлла улыбается.

– Гораздо изящнее. Ты права, прекрасная идея. Попросим поменять таблички. Мне бы твои проблемы...

Она снова целует дочь и выходит совершенно счастливая. Молодец дочка. Так похожа на свою мать: может решить любую проблему, найдет лучший выход. Раффаэлла переодевается в своей комнате. Через некоторое время выходит, элегантная и безупречная, как всегда. Ей хотелось бы вовремя приехать к Де Марини. И еще – ей ужасно хочется во что бы то ни стало выиграть в буракко.

– Хорошо, Джин. Только позвони, если задержишься. Мне надо знать придешь ли ты к ужину. Я хочу сделать ту пиццу, которую ты так любишь.

Я вся в своих мыслях и не слышу, что она говорит.

– Хорошо, спасибо, мама.

Надеваю худи, чтобы уйти, потеряться, забыться. Мне надо разобраться. Я ведь так этого хотела. А теперь? Теперь у меня ничего нет, ничего не осталось от моих грез. А действительно ли это было то, о чем я столько мечтала? Думать совсем не могу. Мне так плохо. Нет ничего хуже, чем оказаться в такой ситуации. Можно было бы порассуждать, если бы речь шла о ком-то другом, но сам никто не думает, что если окажется когда-нибудь в таком положении. И вдруг – хоп! Это случается с тобой, именно с тобой, и тебе в одиночку нужно перенести это несчастье. Блин, Джин, ты должна разобраться со своей гордостью, понять, хочешь ли ты по-прежнему быть с ним, подсчитать все «за» и «против»... Но у меня не получается ничего подсчитать, черт побери! Это просто жесть! По математике всегда была хуже всех. И потом, в любви нет никаких математических правил! Не существует бухгалтеров по чувствам, тем более – коммерсантов. Может, еще и налог на счастье надо платить? Чем бы я платила, если бы такой был на самом деле? Как же я хочу быть с ним! Я у моста Милвио. Останавливаю машину и выхожу. Я помню ту ночь, те поцелуи, нашу скамейку. И потом этот мост... Останавливаюсь у третьего фонаря. Вижу наш замок. И вспоминаю, как он выбросил ключи в Тибр. Это было обещание, Стэп. Неужели так трудно было его сдерживать? Я начинаю плакать. Как мне хотелось бы сейчас сломать этот замок! Я тебя ненавижу, Стэп!

Снова сажусь в машину и еду. Просто еду, сама не зная, куда. Немного покатаюсь. Не чувствую времени. Знаю только, что сейчас я иду вдоль моря. В лицо дует ветер, волны рассеивают внимание своими напевами. Как же мне плохо! Я чувствую себя дурой. Поверить на могу, этого просто не может быть. Я скучаю до смерти по этому говнюку, я тоскую по всему, о чем мечтала. Да, я знаю, кто-то скажет: «Джин, это естественно. А чего ты ожидала? Она же его бывшая девушка! Стэп даже уехал в Америку, настолько ему было плохо. И разумеется, он не устоял!». Ах так? Да вы только послушайте, что он говорит... Тогда, значит, ненормальная я, понятно? Мне все равно, и плевать я хотела! Да, вот так. И что дальше? Ты понял или нет? Мучитель ты, вот ты кто... А, я знаю, я все знаю: ты с самого начал предполагал, что все так и случится, правда же? С самого начала нашей истории. Так вот, знаешь, что я тебе скажу, поганец? Мне наплевать на все, абсолютно на все. Потому что я сумасшедшая! Понятно? Да, я сумасшедшая. Я сошла с ума от тебя, это правда, и от всего того, о чем я мечтала. Так вот, я все скажу тебе, если встречу, я брошу тебе это в лицо. И даже лучше. Поскольку ты сам настаивал на этом, я устрою тебе третий дан, и ты запомнишь его на всю жизнь. Ты и представить себе не можешь, как давно я хотела это сделать.

76

Дежурный медбрат сидит перед монитором. Все тот же. Он перестает стучать по клавишам и смотрит на меня. Он меня узнает. И лицо его становится доброжелательным. Он разводит руки в стороны, как бы говоря: «Конечно, конечно, сейчас не приемные часы, но ты можешь заходить».

– Спасибо.

Меня разбирает смех. Но это не по правилам. Я чувствую себя немного виноватым. Мне не нравится менять правила, применяя силу. Но мне надо увидеть маму. Сейчас, когда я ее снова нашел. Молча прохожу по коридору. Из палат до меня доносятся стоны. Вокруг все пахнет чистотой и лавандой. И какой-то едва уловимой фальшью. Мне навстречу с трудом идет мужчина в пижаме с растрепанной бородой и погасшим взглядом. У него подмышкой – «Газетта делло спорт», свернутая в трубочку. Может быть, покупка нового игрока для его любимой команды сможет хоть ненадолго вновь зажечь огонь в его глазах? Как знать. Когда тебя мучает боль, самые простые и банальные вещи приобретают неожиданное значение. Все что угодно может поддержать в тебе жизнь, вызвать интерес и немного развеять. Вот мама. Она отдыхает. Голова утонула в подушке – слишком большой для ее лица. Увидев

меня, она улыбается.

– Привет, Стефано...

Я беру стул и сажусь у нее в ногах.

– Ну, как? – она вопросительно смотрит на меня.

Я узнаю, на что она намекает.

– Нет, я все сделал не так. Мне жаль. Я ей все рассказал.

– И что было?

– Она меня побила.

– Ну, наконец-то девушка оказалась сильнее тебя. Ты выбрал самый трудный путь. Эта девушка не похожа на других?

Я описываю ее.

– У меня есть фотография.

Показываю. Маме интересно. На ее лице появляются мелкие морщинки. И улыбка удивления. И – снова болезненная гримаса: ее мучает боль, скрытая глубоко внутри. Бедная мама.

– Мне нужно кое-что тебе сказать...

Я нервничаю. Она это замечает.

– Нет, Стефано, ничего особенного... То есть это важно, но тебе нечего волноваться.

Мама замолкает в нерешительности: не знает, говорить мне или нет. Мы так играли, когда я был малышом, а она была здорова. Тогда она шутила со мной, прятала от меня что-нибудь, смеялась надо мной, и мы смеялись вместе. Мне хочется плакать. Не хочу об этом думать.

– Ну, мама, скажи.

– Я ее знаю, эту Джиневру.

– Ты ее знаешь?

– Да, у тебя хороший вкус, то есть, у нее хороший вкус... короче, это она тебя выбрала и придумала все эти штуки...

Ничего не понимаю.

– Да откуда ты ее знаешь? То есть, как ты узнала?

– Она заставила меня поклясться, что я тебе ничего не скажу. Как я узнала? Она сама захотела со мной познакомиться. Я часто видела эту девочку: она стояла под нашими окнами. Изо дня в день туда приходила. Сначала я думала, что она ждет кого-то, кто живет в нашем доме. А потом заметила, что, как только я уезжаю на машине, она уходит.

– И что?

– Однажды мы столкнулись с ней в супермаркете. Не знаю, случайно или нет. Мы познакомились... разговорились...

Приступ кашля. Мне плохо. Слишком много сил уходит на разговор. Она цепляется за жизнь, ищет хоть что-то... но ничего не находит. И смотрит на меня, глаза ее полны любви, нежности, это глаза женщины, которой хочется кричать. «Эй, ты что? Почему смотришь на меня так? Я твоя мама! Разве ты не испытываешь ко мне сочувствие?» И в эту минуту я снова становлюсь ее сыном, эгоистом, мальчишкой, в общем, таким, как она хотела.

– Ты мне расскажешь все толком?

– Да. Мы познакомились. Сама не знаю как, но мы разговорились... Она не знала, что я ее уже видела под нашим домом. Ну, впрочем, в этом я была не так уж и уверена. Суть в том, что я ей немного рассказала о себе, об отце, о Паоло, о тебе...

– И что ты ей рассказала обо мне?

– О тебе?

– Да, обо мне, о ком же еще?

– Что я тебя люблю, что скучаю по тебе, что ты уехал, что вернешься... потом мне показалось, что ей была очень интересна наша история. И она все время спрашивала, звонишь ли ты. Каждый раз спрашивала, как мы ни поговорим.

– Вы с ней разговаривали? Так что, вы еще и перезванивались?

– Да, мы обменялись телефонами. Но что тут такого, прости меня? Мы немного сдружились.

Ушам не верю. Все это кажется мне странным.

– И что?

– Ничего, я ей все сказала.

– А она?

– А она продолжала болтать, как ни в чем не бывало. Сказала, что записалась в бассейн... Ах, да, она меня насмешила, потому что спросила, не хочу ли я тоже ходить с ней... вообще-то есть тут одна странность...

– Какая именно?

– С тех пор, как ты вернулся, я часто хожу в супермаркет....

– И что?

– С тех пор я ее ни разу там не встречала.

Я молчу. Потом киваю и улыбаюсь. Мама хотела бы ответить на мою улыбку, но боль снова заставляет ее закрыть глаза. На этот раз – надолго. Беру ее за руку. Она сжимает мою ладонь с неожиданной силой. Потом ослабляет руку, открывает глаза – она устала, очень устала. Мама силится улыбнуться.

– Стефано... прошу тебя... – она указывает на стакан, стоящий рядом. – Принеси мне немного воды, пожалуйста.

Я беру стакан и встаю. Делаю несколько шагов к двери и слышу, что она снова меня зовет.

– Стефано...

Я оборачиваюсь.

– Да?

– Этой моей подруге Джин... пошли ей цветы, красивые цветы, – она опирается на подушку и улыбается мне.

– Хорошо, мама, обязательно.

Я выхожу из палаты и отправляюсь в туалет с питьевой водой, который мне показала Мартина. Набираю стакан – так, как она меня просила: чуть больше половины. Возвращаюсь в палату. Мама лежит спокойно, отдыхает. На кровати номер сто четырнадцать. На губах – легкая улыбка, глаза закрыты. Такой я ее и оставил. Но она не захотела меня дожидаться. Мама всегда не любила прощания. Не знаю почему, мне вспомнилась школьная поездка во Флоренцию. Другие мамы стояли на перроне и махали высовывавшимся из окон поезда детям платочками. Я тоже высунулся. Я искал взглядом маму на перроне – где стояли остальные мамы, но ее среди них не было. Ее уже там не было. Как сейчас. Она уже ушла. Мама. Я ставлю стакан рядом с ее кроватью. Я принес тебе воды, мама. Я не полностью наполнил стакан, как ты просила. Мама. Единственная женщина, которая никогда не перестанет меня любить. Мама. Женщина, которую я ни за что на свете не хотел потерять. И которую я потерял дважды. Мама... Прости меня. Я молча ухожу, ступая вдоль пронумерованных кроватей с лежащими на них незнакомыми людьми. Две медсестры обгоняют меня. Одна из них случайно меня задевает, но я этого не замечаю. Они бегут к моей маме. Глупые, они не знают, что она ушла. Не беспокойте ее. Она такая: не любит прощаний, она уходит, не оборачиваясь, не помахав напоследок. Мама. Я буду по тебе скучать гораздо больше, чем я скучал по тебе все эти годы. «Если то, что ранило меня, ранит и тебя, я думаю, что ты в земляничных полях, я думаю, что ты счастлива и весело танцуешь, такая красивая...» Это слова из одной песни, вертящейся в моей голове. Для тебя, мама, только для тебя. Возьми их с собой, прижми их крепко и неси, куда бы ты ни ушла сейчас. Танцуй, такая красивая, среди земляничных полей, наконец-то ты свободна от всего, что сковывало тебя здесь. Я плачу. Спускаюсь по лестнице. На посту нет медбрата. Там какая-то женщина. Она смотрит на меня с любопытством, но ничего не говорит. Она навидалась людей, которые выходят отсюда, не скрывая своей боли. Она уже и внимания на это не обращает. Все мы ей кажемся одинаковыми, ей, наверное, уже надоели эти беспомощные слезы. Я выхожу на улицу. Полдень. Солнце в зените, небо голубое. Обычный день. Так не похожий на другие. Вдалеке вижу отца и Паоло, они идут к больнице. Безмятежно о чем-то разговаривают, улыбаются. О чем, интересно, они говорят? Я этого не знаю и знать не хочу. Хорошо им, они еще не знают. Они еще в нескольких минутах от неминуемой боли, от собственного бессилия, от необходимости принять известие. Пусть пока наслаждаются жизнью. Спокойные и счастливые в своем неведении. Еще немного времени у вас есть.

Я перехожу на другую дорожку и ухожу прочь. У меня сейчас другие заботы. Я иду, ветер обдувает мое лицо. Мне хотелось бы, чтобы моя боль стала легкой. Но не получается. И вдруг я случайно оказываюсь там. Я этого не хотел, клянусь вам. Сейчас-то я не способен обманывать. Я вижу того мальчугана и его друга.

– Ну, значит, увидимся на площадке в четыре, хорошо? Эй, Томас, я тебе говорю, или как?

– Да, да, я понял, в четыре, не глухой.

– Не глухой, зато тупой. Тебе нет смысла приходить, Микелы не будет.

– Да кто тебе сказал, что я жду Микелу? Я ищу Марко, он должен мне вернуть мяч!

– Как же мяч...

Иногда мы попадаем в нужное место в нужный момент. Я смотрю на него. Мне кажется, он не имеет права игнорировать мисс «сикушку» Стеллари. Мартина, по крайней мере, заслуживает его. Хотя бы она. Я подхожу поближе. Он не обращает на меня особого внимания. Быстро охватывает взглядом, пытается определить, встречал ли он меня прежде, знакомы ли мы. И тогда я даю ему пощечину. Он стоит, не в силах произнести ни слова. Удивленно смотрит на меня, но не плачет, чувство достоинства не позволяет. И я говорю ему то, что должен сказать. А он внимательно слушает, и никуда не убегает. Мне нравится этот паренек. Потом я уезжаю на мотоцикле. Смотрю в зеркальце. И вижу, как он становится все меньше и меньше. Муравей в мире, который ему еще предстоит узнать и понять. Массирует левую щеку. Она такая же красная, как та пицца, что предложила мне Мартина. И на какой-то миг тот факт, что я среди тех, кто останется в его воспоминаниях, успокаивает меня. Потом я думаю о маме. О ее последних словах. О ее совете. Я улыбаюсь. Да, мама. Конечно, мама. Как хочешь, мама. И я становлюсь послушным сыном, таким, каким никогда раньше не был, каким хотел бы быть, и вхожу в ближайший магазин.

77

Немного позже. Дом Биро.

– Джиневра, можно войти? – Джин открывает дверь своей комнаты. – Что такое, мама?

– Вот, тебе принесли, пока тебя не было, – стоя на пороге, мама, улыбаясь, смотрит сквозь огромный букет красных роз. Она кладет их ей на кровать. – Посмотри, какие красивые! И еще смотри... посередине – одна белая роза. Знаешь, что это означает, да?

– Нет, а что?

– Это просьба о прощении. Кто-то тебя обидел и хочет извиниться?

– Нет, мама, все в порядке.

Но от мам трудно что-либо утаить. К тому же и покрасневшие глаза Джин не оставляют никаких сомнений.

– Держи... – мама передает Джин носовой платок и улыбается. – Когда будешь готова, мы за столом.

– Спасибо, мама, что-то не хочется есть.

– Хорошо. Но не принимай все так близко с сердцу. Оно того не стоит.

Джин улыбается в ответ.

– Может быть...

Но прежде чем выйти, мама дает ей записку.

– Держи, это было в цветах. Может быть, там объяснение по поводу белой розы.

– Может быть.

Джин остается одна, наедине со своей болью, наедине со своими цветами, наедине с запиской. Есть такие моменты в жизни дочерей, которые хорошо известны всем матерям. Может быть, потому что и они через это прошли. Может быть, потому что они знают, что дочку можно любить и на расстоянии. Может быть, потому что иногда, когда дочь испытывает боль, материнская любовь может скорее помешать. Мать оставляет дочь одну. С запиской в руках. Моей запиской. Джин разворачивает ее. Джин с любопытством читает.

«Ты просила его у меня. Я отвечал тебе „нет“. Я хотел подарить его тебе на день рождения, на Рождество, на какой-нибудь праздник. Но никак не думал, что поводом окажется

просьба о прощении. Но если бы это могло помочь, если бы одного письма оказалось бы недостаточно, если бы мне пришлось написать тебе еще тысячу писем, еще тысячу и еще, я бы сделал это, потому что не могу жить без тебя». Джин продолжает читать. «Вот что ты хотела. Мое стихотворение». Она улыбается и читает, читает. Она скользит глазами по страницам, плачет, хлюпает носом, перечитывает. Она встает и читает дальше. О наших счастливых минутах, нашей страсти, о наших чувствах. И – дальше, улыбаясь, снова хлюпая носом, вытирая глаза, роняя слезу на мои слова. Она читает до самого конца. Я ничего не говорю о моей маме. Только о нас. Я говорю ей о моем сердце, о моей любви, о моей ошибке. Я ворую слова из фильма, который сто раз смотрел в Нью-Йорке... «Наслаждайся счастьем до изнеможения или, по крайней мере, не отталкивай его. Я знаю, это звучит слишком красиво, но любовь – это страсть, наваждение, это человек, без которого ты не можешь жить, я говорю тебе: брось все, найди того, кого ты будешь любить до безумия, и кто тебя будет любить так же. Как его найти? Очень просто: забудь о разуме и слушай свое сердце. Потому что в жизни нет смысла, если в ней этого нет. Отправиться в путь и не влюбиться по уши – это все равно, что не жить. Но надо стараться, потому что если ты не попытался, считай, что ты и не жил...» И я надеюсь, что убедил ее, что она уже нашла того самого человека. Того человека, который надеется, что однажды его простят. Но я не спешу. «Я буду ждать тебя. И буду ждать, и ждать, и ждать. Чтобы увидеть тебя, быть с тобой, чувствовать себя снова счастливым. Счастливым, как небо при закате». Джин смеется. И тут у нее появляется странное чувство. Она поворачивается. Смотрит на свой стол. Туда, где она их всегда прятала. И вдруг понимает. И чуть чувств не лишается. И быстро выбегает из комнаты.

– Мама! Ты впустила его в мою комнату!

– Но это же был тот симпатичный парень, тот, с шампанским, да? Он выглядит таким воспитанным. И потом, он принес тебе такие роскошные цветы... я не могла ему отказать, мне это показалось неприличным.

– Мама... Ты даже не представляешь, что ты наделала.

78

Я в своей комнате. Чувствую себя вором. На самом деле я и есть вор. Но меня разбирает любопытство. Когда я увидел их на ее столе, я не поверил глазам. Три дневника, в год по одному. Она вела их с первого класса лица. Джин – невероятная девушка. Верх неорганизованности, а тут вдруг такая собранность. Я начинаю листать первый дневник. Здесь написано много забавных вещей. Интересно, кто этот Франческо, как она его называет. Все разрисовано сердечками. И все же у нее с ним ничего не было. Я тогда всерьез удивился, что у нее никогда никого не было. В это было трудно поверить. Она такая нежная. И красивая... Она такая. Неповторимая. В ней есть сила, есть характер... иногда она кажется рассеянной, но она все замечает, все видит, за всем наблюдает. Даже на вечеринке, когда болтает с подружкой, все же всегда следит, с кем я, говорю, с кем не говорю, что происходит на другом конце гостиной, кто только что вошел, кто что говорит и о ком... И смеется так заразительно, и всегда у нее шутка наготове... Джин. Мне очень жаль, что так случилось. Но ситуация с Баби вышла у меня из-под контроля. Я не понимал, что делаю, я столько тогда выпил. Да... Ну, Стэп, такое впечатление, что ты стоишь перед ней и оправдываешься... жуть какая-то.

Случается, что проходит время, и ты встречаешь свою старую любовь. И ты вдруг замечаешь, что та женщина, которую ты так любил, куда-то делась, ее больше нет. Может быть, ты просто ее выдумал когда-то? Целуя ее, ты отчаянно ищешь тот вкус, что чувствовал когда-то... но его больше нет. Кто у тебя его забрал? Куда спрятал? Или украл? Кто? Я вновь увидел ее глаза, но в них не было того света, той улыбки, по которой я так скучал. И когда я разжал руки, я понял вдруг: той моей Баби больше нет. От нее ничего не осталось, разве что волосы, поблекшие, как и ее улыбка, растерянная улыбка человека, потерпевшего кораблекрушение неизвестно в каких морях. И я, закрыв глаза, мыслями унесся далеко, вглубь воспоминаний, кружась с ними, как в большом хороводе, держась за руки, смеясь и шутя. И я снова увидел ту девочку, ту Баби, прекрасную как весеннее море, свежую и бесстрашную, жаждущую любви и желающую быть любимой, стыдящуюся снять бюстгальтер. Вот она,

она моя навсегда и ничья больше... Но иногда воспоминания лучше не тревожить.

Хватит. Не хочу больше об этом думать. Что сделано, то сделано. Джин поймет. Должна понять. Если бы я этого не сделал, жил бы, все время скрывая свои мысли, и никогда бы не сделал этого открытия. Хочу вернуться в сияние любви. Она поймет. Должна понять. На самом деле, она ничего обо мне раньше не знала, никогда меня не видела.

Интересно, что здесь написано? Я начинаю читать.

28 мая 2002.

Сегодня я счастлива, так счастлива, как никогда в жизни! Я окончательно забыла Франческо, вычеркнула, вытолкнула из своей жизни навсегда...

Подумать только, какой же он гад...

Потому что вчера случилась одна невероятная вещь. Я была на вечеринке у Роберты Микки, она старше нас, уже в пятый ходит. Я пролезла туда с двумя подружками (Эле и Симо), и мы там классно оттягивались, и вдруг пришли они... их никто не звал, этих Будоканцев.

Блин, не может быть – это она про нас, что ли? Но о какой вечеринке она говорит? Когда это было? Я продолжаю читать.

Я узнала, что их так прозвали, когда они бросили в кого-то праздничный торт и попали прямо в лицо!!! Какая меткость! Они устроили там бардак. По моему, там исчезла еще куча вещей. В общем, я вне себя от счастья. Я в полном восторге от него. Он задел меня, как только вошел. Правда, извинился, и даже подхватил меня, чтобы я не упала, и так обнял меня... Блиин! Наши лица почти касались друг друга, и у меня ум за разум зашел. Не знаю, заметил ли он это. Я узнала только, что его зовут Стэп! Смешное имя. Красавец, умереть не встать! Очень хочу увидеть его снова.

То есть мы познакомились. Мы встретились. Или, лучше сказать, мы столкнулись... Но что значит вся эта история? Вот черт, так значит, на той вечеринке, когда я познакомился с Баби, когда я поливал ее из душа, там же была и Джин? Мы столкнулись... не помню такого. Но может, это не в тот раз... Мои глаза бегут по строчкам, я листаю страницы, ищу другие моменты, другие воспоминания, другие истины. И, как сумасшедший, листаю, листаю. Глаза перебегают со строчки на строчку... Вперед – назад. Вот.

Я видела его! Сейчас полтретьего, а мне никак не заснуть. Я была на «Олимпике» и он тал€ был со своим другом, кажется, его зовут Полло. Он и в соревновании победил! Он мне нравится до умопомрачения, но он все время шутит с этой недоделанной из пятого, Джервази! Черт бы тебя побрал, Стэп, попробуй только. Она просто недоделанная (повторяюсь...), ни рыба ни мясо! Скажу больше – непонятно даже, с чего она туда явилась, еще и вырядилась!!! Или ты ее обтешешь, Стэп, или уж не знаю, что и думать. Наверное, ты обладаешь каким-то магическим даром или чем-то там еще, я не хотела бы быть занудой, но ясно, что с этой «Дюймовочкой» ты наживешь себе проблем! Там и эта гадюка Мадалена была. Не знаю, правду ли говорят, будто бы у тебя с ней роман. Не знаю, что и думать. Эй, сказочный принц! Легенда, или как там тебя еще зовут, рано или поздно ты заметишь и меня тоже (надеюсь). Но мы проходишь мимо и даже взглядом не достаиваешь... ЗАМЕТЬ МЕНЯ... а не то я сама тебя достану. Ну ладно, ложусь спать.

У меня нет слов, я продолжаю читать. Вот, опять что-то про меня.

Ну, так я и знала, он тусуется с друзьями у пьядцы Эвклиде. Мне это Эле

сказала, они там всегда бывают...

Листаю дальше. Быстро перелистываю две, три страницы...

Поверить не могу! Они вместе!!! Стэп, я ненавижу тебя! В довершение всего, эта кнеля Джервази подралась с The Body! С Маддой Федеричи! Так значит, это правда, что у тебя с ней история. А этой Баби Мадда надавала что надо... Она получила свое. Нет справедливости на земле, блин... Да как ты мог связаться с такой, Стэп!!! Клянусь тебе, когда-нибудь m&i мне это объяснишь. Разве ты не видишь, что у этой клуши ничего нет за душой. Что для нее ты просто дорогая игрушка? Однажды, когда она тебя сделает, ты окажешься запертым в шкафу вместе с другими, надоевшими ей игрушками! Это факт: иногда вы, мужчины, гонитесь за примитивными пустышками, вы не замечаете золото, которое рядом (я!), а ищите медяшки где-то далеко (она!). Ну и задница она... хотела бы я посмотреть, как она... черт, не хотела бы я этого видеть!!!

И так далее. Я перелистываю страницы и понимаю, что она меня ни на минуту не упускала из виду. Страница за страницей. Джин... ты обо всем тут написала. Ты всегда была рядом.

Вчера я была во Фреджене, у Мастино. Он прошел мимо. Мамочки, это мечта! Такой загорелый, я хотела крикнуть ему: Стэп, ты хорош до чертиков!! Мы играли в «Укради флаг», а эта сонная тетеря Джервази стояла на роликах и даже не заметила, как ты пришел!! До какой же степени надо быть тормозом!

А он, такой крутой, сажает ее на мотоцикл, завязывает ей глаза и увозит ее куда-то... похищение, как в сказке... это МОЯ мечта! О Боже... У меня украли мечту!!! Верните мне ее, она мояяяяя!

Какая же она умница, эта молчаливая наблюдательница. Разве я могу забыть это? Тогда я сбежал с Баби, мы помчались туда, в тот дом среди скал, в Фенилию, там, где мечты разбиваются о рифы реальности. Не хочу об этом думать... хочу читать дальше. Через две страницы – снова.

Быть не может! Такого не может быть!!! Но это правда. Мне позвонила Эле – рассказала все. Я поехала, чтобы убедиться, что это правда. В таких случаях я никому не доверяю. Но так оно и есть. Там, наверху, суперпослание!

Я И ТЫ... ТРИМЕТРА НАД НЕБОМ! То есть, если человек пишет такие слова, сомнений быть не может. Джервази, ну и задница же ты, поганая гадюка!

И еще, и еще...

Они были на вечере, где и я была – невообразимо! Они оделись в Тома и Джерри. О Боже. Как же мне плохо...

И еще...

Его друг Полло погиб. Я была в церкви. Мне так хотелось обнять его. Я молилась за него, за его любовь. Но в этот момент ему нужна она, а не я.

Я молча продолжаю плотать куски моей жизни, разбросанные по этим страницам. Они проступают сквозь ее почерк, ее отметки, сделанные цветными маркерами, подчеркнутые фразы.

Они расстались! Я узнала, что они расстались! Мне сказала это Сильвия (все зовут ее Сливала, потому что она все про всех знает и с радостью делится

информацией). Это правда! Мне жаль... знаю, что я некрасиво поступаю. Но я так счастлива – до безобразия! До безумия! Я хочу сделать тебя счастливым, Стэп. Хочу, чтобы ты почувствовал себя любимым... Прошу тебя, дай мне такую возможность...

И еще. И еще.

Рождество. Я отправилась к его дому, то есть туда, где он теперь живет у брата. Я видела, как он отъехал на мотоцикле, сзади сидел его брат, Паоло. Они обнимались и смеялись. Хорошо, я рада. Мне кажется, ему уже лучше. Если ты действительно любишь человека, нужно думать о том, чтобы ему было хорошо, о том, что его делает по-настоящему счастливым. Ты не должна быть эгоисткой... (Мамочки, я становлюсь занудой.) Короче, я видела, как он несся с обалденным плавником на спине – братом, орущим как недорезанный! Он меня здорово насмешил. Я вернулась домой. Распаковала подарок родителей. Они мне подарили офигенную пижаму! Стэп, когда ты ее увидишь, пальчики оближешь! (Что это я пишу такое?) Потом я легла спать, обняв подушку. Я ее поцеловала, представляя, что это Стэп. Как же ты мне нравишься! Я заснула и видела сон... это и есть мое желание. Я встречу тебя рано или поздно...

И еще. Еще. Я быстро пробегаю взглядом страницы, состоящие из веселых моментов и фрагментов жизни, касающихся только ее. Так. Вот снова обо мне.

Мне плохо. Очень плохо. Я узнала, что он уезжает. Уезжает за границу. Черт, должно быть, история была серьезная, раз он принял такое решение. Мне вспоминается одна фраза, которую мне говорила мама, чудесная фраза: «Можно поменять небо над головой, но невозможно поменять сердце». Поможет ли ему отъезд? Я знаю только, что буду тебя ждать, Стэп...

Это правда. Поменять небо – это не всегда помогает. То, с чем тебе надо справиться, находится внутри тебя, независимо от того, где находишься ты. И еще. Еще.

Меня это начинает утомлять: никто ничего не знает о Стэпе! Блин, да как же так? Я приняла решение: хочу познакомиться с его матерью. Она-то уж точно что-нибудь знает!

И еще. Еще. Перелистываю несколько страниц.

У меня получилось. Я познакомилась с ней «случайно» в супермаркете. Может быть, она это поняла... (надеюсь, впрочем, что нет!) Мы долго говорили... она мне нравится. Такое ощущение, что у нее самой какие-то проблемы, она печальная, хотя со мной очень любезно разговаривала, это классно... Она очень красивая, это точно. Совсем как сын!

Мама заметила. От нее ничто не может скрыться. И еще. Еще.

Я счастлива. Мы с ней подружились. Она мне кое-что рассказала о Стэпе. Мне кажется, я знаю его всю жизнь. Это именно тот человек, которого я бы так хотела встретить! Я безумно счастлива: она сказала, что на следующей неделе он возвращается!

И еще. Еще.

Вот блин! Я все перепутала... Я приехала в половину девятого утра... Я не поняла, что он прилетает в полдевятого вечера! Надо же говорить: восемь

тридцать и двадцать тридцать. Но разве будешь вдаваться в такие детали, если речь идет о возвращении Стэпа!!! Я поехала в аэропорт и ждала его двенадцать часов. И ничего себе не позволила! То есть в какой-то момент Стэп обернулся, но я резко спряталась за колонной, может, он меня и видел! Черт, он почувствовал, что кто-то на него смотрит! У него что, глаза на затылке есть?.. И все же он очень симпатичный. Похудел. Вырос. Он...

Вот дела. Она даже в аэропорт приехала. И еще. Еще.

Сегодня вечером я его прихвачу. Я уже придумала прекрасный план. Днем заехала к нему в гараж. Открыла крышечку бака (Паоло прекрасно мне все объяснил! Паоло молодчина!!!), и так – он останется без бензина. Как бы там ни было, ему придется заправиться. Я слышала в спортзале, что он собирается делать, значит, у него два варианта: остановиться на заправке на Фламинии или на корсо Франча. Но после спортзала хочется сразу прокатиться... меня это устраивает. Ему захочется погонять, такие как он, очень любят пролететь с ветерком на мотоцикле... Ладно, на всякий случай заблокирую замком колонки на обеих заправках самообслуживания. Какая мне разница! Я подожду его на Фламинии, если увижу, что его там нет, вернусь назад на корсо Франча. Идеальный план... Такой упрямец как он, ни за что не даст себя опустить... не столько из-за денег, сколько из принципа! Человек, привыкший надуть... не позволит надуть себя!

Невозможно поверить. Переворачиваю страницу. И еще. Еще.

У меня все получилось! Ура, ура, ура! Вернувшись домой, я сделала как Джулия Робертс в «Красотке»: крутанула сжатым кулаком у себя перед лицом, чтобы отпраздновать удавшийся план. Я познакомилась с ним! Молодчина, Джин! Минута – и я уже лежала на багажнике с разбитой физией. Пфу пфу! Ну я и попала! Я знала, что он спрятался, но что я могла поделаться? Мне нужно было притвориться, что я попалась, а попался-то он! И по-черному!!! Я ждала его два года и еще двенадцать часов в аэропорту. Адская работа. Но я уверена, что это стоило того. Я уверена, что все пойдет как по маслу, как во сне.

18 сентября.

Вааау! Все прошло отлично, да что там отлично, – превосходно!!! Я прошла пробы на телевидении, где работает он. Обалдеть! Я сделала это! Даже не ожидала. Но самое интересное, что и Эле прошла! Это она-то, которая ни разу в жизни не прошла ни одну пробу. Стэп... Может, он приносит удачу? В одном я уверена: я буду видеть его каждый день. Все это в высшей степени справедливо... слишком клево. Слишком классно. В общем, иногда есть справедливость в этом мире! Я все еще не верю... короче, вот для тебя мое стихотворение!

Стэп, я всегда тебя хотела.

Я мечтала об этом во сне и наяву.

Я так тебя хочу.

Я так тебя хочу, что представляю это себе,

С дикой силой – оттого, что пока не знаю как это делается.

Я тебя хочу.

Мечтаю о поцелуе, которого пока тебе не позволила.

Я тебя хочу.

Мечтаю о любви, которой еще ни разу не было в моей жизни.

Я тебя хочу, хотя еще ни разу тебя не поцеловала.

Я хочу тебя, всего тебя. Твои неудачи, твои успехи, твои ошибки, твои печали, твои сомнения, мысли, которые были у тебя в голове и которые, я надеюсь, ты забыл, мысли, о которых ты еще ничего не знаешь.

Я тебя хочу.

Я так хочу тебя, что мне всего мало.

Я тебя хочу, и даже сама не знаю, почему...

Уффф. Я ТЕБЯ ХОЧУ.

Вдруг я слышу как хлопнула дверь. Резко оборачиваюсь. На пороге комнаты стоит Джин. За ней маячит Паоло.

– Извини, Стэп, ее невозможно было остановить. Она влетела в дом как ракета и...

Я поднимаю руку. Паоло понимает. И замолкает. Ничего больше не говорит. Так и стоит тупо на пороге. Джин входит в комнату. Она смотрит на меня, но при этом как бы и сквозь меня. Ее взгляд скользит мимо, как будто она что-то ищет. Тайна ее любви раскрыта. И даже больше... Глаза у нее грустные. Заплаканные. В них нет ни тени улыбки. Такие красивые. У меня сжимается сердце. Потому что от нее исходит свет, который мне так хорошо знаком. Я вижу все, что я пережил, через что прошел, что безвозвратно потеряно.

– Джин... я...

– Ш-ш-ш, – она подносит палец ко рту, как маленькая девочка. Закрывает глаза и мотает головой. – Не говори ничего, прошу тебя... – она берет дневники. Пересчитывает и кладет в сумку. И выходит, не говоря ни слова, ни разу не обернувшись.

79

Церковь. Гроб. Кругом сотни людей. Одни стоят, другие сидят, третьи прислоняются к маленьким старинным колоннам, потемневшим от времени, от горечи выслушанных молитв, нижайших просьб, пережитых страданий. А теперь еще и моя боль прибавилась. Здесь. Сейчас. Боль от того, что я не сумел стать действующим лицом своей собственной жизни, от того, что я только зря потратил время... и на что? На то, чтобы судить. Я судил маму. Никак не могу понять, как тогда-то я этого не понимал? Внезапно до меня доходит, что все у меня было в руках, но из рук выскользнуло. Кем же я был ослеплен, отчего я впал в такую слепую ярость? И только сейчас я осознал, как же я был неправ. В своей примитивной роли. От меня ведь ничего не требовалось, ничего, кроме молчания. Не реагировать. У меня ведь ни положения особого не было, ни права, ни разрешения, и вообще... Ничего. Ничего, что бы могло мне дать это право. Прощать. А кто я такой, чтобы прощать? Кто мы такие, чтобы прощать, почему это мы облачаем себя такими полномочиями? И вот именно я, такой упрямый эгоист и слепец, пожелал быть судьей. Без всякого на то права, не имея никаких заслуг, вообще – ничего. Какая самонадеянность. Откуда она взялась: из морали самой отстойной буржуазии? И что еще хуже: я не только присвоил себе это право – прощать, но и не знал даже, как это делается. Не прощать. Вот. И теперь я пришел в эту церковь. Я молчу. Мне ужасно плохо. Нет ничего хуже, чем понимать, что твоя жизнь протекла сквозь пальцы как простой песок, который, как ты думал, принадлежит тебе, а на самом деле он тебе больше не принадлежит. Как будто бы ты стоишь крепко на ногах, и вдруг дует ветер, и ты его раб, и он за тебя все решает. У меня в руках больше ничего нет, ничего не осталось. И мне стыдно. Оглядываюсь по сторонам. Отец, брат, их подруги. Даже Паллина, Луконе, Балестри и другие мои друзья. Кого-то нет... А кто-то, наоборот, пришел без всякого приглашения. Но мне не хочется ни о чем думать. О том, что надо делать дальше, о формальностях о правильном выражении лица, потому что никому никогда не хватает смелости быть до конца естественным, потому что никто не знает, что нас ожидает. Нет. Не хочу об этом думать. Не сегодня. Тем более, что вокруг – столько людей, чьих имен я даже не знаю. Далекие родственники, двоюродные братья и сестры, дяди, тети, друзья семьи, люди, что смотрят с выцветших фотографий, слабые воспоминания семейных праздников, прошлых встреч, более или менее радостных улыбок и поцелуев сам не знаю из какого далекого прошлого. Священник прочел отрывок из Евангелия.

Теперь он что-то говорит. Пытается объяснить мне, насколько все, что сейчас происходит, благотворно для нас. И для меня. Но я не могу его слушать. Нет. Не получается. Моя боль слишком сильна. Я не могу думать, понимать, соглашаться... Как все это может быть благотворным для меня? Как, каким образом, по какой такой причине? Он произнес что-то, рассказал историю, пообещал мне что-то... но так и не сумел меня убедить. Нет. Только в одном я уверен. Моей мамы больше нет. Только это мне понятно. И этого мне достаточно. Вернее, мне этого недостаточно... Мама, я скучаю по тебе. Мне так не хватает времени, чтобы вернуться в прошлое, чтобы суметь сказать тебе то, что я понял. И я говорю это сейчас, про себя. Но ты меня слышишь. Играет орган. И из глубины церкви выходит Джин. Она одета в темное, идет молча. Проходит вдоль арок, ее почти никто не замечает. Кроме меня. Потом осторожно прислоняет к алтарю венок из цветов и смотрит на меня. Издали. Молча. Ее лицо ничего не выражает. Ни улыбки, ни упрека. Ничего. Ничего не выражающий взгляд. Она выше всего, она способна не смешивать боль и сострадание с чем-то другим. Последний взгляд. И она возвращается в глубину церкви. Некоторое время спустя все заканчивается. Я ищу ее у выхода, но ее уже не видно. Я потерял ее. Навстречу мне идут люди, они обнимают меня, что-то говорят. Пожимают мне руку. Но я ничего не слышу, не понимаю... Пытаюсь улыбаться, благодарить, не плакать. Да, особенно трудно не плакать. И мне не удается. Мне не стыдно. Мама, я по тебе буду скучать. Я плачу. Навзрыд. Это выход эмоций, освобождение, это потребность снова стать маленьким и ощутить любовь, вернуться назад, не расти больше, и снова получать ее чистую любовь... Кто-то обнимает меня, держит меня за плечи, сжимает меня. Но это не ты, мама. Это не можешь быть ты. Я прислоняюсь к стене, наклоняю голову. Я прячу лицо и слезы. Как бы я хотел, чтобы не было так поздно. Прости меня, мама.

80

Несколько дней спустя. Когда испытываешь такую боль, уже нельзя понять, где ее истинный источник. Она приходит без предупреждения. Накатывается, как большая волна, накатывается на тебя сзади, опрокидывает, у тебя перехватывает дыхание, и она выбрасывает тебя на мокрый песок – на те следы твоей жизни, что казались недавно такими четкими. Но это не так. Они уже размыты. Дни напролет я провожу перед ее парадной. Вижу, как она выходит из дома, каждый день – разная. Красивая. Просто красавица. Небрежная, смущенная, элегантная, с волосами, собранными в хвост, с волосами распущенными, развевающимися на ветру, свободными, непокорными. С двумя хвостиками, в платье в цветочек, в чуть спущенном комбинезончике, в идеально сидящем костюме, в голубой блузке с опущенным воротничком и темно-синей юбке. В светлых укороченных джинсах, в рваных джинсах с яркими швами, во всех своих нарядах, полученных через «Уоох». Со всевозможными аксессуарами. Разных цветов. Каждый день – полет фантазии. И из парадной она выходит всякий раз по-разному. Но все же есть нечто, что в ней не меняется. В ее глазах, на ее лице – следы недавно перенесенного горя. Как будто чудесный сон прерывался внезапно хлопнувшей ставней.

Невнимательная жизнь задела локтем ее счастье. И виновник – я. Я не могу найти себе оправданий. Я могу лишь надеяться, что она когда-нибудь меня простит. Вот. Я вижу, как она выходит. Вижу, как проходит мимо. Садится в машину. И впервые за все эти дни, что я прячусь в тени, я делаю шаг вперед и встречаюсь с ней взглядом. Я овладеваю ее глазами. На минуту они – мои. И смущенно улыбаюсь. И начинаю говорить: объясняю, рассказываю, стараясь не отпустить ее глаз. Говорю одним взглядом. Ее глаза молча слушают меня. Мне кажется, они понимают, всерьез вслушиваются в то, что говорят мои. И это молчание, состоящее из тысячи слов, такое напряженное, прерывается. Джин опускает глаза. Словно ищет чего-то. Помощи. Улыбки. Каких-ни-будь слов, которые выразят все и будут кстати. Но ничего не находит. Ничего. И тогда она снова смотрит на меня. Чуть качает головой. На ее щеке появляется легкий намек на улыбку – тень надежды. Как будто она говорит: «Нет, не сейчас. Еще слишком рано». Во всяком случае, мне хотелось бы думать, что это именно так. И уходит прочь, устремляясь к тому, о чем мне не дано знать, – к новой жизни, ожидающей ее, к

новой мечте, однозначно лучшей, чем та, которую я у нее украл. И она права. Она достойна ее. А я остаюсь один, в полном молчании. Закуриваю. Делаю три затяжки и выбрасываю сигарету. Ничего не хочу. Но тут же понимаю, что это неправда. И вынимаю еще одну.

* * *

Далеко-далеко в том же городе. На дорогах – сильное движение, гудки, измотанные полицейские, вдоль рядов припаркованных машин ходят неопытные контролеры, выискивающие к чему бы придраться. Рина, домработница Джервази, выходит из многоквартирного дома в Стеллари. Она одаривает консьержа своей обычной улыбкой, над ее губой – чрезмерная растительность. Решительной походкой она направляется к мусорному баку – за ней тянется шлейф дешевых духов, плохо маскирующих запах усталости, скопившейся за рабочий день. Она открывает бак, сильно надавив ногой на железную перекладину. Отправляет в него четким броском навесом, не хуже любого волейболиста, мешок с мусором. Бак закрывается, крышка – как нож гильотины, опущенный рассеянным палачом. Но он закрылся не до конца – из-под крышки торчит вывернутый в рулон постер. Это увеличенная фотография парня и девочки, сидящих верхом на «вздыбленном» мотоцикле. Они слились в радостном крике того счастливого момента... той любви, растворившейся во времени. Все прошло. И теперь, как это часто случается, свидетельство былого счастья оказалось в мусоре.

Паллина выскакивает из своего подъезда. Веселая, решительная и элегантная, как никогда. Она садится в машину и, смеясь, целует сидящего за рулем парня. Ей хочется снова взять в руки поводья своей жизни.

– Ну, куда поедем?

– Куда хочешь.

Паллина смотрит на парня с улыбкой. Она решила снова броситься в омут. А этот парень кажется подходящим для этого дела человеком.

– Решай ты, можно провести вечер без всякой цели.

Деме не надо повторять дважды. Этого момента он ждал уже несколько лет. Он мягко переключает передачу и теряется в потоке машин. Делает чуть громче музыку и улыбается.

* * *

Стюардесса Ева только что приехала в Рим. Она ставит чемодан в гостиничном номере и пробует позвонить Стэпу. Ничего не получается. Его телефон выключен. Жаль, ей так хотелось снова его увидеть. Что делать. Она ненадолго задумывается, улыбается и набирает другой номер. У того, кто много путешествует, всегда есть какой-нибудь запасной номер.

* * *

Даниела сидит в своей комнате. Она только что узнала, что у нее будет мальчик. В нерешительности она перелистывает книгу с именами. Алессандро, Витторио, Джованни... Она изучает значение и происхождение каждого имени. Это должно быть необычное имя – какого-нибудь полководца, или просто странное, которое не легко забыть. Она улыбается себе самой. По крайней мере, это Даниела может решить сама. Но тут же задумывается. А вдруг имя, которое она выберет, будет то же, что и у его папаша? Застыв в нерешительности, она отбрасывает мысль о «Фабио», который показался ей неплохим вариантом. Тут нельзя ошибиться... Если бы Даниела знала, насколько эти сомнения неважны. Определенно, этот ребенок никогда не узнает имени своего отца.

* * *

Баби дома. Она проверяет имена приглашенных. Ох, мама, ты добавила еще и Пентези, которых я на дух не выношу, и тех кузенов, что мы никогда в жизни не видели. В этом вся мама – таковы ее правила. И тут Баби приходит мысль. Сначала она кажется ей дурацкой, но постепенно эта идея начинает ей нравиться. Да, это великолепная идея. Пригласить Стэпа на

свою свадьбу. Это было бы прикольно. Баби даже не отдает себе отчет, насколько она похожа на мать. Нет. Она много хуже.

* * *

Две женщины оглядываются по сторонам. Они хотят убедиться, что рядом никого нет. Теперь они, наконец, спокойно могут посплетничать от души.

– Уверяю тебя. Я видела его с молодой, очень загорелой девушкой...

– Быть не может... Ты собственными глазами видела?

– Нет, но это видел человек, которому я абсолютно верю.

– Думаю, я догадываюсь, кто тебе это сказал. Мне он тоже это рассказывал, но просил, чтобы я никому не говорила. Так или иначе, она вовсе не загорелая, она цветная! Бразильянка!

– Серьезно? Странно, от него я такого не ожидала.

– Почему это? Раффаэлла просто невыносима!

Женщины смеются. Но потом раскаиваются в своем смехе. Может быть, спрашивают себя: а мы, какие мы по отношению к нашим мужьям? В конце концов, они чувствуют себя виноватыми, потому что так и не смогли ответить на этот вопрос. Может быть, не так уж они от нее отличаются. Раффаэлла сидит в глубине зала. Женщины смотрят на нее. Она встречается с ними взглядом и улыбается издали. Они тоже улыбаются, две неловкие сплетницы. И снова оглядываются по сторонам. Никто не услышал? Не понял, что мы говорили о ней? И остаются наедине со своими сомнениями. А Раффаэлла и вовсе о них не думает. Все свое внимание она сосредоточила на даме, сидящей напротив.

– Ну вот... Закрываю и второй ряд. Смотри... у меня буракко!

И Раффаэлла начинает быстро считать очки, не тратя времени на бессмысленную болтовню.

* * *

– Но там не было арбитра!

Клаудио вскакивает, и его солнцезащитный козырек чуть не падает ему на глаза, настолько он полон эмоций. Он поправляет козырек и снова садится рядом с Франческой.

– Ты же видела, Фра... его же не было, так ведь?

Она кивает. Хотя ничего не понимает в футболе.

– Что поделаешь, так всегда! Они хотят, чтобы выиграл «Аньен», этим здесь обычно и кончается! Это потому что у них больше болельщиков.

Клаудио, довольный своей гениальной догадкой, обнимает Франческу и целует ее в губы, наплевав на всех, кто мог бы увидеть его, кто мог бы осудить его... кто мог бы сказать: «Да ты что, она же на двадцать лет тебя моложе!». Тут Клаудио, продолжая следить за матчем, замечает, что неподалеку сидит Филиппо Аккадо с женой. Они слышали, как он кричал, и теперь с интересом смотрят на него. Клаудио здоровается с ними и нарочито широко улыбается.

– Привет, Филиппо. Привет, Марина.

И он обнимает Франческу, желая открыто показать всем, какой прекрасный выбор он сделал. Именно потому, что она, если быть точными, моложе его на двадцать четыре года.

Чета Аккадо кивает в ответ на его улыбку. Они озабочены мыслью, что стали невольными свидетелями того, что до сих пор для них было просто сплетней. Клаудио знает об этом. И он счастлив, что придал сплетне статус факта. Он смотрит на Франческу. Она красивая, нежная, смуглая и, главное, молодая... а не зануда какая-нибудь! Клаудио улыбается ей.

– Конечно, если бы меня звали Паоло... мы бы стали с тобой Паоло и Франческой третьего тысячелетия!

Франческа, которая ничего не понимает в футболе, снова кивает. Клаудио понимает, что немного преувеличил. Чтобы еще раз подтвердить правильность своего выбора, он вынимает сигарету. Он уже собирается закурить, но на этот раз Франческе есть что сказать.

– Клаудио, но ты уже только что одну выкурил...

– Ты права, дорогая.

Он кладет сигарету обратно в пачку и снова переводит внимание на поле. Краем глаза при этом еще раз незаметно смотрит на Франческу. Она жует резинку, широко раскрывая рот и напевает какую-то странную бразильскую песенку. Взгляд ее немного затуманен, мысли витают где-то далеко. Правильно ли я сделал? Это именно то, чего я хотел? На минуту Клаудио запаниковал. Ну... Да, думаю да. По крайней мере, на данный момент это так. Потом размышляет о своем решении. О своем побеге недельной давности. Ведь, именно Франческа стала причиной его поступка. Да, она – та женщина, которую он ждал. Он ее должник. Это ее заслуга, что голубой «BMW Z4» стоит на парковке рядом со стадионом. И Клаудио погружается в игру, чувствуя подъем и счастливое вдохновение.

– Давайте, ребята! Сравняйте счет! Влепите им классный гол!

Клаудио не знает, что именно в этот момент некий чернокожий из Гарбателлы⁶⁵ угоняет его «BMW Z4». С помощью ножичка ценой в один евро он прихватил сорок две тысячи евро... Одним евро больше, одним евро меньше...

* * *

Паоло с отцом решили пойти в китайский ресторанчик на виа Валадье. Выходящие оттуда посетители воняют жареным маслом. Они садятся за столик. Смеются и шутят в компании своих подруг. Заказали кучу еды. Начиная с жареных водорослей и кисло-сладкой свинины и кончая традиционными яичными рулетами и пекинской уткой. Они взяли акулий суп, хрустящую говядину, паровые и жареные равиоли. Они попробовали все. Все соусы с этого странного вращающегося блюда, которое китайцы ставят в центр стола, чтобы ты мог почувствовать себя настоящим восточным человеком. Но когда тебе приносят счет, даже если он на китайском языке, и лишь внизу есть разборчивая строчка, указывающая сколько стоит заплатить, ты понимаешь, что для хозяев ты всегда остаешься западным человеком. Паоло и отец вырывают друг у друга счет. Китайцы стоят рядом. Они улыбаются: их забавляет это зрелище. Они не переживают... После этой обычной для них смешной пантомимы один из клиентов оплатит счет.

* * *

Мартина и Томас сидят на ступеньках подъезда многоквартирного дома. Они едят кусок пиццы. Красной.

– Вкуснятина... Где ты купила?

– Здесь рядом. Тебе нравится?

– Очень.

– Знаешь, я давно хотела тебя ею угостить, но не знала, понравится ли тебе.

– Конечно, нравится! Значит, завтра я ее покупаю, и мы с тобой устроим здесь полдник. Так классно сидеть тут на ступеньках. Как тебе идея?

– Отлично.

И тут Томас, вытерев рот майкой, решает рассказать Мартине о том происшествии.

– Знаешь, Марти, несколько дней назад со мной случилась странная вещь.

– Что?

– Я ждал Марко, он должен был принести мне мяч. И тут вдруг рядом со мной остановился какой-то тип на синей «Хонде». Взрослый такой, лет двадцати. Он слез с мотоцикла, врезал мне по физиономии и знаешь, что сказал?

– Что?!

– Бросай Микелу. Потом снова сел на мотоцикл и уехал. Прикинь? У Микелы – двадцатилетний парень.

По лицу Мартины пробегает быстрая улыбка. Не может быть. Стэп. Он просто сумасшедший. Такие нечасто встречаются в жизни. Но если встречаются, это просто счастье ка-

65 Римский район Гарбателла строился во времена Муссолини специально для римского пролетариата.

кое-то.

Томас все не может успокоиться.

– Знаешь, на кого он был похож? Помнишь того типа, с которым ты недавно разговаривала? Ну, когда я сидел на цепях и поздоровался с тобой, а вы тут разговаривали рядом с киоском? Поняла, кто это?

– Да, я поняла, о ком ты говоришь. Но ты ошибаешься. Это не какой-то там тип. И, прости меня, такой, как он, с Микелой никогда не будет. С Микелой могут быть только такие, как ты.

– Я? Да ты с ума сошла! Меня она интересуется только потому, что зажала мой диск «Simple Plan», знаешь, «Still Not Getting Any»? Я дал его ей месяц назад. Но когда я сказал ей: «Что, обещанного три года ждут?» – она решила, что можно три года не отдавать!

Мартина улыбается. Не столько из-за этой не очень удачной шутки, сколько от того, что начинает понимать, как в действительности обстояли дела.

– Короче, если это и есть тот тип, скажи ему, что мне Микела по фигу.

– А, боишься его...

– Да ничего я не боюсь! Встречу его еще раз, отделаю как черепаху. Ну, не сейчас, а через несколько лет. Обещаю тебе: я буду ходить в спортзал. Нет, даже лучше: я запишусь на армрестлинг, я хочу стать как Джон Сина, может, и песню рэп сочиню. Это классный мэн, знаешь его?

– Нет.

– Да ты никого не знаешь!

Томас пожимает плечами и откусывает еще один кусок пиццы.

– М-м-м, какая вкусная...

Он тоже улыбается, окончательно позабыв о том неприятном случае. И правильно делает. Мы всему на свете ищем объяснения. Теряем столько времени, пытаюсь понять, почему и как. Но иногда причин просто нет. И, как это ни печально, это и есть объяснение. Томас разговаривает с Мартиной, они шутят и смеются. Смотрят друг на друга. Она-так же как всегда. Он – как, пожалуй, никогда раньше не смотрел. Может быть, потому, что Мартина успокоила его насчет этой пощечины. А может, просто потому, что эта девчонка не такая уж и плохая. Он и сам не знает. Да и неважно. Пицца заканчивается. Но начинается нечто другое.

* * *

Немного дальше. В другом месте. В том, куда, так или иначе, попадут все. Без свидетельств о собственности, первичных взносов или подарочных сертификатов. В том месте, где все мы хозяева. И где не проводятся собрания жильцов, нет надоедливого председателя или шумного соседа. В этом месте важно не то, сколько ты зарабатываешь, а то, сколько ты можешь дать. Кладбище. В тиши этих ухоженных площадок – столько имен и фотографий, но сколь немного они могут рассказать обо всех этих жизнях. Но эти лица, улыбки и та боль, которую испытывают те, кто сюда приходит, раскрывают на миг красоту их душ и добавляют печали. Вот. Теперь Полло не один. Отныне рядом с ним будет еще один кусочек жизни Стэпа. Его мама. У обоих – чудесные цветы, еще полные жизни и любви. Той любви, которую Стэп так и не сумел им выразить, которая навсегда останется у него в сердце. И в каждодневной тишине, в отдаленном эхе продолжающейся музыки жизни, друг и мама разговаривают. О нем. Обо всем, что было в жизни, о том, о чем правила этой самой жизни не позволяли говорить. Все те слова, что никогда не были произнесены, сейчас готовы сорваться с губ. Потому что любовь невозможно потерять.

* * *

Когда я сажусь на мотоцикл, солнце уже почти зашло. И в эту минуту я вижу, что Джин возвращается. Она сидит за рулем, такая же, какой была раньше. Наклоняется в сторону поворота, напевает песенку, которую слушает. Кто знает, какую. И вид у нее снова веселый. Как раньше. Как тогда, когда я оставил ее. Она красива – благодаря своей улыбке, своей жизни, своим мечтам, не знающим границ. Она свободна. Свободна от всего, что ей не интерес-

но. И я уезжаю. И вижу ее удивленную улыбку. И я счастлив. Как давно не был... Я виноват только в этой надписи. Огромной. Она тянется по всему зданию, что напротив ее дома. Великолепная надпись, честная, настоящая. У меня нет угрызений совести, стыда, у меня нет больше прошлого. У меня есть только огромное желание начать все сначала. Быть счастливым. С тобой, Джин. Да, я совершенно уверен. Да, это так. Видишь, я написал. Я хочу тебя.

МОИ БЛАГОДАРНОСТИ

Я благодарю всех, кто так или иначе, а некоторые даже не подозревая об этом, подтолкнули меня к написанию этой книги. Жизнь тем и хороша, что зависит не только от тебя. В отличие от книги.

Я благодарю тех, кто серьезно помог мне.

Спасибо Джулии за ее прекрасные советы. И за те чудесные мгновения, которые она мне подарила. Я разбросал их на страницах этой книги, чтобы они не были забыты.

Спасибо Риккардо Тоцци и его племяннице Маргерите, Франческе Лонгарди и всей семье Каттлия, потому что без них эта моя вторая книга никогда бы не появилась на свет.

Спасибо Кеду (Кили Даусту)! За его энтузиазм, за то удовольствие, которое я получил, слушая его воспоминания, – сравнивая их с моими собственными, я обогатился массой бесценных мелочей.

Спасибо Инге и Карло Фельтринелли, а также всем друзьям, «материально» помогавшим мне распространить мою книгу по всей Италии.

Спасибо Мадди, которая, редактируя этот текст, многому научила меня и так веселилась, изучая «римское арго».

Спасибо Джулии Мальдифасси, Валерии Пагани и всем сотрудниками издательства, которые помогли мне в поездках по Италии, благодаря которым я узнал страну!

Спасибо Альберто Ролло, который строго, но всегда доброжелательно указывал мне на некоторые стилистические недочеты – я, естественно, всегда прислушивался к его советам.

Спасибо Будоканцам, моим настоящим друзьям, которые живут не только на страницах книги, но и в моей памяти.

Спасибо всем моим родственникам, которые поддерживали меня и столько времени провели со мной на «диване размышлений».

Спасибо Карл-Антонио, моему великодушному вдохновителю!

Спасибо моему «брату» Миммо. Когда я читал ему написанное, он закрывал глаза. Потом улыбался, кивал и говорил: «Да, это годится». Он и на море говорит так же, когда оценивает течение и направление ветра.

Спасибо Люси и ее печени, которое так мне нравится.

И, наконец, должен сказать, что многое в этой работе мне подсказал мой друг Джузеппе. Он всегда рядом, слушает меня и подкалывает. Признаюсь – очень часто он оказывается прав. Итак, спасибо тебе тоже.